

НОУ ВПО МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

О.А. Гулевич

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Учебное пособие

*Рекомендовано Редакционно-издательским советом
Российской академии образования к использованию
в качестве учебно-методического пособия*

Москва 2009

УДК 159.9

ББК 88.4

Г 94

Главный редактор:

Д.И.Фельдштейн

Заместитель главного редактора:

С.К.Бондырева

Члены редакционной коллегии:

Ш. А. Амонашвили

А. Г. Асмолов

В. А. Болотов

А. А. Деркач

А. И. Донцов

И. В. Дубровина

В. П. Зинченко

В. Г. Костомаров

А. А. Кузнецов

Н. Н. Малофеев

В. Л. Матросов

Н. Д. Никандров

В. В. Рубцов

М. В. Рыжаков

Э. В. Сайко

Рецензенты:

О.В.Соловьева — кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной психологии психологического
факультета МГУ им.М.В.Ломоносова

Л.М.Карнозова — кандидат психологических наук,
сотрудник Института государства и права РАН

О.А. Гулевич

Г94 Психологические основы юриспруденции: учебное пособие
/ О.А. Гулевич — М.: НОУ ВПО Московский психолого-со-
циальный институт, 2009. — 512 с.

ISBN 978-5-9770-0476-3 (НОУ ВПО МПСИ)

В данном учебном пособии проанализированы основ-
ные вопросы, изучающиеся в рамках области «психология
и право». Психология и право — междисциплинарная область
исследования, получающая в последнее время все более ши-
рокое распространение. Она соединяет в себе новейшие
достижения социальной и общей психологии, социологии
и криминологии. В рамках этой области изучаются законо-
мерности восприятия и поведения людей, обусловленные
их включенностью в правовые отношения, психологическая
последовательность развития правовых ситуаций, особенно-
сти их участников.

УДК 159.9

ББК 88.4

ISBN 978-5-9770-0476-3 (НОУ ВПО МПСИ) © О.А. Гулевич, 2009

© НОУ ВПО Московский

психолого-социальный институт, 2009

© Оформление ООО «Гамма Цвета», 2009

Введение

Изучение психологических феноменов, возникающих при столкновении людей с законом и последствиями его применения, началось в XIX веке с поиска причин преступности, определения надежности свидетельских показаний, формирования основ судебно-психологической экспертизы и исследования факторов, оказывающих влияние на решение присяжных заседателей.

В настоящее время основными направлениями изучения психолого-правовых феноменов являются:

- исследование правосознания и правовой социализации;
- криминальная психология — поиск причин преступности и факторов, оказывающих влияние на понижение/повышение ее уровня;
- профилактика преступности;
- поиск факторов, оказывающих влияние на точность показаний свидетелей;
- исследование факторов, оказывающих влияние на решение присяжных заседателей;
- анализ эффективности коммуникативных стратегий, применяемых в зале суда адвокатом и прокурором.

В основе изучения всех перечисленных областей лежат причины теоретического и прикладного порядка. С одной стороны, на примере правовых явлений демонстрируют обще- и социально-психологические феномены. С другой, — их исследование представляет практический интерес. Например, в основе изучения точности показаний свидетелей лежит желание создать условия для ее повышения.

Существует четыре основных **типа исследований** психоло-

гических аспектов правовых явлений: описательные, корреляционные, экспериментальные и квазиэкспериментальные. Целью *описательных исследований* является изучение содержания и структуры феномена. К таким исследованиям относится, например, изучение содержания правосознания, уровня стресса присяжных, приемов убеждающей коммуникации, используемых адвокатом и прокурором. Цель *корреляционных исследований* — установление связи между двумя или большим количеством явлений. Это достигается измерением этих явлений и определением корреляционной связи между ними. К такому типу относится большинство исследований, посвященных причинам преступности. Целью *экспериментальных исследований* является установление причинно-следственной связи между явлениями. Авторы таких исследований делят респондентов на несколько экспериментальных групп, оказывают на них разное воздействие и фиксируют результаты. Если результаты членов групп, подвергшихся разному воздействию, различаются между собой, это говорит о наличии причинно-следственной связи. К такому типу относится подавляющее большинство исследований, посвященных правовой социализации, психологическим аспектам профилактики преступности, точности показаний свидетелей, факторам, оказывающим влияние на решение присяжных. Цель и структура *квазиэкспериментальных исследований* подобна цели и структуре экспериментальных. Основным отличием квазиэкспериментальных исследований является невозможность случайного отбора респондентов и их распределения по экспериментальным группам или невозможность контролировать воздействие. В первом случае мы имеем дело с уже готовыми группами и не можем распределить участников по разным экспериментальным условиям путем случайного отбора, а во втором воздействие оказывается помимо воли исследователя, который однако имеет возможность зафиксировать его результат.

Для изучения психологических аспектов правовых явлений используются традиционные психологические **методы**: наблюдение, опросы, тесты, контент-анализ. Каждый из этих

методов может использоваться в рамках описательного, корреляционного и экспериментального исследования.

Наблюдение – непосредственная регистрация поведения. С помощью наблюдения исследователи получают информацию о поведении людей в определенных ситуациях. Как правило, наблюдение проводится с помощью схемы. В эту схему заносятся отдельные поступки, которые интересуют исследователей – индикаторы наблюдения. Наблюдая за поведением респондентов, исследователь отмечает появление индикаторов, а потом подсчитывает, как часто они встречались.

Опросы позволяют получить информацию об относительно изменчивых и хорошо осознаваемых особенностях людей – представлениях, эмоциях, намерениях и мотивах поведения. Опросы бывают устные (интервью) и письменные (анкетирование), а также индивидуальные и групповые. В ходе опросов респондентам задается ряд вопросов, а их ответы фиксируются. Опросники часто создаются «под задачу», т. е. отвечают целям конкретного исследования.

Тесты предназначены для определения относительно стабильных индивидуальных особенностей людей – личностных черт, способностей, эмоционального состояния. В отличие от опросов их создание требует участия большого количества респондентов, но потом они могут использоваться в разных исследованиях.

Контент-анализ – качественно-количественный анализ документов. С его помощью изучаются представления о правовых явлениях авторов документов – например, сочинений, написанных правонарушителями, статей в средствах массовой коммуникации, посвященных преступлениям или работникам суда т. д. Как и в случае наблюдения исследователь выделяет основные измерения интересующих его представлений (например, компетентность или честность сотрудников суда и т. д.), а также индикаторы – слова или предложения, появление которых в документе фиксируется (например, для категории «компетентность» индикаторами могут быть «умный», «образованный», «компетентный» и т. д.). Кроме того, контент-анализ привлекается для обработки результатов, полученных с помощью интервью.

Ниже мы рассмотрим, как эти методы и созданные на их основе методики (конкретные процедуры исследования) используются для изучения феноменов, описанных в этой книге: правосознания, атрибуции ответственности и представлений о справедливости, причин и профилактики преступности, факторов, оказывающих влияние на точность показаний свидетелей и решение присяжных заседателей, психологических аспектов судебной коммуникации.

Для изучения **правосознания** используются в основном *методы опроса* (анкетирование и интервью), а исследования чаще всего носят корреляционный или описательный характер. Существует несколько основных методик постановки вопросов.

1. *Открытый вопрос* – вопрос без вариантов ответа.

2. *Закрытый* (с определенным количеством вариантов ответа) и *полузакрытый* (с вариантами ответа и графой «другое») вопросы.

3. *Проективная ситуация* включает в себя описание события, прочитав которое респонденты должны придумать его окончание, оценить его участников или ответить на другие поставленные вопросы. Примером применения проективных ситуаций для изучения знания закона служит следующее описание:

«Николай и Андрей на танцах поссорились. Николай решил отомстить Андрею и после окончания танцев около клуба его избил, причинив тяжкие телесные повреждения. Во время следствия Николай и его родственники уговорили потерпевшего простить Николая и подать заявление о том, чтобы дело прекратили. Андрей такое заявление подал. Как Вы считаете, должны ли в этом случае прекратить дело? Да/нет».

В данной формулировке проективная ситуация рассчитана на выявление знания респондентами условий возбуждения и прекращения уголовных дел. В зависимости от целей исследования она может включать в себя вопросы о том, почему Николай выбрал именно этот способ мести, как отреагировали на происшедшее его друзья, как дальше развивались события и т. д. (*Пристанская, Юцкова, 1990*).

4. *Ассоциации*. Для изучения правосознания применяются различные ассоциативные методики, например, спонтан-

ные и выборочные ассоциации (*Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996*). При использовании методики «спонтанных ассоциаций» респондент называет слово или словосочетание, ассоциативно связанное с одним из ключевых слов, среди которых, например, могут быть: слова, относящиеся только к сфере закона (право, судья, закон, преступление, суд); термины, входящие как в правовой, так и в политический лексикон (милиционер, мэр, гражданин); слова, принадлежность которых к сфере закона неочевидна для респондентов (ответственность, свобода, вина).

При использовании методики «выборочных ассоциаций» респондент соотносит термины из одной группы слов с одним, несколькими или всеми терминами из других выделенных исследователем групп.

5. *Семантический дифференциал* включает в себя несколько объектов и ряд биполярных или униполярных шкал, по которым они оцениваются. Например, в один из опросников, предназначенных для изучения аттитудов к полиции (*Brodsky, O'Neal Smitherman, 1983*), включен семантический дифференциал, состоящий из девятнадцати семибалльных биполярных шкал, на одном из полюсов которых находятся следующие прилагательные: использующий насилие, ленивый, умный, справедливый, ответственный, незаконный, прекрасный, грубый, грязный, важный, честный, некрасивый, глупый, жестокий, трусливый, непривлекательный, вежливый, ценный, приятный, а на других их антонимы. В качестве объектов оценки в зависимости от целей исследования могут выступать работники правоохранительных органов, юристы, заключенные, тюремная охрана, Я, закон, наказание и т. д. Суть методики заключается в оценке каждого выделенного объекта по каждой из шкал.

6. *Шкала Терстоуна* состоит из ряда утверждений относительно закона, преступления и преступников, наказания, работников правоохранительных органов или суда, с которыми респондент должен согласиться или не согласиться, выбрав один из двух вариантов ответов — «да» или «нет». Все утверждения имеют разный вес: ответы на них вносят разный вклад

в принятие респондентом той точки зрения, которая интересует исследователя. Поэтому утверждениям присваиваются разные баллы. После заполнения опросника суммируются баллы тех утверждений, с которыми респондент согласился.

Составление шкалы Терстоуна предполагает ее стандартизацию и последующее неоднократное использование. Значимость утверждений определяется в ходе стандартизации. Например, при составлении шкалы Терстоуна для измерения отношения к смертной казни:

- из статей в журналах и книг было выбрано сто утверждений, касающихся отношения к смертной казни;

- они были предъявлены 15 студентам-криминологам, которые должны были, используя семибалльную шкалу, оценить каждое утверждение по благоприятности выраженного в нем отношения к смертной казни;

- из них было отобрано пятнадцать утверждений, вошедших в окончательный вариант шкалы. Вес каждого из утверждений определялся на основе оценок студентов-криминологов.

7. *Шкала Лайкерта* состоит из ряда утверждений относительно закона, преступления или преступников, наказания, работников правоохранительных органов или суда и шкалы с вариантами ответа: «Совершенно согласен», «Согласен», «Не уверен», «Не согласен», «Совершенно не согласен». Примерами таких утверждений являются: «Заклученные отличаются от большинства людей», «Только некоторые заключенные действительно опасны», «Заклученные никогда не меняются», «Большинство заключенных — жертвы обстоятельств и заслужили, чтобы им помогали», «Только некоторые психически больные пациенты опасны», «Психически больные преступники глупы», «Убийцы и сексуальные преступники должны быть навсегда изолированы от общества в больнице» (Brodsky, O'Neal Smitherman, 1983).

8. *Незаконченные предложения* имеют начало, а их конец должен дописать сам респондент. Предложения могут быть совсем короткими и указывать на объекты, отношение к которым интересует авторов исследования: «Справедливость...», «Мои юристы...», «Наши законы...», «Заклученный должен

быть...», «Свидетели...», «Наказание...», «Офицер, который арестовал меня...» (*Brodsky, O'Neal Smitherman, 1983*).

9. *Ранжирование* - первая методика, примененная для оценки серьезности преступлений. Она заключается в том, что респонденты распределяют объекты по степени выраженности у них какого-либо признака, например, разные преступления по серьезности. Методика ранжирования имеет несколько модификаций. В одном случае респондент должен расположить все объекты в порядке предпочтения, избегая присваивать двум объектам один и тот же ранг. В другом случае респондент имеет возможность оценить несколько объектов одинаково. Еще одной модификацией методики ранжирования является попарное сравнение, при котором из всех оцениваемых объектов составляются все возможные пары, а потом в каждой паре выбирается объект, у которого интересующий исследователя признак проявляется в большей степени. Именно эта методика была использована Терстоуном для оценки серьезности преступлений в 20-х годах XX века. Он выделил несколько десятков преступлений, составил из них все возможные пары, после чего просил респондентов выделить в каждой паре наиболее серьезное преступление. Выбранное преступление получало один балл. Затем респондент переходил к выбору наиболее серьезного преступления в следующей паре. В конце исследования каждое преступление набирало определенное количество баллов в зависимости от того, в скольких парах оно было выбрано как наиболее серьезное. Чем больше баллов набирало преступление, тем более серьезным, по мнению респондентов, оно являлось.

10. *Атрибуция характеристик*. Эта методика часто используется для изучения установок к преступникам, потерпевшим, судьям, работникам милиции. Она заключается в том, что респондентам показывают фотографию человека или называют его имя и спрашивают, какое преступление он совершил, какими чертами он обладает. Другая модификация подразумевает ознакомление респондента с рядом фотографий с целью выбора из них изображения вероятного преступника (*Fishman, Rattner, Weimann, 1987*).

11. *Выбор одного суждения из группы* – одна из наименее часто используемых методик. Она заключается в следующем: респонденту предъявляется ряд утверждений, из которых он должен выбрать то, с которым согласен. Если он согласен с несколькими из них, то он должен выбрать то, с которым согласен в наибольшей степени. Если он не согласен ни с одним из утверждений, то он выбирает то, с которым не согласен в наименьшей степени. Проблема заполнения данной методики состоит в том, что выбранные утверждения не являются альтернативными ответами на один и тот же вопрос. Они относятся к разным объектам и на первый взгляд никак не связаны друг с другом, например, «а. Предательство и обман – главные средства прокуроров; б. При рассмотрении уголовного дела необходимо, чтобы подсудимый занял место свидетеля; в. Слишком часто члены групп меньшинства не получают справедливого суда» (*Brodsky, O'Neal Smitherman, 1983*).

Из трех указанных утверждений респондент должен выбрать только одно. Несмотря на сложность заполнения этой методики, она имеет одно достоинство: респондент не может выбрать из предъявленных утверждений наиболее социально желательное. Поскольку содержание разных утверждений касается разных проблем, респондент не видит перед собой спектра мнений по каждой из них, что и затрудняет оценку социальной желательности каждого из утверждений. Хаотичность выбора утверждений только кажущаяся: каждое утверждение соотносится с одним из типов правосознания или личности, диагностика которых входит в задачу данной методики.

Вне зависимости от методики опросники, использующиеся при изучении правосознания, различаются по следующим параметрам (*Brodsky, O'Neal Smitherman, 1983*):

1. *Количество изучаемых объектов.* Такие опросники могут быть предназначены для изучения отношения как к одному, например полиции, так и к нескольким разным объектам (закону, судьям, юристам).

2. *Количество содержательных шкал.* Такие опросники могут включать в себя не только одну, но две и более содержательных шкал. Например, один из опросников для изучения аттитю-

дов к закону (*Brodsky, O'Neal Smitherman, 1983*) включает в себя шесть шкал: легитимность закона, необходимость закона, роль коррупции в законных решениях, доверие людям, выносящим решения именем закона, точность таких решений, правовая дискриминация социальных меньшинств. Другой аналогичный пример – опросник для изучения аттитюдов к полиции, состоящий из двух шкал: оценки компетентности полицейских и их враждебности по отношению к гражданам. Введение в опросник двух и более содержательных шкал дает возможность всестороннего изучения правосознания респондента.

3. *Измеряемый компонент аттитюда.* Некоторые опросники, созданные для исследования правосознания, рассчитаны на изучение его когнитивного компонента – знаний, представлений и оценок, а другие включают в себя вопросы, касающиеся аффективной и поведенческой составляющих. Введение в опросник шкал для измерения разных компонентов позволяет определить степень их соответствия друг другу.

4. *Предполагаемые респонденты.* Опросники, созданные для изучения правосознания, предназначаются для заполнения их законопослушными гражданами, юристами (судьями, полицейскими) или заключенными. Содержание опросников необходимо соотносить с уровнем респондентов. Например, опросник, подготовленный для юристов, должен отличаться от того, который предлагается гражданам, не имеющим юридического образования, глубиной затрагиваемой тематики и наличием специальных терминов.

5. *Предполагаемая позиция респондентов.* Некоторые опросники, созданные для изучения правосознания, рассчитаны на то, что респондент будет заполнять их не только от своего имени, но и от имени друзей и родных.

Несмотря на то, что опросы – анкетирование и интервью – основные методы, применяющиеся при изучении правосознания, они имеют ряд *ограничений*.

1. Получаемая с помощью опросов *информация* часто *ограничена предположениями исследователей*, вербальна и не отражает противоречий обыденного правосознания.

2. *Формулировка вопроса.* Ответ, который дает респондент, зависит от формулировки вопроса, от социальной желательности и эмоциональной нагруженности используемых в нем терминов. Например, исследования показали, что если в анкете термин «порнография» заменить более нейтральным словом «материалы сексуального характера», количество желающих запретить это явление упадет почти в два раза (*Wu, McCaghy, 1993*).

Аналогичное влияние оказывает не замена отдельных слов в вопросе, а изменение его формы. Так, оценка респондентами серьезности наказания зависит от количества специфических деталей, включенных в описание преступления. Люди склонны к менее серьезному наказанию преступника, если получают информацию не только о совершенном преступлении, но и о том, как он жил до его совершения, его семье и т. д. (*Covell, Howe, 1996*).

3. *Обоснованность результатов.* Исследования показывают, что люди могут давать ответы, либо не задумываясь над вопросом, либо не имея достаточных знаний или своего мнения по рассматриваемой проблеме. Так, большинство людей определенно высказывают свое мнение относительно законов, которые никогда не существовали (*Bishop, Tuchfarber, Oldendick, 1986*). Короткое время, отведенное на опрос, провоцирует респондента отвечать быстро и не задумываясь. Все это приводит к тому, что полученные ответы не отражают мнения респондентов и не могут быть использованы при прогнозировании их поведения.

4. *Устойчивость результатов.* Мнение людей относительно преступления и наказания может быть легко модифицировано. Так, человек готов пересмотреть свое мнение о необходимости смертной казни, если узнает о возможности такой меры наказания, как пожизненное заключение без возможности освобождения (*Haney, 1997*). Таким образом, результаты опроса не всегда позволяют делать широкие временные обобщения.

5. *Способ обработки данных.* Выводы, которые исследователи делают на основании полученных результатов, зави-

сят от процедуры обработки и сравнения данных. Например, сравнение оценок серьезности преступлений, полученных на выборках американских студентов и полицейских, позволило исследователям говорить об их внутри культурном подобии и, следовательно, об однородности общественного мнения. Вместе с тем некоторые исследователи (*Lesieur, Lehman, 1975*) утверждают, что подобие результатов, полученных в разных выборках, сочетается с их различием внутри каждой выборки: разные полицейские различаются в оценке серьезности преступлений больше, чем полицейские вообще отличаются от студентов. Следовательно, подобие результатов, полученных при проведении исследования на разных выборках, является слабым показателем однородности общественного мнения.

Кроме анкетирования и интервью, при изучении правосознания используется контент-анализ. Обычно его используют при изучении представлений, относящихся к области правосознания и транслирующихся с помощью средств массовой информации.

Исследования **атрибуции ответственности и вины**, как правило, носят экспериментальный характер. В них используется несколько разных методик.

Наиболее распространенной из них являются *проективные ситуации*. В данном случае респонденты читают описание преступления, включающее в себя последовательность действий преступника и жертвы, их особенности и другие обстоятельства. Разные группы респондентов читают описания, различающиеся наличием/отсутствием обстоятельств, влияющих, по мнению автора, на размер приписываемой участникам события ответственности и вины (например, наличием у преступника свободы выбора). Прочитав описание, респонденты должны оценить степень ответственности и вины за происшедшее — как преступника, так и его жертвы. Ответы, данные респондентами из разных экспериментальных групп, сравниваются между собой.

Основная проблема этой методики связана с ее ограниченной валидностью. Во-первых, использование проективных ситуаций в качестве основной или единственной методики

исследования рассчитано на респондентов с развитым воображением, которые способны представить себе как сложившуюся ситуацию, так и себя в качестве свидетеля или участника происходящего. Во-вторых, проективные ситуации включают в себя ограниченное количество информации о происходящем, тогда как респонденты, которым необходимо оценить ответственность за совершение преступления каждого из участников, часто хотят иметь более полное описание. Основным достоинством проективных ситуаций является простота их создания и использования.

Второй методикой, использующейся при изучении атрибуции ответственности и вины, является *инсценировка событий*. В этом случае респонденты не просто читают описание, а становятся свидетелями какого-либо события, например, кражи, совершенной на их глазах. Инсценировки, свидетелями которых становятся члены разных экспериментальных групп, так же как и проективные ситуации, различаются ключевыми особенностями. За инсценировкой следуют вопросы, касающиеся атрибуции ответственности и вины преступника и жертвы. С одной стороны, применение этой методики не требует от респондентов развитого воображения, с другой — ее использование требует больших усилий и времени, чем проективные ситуации.

И наконец, третьей методикой, которая применяется при изучении атрибуции ответственности и вины, является *оценка* респондентами *реальных ситуаций*, участниками которых они стали. В этом случае изучается приписывание ответственности и вины присяжными, вынесшими вердикт, преступником, жертвой или свидетелем преступления. Недостатком этих методик является невозможность контроля за опытом людей, оценивающих ответственность и вину: обстоятельства реальных преступлений различаются между собой, и, следовательно, на оценку участников могут оказывать влияние переменные, неизвестные исследователю. Поэтому такая методика чаще всего применяется в описательных исследованиях, в которых людям задают вопросы не только об атрибуции ответственности и вины, но и факторах, на основе которых они выносили свои суждения.

Изучение **норм справедливости** происходит в рамках как экспериментальных, так и корреляционных или описательных исследований. Выделяют два основных вида справедливости — дистрибутивную, связанную с распределением вознаграждения, и процедурную, касающуюся процесса вынесения решения. При изучении отношения к правовой реальности наибольшее внимание уделяется процедурной справедливости.

Существует две основных экспериментальные методики, использующихся для изучения норм, соблюдение которых повышает оценку справедливости процедуры принятия решения.

Непосредственное взаимодействие в рамках процедуры принятия решения. При использовании этой методики респонденты оказываются в положении людей, принимающих решение в рамках какой-либо процедуры. Члены разных экспериментальных групп выносят решение в рамках процедур, различающихся соблюдением/нарушением норм процедурной справедливости: например, членам одной экспериментальной группы предоставляется право голоса, а членам другой — нет. После принятия решения они оценивают степень справедливости процедуры. Показателем важности нормы является различие в оценках разных экспериментальных групп.

Оценка справедливости разных процедур принятия решения. В этом случае респонденты получают описание процесса принятия решения, но не принимают в нем непосредственного участия. Описания, которые получают члены разных экспериментальных групп, различаются соблюдением/нарушением норм процедурной справедливости. После этого все участники оценивают справедливость описанной процедуры. Показателем важности нормы также является различие в оценках разных экспериментальных групп.

В корреляционных и описательных исследованиях респондентов просят оценить процесс принятия решения в хорошо знакомой им ситуации. Как правило, оценка производится сразу по нескольким критериям, соответствующим разным нормам процедурной справедливости.

Для изучения **условий совершения преступления** используют методы наблюдения, опроса и тестирования. Результаты

законопослушных граждан сравнивают с результатами преступников. Такие исследования, как правило, носят описательный, корреляционный или квазиэкспериментальный характер. Однако на основании результатов корреляционного исследования иногда делаются причинно-следственные выводы. Это происходит в том случае, когда это исследование было проведено на основании теоретической модели, объясняющей возможную причинно-следственную связь. Например, одно из объяснений криминального поведения связано с особенностями семейного воспитания. Предполагается, что преступления совершают люди, которые были слабо привязаны к своим родителям и потому не смогли полноценно социализироваться в обществе. Естественно, что это предположение нельзя проверить экспериментальным путем из-за невозможности вмешаться в семейную жизнь. В этом случае проводится квазиэкспериментальное или корреляционное исследование, и на его основании делаются выводы о наличии причинно-следственной связи между стилем воспитания и совершением преступлений.

Исследование **эффективности профилактики преступлений** происходит в рамках экспериментальных и квазиэкспериментальных исследований, в которых сравниваются люди, принявшие и не принявшие участие в определенной профилактической процедуре: с помощью опросов, тестов и наблюдения анализируется, как изменились их представления и поведение после участия в профилактической программе.

Изучение **точности показаний свидетелей** происходит, как правило, в рамках *экспериментальных исследований*. Респонденты выступают в роли свидетелей. Они наблюдают происходящие события или слушают рассказ о них, а потом воспроизводят запомненное. Индикаторами качества свидетельских показаний является точность и полнота запоминания и воспроизведения деталей события. В рамках данной экспериментальной процедуры вводятся факторы, которые могут препятствовать точному и полному запоминанию и воспроизведению. В целях повышения валидности эксперимента его участники могут не знать, что являются испытуемыми.

Они смотрят транслирующийся по телевидению репортаж о совершающемся преступлении, а потом их просят позвонить на студию и опознать по фотографии преступника, которого они только что видели. Однако эта модификация процедуры используется относительно редко.

Основными методическими проблемами, возникающими при изучении показаний свидетелей, являются (*Bartolomey, 2001; Leippe, 1995*):

1. *Нерепрезентативность выборки.* В качестве респондентов в таких исследованиях, как правило, выступают студенты. Однако, по мнению некоторых исследователей, студенты более внимательно относятся к данным им заданиям по запоминанию и воспроизведению информации, чем остальные люди. Поэтому выявление важности какого-либо фактора на студенческих выборках, гарантирует его влияние на точность показаний большинства людей.

2. *Низкая мотивация респондентов и отсутствие эмоциональной значимости события.* Мотивацией участия в исследованиях для большинства респондентов является получение зачета по учебному курсу или помощь экспериментатору. Как правило, наблюдаемое ими событие не важно для них, не затрагивает их ценностей, не приводит к возникновению у них сильных эмоций. Изучение таких свидетелей предполагает, с одной стороны, пренебрежение повышенным вниманием, которое сопровождает личную заинтересованность свидетеля в происходящем, а с другой — неучет роли эмоционального возбуждения в восприятии и запоминании преступления. Это ограничение может быть компенсировано проведением специальных исследований для выявления роли вышеупомянутых факторов.

3. Преимущественный интерес исследователей к одному типу свидетелей — *невключенным наблюдателям*, в ущерб преступникам или потерпевшим в результате совершения преступления. Психологические исследования показывают, что роль, которую человек играет при совершении преступления, оказывает влияние на те обстоятельства, которые он запоминает в первую очередь. Однако неключенные наблюдатели — наиболее распространенный тип свидетелей, что оправдывает тот интерес, кото-

рых исследователи проявляют к этой категории людей.

4. *Особенности экспериментального материала.* Во-первых, участники экспериментов, как правило, опознают преступников по фотографиям, тогда как реальные свидетели имеют дело с живыми членами группы опознания. Однако в последние годы в экспериментальных исследованиях стали использовать и настоящие группы опознания.

Во-вторых, в целом ряде исследований, особенно с участием детей, респонденты дают показания не о преступлении, совершение которого они наблюдали, а о каком-либо другом событии – посещении зубного врача, кукольном представлении, взаимодействии со взрослым.

При изучении точности показаний свидетелей используются также *экспертные опросы (описательные исследования)*, при которых в качестве экспертов выступают прокуроры, адвокаты или судьи. Целью таких опросов является анализ мнения профессиональных юристов о важности разных факторов, оказывающих влияние на точность показаний свидетелей. Чаще всего результаты таких опросов сравниваются с экспериментальными данными.

Для изучения **факторов, влияющих на решение присяжных заседателей**, применяются такие методы, как наблюдение, анкетирование и интервью, контент-анализ, использующиеся в рамках как экспериментальных, так и неэкспериментальных исследований. Экспериментальные исследования проводятся «в лаборатории» и включают в себя имитацию судебного процесса (краткое описание основных доказательств, аудио- или видеозапись происходящего в зале суда). Описательные и корреляционные исследования проводятся «в поле» – в ходе судебных процессов с участием присяжных заседателей.

Наиболее распространенная методика экспериментального изучения факторов, влияющих на решение присяжных, получила название *ирировых коллегий (mock jury)*. Исследование, построенное с использованием этой методики, начинается с того, что респонденты, как в настоящем суде, проходят процедуру отбора, а потом знакомятся с содержанием рассматриваемого

дела. Для этого они читают описание основных доказательств и инструкцию судьи, слушают или смотрят аудио- или видеозапись всего процесса или отдельных его эпизодов. В ряде случаев присяжные даже становятся зрителями спектакля, поставленного по мотивам какого-либо дела и проходящего в зале суда. Одной из разновидностей игровых коллегий являются *теневые коллегии*, которые состоят из людей, присутствующих на реальных процессах в зале суда наряду с настоящей коллегией и видящих все то, что там происходит. Какова бы ни была процедура ознакомления с делом, в конце исследования респонденты удаляются в совещательную комнату, где выносят вердикт. Он может быть вынесен ими совместно или индивидуально в зависимости от целей исследователя.

При использовании игровых коллегий в рамках эксперимента члены экспериментальных групп получают разную информацию о деле и на ее основе выносят вердикт. В ходе эксперимента фиксируется содержание вердикта, отношение респондентов к разным участникам процесса (с помощью анкетирования и интервью), а также различные стили обсуждения вердикта (посредством наблюдения и контент-анализа речи).

Несмотря на свою распространенность, игровые коллегии имеют ряд ограничений (*Kerr, 1982*):

1. «Игровые» присяжные всегда знают, что их решение не имеет силы, то есть от него не зависит ничья судьба.

2. Суд — это параллельная реальность. Для того чтобы «ввести» в нее присяжных, используется ряд приемов, например, появление судьи в мантии или произнесение слов клятвы. В игровых процессах многие из этих факторов отсутствуют. В некоторых случаях присяжные получают только стенограмму или аудиозапись судебного процесса.

3. Во многих исследованиях респонденты выносят вердикт в одиночку, не участвуя в групповой дискуссии, тогда как в реальном судебном процессе групповая дискуссия, в которой проявляются феномены социального влияния, обязательна.

4. Время, которое респонденты получают на обсуждение вердикта, гораздо короче того, которым обладают реальные присяжные.

5. В игровых процессах в отличие от реальных для достижения экспериментального эффекта допускаются нарушения процедуры судебного заседания.

6. В исследовании респондентов часто просят ответить на вопросы, которых нет в вопросном листе, например, оценить привлекательность подсудимого или степень ответственности, которую несет за происшедшее потерпевший.

7. Ответы участников зависят от тех шкал, которые используются в исследовании. Например, в одном из канадских исследований участники получали информацию об изнасиловании, различающуюся этнической принадлежностью подсудимого и потерпевшей. После этого они выносили решение, отвечая на вопросы одного из двух типов: оценивали виновность подсудимого по 7-балльной шкале или выбирали ответ «виновен»/«невиновен». Оказалось, что, используя 7-балльную шкалу, участники оценили подсудимого как более виновного, если он был франко-говорящий канадец или представитель коренного населения, чем если он был англо-говорящим канадцем. Однако при использовании стандартных альтернатив «виновен»/«невиновен» этнические предпочтения отсутствовали (*Pfeifer, Oglloff, 2003*).

8. В игровых процессах часто принимают участие студенты. Однако исследования показывают, что студенты значительно более позитивно относятся к подсудимому, чем взрослые люди, которые имеют законное право участвовать в судебных процессах.

Кроме игровых коллегий для изучения факторов, влияющих на решение присяжных, используются *интервью*, которые проводятся с участниками реальных процессов (описательные или корреляционные исследования). В ходе этих интервью задаются, например, следующие вопросы: Что Вы думаете о судебном процессе?

Какие события или факты запомнились Вам лучше всего?

Что произвело на Вас наибольшее впечатление (свидетели, документы, поведение адвоката и прокурора)?

Что для Вас было переломным моментом в ходе процесса?

Было ли что-нибудь, что Вы хотели узнать в ходе процесса, но так и не узнали?

Кто из свидетелей запомнился Вам больше всего?

Что сказанное этим свидетелем особенно запомнилось Вам?

Каково Ваше впечатление о первом свидетеле, втором и т. д.? Достоин ли он доверия? Насколько хорошо он говорил? Что Вы хотели узнать из его показаний, но не узнали?

Что из вступительных речей адвоката и прокурора Вам запомнилось больше всего? Что сказанное в заключительных речах запомнилось Вам больше всего?

Что происходило во время обсуждения вердикта? Как оно началось? Какие документы из взятых с собой в совещательную комнату Вы использовали в ходе обсуждения? и т. д.

Этот метод имеет свои достоинства и недостатки. С одной стороны, методы опроса имеют ряд ограничений, связанных с нежеланием респондента правдиво отвечать на вопросы или с низким уровнем его рефлексии. С другой стороны, ситуация вынесения решения, которое определит чью-то судьбу, настолько стрессовая, что исследователь, проводящий интервью, может выступать в роли психотерапевта, давая присяжным возможность еще раз объяснить (и, может быть, убедительно доказать) свою позицию, особенно если она не получила большинства голосов.

Наряду с интервью в полевых исследованиях используется *наблюдение* за действиями адвоката, прокурора и судьи в ходе судебного процесса, а также за невербальной реакцией на них присяжных заседателей (*описательные и корреляционные исследования*). Последнее дает относительно небольшое количество информации, на основе которой, однако, можно делать предположения о наиболее значимых для присяжных доказательствах и о степени их усталости.

Основными источниками информации об **эффективности судебной коммуникации** являются:

- *интервью с профессиональными юристами* — признанными специалистами в своей области, выступающими в суде, *наблюдение* за их работой. В ходе подобных интервью юристам задают вопросы о том, каковы основные цели прений; какое влияние, по их мнению, оказывают заключительные речи адвоката и прокурора на судебное решение; какие приемы они

используют в ходе этих выступлений; как можно научиться выступать в суде и т. д. (Walter, 1988);

- эксперименты, посвященные изучению эффективности различных форм коммуникации в зале суда (Middendorf, Luginbuhl, 1995). В качестве независимых переменных в данном случае выступают различные коммуникативные приемы, используемые участниками судебных процессов;

- социально-психологические экспериментальные исследования, посвященные убеждающей коммуникации и каузальной атрибуции. Для оценки эффективности судебной коммуникации часто привлекаются закономерности, выявленные вне судебного контекста (Saks, Hastie, 1978; Vinson, 1986).

Информация, полученная из каждого источника, обладает своей спецификой. В частности, опросы профессиональных юристов и наблюдение за их работой позволяют выявить приемы, которые они используют в ходе коммуникации в зале суда, но не дают возможности оценить их эффективность. Вместе с тем результаты экспериментов, посвященных изучению эффективности различных форм коммуникации в суде, не дают возможности определить степень популярности выделенных форм среди юристов. И наконец, использование для понимания происходящего в зале суда общих социально-психологических закономерностей позволяет расширить круг приемов, которые могут быть использованы в ходе судебной коммуникации, но не гарантирует их эффективности в судебном контексте.

Конкретные примеры использования перечисленных методов и методик описаны в соответствующих главах этой книги. Однако многие описанные исследования проведены не в России, а в США, Канаде, Западной Европе. Поэтому у читателя может возникнуть закономерный вопрос: насколько хорошо выделенные закономерности описывают то, что происходит в нашей стране? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. С одной стороны, отношение людей к конкретным правовым явлениям, например, закону или суду, бесспорно, обладает культурной спецификой, речь о которой пойдет во второй главе. С другой стороны, существуют закономерности,

характерные для разных людей, вне зависимости от их национальности или культуры. К ним относятся, например, механизмы формирования правосознания и усвоения новых форм поведения, условия совершения преступлений, факторы, оказывающие влияние на убедительность сообщения. Эти закономерности описывают правосознание и правовое поведение людей и в нашей стране.

Данное учебное пособие состоит из трех основных частей.

Первая часть описывает психологические феномены, возникающие у всех людей — законопослушных и нарушающих закон, включенных и не включенных в деятельность правовых институтов. Она включает в себя главы, посвященные правосознанию и правовой социализации.

Вторая часть касается психологических аспектов совершения преступления. Соответственно, в ней описываются психологические закономерности, касающиеся более узкой категории граждан — тех, кто совершил преступление или стал его жертвой. Эта часть включает в себя главу, посвященную криминальной психологии и профилактике преступлений.

Третья часть содержит описание психологических аспектов судебного процесса. Она включает в себя главы, в которых речь идет об основных участниках процесса — свидетелях, судье, присяжных и сторонах (адвокате и прокуроре). Таким образом, в ней описываются психологические аспекты того, что происходит после совершения преступления.

ГЛАВА 1. ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ОСНОВА ПОВЕДЕНИЯ В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

I. Определение и традиционные направления изучения правосознания

1. Определение правосознания

Систематическое изучение отношения людей к правовым явлениям началось в США в начале XX века с исследований Л. Терстоуна, посвященных обыденной оценке серьезности преступлений. С тех пор круг изучаемых феноменов существенно расширился. В него вошли отношение людей к закону, смертной казни, изнасилованиям и убийствам, страх перед преступлениями и многое другое. Однако общего термина для их обозначения долго не существовало.

Попытка ввести такой термин была предпринята в 60-х годах российскими философами (*Фарбер, 1963*), работающими в рамках концепции общественного сознания. Благодаря им отношение людей к явлениям правовой действительности было названо «правосознанием». Впоследствии этот термин использовался в основном российскими и польскими исследователями. В течение последующих 30 лет было сформулировано достаточно много определений этого феномена. Их авторы использовали такие термины как идея, теория, взгляд, убеждение, представление, понятие, рациональный образ, мнение, идеал, верование, ценностная ориентация, настроение, переживание, чувство, состояние, отношение,

привычка, традиция, установка. В качестве основных элементов правосознания они выделяли правовые чувства, установки, правовой опыт, правовые иллюзии (П. П. Баранов); знание права, представления о праве, отношения и требования к праву, отношение к выполнению правовых предписаний (О. В. Пристанская, Е. М. Юцкова); мотивы соблюдения закона (Л. А. Семенко); осознание и принятие тех социальных ценностей, которые находят свое официальное закрепление в праве (М. И. Еникеев) и т. д.

Все выделенные элементы можно разделить на четыре группы – компоненты правосознания (*Шегорцев, 1981*):

- содержательный компонент – как люди представляют, что знают о правовых явлениях;
- оценочный компонент – как они оценивают эти явления;
- поведенческий компонент – как собираются вести себя в правозначащих ситуациях;
- энергетический компонент – какие эмоции при этом испытывают.

Эти компоненты напоминают структуру аттитюда или социальной установки – одного из базовых понятий социальной психологии, на которое опирается при изучении отношения людей к правовым явлениям большинство западных исследователей, не использующих термин «правосознание».

Таким образом, **правосознание** может быть определено как **совокупность социальных установок (аттитюдов) к преступлениям и преступникам, закону, наказанию, правоохранительной, судебной и пенитенциарной системам**. В этом случае структуру правосознания образуют три компонента: когнитивный (правовые представления, знания, оценка правовых явлений), аффективный (эмоциональное отношение к правовым явлениям) и поведенческий (намерение вести себя определенным образом в правовых ситуациях) (табл. 1.1).

Таблица 1.1. Структура правосознания

	Компоненты	Элементы
Аттитуды к закону	<i>Когнитивный</i>	Оценка закона в целом и отдельных правовых норм (функций, полезности и оптимальности реализации, причин и необходимости исполнения)
	<i>Аффективный</i>	Эмоциональное отношение к закону и его реализации
	<i>Поведенческий</i>	Готовность активно искать правовую информацию
Аттитуды к преступлениям	<i>Когнитивный</i>	Обыденное определение преступления, классификация преступлений и их оценка по ряду параметров, в т. ч. серьезности, скрипты преступлений, мифы о преступлениях, оценка риска стать жертвой преступления
	<i>Аффективный</i>	Страх перед преступлениями
	<i>Поведенческий</i>	Готовность вести себя определенным образом до, во время и непосредственно после совершения преступлений, способы самозащиты от преступных посягательств, например, покупка оружия
Аттитуды к преступникам и жертвам	<i>Когнитивный</i>	Представления об индивидуальных особенностях преступников и жертв, причинах преступности
	<i>Аффективный</i>	Эмоциональное отношение к преступникам и жертвам
	<i>Поведенческий</i>	Меры, предлагаемые для профилактики преступности, социальная дистанция с преступниками, готовность помочь жертвам
Аттитуды к наказанию	<i>Когнитивный</i>	Отношение к наказанию в целом и отдельным видам наказания (его целям, необходимости и эффективности), оценка риска быть наказанным за совершение преступления (правонарушения)
	<i>Аффективный</i>	Эмоциональное отношение к наказанию
	<i>Поведенческий</i>	Намерение подвергнуть преступника определенному наказанию

Аттитюды к работникам правоохранительной, судебной и пенитенциарной системы	<i>Когнитивный</i>	Представление об особенностях работников правоохранительных органов, суда и пенитенциарной системы, сложности и функциях их деятельности
	<i>Аффективный</i>	Эмоциональное отношение к ним
	<i>Поведенческий</i>	Желание взаимодействовать с ними, выбор способа взаимодействия

2. Виды правосознания

Первые и наиболее общие классификации правосознания были сформулированы российскими исследователями еще в 70-х годах XX века и связаны с пониманием этого феномена как формы общественного сознания.

Например, А.Р.Ратинов (*Ратинов, 1974*) выделяет пять критериев классификации правосознания:

- способ отражения (познавательное правосознание, включающее знания, идеи/социально-психологическое правосознание, включающее переживания и оценки);

- глубина отражения (обыденное правосознание, нецеленаправленно формирующееся в обыденной жизни/теоретическое правосознание, хорошо структурированное, присутствующее в основном у юристов);

- широта распространения (массовое правосознание, распространенное среди больших социальных групп/специализированное, характерное для определенных профессиональных групп/локальное правосознание, существующее в отдельных районах);

- субъект (индивид/группа/общество);

- предмет отражения (уголовно-правовое правосознание, административно-правовое и т. д.).

Однако правосознание может быть классифицировано и по другим, более частным основаниям, например, по отношению к закону. В частности, результаты изучения аттитюдов к закону у граждан России демонстрируют несколько типов отношения к нему в соответствии с пониманием его целей и оценкой его эффективности (*Трушков, 1995*):

- «рационалисты», которые считают, что подчинение закону необходимо, так как он является препятствием хаосу. Но его можно обойти, если он неразумен. Представление о законе соответствует нормативным ценностям, однако люди не верят в его справедливую реализацию;

- «пессимисты», имеющие бескомпромиссное представление о законе, которое соответствует букве закона. Это сопровождается отрицательным отношением к закону и его институтам и неверием в возможность справедливого решения;

- «нигилисты», отрицающие закон как ценность и не верящие в то, что, подчиняясь ему, можно достичь справедливости в обществе;

- «идеалисты», имеющие позитивное представление о законе и его институтах и верящие в неподкупность блюстителей закона и возможность справедливых решений.

Другая классификация людей по их аттитюдам к закону была выявлена в межкультурном исследовании (*Славская, 2004*). Она включает в себя:

- «защитников», которые считают, что за обеспечение прав человека отвечают как правительство, так и они сами;

- «персоналистов», по мнению которых права человека касаются их лично, а правительству трудно что-либо сделать;

- «пессимистов» или «скептиков», которые выражают неверие в эффективность как своих усилий, так и усилий правительства;

- «правительственников», которые считают, что правительство более эффективно в обеспечении уважения к правам человека, чем лично они.

3. Функции правосознания

Правосознание как система аттитюдов выполняет несколько основных функций:

1. *Функция организации знаний* основана на стремлении человека к смысловому упорядочиванию окружающего мира. Аттитюды помогают человеку осмыслить действительность, «объясняют» происходящие события или действия других людей. Аттитюд позволяет избежать чувства неопределенности и неясности, задает определенное направление интерпретации событий.

Существует несколько последствий такого осмысления.

а) Избирательное восприятие и запоминание информации, соответствующей аттитюдам: люди легче воспринимают и запоминают ту информацию, которая соответствует их содержанию. Яркой иллюстрацией этой закономерности является восприятие и запоминание информации о преступнике, содержание которой определяется аттитюдами людей в отношении определенных этнических групп (этническими стереотипами и предрассудками). Так, напоминание людям о содержании стереотипов в отношении членов определенной этнической группы (например, демонстрация фотографии ее представителя), улучшает запоминание ими той информации о совершенном преступлении и его участниках, которая соответствует стереотипу, даже если в ней не содержится сведений об этнической принадлежности преступника. Это происходит даже в том случае, когда людей просят не обращать внимание на существующие у них стереотипы (*Peters, Jelicic, Merckelbach, 2006*).

б) Приписывание людям особенностей, соответствующих аттитюдам к ним. Например, жители Израиля, решая, какое из пяти преступлений (убийство, изнасилование, вооруженное ограбление, кражу со взломом и мошенничество) совершил человек на фотографии, чаще выбирали убийство, изнасилование и вооруженное ограбление, если он был арабом, и «интеллектуальное» преступление – мошенничество, если он был евреем – выходцем из европейской страны (*Fishman, Rattner, Weimann, 1987*).

в) Прогноз в соответствии с аттитюдами. Например, преступники, которые оцениваются как не уважающие суд или закон, воспринимаются как более склонные к повторному совершению преступления.

г) Оценка ситуации в соответствии с аттитюдами. Например, если люди считают, что процедура приобретения оружия должна быть упрощена, оценивая жертву ограбления, они полагают, что ей сильно повезло, поскольку она осталась в живых, и переоценивают вероятность ограблений в дальнейшем (*Crawford, McCrea, 2004*). То есть они оценивают ситуацию таким образом, чтобы она подтверждала их аттитюды.

Однако когда человек хочет вынести очень точное решение, предупрежден о полезности новой информации или сомневается в своих аттитюдах, он лучше воспринимает и запоминает ту информацию, которая им не соответствует.

2. *Эго-защитная функция*: аттитюд способствует разрешению внутриличностных конфликтов, защищает человека от получения неприятной информации о себе и значимых для него социальных объектах. Примером реализации этой функции является ингрупповой фаворитизм (позитивное отношение к членам своей социальной группы (ингруппы)) и аутгрупповая дискриминация (негативное отношение к членам чужой социальной группы (аутгруппы)) при оценке преступников. Например, по мнению членов этнического большинства (*Bridges, Steen, 1998; Tonry, 1995*):

- вероятность совершения преступлений людьми, принадлежащими к группам этнического меньшинства, выше, чем вероятность совершения аналогичных поступков членами этнического большинства;

- члены этнического меньшинства в меньшей степени уважают власть и суд, чем члены этнического большинства;

- члены этнического меньшинства более опасные, чем члены этнического большинства;

- причина совершения преступлений членами этнического меньшинства связана с их индивидуальными особенностями, тогда как причина совершения аналогичных поступков членами этнического большинства – с внешними факторами.

Демонстрируя ингрупповой фаворитизм и аутгрупповую дискриминацию при оценке преступников, человек тем самым подчеркивает, что он, как и другие члены его группы, законопослушен и не может совершить преступление.

3. *Функция выражения ценностей*: аттитюды дают человеку возможность выразить то, что важно для него. Эта функция помогает человеку самоопределиться, сформировать представление о себе.

4. *Инструментальная функция* выражает приспособительные тенденции поведения человека, способствует получению им вознаграждения, в т. ч. одобрения окружающих. Например,

человек высказывает такое же отношение к преступлению, как и его сверстники, чтобы понравиться им, и со временем полностью усваивает эти аттитюды.

5. *Функция влияния на поведение*: сформированные аттитюды оказывают влияние на поведение человека. Например, человек, считающий смертную казнь эффективной мерой наказания, на референдуме будет голосовать за ее введение.

Однако в целом ряде случаев непосредственная связь между аттитюдами и поведением отсутствует. Это происходит, поскольку, кроме аттитюдов на поведение оказывают влияние и другие факторы. Попытка объяснить эту связь привела к созданию моделей, в которых связь аттитюдов и поведения устанавливается благодаря намерению. К их числу относятся теории запланированного поведения и саморегуляции.

В соответствии с теорией запланированного поведения (рис. 1.1) (*Neuwirth, Frederick, 2004*), поведение человека определяется его намерениями, а намерения — тремя основными факторами — аттитюдами, субъективными нормами и воспринимаемым контролем за поведением. Под аттитюдами понимается оценка человеком привлекательности и полезности возможного поступка, под субъективными нормами — его представление о желаниях окружающих людей и их реальном поведении, а под воспринимаемым контролем — оценка человеком того, в какой мере он контролирует собственное поведение. Когда человек оценивает определенный поступок как приятный или полезный, полагает, что окружающие поступают так же и считает, что в состоянии контролировать собственное поведение, у него формируется намерение, которое, в свою очередь, приводит к совершению поступка. Например, когда человек считает, что обращение в правоохранительные органы позволит предотвратить преступление (аттитюды к правоохранительным органам), полагает, что окружающие с ним согласны (субъективные нормы) и думает, что добраться до ближайшего отделения милиции достаточно легко (воспринимаемый контроль за поведением), у него возникает желание обратиться туда за помощью. Однако если он считает, что это бесполезно, поскольку работники милиции ему не помогут,

или боится мести преступников (аттитюды), считает, что близкие ему люди никогда бы не пошли в милицию (субъективные нормы) или думает, что до ближайшего отделения милиции добраться достаточно сложно (воспринимаемый контроль за поведением), он вряд ли пойдет туда за помощью.

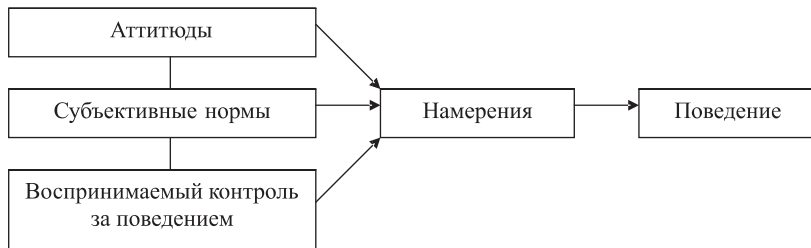

Рисунок 1.1. Теория запланированного поведения

Другая модель, в которой описывается связь между аттитюдами, намерениями и поведением – это теория саморегуляции (рис. 1.2). В соответствии с ней формирование намерений оказывают влияние аттитюды, субъективные нормы и желание совершить определенный поступок.

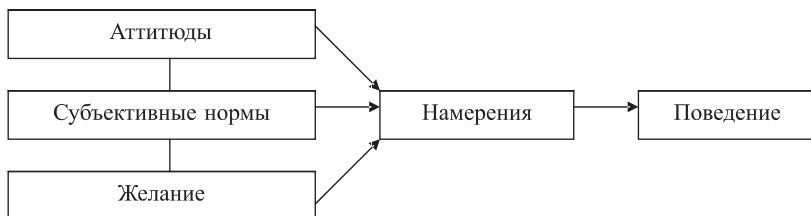

Рисунок 1.2. Теория саморегуляции

4. Основные свойства правосознания

Аттитюдам, входящим в состав правосознания, присущи следующие свойства:

1. *Прижизненное формирование*: правовые аттитюды не врожденные, формируются по мере развития человека.
2. *Разная сформированность* компонентов правовых аттитюдов: некоторые компоненты правовых аттитюдов могут быть сформированы лучше, чем другие.

Первая иллюстрация этого свойства — разная сформированность элементов когнитивного компонента правосознания. Например, исследования 70-х годов (*Каминская, Михайловская, 1974; Каминская и др., 1974*) показали, что, хотя люди хорошо знакомы с некоторыми нормами закона (о необходимости передачи уголовного дела в суд), они хуже осведомлены о других («незнание закона не освобождает от ответственности», «отсутствие у вышестоящего суда права уволить народного судью», «возраст наступления уголовной ответственности», «состояние алкогольного опьянения является обстоятельством, отягчающим вину преступника», «дача взятки предусматривает уголовную ответственность»). В ряде случаев предположения граждан были более жестоки, чем предусматривал закон: больше половины респондентов считали, что уголовная ответственность наступает за недонесение о любых преступлениях, а также положительно относились к массовому обыску в случае необходимости, принимали возражения против участия защитника в уголовном процессе, приветствовали идею ужесточения наказания и требовали наказывать психически больного преступника. При этом граждане заявляли о поддержке закона. Таким образом, солидарность российских граждан с законом была выше, чем уровень их конкретных правовых знаний.

Вторая иллюстрация указанной особенности — доминирование хорошо сформированного аффективного компонента аттитюда к смертной казни над плохо сформированным когнитивным. Эмоциональность этих аттитюдов проявляется в том, что:

- люди не замечают противоречий между теми аргументами против смертной казни (когнитивный компонент), с которыми они соглашались, и своей собственной поддержкой этой меры наказания (поведенческий компонент). Например, они рассматривают смертную казнь как эффективную меру устрашения потенциальных преступников и выступают за ее применение, одновременно соглашаясь с данными статистики, согласно которым использование смертной казни не приводит к уменьшению в них уровня преступности, а человек в момент совершения преступления не думает о последующем наказании

(*Волькенштейн, Коган-Ясный, 1994*). По-видимому, это происходит из-за того, что поведенческий компонент этого аттитюда определяется не знаниями, а аффективным отношением;

- людям трудно приводить аргументы в защиту той позиции по отношению к смертной казни, которая противоречит их собственной (*Волькенштейн, Коган-Ясный, 1994*);

- люди часто поддерживают смертную казнь, считая ее средством мести преступнику (*Волькенштейн, Коган-Ясный, 1994*);

- отношение людей к смертной казни слабо изменяется под действием полученных знаний (*Bohm, Vogel, 2004*). Во-первых, информирование о недостатках и проблемах применения этой меры наказания оказывает влияние только на некоторые группы людей, но не приводит к формированию большинства, выступающего против ее использования. Во-вторых, люди не склонны изменять свое мнение о смертной казни, если их просят публично высказать его. В-третьих, если люди изменяют свою точку зрения, это происходит не на основе признания аморальности смертной казни, а на основе «административных» причин (расовой дискриминации, возможности убийства невиновных). И наконец, в-четвертых, в некоторых исследованиях наблюдается «эффект маятника»: информация о недостатках смертной казни изменяет мнение людей лишь на некоторое время, после чего оно становится прежним;

- на отношение людей к смертной казни оказывает влияние демонстрация того, как она происходит (*Howells, Flanagan, Hagan, 1995*).

3. *Доступность* (легкость воспроизведения) правовых аттитюдов. Некоторые правовые аттитюды человек вспоминает достаточно легко, а для воспроизведения других ему приходится прилагать значительные усилия. Как правило, наиболее доступными являются аттитюды:

- с хорошо сформированным когнитивным или экстремальным аффективным (очень позитивным или очень негативным) компонентом;

- возникшие в собственном опыте человека, а не заимствованные им от других людей;

- которые человеку часто приходится выражать.

4. *Противоречивость* (амбивалентность) правовых atti-
тудов. Существует два основных вида противоречия.

Противоречие первого вида возникает между двумя раз-
ными компонентами аттитюда, например, между когнитивным
(знание общих положений закона) и поведенческим (способ-
ность использовать эти нормы при оценке конкретных ситуа-
ций). Например, школьники, признающие, что без соблюдения
прав человека не построить богатого и благополучного обще-
ства, и выделяющие в качестве наиболее важных прав человека
свободу совести, слова и свободу от унижительного и оскорби-
тельного обращения, одновременно считают, что при некоторых
условиях (войне и стихийных бедствиях) допустима депортация
населения, и негативно относятся тому, что в Россию приедут
жители бывших республик СССР (*Гайнер, 1998*).

Причина этого – негативное отношение людей к некото-
рым социальным группам, которые также являются субъек-
тами закона. Этот эффект был продемонстрирован еще в на-
чале 70-х годов в США, когда было показано, что поддержка
людьми свободы слова не означает согласия с реализацией
этого принципа по отношению к членам таких негативно
оцениваемых групп, как «сторонники прекращения войны
во Вьетнаме», «коммунисты» и «нацисты». Когда полный от-
каз от реализации закона в отношении членов определенной
группы социально неодобряем, люди частично ограничивают
их права. Например, граждане Австрии, Западной Германии,
Австралии, США, Великобритании и Италии проявляют наи-
большую терпимость к людям, поддерживающим оппозици-
онные правительству политические взгляды, считая, что для
реализации свободы слова им можно разрешить проводить
митинги, и наименьшую – к сторонникам революции и раси-
стам, полагая, что им лучше писать книги (*Davis, 1990*).

Другой пример противоречия между двумя компонентами
аттитюда – отношение жителей США к порнографии: опросы
общественного мнения показали, что распространение порно-
графии не относится к числу социальных проблем, требующих
скорейшего разрешения, однако, преступник, совершивший
это преступление, должен быть казнен или подвергнут кастра-
ции (*McConahay, 1988*).

Второй тип амбивалентности – противоречие внутри одного компонента аттитюда. Например, преступник может вызывать одновременно и страх, неприятие и интерес, симпатию.

5. *Системность правосознания.* Компоненты правосознания связаны между собой.

Например, согласно В. А. Щегорцеву, правосознание – целостное состояние, т. е. не совокупность отдельных элементов, а их взаимное положение. Это означает, что одни элементы правосознания занимают в нем более важное положение, чем другие. Правосознание, понимаемое как состояние, отличаются эмоциональная окрашенность, интенсивность и продолжительность воздействия на поведение его носителей (*Щегорцев, 1981*).

Другой пример подобного понимания правосознания – представление о нем как о системе, обладающей следующими свойствами:

- целями;
- структурой, в том числе управляющим центром;
- делимостью на подсистемы;
- внутренней противоречивостью и изменчивостью;
- ресурсами;
- окружающей средой, относительной изолированностью и обратной связью от нее;
- способностью самостоятельно функционировать и организовывать свою работу и, следовательно, собственным опытом;
- способностью поддерживать свои параметры на необходимом уровне, т.е. саморегуляцией;
- возможностью быть измеренной (*Баранов, 1997*).

6. *Включенность* правовых аттитюдов в когнитивную систему. Под когнитивной системой понимается совокупность всех знаний, представлений, оценок и намерений человека. Правовые аттитюды являются частью этой системы: они связаны с отношением людей к другим явлениям социальной жизни – морали, религии, политике, здоровью и т. д. В частности, сторонники социальных инноваций соглашаются с участием государства в реализации прав человека в принципе, но отказываются допустить

его вмешательство в конкретных ситуациях. Однако сторонники сохранения существующего социального порядка придерживаются противоположной точки зрения (*Spini, Doise, 1998*).

Элементы когнитивной системы различаются по степени важности для человека: одним из них он придает большее значение, чем другим. Если аттитюды по отношению к правовым явлениям занимают в когнитивной системе человека достаточно важное положение, они оказывают на него большее влияние, чем, например, мораль. В противном случае его поведение определяется не законом, а моральными нормами. Важная роль моральных норм в регуляции правового поведения человека была обнаружена российскими исследователями еще в 70-х годах, которые сделали вывод о том, что подросткам 14-17 лет понятны в основном те требования закона, которые соответствуют существующим моральным нормам (*Долгова, 1974*).

7. *Сила правовых аттитюдов* определяется по четырем направлениям: стабильности во времени, устойчивости к воздействию, влиянию на отбор информации и поведение. На силу правовых аттитюдов оказывает влияние:

- способ формирования (правовые аттитюды, возникшие в собственном опыте человека, обладают большей силой, чем заимствованные им от других людей);
- их доступность (большей силой обладают легко доступные аттитюды);
- противоречивость (амбивалентные аттитюды слабее однозначных);
- положение в когнитивной системе (чем более важное положение аттитюд занимает в когнитивной системе человека, тем большей силой он обладает).

8. Содержание правовых аттитюдов *связано с индивидуальными особенностями* человека. К ним относятся как социодемографические (пол, возраст, уровень дохода, место жительства, партийная, религиозная и этническая принадлежность и т. д.), так и психологические характеристики (тревожность, агрессивность, психологическая адаптированность, догматизм, авторитаризм).

Социодемографические характеристики легко фиксируются и поэтому учитываются во многих исследованиях. Например, в одном из российских исследований было выяснено, что наиболее позитивное отношение к закону наблюдается у людей со средним специальным образованием, имеющих семью и служащих в армии (*Трушков, 1995*). Однако эта связь имеет ряд ограничений. Во-первых, с определенными правовыми аттитюдами связаны не отдельные социодемографические особенности, а их группы: одна и та же характеристика по-разному связана с правосознанием в зависимости от других социодемографических особенностей человека. Например, сторонниками активной борьбы с наркоманией в Белизе являются люди с низким уровнем образования, а в США – с высоким (*Wiegand, Bennett, 1993*). Во-вторых, эта связь изменяется со временем (*Tan, Murrell, 1984*). В-третьих, важен способ измерения особенности. Например, виктимизация человека в ходе боевых действий может быть измерена на индивидуальном (нанесенный человеку ущерб, его роль в конфликте) и социальном (количество человеческих жертв, длительность и интенсивность боевых действий) уровнях. При этом индивидуальная и социальная виктимизация оказывают разное влияние на отношение к соблюдению норм гуманитарного права во время боевых действий: оно наиболее позитивно у людей с низким уровнем индивидуальной и высоким – коллективной виктимизации (*Elcheroth, 2006*).

Важная роль в анализе правосознания уделяется таким социодемографическим особенностям людей как род занятий и криминальный опыт. С ними связана отдельная область исследования – содержание **профессионального правосознания**. Сторонники ее изучения считают, что постоянно участие человека в какой-либо деятельности, способствует формированию у него определенного правосознания. Профессиональное правосознание характерно для врачей, учителей и т. д., но прежде всего для людей, чья деятельность непосредственно связана с реализацией закона – людей, работающих в правовых структурах, и правонарушителей.

Профессиональное правосознание *людей, работающих в правовых институтах*, отличают две основных особенно-

сти. С одной стороны, такие люди пользуются иными познавательными категориями, чем остальные граждане, лучше знают закон, уважают его (*Соколов, 1988*). С другой стороны, работа в некоторых структурах оказывает противоположное влияние. Например, по мнению ряда российских исследователей, среди работников ОВД распространены подозрительность, предвзятость, обвинительный уклон, недостаточно высокий уровень знания законодательства, отсутствие чувства законности, примат служебной и личной целесообразности над требованиями закона и ориентация на мнение начальников, ориентированность на безнаказанное попираание прав граждан и вера в возможность уйти от ответственности, желание самоутвердиться, использование властных полномочий в эгоистических целях и слабая заинтересованность в торжестве закона (*Баранов, 1991, 1997; Грошев, 1994; Купленский, 1996; Сорокотягин, 1988*). Аналогичные результаты были получены и американскими исследователями (*Ortet-Fabregat, Perez, Lewis, 1993; Payne, Time, Gainey, 2006*). По их данным полицейских отличает подозрительность, циничность, негативное отношение к закону, а также оценка судей как слишком снисходительных к преступникам.

Правосознание *правонарушителей* отличают хорошее знание закона, по крайней мере, в той части, которая имеет отношение лично к ним, с одной стороны, и негативное отношение к нему и нежелание следовать ему в своем поведении, с другой. Вместе с тем, группа «правонарушителей» неоднородна. Ее членов можно разделить на ранее судимых и несудимых. Несудимые правонарушители уступают законопослушным гражданам по широте и устойчивости позитивных аттитюдов к закону, а судимым правонарушителям — в распространенности и устойчивости негативных аттитюдов (*Ефремова, 1974*).

Психологические характеристики также оказывают значительное влияние на содержание правосознания.

- *Авторитаризм*. Понятие «авторитарной личности» было введено Т. Адорно и его коллегами. Позже их представление было модифицировано Б. Альтмейером, который связал ав-

торитарную личность с такими особенностями человека, как полное и безоговорочное подчинение власти, приверженность широко распространенным социальным нормам и агрессивность по отношению к тем социальным группам, неприятие которых поощряется властями. Правосознание авторитарных людей отличают следующие характеристики (например, *Na, Lofus, 1998, Lambert, Burroughs, Nguyen, 1999*):

- неприятие прав человека: демократических прав, в том числе свободы слова, свободы организации демонстраций и т.д.;
- позитивное отношение к закону и негативное — к заключенным;
- оценка преступления, совершенного представителем власти, например, работником правоохранительных органов, военным и т.д., как менее серьезного, чем совершенного человеком, выступающим против власти;
- атрибуция большей ответственности за совершение преступления преступнику, но только если он не является представителем власти;
- оправдание людей, совершивших преступление во время выполнения приказа;
- интерес к детективам, криминальным драмам, основанным на реальных событиях.

- *Завистливость и эгоизм*. Завистливые и эгоистичные люди считают более приемлемыми разные формы поведения, свидетельствующие о нечестности человека (уклонение от уплаты за проезд в общественном транспорте, незаконное получение государственных пособий, уклонение от уплаты налогов, покупка заведомо краденого, получение взятки, дача взятки ради решения своих проблем, ложь в корыстных целях, мелкое воровство), его агрессивности и жестокости (политические убийства, месть за нанесенную обиду или ущерб, самоубийство, эвтаназия, физическое наказание детей), сексуальной несдержанности (супружеская неверность, проституция, занятие несовершеннолетних сексом, гомосексуализм) (*Муздыбаев, 2000, 2002*).

- *Эмпатия и оптимизм*. Например, американцы, считающие, что их страна должна использовать свои ресурсы для защиты прав человека в других странах, отличаются более силь-

ной эмпатией и оптимизмом (*McFarland, Mathews, 2005*).

- *Личностные черты, входящие в «большую пятерку»*. Например, смертную казнь больше поддерживают люди с сильно выраженной экстраверсией (напористые, энергичные, активные), нейтротизмом (эмоционально нестабильные, неуверенные в себе) и сознательностью (организованные, ответственные, надежные, настойчивые), а также со слабо выраженными открытостью опыту (нелюбопытные, консервативные) и доброжелательностью (не склонные к сотрудничеству, эгоистичные, злые). При этом сознательность оказывает большее влияние на аттитюды женщин, а открытость опыту – мужчин (*Robbers, 2005*).

5. Подходы к изучению правосознания

Подходы к изучению правосознания можно разделить на теоретические и эмпирические. Теоретические подходы отличает определенное понимание сущности правосознания, а эмпирические – определенный способ его измерения.

К основным *теоретическим подходам* относится понимание правосознания как формы общественного сознания, массового сознания и совокупности социальных представлений (*Гулевич, 1999*) (табл. 1.2). Определенное понимание сущности правосознания оказывает влияние на характер его эмпирического изучения. Например, отношение к правосознанию как к противоречивому феномену делает необходимым использование методик, позволяющих респондентам свободно описывать свои правовые аттитюды, что дает возможность обнаружить источник противоречий. Принятие идеи об изменчивости правосознания делает необходимым многократное измерение одних и тех же его элементов и т. д.

Подходы к *эмпирическому изучению* правосознания можно классифицировать по двум критериям: цели исследования и «точке отсчета». По цели эмпирические исследования делятся на описательные, корреляционные и объяснительные (см. Введение), а по «точке отсчета» – на «отталкивающиеся от закона» и «отталкивающиеся от обыденного сознания».

Таблица 1.2. Теоретические подходы к изучению правосознания

Критерии различия подходов	Правосознание как форма общественного сознания	Правосознание как массовое сознание	Правосознание как совокупность социальных представлений
<i>Способ возникновения</i>	Результат восприятия и осмысления «объективной реальности» – давно сложившихся и трудно поддающихся изменению правовых отношений	Результат восприятия и осмысления не только сложившихся правовых отношений, но и менее стабильных условий, например, расхождения между правовыми отношениями и ожиданиями, поведением элиты общества и т.д.	Результат «договора» между людьми, который относительно независим от существующих правовых отношений
<i>Субъект правосознания</i>	Выделяются три уровня правосознания: - индивидуальный (правосознание отдельных людей); - групповой (правосознание людей как членов малой группы – друзей, родственников и т. д.); - общественный (правосознание людей как членов больших социальных групп – профессиональных, этнических и т. д.)	Правосознание людей как членов больших социальных групп	Правосознание людей как членов больших социальных групп
<i>Целостность и непротиворечивость правосознания</i>	Правосознание является одной из форм общественного сознания, наряду с моральным, политическим, экономическим сознанием. Разные элементы правосознания не противоречат друг другу.	Массовое сознание едино, в нем нельзя выделить отдельные формы. Разные элементы массового сознания противоречат друг другу.	Правовые социальные представления – структура, состоящая из центральных и периферических элементов

<i>Стабильность правосознания</i>	Правосознание стабильно и трудно поддается изменению	Массовое сознание нестабильно, легко поддается изменению	Изменения происходят постепенно
<i>Отношение к процессу познания</i>	Результат процесса познания	Результат процесса познания	Структура, предшествующая познанию, оказывающая влияние на его направление
<i>Связь с поведением</i>	В первые годы изучения правосознание интересовало исследователей как самостоятельный феномен, вне его связи с поведением	Оказывает влияние на поведение	Оказывает влияние на поведение

Когда за «точку отсчета» принимается существующее законодательство, исследователи изучают, насколько хорошо люди знают законы, как их оценивают и готовы ли руководствоваться их требованиями в своих поступках. В рамках этого подхода существует понятие «дефектного» или «пробельного» правосознания, носители которого плохо знают законы, плохо к ним относятся или не готовы следовать им. При таком подходе к проблеме игнорируется структура и противоречивость обыденного правосознания.

Когда за «точку отсчета» принимается обыденное правосознание, исследователи изучают обыденные представления о правовых явлениях, не встраивая их в жесткие рамки существующего закона. Это позволяет понять обыденную логику правовых суждений, которая совсем не похожа на юридическую. При таком подходе понятие «дефектного» правосознания не имеет значения, поскольку отсутствует представление о «правильном». В дальнейшем, описывая отдельные элементы правосознания, мы будем работать в рамках этого подхода. Мы рассмотрим содержание обыденного правосознания на примере аттитудов к преступлениям.

6. Содержание обыденного правосознания на примере аттитюдов к преступлениям и преступникам

6.1. Обыденное определение и конкретные примеры преступлений

Обыденное определение преступления редко подвергается изучению, хотя и составляет основу понимания отношения людей к тем или иным конкретным преступлениям. По данным российского исследования, проведенного с использованием группового интервью и анкетирования, обыденное определение преступления включает в себя следующие общие признаки:

- намеренное или ненамеренное совершение действий;
- нарушает закон, права жертвы, а также некоторые моральные нормы;
- наносит ущерб;
- может быть совершено по отношению как к человеку, так и к животному. Однако преступление, совершенное по отношению к человеку, является более типичным, чем преступление, совершенное по отношению к животному;
- заслуживает наказания (*Гулевич, 2000, 2001*).

Однако обыденное сознание часто фрагментарно и противоречиво. Поэтому представление о том, что является преступлением, существует в нем не только в виде определения, но и в виде отдельных примеров. В частности, к числу преступлений российские студенты относят (в порядке убывания количества упоминаний):

- преступления против жизни и здоровья одного или небольшого количества людей (убийство, нанесение телесных повреждений, хулиганство);
- преступления против собственности одного или нескольких человек (кража, ограбление, мошенничество, вымогательство);
- преступления против жизни и здоровья большого количества людей (терроризм, геноцид, развязывание войны, экологические преступления, распространение оружия и наркотиков);
- сексуальные преступления (изнасилование, развраще-

ние малолетних);

- «преступления против морали» (ложь, оскорбление, предательство);

- должностные преступления (получение взятки, казнокрадство);

- оказание «психологического давления» (шантаж и др.);

- преступления против собственности большого количества людей (неуплата налогов, построение финансовых пирамид и др.);

- преступления против государства (шпионаж, разглашение государственной тайны) (Гулевич, 2001).

Характерно, что в число преступлений попадают поступки, которые нарушают не столько закон, сколько моральные нормы (ложь, оскорбление, предательство). Это еще раз подчеркивает неразрывную связь российского правосознания с моральными нормами.

6.2. Оценка преступлений по ряду параметров

Существует ряд критериев, по которым люди оценивают и классифицируют разные преступления. К их числу относятся серьезность преступления; тип (использование в ходе совершения преступления насилия, связь преступления с сексом) и размер ущерба, который уже был или мог быть нанесен жертве; размер ущерба, который был нанесен преступнику в ходе совершения преступления; степень, в которой поведение преступника ненормальное, говорящее о болезни; аморальность преступления (Stylianou, 2003).

Наибольшее внимание исследователей привлекла оценка серьезности преступления, которая тесно связана с оценкой его типичности: чем более серьезным признается преступление, тем более типичным оно считается. Многочисленные исследования, проводившиеся в США с конца 20-х годов, показали, что разные люди одинаково оценивают серьезность преступлений. Однако в середине 70-х годов исследователи усомнились в однородности общественного мнения о серьезности преступлений. К настоящему времени накоплены следующие данные, говорящие о ее отсутствии.

Во-первых, существуют половые, возрастные, этниче-

ские, образовательные и религиозные различия в оценке серьезности преступлений (*Kwan et al., 2002; Stylianou, 2003*). Кроме того, на оценку серьезности оказывает влияние тот факт, был ли сам человек жертвой или свидетелем подобного преступления (*Miller, Bukva, 2001*).

Важное влияние в данном случае оказывают этнические стереотипы и предрассудки: люди оценивают преступление, совершенное членом негативно оцениваемой этнической группы, как более серьезное, чем совершенное членом позитивно оцениваемой группы. Например, жители Израиля в целом оценивают как более серьезные такие преступления как нелегальный аборт и подача налоговой декларации, если их совершил араб, чем если это сделал еврей. Однако отдельный анализ представлений евреев и арабов, живущих в Израиле, показал, что национальность преступника оказывает влияние на оценку и более серьезных преступлений, но только при условии, что жертвой становится член иной, чем преступник этнической группы (*Herzog, 2003*).

И, наконец, определенную роль играют такие психологические особенности как авторитаризм, догматизм (авторитаризм, лишенный политического оттенка) (*Stylianou, 2003*) и отношение к женщинам. Например, чем больше человек верит в то, что женщины любыми путями стараются захватить власть над мужчинами, тем ниже он оценивает серьезность изнасилования, особенно если обстоятельства вызывают сомнения в том, что преступление действительно имело место (*Yamawaki, Darby, Queiroz, 2007*).

Во-вторых, разные люди по-разному интерпретируют термин «серьезность преступления» (*Hansel, 1987*). И поэтому, отвечая на один и тот же вопрос, имеют в виду различные явления.

В-третьих, оценка серьезности преступления зависит от представления о мотивации преступника. Например, исследования, проведенные в России в середине 80-х годов, показали, что люди более позитивно относятся к преступлениям в том случае, если они были совершены для восстановления ущемленных личных интересов, защиты личного достоинства (для насильственных преступлений) или при наличии острой

необходимости в чем-то (для краж государственного имущества) (Серебрякова, 1986). Подобное влияние оказывают и другие обстоятельства совершения преступления, например, насилие по отношению к будущему убийце со стороны будущей жертвы на протяжении длительного промежутка времени или раскаяние преступника (Herzog, 2004).

В-четвертых, однородность оценок серьезности преступлений может быть следствием определенного способа анализа результатов, при котором сравниваются целые группы людей, различающиеся по какому-либо, например, профессиональному признаку, но упускаются из вида индивидуальные различия между представителями одной группы.

В-пятых, однородность оценок может быть следствием определенной формулировки вопроса. Например, если в нем слово «преступление» заменить на «девиантное поведение», то станут заметными гендерные различия в ответах.

Оценка серьезности преступления изменяется со временем. в частности, с 70–80-х годов практически не изменялась оценка серьезности преступлений против личности (умышленного убийства, причинения тяжких телесных повреждений, изнасилования), с одной стороны, и оценка серьезности оскорбления, клеветы, дачи и получения взятки – с другой. Терпимое отношение к посягательствам на государственную собственность переросло в оценку относительной несерьезности экономических преступлений. Однако оценка серьезности ряда преступлений, таких как измена Родине, претерпела существенные изменения. На первый план вышли иные преступления – терроризм, геноцид, развязывание войны, распространение оружия и наркотиков. Резкое изменение оценки серьезности преступлений характерно в основном для тех стран, в которых происходят масштабные социальные изменения.

Основной **функцией** оценки серьезности преступления является влияние на представление о преступнике и способ поведения по отношению к нему (*функции организации знаний и влияния на поведение*). Например, чем более серьезным люди считают совершенное преступление, тем меньше они поддерживают идею заключения соглашения, при котором про-

курор, адвокат, подсудимый и судья договариваются о наказании подсудимого без публичного судебного процесса (*Herzog, 2003*). Кроме того, оценка серьезности преступления оказывает влияние на выбор меры наказания преступника. К влиянию серьезности преступления на судебные решения мы еще вернемся в пятой главе, в которой речь пойдет о вердикте присяжных.

6.3. Скрипты преступлений

Скрипт преступления — обыденное представление о типичной последовательности действий преступника и жертвы во время совершения преступлений. Важность скриптов в структуре обыденного правосознания подчеркивается тем фактом, что, давая определение какому-нибудь преступлению, люди часто описывают то, как оно происходило, например, «хулиганство — это когда стекло разбил, сумочку на улице отобрал».

Содержание скриптов частично зависит от профессиональной принадлежности людей. Например, профессиональные психологи и социальные работники чаще рассматривают такие явления, как унижение и критика партнера, его изоляция, эмоциональный или сексуальный шантаж, угрозы нанесения физического ущерба, лишение средств к существованию, ревность как формы семейного насилия, чем люди без психологического образования, врачи, юристы, работники правоохранительных органов (*Follingstad et al., 2004; Tang et al., 2002*). А адвокаты оценивают как изнасилование больший круг происшествий, чем это делают полицейские, больничные персонал и граждане без юридического образования (*Blake, Heesacker, Marks, 1993*).

Кроме того, скрипты имеют выраженную культурную специфику. Например, в российском правовом сознании существуют несколько скриптов убийств, в том числе «бытовое убийство» и «казачье убийство».

Жертва «Бытового убийства» (*Гулевич, 2001*) — это семейный, но плохо материально обеспеченный человек, а преступник — это самый обычный человек, который совершает преступление случайно: мужчина, имеющий семью и плохо материально обеспеченный; обидчивый и имеющий узкие интересы в жизни. Основное место «Бытового убийства» — жилой дом.

Жертва и преступник знакомы между собой. Во время совершения преступления и преступник, и жертва находятся в состоянии алкогольного опьянения. Преступлению предшествует ссора. Первым нападение совершает преступник. Орудием служит любой бытовой предмет. Наиболее ярко выраженным состоянием преступника во время совершения преступления является его возбуждение. В результате преступник, как правило, оказывается в тюрьме и демонстрирует «самообвиняющее» поведение: раскаивается или признается в содеянном.

Жертвой «Заказного убийства» является обеспеченный семейный человек, а преступление совершает холостой мужчина, которого отличают хладнокровие, терпение, самоуверенность, организованность и жестокость. Во время совершения преступления он собран и четко осознает происходящее. Преступление планируется заранее, и жертва заранее предупреждена о том, что ее собираются убить. Основная причина преступления — профессиональная деятельность жертвы. В момент убийства жертва выходит из дома. Орудием убийства служит огнестрельное оружие или взрывное устройство. После совершения убийства преступнику удается скрыться с места происшествия. Он остается на свободе и не раскаивается в том, что сделал.

В то же время в правовом сознании американцев доминируют скрипты «хладнокровное убийство, сопровождающееся другим преступлением» и «запланированное убийство знакомого человека».

Примером скрипта «хладнокровное убийство» является следующее описание: «Мужчине были нужны деньги, чтобы заплатить за лечение брата. Он подошел к двум студентам в ресторане. Женщины не заинтересовались им. Мужчина схватил женщин и запихнул их в машину, угнал ее и уехал в другой штат. По пути он бил и насиловал женщин, а потом застрелил их. Одна женщина умерла, а другую нашли на дороге еле живую. Мужчину арестовали, и он сознался в преступлении».

Скрипт «запланированное убийство знакомого человека» выглядит следующим образом: «Преступник знаком с жерт-

вой. Он решил застрелить своего знакомого из-за наркотиков, женщины или из мести. Жертва стояла на углу улицы. Преступник подъехал и выстрелил в нее. Жертва была тяжело ранена и умерла в больнице. Свидетели опознали преступника, и полиция его арестовала» (*Wiener et al., 2002*).

Несмотря на наличие межкультурных различий, некоторые скрипты носят универсальный характер. Например, в соответствии с английским и немецким скриптами, изнасилованием может считаться сексуальное насилие, совершаемое ночью на улице незнакомым с жертвой преступником, в ходе которого жертва оказывает физическое сопротивление. В соответствии с этим скриптом, изнасилование заканчивается для жертвы тяжелым психологическим, но несерьезным физическим ущербом (*Krahe, 1991*). Аналогично, в соответствии с русским скриптом, изнасилование совершается внезапно появляющимся на темной улице незнакомым человеком, который старше своей 15-25-летней жертвы (*Чернецкая, 2000*).

Обыденное определение, примеры и скрипты преступлений выполняют следующие **функции**.

1. Оценка произошедшего события как преступления (*функция организации знаний*). Люди оценивают подобие реального преступления скрипту и таким образом определяют для себя, было ли преступление на самом деле: чем больше подобие между реальными событиями и скриптом, тем больше вероятность, что люди оценят реальное событие как преступление. Например, изнасилование, соответствующее уже описанным английскому и немецкому скриптам, воспринимается как таковое окружающими. Однако если людям становится известно, что жертва изнасилования была пьяна, знакома с насильником, не оказала ему физического сопротивления, что изнасилование случилось в квартире жертвы или преступника, а насильник не угрожал ей, то они оценивают показания жертвы о совершении изнасилования как ложные (*Krahe, 1991*). Аналогично, изнасилование чаще оценивается как акт насилия, если преступником является мужчина, а не женщина (*Lev-Wiesel, Besser, 2006*).

2. Оценка серьезности произошедшего события (*функция*

организации знаний). Например люди чаще оценивают произошедшее как изнасилование, считают, что права жертвы были серьезно нарушены, и ей была нанесена серьезная психологическая травма, когда оно было совершено незнакомцем, чем если жертва была знакома, но разведена с преступником или была замужем за ним.

3. Готовность заявить о совершении преступления: люди готовы обратиться в правоохранительные органы, если произошедшее событие соответствует обыденным представлениям о преступлении (*функция влияния на поведение*).

6.4. Мифы об изнасиловании

Мифами о преступлении называют широко распространенные, но не отвечающие действительности представления о причинах его совершения. Типичным примером являются мифы об изнасиловании.

Мифами об изнасиловании называются не соответствующие действительности, но широко распространенные представления об изнасиловании, которые служат для отрицания ответственности насильника и оправдания мужской агрессии по отношению к женщине (*Lonsway, Fitzgerald, 1994*).

К их числу относятся следующие утверждения (*Olsen-Fulero, Fulero, 1997*):

- женщина не может быть изнасилована против собственного желания;
- женщина тайно желает быть изнасилованной;
- большинство обвинений в изнасиловании подделано.

К настоящему времени для **измерения подобных мифов** созданы 24 шкалы. Наибольшую распространенность в современных исследованиях получили три из них – оригинальная шкала М. Барт (RMAS), модифицированная шкала М. Барт и шкала Г. Филда (*Lonsway, Fitzgerald, 1994*).

Оригинальная шкала М.Барт включает в себя девятнадцать утверждений, с которыми респондент может согласиться или нет, например, «Если женщина ведет себя сексуально, она провоцирует собственное изнасилование», «Даже если женщина кричит во время изнасилования, обычно ей это нравится», «Если женщину изнасиловали, это означает, что она не сказала

«нет» достаточно ясно», «Женщины склонны преувеличивать, насколько сильно изнасилование повлияло на них», «Многие так называемые жертвы изнасилования – это женщины, которые хотели вступить в сексуальные отношения с мужчиной и изменили свое мнение после того, как это произошло» (*Lonsway, Fitzgerald, 1995*). Впоследствии был создан модифицированный опросник, включавший в себя восемь утверждений (*Gamper, 2004*).

Автором другого варианта шкалы стал Г. Филд. Он предположил, что attitudes к изнасилованию слишком сложны, чтобы их можно было измерить с помощью одной шкалы. Поэтому он создал методику, включающую в себя семь содержательных шкал (*Field, 1979*):

1. Ответственность женщины за предотвращение своего изнасилования: например, «Женщина ответственна за то, чтобы предотвратить свое собственное изнасилование». Согласие человека с подобными утверждениями – показатель принятия мифов об изнасиловании.

2. Сексуальное возбуждение как мотивация для изнасилования: например, «Причина совершения преступления большинством насильников – это их половая принадлежность», «Изнасилование – это выражение неконтролируемой сексуальной потребности». Высокий балл по этой шкале отражает традиционный взгляд, что мотив изнасилования – это сексуальная потребность, а не потребность во власти.

3. Серьезность наказания за изнасилование: например, «Обвиненный насильник должен быть кастрирован», «Мужчина, который совершил изнасилование, должен быть осужден по крайней мере на 30 лет тюрьмы». О принятии мифов об изнасиловании говорит слабое согласие с подобными утверждениями.

4. Опрометчивость жертвы преступления: например, «Женщина провоцирует изнасилование своим внешним видом и поведением». Показатель принятия мифов об изнасиловании – согласие с подобными утверждениями.

5. Психическая нормальность насильника: «Насильник – психически нормальный мужчина». Чем меньше человек соглашается с подобными утверждениями, тем больше он при-

нимает мифы об изнасиловании.

6. Восприятие женщины после изнасилования: «Женщина не должна испытывать чувство вины после изнасилования». Согласие с подобными утверждениями означает отказ от мифов.

7. Сопротивление как роль женщины во время изнасилования. Согласие с тем, что жертва обязательно должна оказывать насильнику сопротивление, означает принятие мифов об изнасиловании.

Принятие мифов об изнасиловании связано с рядом социодемографических и психологических **особенностей** людей (см. рис. 1.3).

К *социодемографическим особенностям* относятся следующие характеристики.

1. Пол: большинство исследований показали, что мужчины больше, чем женщины, принимают мифы об изнасиловании (*Caron, Carter, 1997; Jimenez, Abreu, 2003; Lonsway, Fitzgerald, 1994; Muir, Lonsway, Payne, 1996; Olsen-Fulero, Fulero, 1997; Sinclair, Bourne, 1998; White, Kurpius, 1999*).

В целом пол оказывает на принятие мифов более сильное влияние, чем все остальные социодемографические особенности (*Lonsway, Fitzgerald, 1994*).

2. Возраст: мифы об изнасиловании чаще принимают люди старшего возраста (*Kassing, Beesley, Frey, 2005*). Однако по результатам других исследований, большая враждебность к женщинам и принятие мифов об изнасиловании характерно для молодых людей (*Aromaki, Haebich, Lindman, 2002*). В целом полученные результаты достаточно противоречивые и не дают возможность сделать однозначный вывод (*Lonsway, Fitzgerald, 1994*).

Рисунок 1.3. Факторы, оказывающие влияние на мифы об изнасиловании

3. Образование и профессия: мифы об изнасиловании чаще принимают люди с низким уровнем образования (*Kassing, Beesley, Frey, 2005*). Влияние профессии человека может комбинироваться с половой принадлежностью. Например, сравнение мужчин и женщин — студентов университета и профессиональных психологов показало, что наиболее негативное отношение к жертве изнасилования характерно для мужчин-студентов, а наиболее позитивное — для женщин-психологов (*White, Kurpius, 1999*).

4. Опыт общения с жертвами: люди, не имеющие опыта общения с жертвами сексуального насилия, чаще принимают мифы об изнасиловании, чем те, кто постоянно сталкивается

с ними. Например, мужчины-консультанты, которые не работали с людьми, ставшими жертвами сексуального насилия, чаще принимают мифы об изнасиловании, чем те, кто работал с ними (*Kassing, Prieto, 2003*).

5. Этническая и расовая принадлежность: например, американские студенты чаще принимают мифы об изнасиловании, чем шотландские. Кроме того, люди реже используют мифы об изнасиловании при оценке жертвы, которая является представителем одной с ними расовой группы (*Jimenez, Abreu, 2003*). Однако полученные результаты достаточно противоречивые и не дают возможность сделать однозначный вывод (*Lonsway, Fitzgerald, 1994*).

6. Сексуальная ориентация: женщины с традиционной сексуальной ориентацией и мужчины с нетрадиционной реже принимают мифы об изнасиловании, чем мужчины с традиционной сексуальной ориентацией. Эта связь проявляется и в случае нетрадиционного варианта изнасилования, жертвой которого стал мужчина (*Davis, McCartney, 2003*).

Среди *психологических характеристик* важное место занимают следующие особенности.

1. Раздражительность: чем выше раздражительность, тем сильнее принятие аттитюдов об изнасиловании (*Spence, Losoff, Robbins, 1991*).

2. Уровень маскулинности: на принятие мифов об изнасиловании оказывает влияние не столько биологический, сколько психологический пол: чем более феминный, и чем менее маскулинный человек, тем меньше он принимает мифы об изнасиловании (*Locke, Mahalik, 2005; Lonsway, Fitzgerald, 1994; Quackenbush, 1989*).

3. Авторитаризм: авторитарные люди чаще принимают мифы об изнасиловании, чем неавторитарные.

4. Ценности. М. Барт считала, что мифы об изнасиловании развиваются в определенной системе ценностей (*Burt, 1980; Walker, Rowe, Quinsey, 1993*) (табл. 1.7.), включающей в себя:

- веру в сексуальное соперничество, при которой партнеры рассматриваются как эксплуатирующие друг друга. Шкала для измерения подобных представлений включает в себя пят-

надцать утверждений, с которыми респондент может согласиться или не согласиться;

- принятие межличностного насилия как приемлемого способа взаимодействия. Для измерения этой особенности Барт создала шкалу, состоящую из двадцати утверждений;

- традиционные гендерные стереотипы, особенно если они касаются женщины, приписывая ей пассивную роль;

- сексуальный консерватизм.

Последующие исследования показали, что связь между мифами об изнасиловании, с одной стороны, и верой в сексуальное соперничество, принятием межличностного насилия и полоролевыми стереотипами, с другой, опосредуется враждебным отношением к женщинам. Однако это отношение оказывает большее влияние на принятие мифов об изнасиловании мужчинами, а не женщинами. Это означает, что в основе принятия подобных мифов представителями разных полов лежат разные факторы (*Lonsway, Fitzgerald, 1995*).

5. Отношение к случайным сексуальным контактам: мужчины, одобряющие случайные сексуальные связи, не сопровождающиеся серьезными чувствами, принимают мифы об изнасиловании, верят в сексуальное соперничество, имеют более конвентивное представление о роли женщины в обществе. Однако женщины, одобряющие такие связи, склонны к сексуальным фантазиям о доминировании и имеют нетрадиционное представление о роли женщины. Таким образом, мифы об изнасиловании имеют значение только для мужчин (*Yost, Zurbriggen, 2006*).

6. Внутриличностный ролевой конфликт: принятие мифов об изнасиловании характерно для людей с внутриличностным ролевым конфликтом, одним из показателей которого являются постоянная тревога человека, связанная со своими достижениями и построением карьеры, желание обрести власть над окружающими, готовность конкурировать с ними (*Kassing, Beesley, Frey, 2005*).

7. Вера в справедливый мир: чем выше вера в справедливый мир, тем сильнее принятие мифов об изнасиловании (*Tabone, Pardine, Salzano, 1992*).

8. Социальная компетентность: к принятию мифов об изнасиловании склонны социально некомпетентные люди, испытывающие трудности во взаимодействии с представителями другого пола (*Gamper, 2004*).

9. Оценка вероятности стать жертвой: чем выше женщина оценивает свой риск стать жертвой изнасилования и чем более похожей на типичную жертву считает себя, тем меньше она принимает мифы об изнасиловании (*Tabone, Pardine, Salzano, 1992*).

И наконец, принятие и использование мифов об изнасиловании определяется некоторыми *особенностями ситуации*.

1. Особенности преступления: принятие мифов об изнасиловании и их использование при оценке жертвы возрастает, когда известно, что преступник и жертва давно знакомы друг с другом и уже вступали в сексуальные отношения по обоюдному согласию, т. е. когда изнасилование не соответствует обыденным скриптам.

2. Демонстрация преступления по каналам СМК: люди, смотрящие на сцены изнасилования, чаще принимают мифы об изнасиловании, но только если видят, что жертва получает удовольствие от того, что с ней происходит (*Lonsway, Fitzgerald, 1994*).

3. Мнение окружающих: люди чаще соглашаются с мифами, когда получают информацию о том, что окружающие также принимают их, чем при получении противоположной информации (*Eyssel, Bohner, Siebler, 2006*).

4. «Фон» (ситуативное влияние, не имеющее отношения к преступлению): люди, слушающие в экспериментальной ситуации «тяжелый металл», впоследствии выражают худшее отношение к женщинам, в том числе чаще соглашаются с мифами об изнасиловании, чем те, кто слушает классическую музыку (*Jackson, Joyner, 1991*).

Мифы об изнасиловании выполняют следующие **функции**.

1. Они влияют на образ Я и самооценку (*эго-защитная функция*). Например, женщины, которые принимают мифы об изнасиловании:

- не рассматривают себя как возможную жертву (*Bohner, Lampridis, 2004*);

- рассматривают сексуальное насилие как результат поведения конкретной женщины, наделенной определенными личностными чертами, а не форму агрессии в отношении женщин вообще (*Bohner, Siebler, Raaijmakers, 1999*).

Поэтому когда они узнают о совершении изнасилования, их самооценка и эмоциональное состояние остаются неизменными, тогда как у противниц мифов они ухудшаются.

2. Мифы об изнасиловании оказывают влияние на оценку преступления, насильника и жертвы (функция организации знаний). В частности, люди, принимающие мифы:

- реже рассматривают происшедшее как изнасилование (*Lonsway, Fitzgerald, 1994; Mason, Riger, Foley, 2004; Xenos, Smith, 2001*). Это характерно даже для женщин, которые сами стали жертвами, при условии, что их собственный опыт совпал с мифами (*Peterson, Muehlenhard, 2004*);

- более позитивно оценивают насильника (приписывают ему меньшую ответственность за изнасилование, реже обвиняют в совершении преступления и рекомендуют менее серьезное наказание (*Lonsway, Fitzgerald, 1994; Schuller, Wall, 1998*);

- менее позитивно оценивают жертву (приписывают ей большую степень вины в происшедшем, оценивают нанесенную ей травму как менее серьезную), особенно если речь идет о нетипичном с житейской точки зрения изнасиловании (изнасиловании в семье или на свидании) (*Frese, Moya, Megias, 2004; Varelas, Foley, 1998*).

3. Мифы об изнасиловании связаны с сексуальными фантазиями и сексуальным возбуждением (*функции организации знаний и влияния на поведение*). В частности, с принятием мифов об изнасиловании позитивно связаны фантазии о доминировании над женщиной у мужчин и эмоциональные, романтические фантазии у женщин (*Zurbriggen, Yost, 2004*). У мужчин мифы об изнасиловании являются важным фактором, оказывающим влияние на сексуальные фантазии с элементами насилия. Эти фантазии, в свою очередь, увеличивают сексуальное возбуждение мужчин при знакомстве с сообщениями, в которых описываются изнасилования (*Plaud, Bigwood, 1997*).

4. Мифы об изнасиловании влияют на оценку риска совершения преступления (*функции организации знаний и влияния на поведение*). В частности, чем больше женщины поддерживают мифы об изнасиловании, тем позже они предлагают мужчине остановиться, чтобы не совершить изнасилование «на свидании», что говорит о низкой оценке риска быть изнасилованной (*Loiselle, Fuqua, 2007*).

5. Мифы об изнасиловании влияют на готовность заявить о совершенном преступлении (*функция влияния на поведение*). Люди, принимающие мифы об изнасиловании, демонстрируют меньшую готовность обратиться в правоохранительные органы, особенно если речь идет о нетипичном с житейской точки зрения изнасиловании (изнасиловании в семье или на свидании) (*Frese, Moya, Megias, 2004*).

6. Мифы об изнасиловании определяют готовность человека совершить изнасилование (*функция влияния на поведение*). Однако это влияние достаточно неустойчиво.

С одной стороны, его наличие подтверждается:

- данными самоотчета несудимых граждан: мужчины, принимающие мифы об изнасиловании, заявляют о большей готовности совершить это преступление, поскольку ожидают большего удовлетворения от доминирования в сексуальной сфере, а также чаще сообщают об актах сексуального насилия, совершенных ими в прошлом (*Carmody, Washington, 2001; Eyssel, Bohner, Siebler, 2006; Locke, Mahalik, 2005; Morry, Winkler, 2001; Simbayi et al., 2006*). Подобное влияние оказывает как ситуативная актуализация мифов об изнасиловании, так и их постоянная доступность, например, у людей, имеющих опыт принуждения женщины к вступлению в половую связь (*Bohner et al., 2005*);

- результатами сравнения несудимых граждан и осужденных насильников: представления о женщинах сексуальных преступников отличаются от представлений преступников другого типа и законопослушных граждан.

С другой стороны, существуют данные, говорящие об отсутствии влияния мифов об изнасиловании на реальное сексуальное поведение людей:

- мифы об изнасиловании определяют готовность совершить это преступление, но не его реальное совершение, которое определяется скорее сексуальными фантазиями насильственного характера и агрессивностью;

- молодые мужчины, не совершавшие изнасилования, принимают мифы об изнасиловании в той же степени, что и преступники, осужденные за это преступление (*Greendlinger, Byrne, 1987; Aromaki, Haebich, Lindman, 2002*);

- молодые люди, совершившие сексуальные преступления, не отличаются по степени принятия мифов об изнасиловании от тех, кто совершил преступления другого типа (*Epps, Haworth, Swaffer, 1993*).

6.5. Страх перед преступлением и оценка риска стать его жертвой

Аттитюды к преступлениям имеют не только когнитивную, но и эмоциональную составляющую, в которую входит страх перед преступлениями, играющий важную роль в оценке людьми условий своей жизни.

Страх перед преступлениями подразделяют на эгоистический и альтруистический: эгоистический страх – страх за себя и альтруистический страх – страх за других (матерей за своих детей, мужчин за своих жен и т. д.) (*Warr, 1992*). Поскольку страх за себя и страх за других – это разные измерения страха перед преступлениями, они изменяются независимо друг от друга.

Кроме того, страх перед преступлениями подразделяется в зависимости от типа преступления: страх перед убийством, ограблением, изнасилованием и т. д. Некоторые виды играют в структуре страха перед преступлениями более важную роль, чем другие. Например, страх перед изнасилованием у женщин определяет страх перед другими видами преступлений, особенно насильственными (убийство, избиение, ограбление) (*Ferraro, 1996*).

Существует четыре основных представления о причинах страха перед преступлениями (*Katz, Webb, Armstrong, 2003*):

- модель виктимизации, в соответствии с которой пре-

ступлений больше боятся люди, которые (а) чувствуют себя физически или психологически уязвимыми (например, женщины, пожилые, больные, одинокие, безработные и т. д.), (б) становились жертвами преступлений в прошлом или (в) знают о случаях, когда жертвами стали их родные и друзья;

- модель хаоса, в соответствии с которой страх перед преступлениями усиливается при разрушении в обществе системы контроля, особенно когда появляется яркие признаки разрушения (разрушенные здания, вандализм, пьянство в общественных местах, нападения на улицах);

- модель общественной заинтересованности, в соответствии с которой страх перед преступлением усиливается, когда у людей возникает апатия, пессимизм в отношении своего будущего, ощущение потери контроля за происходящим, неудовлетворенность соседями и недоверие к ним;

- модель различия субкультур, в соответствии с которой страх перед преступлениями выше у людей, живущих в разнородном культурном окружении, где ценности и нормы, которых придерживаются соседи, достаточно сильно отличаются от собственных ценностей и норм человека.

Таким образом, **страх перед преступлениями зависит** от следующих факторов: социодемографических и психологических особенностей людей, характеристик ситуации.

К *социодемографическим характеристикам* относятся возраст, пол, уровень дохода, состояние здоровья, семейный статус, раса, место жительства, опыт виктимизации. В частности, женщины больше боятся преступлений, чем мужчины. Люди старше 60 лет боятся по-другому, чем молодые: у них меньше выражен страх относительно конкретных преступлений, зато более интенсивен страх общего характера, например, перед пребыванием в одиночестве на улице или в торговом центре. Страх перед преступлениями растет с падением дохода, уменьшением уровня образования, ухудшением здоровья. Он выше у пожилых людей, которые никогда не были женаты/замужем. Кроме того, страх стать жертвой выше у тех, кто живет в опасных или отдаленных районах, рядом с представителями групп, считающихся в обществе

опасными. Он выше у людей, которые уже становились жертвой преступления. Кроме того, страх перед преступлением выше у иммигрантов, которые переехали в страну во время пика иммиграции, чем у коренных жителей страны и у тех, кто переехал в нее после окончания бума (*Hunter, Krannich, Smith, 2002*).

В качестве *психологических особенностей* выделяют представления человека о (*Van Der Wurff, Stringer, 1988; Van Der Wurff, Van Staalduinen, Stringer, 1989*):

- своей привлекательности для преступника;
- своей возможности противостоять преступнику;
- силе преступника;
- вероятности совершения преступления определенного типа;

- количестве потенциальных преступников;
- степени криминализации пространства, отсутствия социального контроля, наличия знаков присутствия потенциальных преступников, неготовности к быстрому оказанию помощи и т. д. Например, страх перед преступлениями увеличивает предупреждение человека о том, что по соседству с ним живет мужчина, который в прошлом совершил сексуальное преступление;

- последствиях совершения преступления.

Кроме того, к числу психологических особенностей стоит отнести отношения с родителями:

- дети, которые сильно привязаны к своим родителям, не ощущают изоляции от них, испытывают меньший страх перед преступлением и чаще считают, что окружающий мир безопасен, чем те, кто слабо привязан к ним и испытывает ощущение изолированности (*May, Vartanian, Virgo, 2002; Wallace, May, 2005*);

- мальчики, которые в детстве находились под сильным контролем своих родителей, испытывают более сильный страх, чем те, кого родители контролировали меньше (*May, Vartanian, Virgo, 2002*);

- подростки, которым в детстве чаще позволяли самостоятельно передвигаться по городу и играть в публичных ме-

стах, испытывают меньший страх перед преступлениями, чем те, чьи передвижения ограничивали (*Prezza, Pacilli, 2007*).

К *особенностям ситуации* относятся такие разные факторы, как:

- городская застройка: люди бояться некоторых мест (темные закоулки, отсутствие широкого обзора и путей отхода, плохое освещение) больше, чем других (*Doran, Lees, 2005*);

- время дня: страх перед преступлением выше после наступления темноты (*Doran, Lees, 2005*);

- время года: существуют сезонные колебания страха перед преступлением;

- сообщения в средствах массовой коммуникации: сообщения о преступлениях, произошедших поблизости, увеличивает страх, а произошедших далеко — уменьшает его (*May, Vartanian, Virgo, 2002*). Очевидно поэтому больший страх перед преступлениями испытывают люди, которые часто смотрят местные новости и считают их важным источником информации. Эта связь особенно сильно выражена в сообществах с высоким уровнем преступности (*Weitzer, Kubrin, 2004*). Кроме того, страх перед преступлениями усиливают сообщения о побегах из тюрем, особенно если в них не говорится о хорошем поведении заключенного в тюрьме и возможных причинах побега (*Fishes, Allan, Allan, 2004*).

Страх перед преступлениями выполняет следующие **функции**.

1. Отказ от гражданских свобод: когда люди чувствуют страх, как это происходит после крупных террористических актов, они меньше поддерживают гражданские свободы (*Davis, Silver, 2004*) (*эго-защитная функция*);

2. Низкая оценка качества жизни: люди, испытывающие сильный страх перед преступлениями, ниже оценивают качество жизни, чем те, кто испытывает слабый страх (*функция организации знаний*);

3. Социальная (из одной группы в другую) и территориальная (из одного места в другое) мобильность: люди, которые боятся преступлений, стараются действовать в областях,

которые защищены от них, и избегают появляться в местах, которые оцениваются ими как незащищенные (*функция влияния на поведение*);

4. Приобретение оружия: чем больше люди боятся преступлений, тем больше они хотят приобрести оружие (*функция влияния на поведение*);

5. Нежелание обращаться в правоохранительные органы: когда люди боятся преступлений, они реже хотят совершить что-либо для их предотвращения, например, позвонить в милицию (*функция влияния на поведение*).

Страх перед преступлениями отличается от оценки риска стать жертвой преступления: оценка риска — это когнитивный компонент установок к преступлениям, а страх перед преступлением — их аффективный компонент. Это отличие проявляется, во-первых, на методическом уровне: страх и оценка риска изучаются с помощью разных вопросов: «Испытываете ли страх? Бойтесь ли...?» для страха перед преступлениями и «Считаете ли Вы свой дом незащищенным, небезопасным?» для оценки риска. Во-вторых, страх и оценка риска по-разному связаны с особенностями и представлениями респондентов. Например, социальная интеграция (знакомятся ли люди с соседями, имеют ли среди них друзей, присматривают ли за их собственностью в их отсутствие и т. д.) позитивно связана со страхом ограбления, но негативно — с оценкой его риска (*Rountree, Land, 1996*). Мальчики, подвергающиеся сильному контролю со стороны родителей, испытывают больший страх перед преступлениями, но ниже оценивают риск стать жертвой, чем те, кого родители контролируют меньше (*May, Vartanian, Virgo, 2002*).

Кроме того, страх перед преступлением отличается от оценки преступления как важной социальной проблемы. Например, в Италии оценка преступления как социальной проблемы распространена меньше, чем страх перед ним; при этом в последние годы страх растет, а оценка важности этого явления снижается. Кроме того, в их основе лежат разные факторы (*Amerio, Roccato, 2005, 2007*).

7. Основные проблемы изучения правосознания

К настоящему времени накоплено много сведений, касающихся структуры, функций и содержания правосознания. Однако усложнение представления об этом феномене сопровождается возникновением ряда проблем.

Первая проблема связана с **терминологической путаницей**. Термин правосознание был введен в научный обиход российскими исследователями, и до сих пор используется преимущественно в нашей стране, не имея при этом однозначного определения. В североамериканских и западноевропейских странах предпочитают использовать другие термины – аттитуды к закону, смертной казни, страх перед преступлением, мифы об изнасиловании и т. д.

Такая ситуация порождает *вторую проблему* – **системности/бессистемности правосознания**. Многообразие терминов, используемых нашими западными коллегами, неслучайно. Изучение разных аспектов правосознания было начато независимо друг от друга и привело к возникновению ряда самостоятельных областей исследования, имеющих собственную логику постановки проблем и методический инструментарий. В этих условиях введение единого термина для обозначения разных аспектов отношения людей к правовым явлениям не имеет смысла.

Введение термина «правосознание» оправдано только в том случае, если разные аспекты отношения людей к правовым явлениям образуют единую систему. Результаты ряда исследований говорят в пользу этой идеи, описанной на теоретическом уровне, но не получившей пока широкого распространения.

Во-первых, разные аспекты отношения людей к правовым явлениям действительно связаны между собой. Например:

- страх перед преступлениями оказывает влияние на размер рекомендуемых наказаний;
- положительное отношение к органам защиты правопоряд-

- ка приводит к оценке обстановки как менее криминогенной;
- оценка судебной практики как несправедливой связана с оценкой обстановки как криминогенной;
 - вероятность обращения людей в полицию связана с интенсивностью их страха перед преступлением;
 - оценка серьезности преступлений против личности связана с поддержкой смертной казни и т.д.

Во-вторых, существует связь между разными компонентами правосознания:

- оценка серьезности совершаемых преступлений (когнитивный компонент) и страх перед ними (аффективный компонент) оказывают влияние на выбор человеком способа спастись от преступника (поведенческий компонент);
- оценка эффективности работы правоохранительных органов (когнитивный компонент) определяет вероятность обращения в них людей (поведенческий компонент);
- позитивная или негативная оценка закона (аффективный компонент) связана с намерением совершить преступление (поведенческий компонент).

Однако «системность» подразумевает так же, что:

- правосознание обладает единым центром;
- могут быть созданы типологии правосознания, в основе которых лежит отношение людей не только к закону, но одновременно к наказанию, преступлению, работникам правовых институтов;
- целенаправленное изменение одних элементов правосознания приводит к изменению других.

Эти положения требуют отдельной эмпирической проверки.

Кроме того, «системность» правосознания ограничена противоречивостью обыденного сознания. Характерными примерами таких противоречий являются, во-первых, согласие человека с аргументами против смертной казни и одновременная поддержка ее применения и, во-вторых, согласие с общими положениями закона, но отказ применять их при оценке конкретных ситуаций. По-видимому, имеет смысл говорить не о жесткой связи между всеми элементами

ми правосознания, а о взаимозависимости только некоторых из них.

Третья проблема в изучении правосознания касается **неравномерного внимания** исследователей к **разным аспектам** этого феномена, то есть существования «модных», привлекающих наибольшее внимание, и «периферийных», слабо исследованных вопросов.

Четвертая проблема связана с **отсутствием теоретической базы** изучения правосознания. Для изучения правосознания характерен разрыв между теоретическим анализом этого феномена и его эмпирическим исследованием. Наличие этого разрыва определяется тремя причинами: изучением феноменов, относящихся к области правосознания, в рамках традиционных социально-психологических теорий; анализом правосознания как системы аттитюдов; нескоординированностью усилий представителей разных специальностей.

Во-первых, феномены, относящиеся к области правосознания, в ряде случаев выступают как способ демонстрации общих психологических закономерностей, служат для подтверждения социально-психологических теорий. Например, представления о правах человека рассматриваются в рамках концепции социальных представлений. Изучение влияния демонстрации порнографии на аттитюды к женщине происходит в русле бихевиоральной традиции. Исследование влияния этнической принадлежности преступника на предлагаемое ему наказание — в рамках теории социальной идентичности. Такая раздробленность изучения правосознания приводит к игнорированию его целостности, следствием чего является отсутствие интереса к теоретическому осмыслению этого феномена.

Во-вторых, в основе разрыва между теоретическим анализом и эмпирическим изучением правосознания лежит не востребованность этого понятия в североамериканских и западноевропейских исследованиях и его замена термином «аттитюд». Поскольку изучение аттитюдов происходит в рамках разных теоретических подходов (бихевиорального, когнитивного и т. д.), анализ правосознания как системы со-

циальных установок не предполагает специального обращения к теоретическому анализу его природы и структуры.

В-третьих, разрыв между теоретическим и эмпирическим уровнями изучения правосознания является результатом несоординированности усилий представителей разных специальностей. В частности, в России, где термин «правосознание» получил широкое распространение, разработкой его теоретических аспектов долгое время занимались философы, а проведением эмпирических исследований — социологи и психологи. Наиболее последовательную позицию в данном случае занимали некоторые российские исследователи, положившие в основу определения правосознания и его эмпирического изучения концепцию общественного сознания (Ратинов, 1974).

Пятая проблема в изучении правосознания касается его **динамики**. Вопрос заключается во времени изменения и необходимых для этого условиях. Его мы рассмотрим во второй главе.

Но перед этим мы проанализируем еще два феномена, имеющих непосредственное отношение к правовым представлениям, изучение которых шло независимо от правосознания — атрибуцию ответственности и представления о справедливости.

II. Атрибуция ответственности и вины как составляющая правосознания

1. Определение атрибуции ответственности и вины

Атрибуция является одним из механизмов познания социального мира. Под атрибуцией понимается присущая человеку тенденция объяснять и оценивать те события, которые происходят вокруг него, участником или свидетелем которых он становится. Существует несколько стадий вынесения атрибутивного суждения.

Атрибуция черт, под которой понимается приписыва-

ние окружающим людям определенных личностных черт, способностей, эмоций, мотивов, намерений, является первой стадией вынесения атрибутивного суждения. Аттitudes к преступникам и жертвам, сотрудникам милиции, суда и пенитенциарных учреждений частично являются результатом такого приписывания.

Каузальная атрибуция – приписывание причин поведению окружающих людей, объяснение его последствий – вторая стадия атрибуции. Эти причины различаются по нескольким основаниям:

- По локусу причинности они делятся на внутренние и внешние; в первом случае поступки человека объясняются наличием у него определенных индивидуальных особенностей, а во втором – внешними факторами (действиями других людей, судьбой и т.д.). При вынесении суждения о локусе причинности, мы учитываем несколько факторов: во-первых, мог ли человек, которому приписывается совершение поступка, действительно сделать это, а также предсказать его последствия? На основе ответов, полученных на эти вопросы, выносится суждение о том, насколько намеренным было поведение человека. Если его поведение признано намеренным, то для его объяснения используются внутренние причины.

- По возможности контроля причины делятся на контролируемые и неконтролируемые; в первом случае мы полагаем, что совершивший поступок человек мог контролировать свои действия, а во втором – нет.

- По степени стабильности причины делятся на стабильные и нестабильные; в первом случае выносящий суждение человек считает, что данная причина оказывает влияние постоянно, а во втором – только в некоторых случаях.

Атрибуция ответственности, под которой понимается *приписывание ответственности* за произошедшее событие его участникам или ситуации, является третьей стадией вынесения атрибутивного суждения, а атрибуция вины – четвертой. Люди склонны приписывать ответственность за события с позитивным и негативным исходом, а вину – только

за те, которые привели к негативным последствиям. Одним из примеров такого события является преступление. Конечно, люди ищут человека, несущего ответственность за произошедшие события, не только в случае совершения преступления. Они делают это, пытаясь объяснить выигрыш в лотерею, разбитую банку с вареньем, семейные проблемы, плохую оценку в школе, экономическую и политическую ситуацию в стране и многое другое. Однако, рассматривая атрибуцию ответственности и вины как часть правосознания, мы сосредоточим внимание на атрибуции ответственности и вины за преступления.

Процесс атрибуции, в том числе приписывания ответственности и вины, наиболее активно идет в тех случаях, когда:

- человек сталкивается с неожиданным или необычным событием;
- это событие является социально нежелательным, ведет к негативным последствиям;
- человек не понимает смысл происходящего;
- ему кажется, что он потерял контроль над ситуацией;
- событие важно для человека, может оказать серьезное влияние на его жизнь.

Преступление соответствует всем этим условиям: оно происходит редко, как правило, неожиданно, приводит к негативным последствиям и может значительно изменить жизнь участников. Не имея опыта совладания с такими ситуациями, человек теряется. Это означает, что при столкновении человека с преступлением процесс приписывания ответственности и вины идет особенно активно.

Атрибуция ответственности и вины является одним из факторов в цепи причин и следствий, объединяющей разные феномены, связанные с правосознанием (*Feather, 1996, 1998*) (рис.1.4).

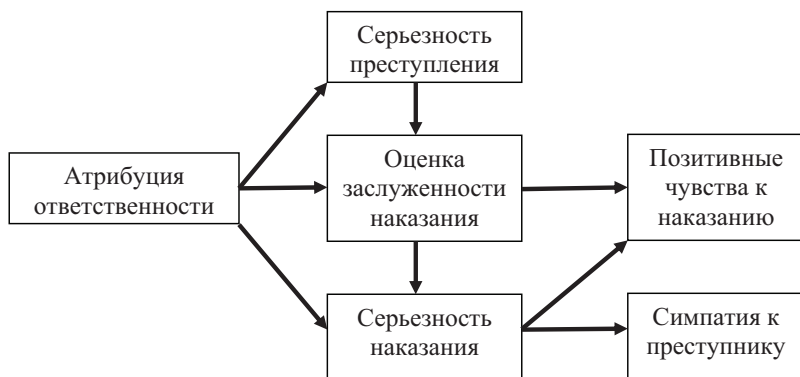

Рисунок 1.4. Место атрибуции ответственности в структуре правосознания (Feather, 1996, 1998)

Например, она связана с оценкой серьезности преступления и заслуженного преступником наказания. Существует две модели, описывающих эту связь — рациональная модель и модель оправдания (Tostain, Lebreuilly, 2008). В соответствии с рациональной моделью, наказание преступника — результат целого ряда решений, среди которых: (а) признание того, что причиной нанесения ущерба является преступление; (б) выявление намерений и мотивов преступника; (в) атрибуция ответственности и вины; (г) выбор меры и размера наказания. Это означает, что атрибуция ответственности и вины определяет размер и заслуженность наказания: чем большая ответственность приписывается преступнику, тем более серьезным считается преступление, тем более строгое наказание рассматривается как заслуженное. В соответствии с моделью оправдания, когда действие приводит к серьезным последствиям, которые жертва рассматривает как несправедливые, у нее возникают негативные эмоции, порождающие желание наказать преступника. В этом случае атрибуция ответственности и вины является способом оправдания наказания. Это означает, что размер наказания оказывают влияние на оценку ответственности и вины. В целом, рациональная модель лучше описыва-

ет суждения человека в случае нанесения незначительного ущерба, а модель оправдания – серьезного.

Кроме того, атрибуция ответственности и вины связана с эмоциональным отношением к наказанию и симпатией к преступнику: чем большая ответственность приписывается преступнику, тем более позитивное отношение вызывает его строгое наказание, тем менее симпатичным он кажется.

Кроме того, преступникам, которые оцениваются как не уважающие суд или закон, приписывается большая ответственность за преступления, и они воспринимаются как более склонные к повторному его совершению (*Albonetti, 1991*).

2. Модели атрибуции ответственности и вины

За прошедшие годы было сформулировано несколько моделей, описывающих процесс приписывания ответственности, с одной стороны, и вины, с другой. Во всех этих моделях описывается, как человек, наблюдающий за происходящим («свидетель»), приписывает ответственность и вину его непосредственному участнику («деятелю»).

В моделях атрибуции ответственности, как правило, не отражается специфика правовых ситуаций: они касаются приписывания ответственности за любые события.

Родоначальником подобных моделей был Ф.Хайдер, который выделил ряд ситуаций, различающихся степенью ответственности, приписываемой деятелю (*Bordel, Guingouain, Somat, 2006; McGraw, 1987*):

- ассоциация: человеку приписывается ответственность за те действия, которые каким-то образом связаны с ним, даже если сам он их не совершал (например, родителям приписывается ответственность за действия детей);

- причинность: ответственность приписывается человеку, который действительно совершил действия;

- предсказуемость: ответственность приписывается человеку, который мог предсказать последствия действий, но не мог предотвратить их;

- намеренность: ответственность приписывается человеку, который совершил действия намеренно;

- оправдание: ответственность уменьшается при наличии смягчающих обстоятельств.

Некоторые авторы разделяют эти виды ответственности на объективную (ассоциация и причинность) и субъективную (намеренность, оправдание). Позже были созданы и другие модели атрибуции ответственности (*Alicke, 2000; Shaver, Drown, 1986; Schlenker et al., 1994*). Они представлены в таблице 1.3.

Таблица 1.3. Модели атрибуции ответственности

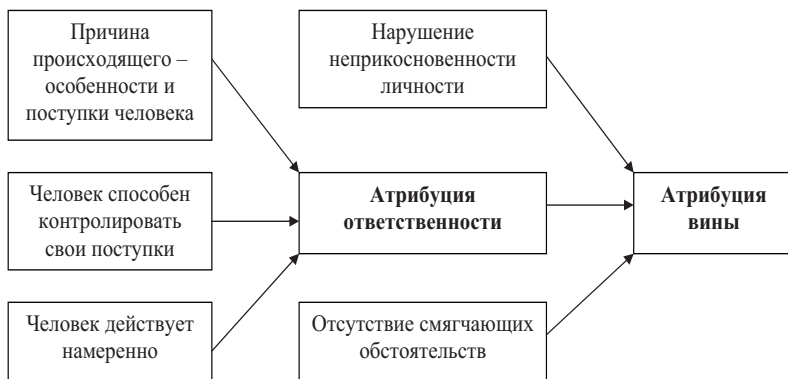
Автор	Условия, способствующие приписыванию человеку ответственности за происходящее
Ф. Хайдер	Одновременность поступка и видимых последствий Возможность совершить действия, которые привели к таким последствиям Возможность предвидеть последствия Намеренное совершение действий Наличие смягчающих обстоятельств
Б. Вайнер	Внутренняя атрибуция поступка на основе анализа намерений Возможность контролировать свои поступки Наличие смягчающих обстоятельств
К. Шавер	Связь между поступком и видимыми последствиями Возможность предвидеть последствия Намеренное совершение действий Свобода выбора действий Соответствие поступка нормам морали
Б. Шленкер	Нарушение человеком четких правил, определяющих поведение в конкретной ситуации; Необходимость выполнения этих правил, связанная с исполнением социальной роли Возможность контролировать свои поступки

В целом, факторы, входящие в состав этих моделей, можно разделить на три группы: связанные с внутренним локусом причинности (одновременность поступка человека и его последствий, наличие у него возможности совершить поступок и предсказать его последствия, намеренность действий), контролируемостью (возможность

контроля и свобода выбора) и наличием смягчающих обстоятельств.

Исследования, проведенные в последние годы, позволили соотнести атрибуцию ответственности и атрибуцию вины. Связь между ними представлена на рисунке 1.5 (Mikula, 1993). Так, человеку приписывается ответственность, если он рассматривается как причина происходящего (внутренний локус), мог контролировать свои действия (контролируемость) и действовал намеренно, а приписывание вины происходит при условии приписывания ответственности, признания нарушения личной неприкосновенности жертвы и отсутствия оправданий произошедшему (рис.1.5). Это означает, что человек признается ответственным за свой поступок, если он объясняется причиной определенного типа. Таким образом, каузальная атрибуция, атрибуция ответственности и вины тесно связаны между собой.

Рисунок 1.5. Взаимосвязь атрибуции ответственности и вины (Mikula, 1993).

В пользу этой модели говорит тот факт, что в случае социально-нежелательного, но не преступного поведения атрибуция вины значительно ниже атрибуции ответственности. Иногда эта закономерность проявляется и в случае

преступлений, например, при атрибуции ответственности и вины преступникам, совершившим убийство из мести или корысти (Гулевич, 2006), а также при оценке ответственности и вины жертвы изнасилования (Krulowitz, Nash, 1979). Однако когда поведение деятеля носит преступный характер, но его нельзя объяснить как реакцию на провокацию жертвы, атрибуция ответственности может стать такой же, как и атрибуции вины. Возможно, это происходит из-за наличия или отсутствия смягчающих обстоятельств.

Вместе с тем, результаты некоторых современных исследований противоречат этой модели. В частности, в некоторых случаях, как при оценке действий психически больного преступника, оценка вины превышает оценку ответственности (Гулевич, 2006). Подобные исследования показывают, что скорее атрибуция вины лежит в основе атрибуции ответственности и определяет ее размер, чем наоборот (Berndsen, Manstead, 2007).

3. Факторы, оказывающие влияние на атрибуцию ответственности и вины

Существует четыре группы факторов, влияющих на атрибуцию ответственности и вины за преступления: особенности преступления, характеристики свидетеля/человека, выносящего суждение об ответственности и вине, преступника и его жертвы. Они способствуют приписыванию ответственности и вины двум основным участникам преступления — преступнику и его жертве (рис. 1.8).

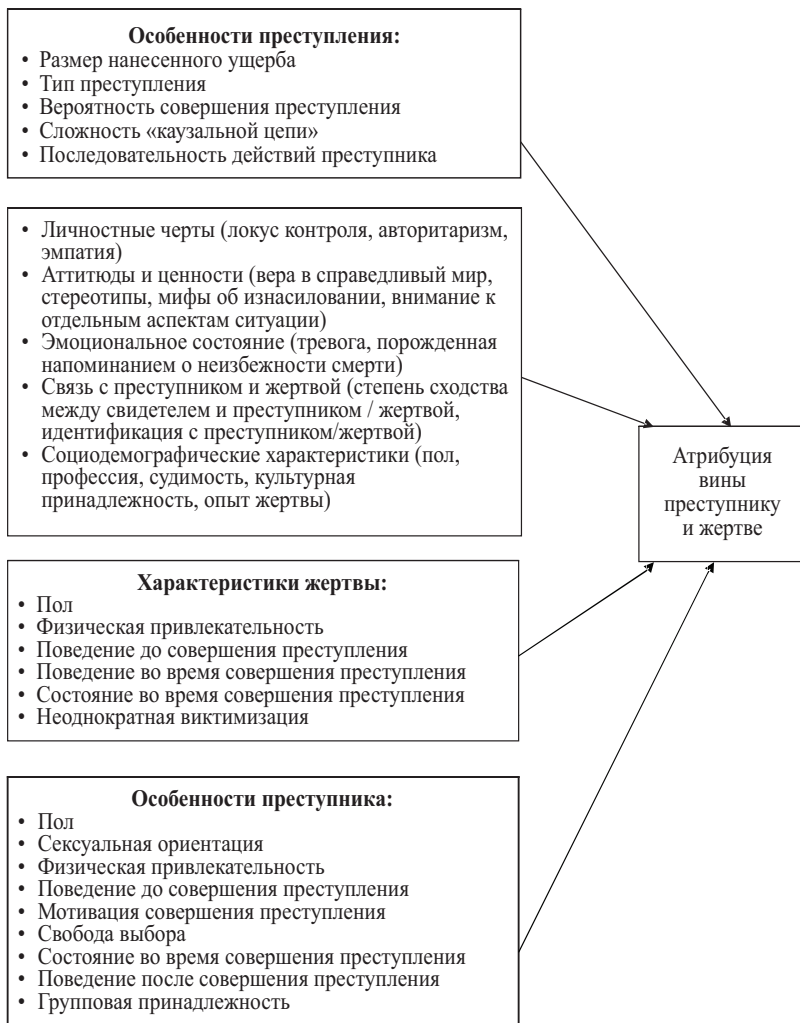

Рисунок 1.8. Факторы, оказывающие влияние на атрибуцию ответственности за преступление

3.1 Особенности преступления

3.1.1. *Размер нанесенного ущерба.* Чем больший моральный и физический ущерб нанесен жертве, тем большая ответственность приписывается преступнику при условии, что он совершает одни и те же действия (*Walster, 1966; Wandrei, Rupert, 2000*). Возможно, что осознание серьезности последствий преступления актуализирует у человека потребность в безопасности. Стремясь успокоить себя, он предполагает, что они контролируемы и могут быть предотвращены. Следовательно, если преступление все-таки произошло, это означает, что виновник не позаботился о предотвращении, и значит, сам несет ответственность за то, что случилось. Эта идея получила название «самозащитной атрибуции».

Существуют межкультурные различия в проявлении этого феномена. Например, он более выражен у американцев мексиканского происхождения, чем у афроамериканцев и американцев европейского происхождения.

3.1.2. *Тип преступления.* Преступления можно разделить на «персональные» (направленные против конкретного человека, например, заказное убийство) и «безличные» (направленные против людей вообще, например, террористический акт). Преступления, относящиеся ко второму типу, подобны катастрофе, и, возможно, поэтому ответственность, которая приписывается жертвам таких преступлений, ниже, чем ответственность, приписываемая жертвам преступлений первого типа (*Гулевич, 2001*).

3.1.3. *Вероятность совершения преступления.* В некоторых случаях, чем меньше вероятность совершения какого-либо преступления, тем большая ответственность за него возлагается на жертву: например, большую ответственность жертве кражи приписывают те люди, которые думают, что подобные кражи происходят редко, чем те, кому сказали, что это бывает часто (*Tyler, Devinitz, 1981*). Возможно, это еще одно из проявлений самозащитной атрибуции: кажется, что если подобные преступления происходят редко, то жертва должна была сделать что-то необычное, чтобы с ней это случилось.

3.1.4. *Сложность «каузальной цепи»*. Человеку приписывается большая ответственность, если его действия прямо связаны с нанесенным жертве ущербом, т. е. если между ними не произошло дополнительных событий, а также если между его действиями и негативными последствиями прошло мало времени. Примером простой каузальной цепи между действиями человека и наступившими последствиями является следующая ситуация: в аэропорту бизнесмен оставил без присмотра свою сумку, из которой было украдено оружие; человек, укравший оружие, напал на таксиста. Сложная каузальная цепь выглядит другим образом: в аэропорту бизнесмен оставил без присмотра свою сумку; дежурный сдал ее в бюро находок; служащий этого бюро открыл сумку, украл из нее оружие бизнесмена и передал его грабителю; грабитель напал с этим оружием на водителя такси. Бизнесмену приписывается большая ответственность в случае простой каузальной цепи (*Johnson, Drobny, 1985*).

3.1.5. *Последовательность действий преступника*. Люди меньше обвиняют преступника и больше жертву, если акту физического насилия предшествовала вербальная агрессия (*Witte, Schroeder, Lohr, 2006*).

3.2. Характеристики свидетеля / человека, выносящего суждение

«3.2.1. *Личностные черты*. К этой группе факторов относятся локус контроля, авторитаризм и эмпатия.

- Под локусом контроля понимается существующая у человека тенденция объяснять происходящие с ним события своими особенностями и усилиями (внутренний локус контроля) или внешними обстоятельствами (внешний локус контроля). Люди с внутренним локусом контроля по сравнению с обладателями внешнего локуса приписывают себе большую ответственность за то, что с ними происходит. Оказываясь в роли свидетелей, они приписывают большую ответственность преступнику, чем люди с внешним локусом контроля. Аналогичное влияние локус контроля оказывает и на атрибуцию вины: люди с внешним локусом контроля приписывают меньшую степень вины и более склонны оправдывать себя, преступника и жертву, по сравнению с обладателями вну-

треннего локуса контроля (*Olsen-Fulero, Fulero, 1997; Wang, Anderson, 1994*).

- Под авторитаризмом понимается некритическое подчинение власти и авторитетным лицам. Чем более авторитарен человек, тем большую ответственность преступнику он приписывает (*Feather, 1998*). Однако авторитарные люди приписывают преступнику меньшую ответственность, чем неавторитарные, если он обладает властью или если его действия — результат подчинения требованиям ее представителя (*Feather, Boeckmann, McKee, 2001*).

- Под эмпатией в данном случае понимается способность к повторению эмоций другого человека и сопереживанию. Чем сильнее эмпатия, тем меньшую ответственность и вину ее обладатели приписывают преступнику, тем больше оправдывают его действия. Эта закономерность нарушается при изнасиловании: люди с высоким уровнем эмпатии приписывают насильнику большую ответственность и вину, чем люди с низким (*Olsen-Fulero, Fulero, 1997*).

3.2.2. *Аттитюды и ценности*. В эту группу входят вера в справедливый мир, стереотипы, мифы об изнасиловании и концентрация внимания на отдельных аспектах ситуации.

- Под «верой в справедливый мир» понимается убеждение в том, что люди, как правило, получают тот результат, который заслужили. Поэтому «хорошие» люди избавлены от неприятностей, которые достаются в основном на долю «плохих». Если же человек попадает в неприятную ситуацию, это означает, что он вел себя плохо и заслужил все произошедшее с ним. Таким образом, вера свидетеля в справедливый мир приводит к умалению им достоинств жертвы преступления или несчастного случая, что выражается в увеличении приписываемой ей ответственности. Особенно ярко связь между верой в справедливый мир и приписыванием ответственности жертве преступления проявляется в случае изнасилования: худшее отношение к женщине, ставшей жертвой изнасилования, присуще людям с выраженной верой в справедливый мир (*Olsen-Fulero, Fulero, 1997*). Однако это более свойственно мужчинам и не всегда верно для женщин, возможно, из-за идентификации послед-

них с жертвой преступления (*Kleinke, Meyer, 1990*).

Однако гипотеза «веры в справедливый мир» имеет ряд ограничений. Во-первых, связь между верой в справедливый мир и атрибуцией ответственности жертве наиболее ярко проявляется в том случае, когда человек, выносящий суждение, сам причиняет жертве страдания и хочет снять с себя ответственность за происходящее.

Во-вторых, вера в справедливый мир оказывает влияние только на ответственность, приписываемую жертве, когда выносящий суждение человек просто узнает о совершении преступления и его последствиях. Однако, если он знает, что преступник наказан или видит его перед собой сидящим в клетке в зале суда, его вера в справедливый мир окажет влияние и на атрибуцию ответственности преступнику: «Раз сидит за решеткой, значит заслужил. Хорошего человека за решетку не посадят».

- Стереотипы — представления об индивидуальных особенностях членов определенной социальной группы. Одной из разновидностей являются гендерные стереотипы, согласно которым женщина олицетворяет собой пассивное начало, а сфера ее деятельности — семья и дети, но не профессиональная карьера. Носители традиционных гендерных стереотипов реже оценивают сексуальный акт как изнасилование (*Mason, Riger, Foley, 2004; Xenos, Smith, 2001*), а также приписывают большую ответственность жертве изнасилования и меньшую — насильнику (*Caron, Carter, 1997*).

Аналогичных взглядов придерживаются и люди, которые считают, что женщины любыми путями стараются захватить власть над мужчинами (*Yamawaki, Darby, Queiroz, 2007*).

- Люди, принимающие мифы об изнасиловании, реже рассматривают сексуальный акт как сексуальное насилие (*Mason, Riger, Foley, 2004; Xenos, Smith, 2001*), а также приписывают большую ответственность жертве преступления и меньшую — преступнику, чем те, кто отвергает подобные мифы. Эта закономерность особенно ярко проявляется, когда изнасилование не соответствует обыденным представлениям, например, когда насильник хорошо знаком со своей жертвой (*Caron, Carter, 1997; Krahe, 1991; Varelas, Foley, 1998*).

- Внимание к отдельным аспектам ситуации. Когда люди представляют себе преступление, они часто стараются оценить вероятность наступления негативных последствий. Они думают о том, что «если бы только преступник/жертва не сделал/сделал что-либо..., то все могло бы быть по-другому». Если в этой ситуации человек обращает большее внимание на жертву («Если бы жертва только...»), он высоко оценивает возможность избежать негативного исхода, приписывает большую ответственность ей и меньшую преступнику, чем если он концентрируется на действиях преступника (*Catellani, Alberici, Milesi, 2004; Wiener et al., 1994*).

3.2.3. *Эмоциональное состояние*, например, тревога, порожденная напоминанием о неизбежности смерти. Люди, которым напоминают о смерти, приписывают большую вину жертве, которая получила серьезные ранения, чем те, кому о ней не напоминают. Однако это не касается жертв, получивших ранения малой или средней тяжести. Кроме того, напоминание о неизбежности смерти повышает оценку вины человека, ставшего жертвой обстоятельств, но не того, кто сам спровоцировал произошедшее (*Hirschberger, 2006*).

3.2.4. *Связь свидетеля с преступником и жертвой*. К этой группе относится степень сходства и идентификация с ними.

- Степень сходства между свидетелем и преступником/жертвой. На приписывание ответственности оказывает влияние понимание свидетелем своего сходства с преступником или жертвой. К. Шавер выделяет два типа такого сходства: личностное и ситуационное. Под личностным сходством понимается признание свидетелем наличия у себя таких же индивидуальных особенностей (пола, национальности, личностных черт и т. д.), какими обладают преступник или жертва. При ситуационном сходстве свидетель считает, что может попасть в такую же ситуацию, как жертва или преступник (например, стать жертвой преступления или совершить его), не будучи при этом похожим на них.

Наличие ситуационного сходства мотивирует человека на отрицание своего личностного сходства с преступником или его жертвой. В результате он считает, что не может оказаться в подобной ситуации. Например, женщина, возвращающаяся

с работы поздно вечером темными переулками, разбирая случай изнасилования, может сказать: «Да, я действительно возвращаюсь по вечерам, и поэтому со мной может случиться то же, что и с этой женщиной. Однако я очень осторожна и одеваюсь достаточно скромно. Поэтому со мной такого никогда не произойдет. А эта женщина сама виновата в случившемся. Надо было одеваться скромнее». Однако отсутствие у человека возможности игнорировать свое личностное сходство с преступником/жертвой приводит к уменьшению оценки его/ее ответственности. Если в описанном выше примере женщина будет знать, что жертва изнасилования была того же возраста, что и она сама, так же, как и она имела двоих детей и т. д., ее речь, скорее всего, закончится следующим образом: «На улице творится такой беспредел. Приличному человеку стало страшно выходить из дома. Бедная женщина...».

Однако связь ситуационного сходства с высокой степенью ответственности, приписываемой жертве, характерна только для людей, которые считают, что могут стать участником описанной ситуации, но еще не попадали в нее. Вместе с тем те люди, которые однажды уже побывали в роли пострадавшего, наоборот, приписывают жертве меньшую ответственность за произошедшее (*Vinson, 1986*).

Оценка личного и ситуационного сходства выше в том случае, когда у человека отсутствуют основания, по которым он мог бы обвинить жертву преступления в том, что с ней произошло. Отсутствие оснований для обвинения порождает ощущение бессмысленности произошедшего, восприятие личного и ситуационного сходства, злость, боль, протест и желание помочь жертве (*Van Zomeren, Lodewijkx, 2005*).

- Идентификация с преступником/жертвой. Причиной влияния личностного сходства человека с жертвой/преступником на атрибуцию ответственности является его идентификация с ним. Например, люди приписывают преступнику меньшую ответственность, чаще упускают из виду обстоятельства, говорящие о ней и оценивают ущерб, нанесенный жертве, как менее серьезный, выступая с позиции преступника, чем жертвы или свидетеля (*Stillwell, Baumeister, 1997; Wolf, 2001*).

3.2.5. *Социодемографические характеристики*, к которым относятся пол, профессия, судимость, культурная принадлежность и опыт жертвы.

- Пол: сведения относительно влияния пола на атрибуцию ответственности достаточно противоречивы. Например, ряд исследований показал, что мужчины оценивают жертву изнасилования как более ответственную за совершение преступления, чем женщины, и чаще соглашались с тем, что жертва сама спровоцировала насильника, особенно если она была непривлекательна, а он привлекателен. Однако в других исследованиях такой связи не было выявлено или была найдена обратная связь (*Krahe, 1991*).

- Профессия: люди, не работающие в правовой системе (психологи, социальные работники и медсестры) приписывают женщинам-жертвам и мужчинам-насильникам большую ответственность, чем люди, работающие в рамках правовой системы (врачи, адвокаты, полицейские) (*Tang et al., 2002*).

- Судимость: оценка ответственности преступника зависит от того, был ли человек, выносящий суждение, сам осужден за совершение преступления. В частности, заключенные, получающие информацию о том, что происходило на судебном процессе, принимая решение о виновности подсудимого, придают большее значение уверенности свидетеля в своих показаниях, и меньшее – намерениям подсудимого и размеру нанесенного жертве ущерба. Последние принимаются во внимание только тогда, когда свидетель уверен в своих показаниях. Вместе с тем законопослушные граждане уделяют большее внимание намерениям подсудимого и нанесенному ущербу (*Wolf, 2001*).

- Культурная принадлежность: существуют некоторые межкультурные различия в атрибуции ответственности и вины. Например, жители ЮАР приписывают большую ответственность жертве изнасилования, чем австралийцы (*Heaven, Connors, Pretorius, 1998*).

- Собственный опыт жертвы: люди, которые стали жертвами пожара, чаще приписывают ответственность за происшедшее другим людям, чем те, с кем этого не происходило (*Kumagai et al., 2004*).

3.3. Характеристики жертвы

3.3.1. *Пол.* Женщине ставшей жертвой изнасилования, приписывают большую степень ответственности и вины, чем мужчине, оказавшемуся в такой роли. Однако пол жертвы взаимодействует с полом свидетеля: и мужчины, и женщины меньше обвиняют жертву одного ними пола (*Idisis, Ben-David, Ben-Nachum, 2007*).

3.3.2. *Физическая привлекательность.* Чем более красива жертва, тем меньшая ответственность и вина приписывается ей, и тем большая ответственность и вина — преступнику.

3.3.3. *Поведение жертвы до совершения преступления.* Жертве нападения приписывается большая степень вины, если до нападения она вела себя агрессивно (*Witte, Schroeder, Lohr, 2006*).

3.3.4. *Поведение во время совершения преступления.* На оценку ответственности жертвы оказывает влияние степень, в которой ее поведение вступает в противоречие с некоторыми элементами скриптов преступлений. Например, скрипт изнасилования подразумевает, что жертва должна оказывать сопротивление. Если же она ведет себя пассивно, это является свидетельством ее согласия на вступление в половую связь. Например, мужчины предлагают наказать насильника менее строго, а жертве приписывают большую ответственность за изнасилование, когда она не оказывает должного сопротивления.

Важность этого фактора определяется интенсивностью анализа человеком других возможных вариантов развития событий. Он идет более интенсивно, когда человек, относительно которого выносятся суждения, нарушает социальные нормы или обыденные представления о типичном развитии событий (*Catellani, Alberici, Milesi, 2004*).

3.3.5. *Состояние во время совершения преступления.* Жертве изнасилования, которая во время совершения преступления была пьяна, приписывается большая ответственность, чем трезвой жертве. Возможно, это происходит, поскольку люди считают, что жертва потеряла контроль над собой и согласилась на сексуальный акт, и, следовательно, мало верят ее показаниям о насилии (*Castello et al., 2006*).

3.3.6. *Неоднократная виктимизация.* Жертве насилия приписывается большая ответственность за то, что с ней произошло, если она и раньше подвергалась насилию (*Wandrei, Rupert, 2000*).

3.4. Особенности преступника

3.4.1. *Пол.* Мужчины обвиняют женщину-наильницу меньше, чем мужчину, совершившего изнасилование. Возможно, в данном случае сказывается влияние скрипта изнасилования, в соответствии с которым насильником является мужчина (*Davies, Pollard, Archer, 2006*).

3.4.2. *Сексуальная ориентация.* Мужчины больше обвиняют жертву изнасилования, если насильник имеет традиционную сексуальную ориентацию по сравнению с нетрадиционной (*Davies, Pollard, Archer, 2006*).

3.4.3. *Физическая привлекательность.* Чем более красив преступник, тем меньшая ответственность и вина приписывается ему, и тем большая ответственность и вина – жертве.

3.4.4. *Поведение преступника до совершения преступления.* Жертве нападения приписывается большая степень вины, если до нападения преступник вел себя спокойно, неагрессивно (*Witte, Schroeder, Lohr, 2006*).

3.4.5. *Мотивация совершения преступления.* Большая ответственность приписывается человеку, который совершил преступление, желая получить вознаграждение, а не избежать наказания (*Greitemeyer, Weiner, 2003*). Кроме того, жертве преступления, совершенного из-за его расовой принадлежности, сексуальной ориентации или вероисповедания, приписывается меньшая степень вины, чем жертве преступления, где ее групповая принадлежность не играла никакой роли; обратная закономерность связана с размером вины, приписываемой преступнику (*Rayburn, Mendoza, Davison, 2003*).

3.4.6. *Свобода выбора.* Большая ответственность приписывается тому преступнику, у которого была возможность выбора – совершить преступление или нет. Однако этот фактор учитывается в основном свидетелями, не пострадавшими при совершении преступления, а не жертвами, которые обращают большее внимание на размер нанесенного ущерба.

3.4.7. *Состояние во время совершения преступления.* Если становится известно, что человек, попавший в дорожно-транспортное происшествие, был пьян, ему приписывается большая ответственность и вина за то, что произошло (*Kohnken, Brockmann, 1987*). Однако алкогольное опьянение оказывает обратное влияние в случае изнасилования: пьяному насильнику приписывается меньшая ответственность, чем трезвому. Возможно, это происходит, поскольку пьяный насильник рассматривается не как плохой человек, а как человек в силу обстоятельств потерявший контроль над собой (*Castello et al., 2006*).

3.4.8. *Поведение после совершения преступления.* Большая ответственность приписывается тому человеку/организации, который отрицает свою ответственность за происшедшее и старается свести свою вину к минимуму, по сравнению с тем, кто оставляет ситуацию без комментариев, оказывает потерпевшим помощь или раскаивается (*Gold, Weiner, 2000; Kleinke, Walls, Stalder, 1994; Lee, 2004*).

3.4.9. *Групповая принадлежность.* Членам своей социальной группы приписывается меньшая ответственность и вина за социально нежелательное поведение, чем членам аутгруппы (*Doosje, Branscombe, 2003; Rector, Bagby, 1997*).

4. Проблемы изучения атрибуции ответственности и вины за преступление

Несмотря на результаты, достигнутые за последние 40 лет, сторонники изучения атрибуции ответственности и вины до сих пор сталкиваются с рядом неразрешенных проблем теоретического и методического характера.

Первая проблема связана с наличием **нескольких видов ответственности и вины**.

В частности, некоторые авторы выделяют поведенческую и характерологическую вину (*Janoff-Bulman, 1979*). Под характерологической виной понимается атрибуция вины за содеянное личностным особенностям человека: он виноват, поскольку обладает такими неизменными особенностями, как неосторожность, лень и т. д. Приписывая характерологическую вину, наблюдатель как бы говорит: «Он все время бу-

дет попадать в такие ситуации, поскольку он такой человек». Этим он закрывает возможность изменения своего отношения к объекту атрибуции (преступнику или жертве). Атрибуция поведенческой вины подразумевает, что свидетель считает неправильным поведение, но не личностные особенности деятеля или жертвы: «Он виноват, поскольку повел себя неправильно. В следующий раз он исправится». Таким образом, этот тип атрибуции является показателем того, что свидетель рассматривает случившееся с человеком как случайное явление, повторения которого можно избежать. Атрибуция одного из типов вины не предусматривает приписывание другого: люди приписывают жертве изнасилования скорее поведенческую вину, чем характерологическую (*Janoff-Bulman, 1979*). Однако в большинстве исследований это различие не учитывается.

Вторая проблема касается **соотношения атрибуции** ответственности и вины **преступнику**, с одной стороны, **и жертве**, с другой.

Большинство исследований показывает, что преступнику приписывается более высокая степень ответственности и вины, чем жертве. Однако это зависит от типа преступления. Например, в случае воровства жертвам приписывают большую ответственность, чем преступникам, тогда как в случае изнасилования закономерность обратная (*Brems, Wagner, 1994*).

Кроме того, неясным остается вопрос о том, как изменяется атрибуция ответственности и вины преступнику и жертве при изменении условий. Некоторые исследователи исходят из предположения о взаимоисключающем характере этих феноменов: увеличение ответственности жертвы приводит к понижению ответственности преступника, и наоборот. Например, когда респонденты, верящие в справедливый мир, приписывают высокую ответственность жертве изнасилования, они тем самым снимают ответственность с преступника. Однако в ряде случаев атрибуция ответственности и вины преступнику и жертве являются не взаимоисключающими, а параллельно развивающимися феноменами. Так, возрастание оценки ответственности и вины преступника, совершившего убийство, сопровождается возрастанием подобных оценок относительно его жертвы (*Гулевич, 2006*).

Третья проблема связана с **возможностью приписывания ответственности и вины** не только людям, но и **обстоятельствам, способствующим совершению преступления** (ситуации в стране, погоде и т. д.). Если атрибуция ответственности и вины неодушевленным предметам и явлениям встречается достаточно часто, то как она связана с атрибуцией преступнику и жертве?

Четвертая проблема изучения атрибуции ответственности и вины касается **факторов, оказывающих влияние на ее направление**.

Во-первых, неизвестно, какие факторы оказывают наибольшее влияние на атрибуцию ответственности, что учитывается человеком прежде всего: размер нанесенного ущерба, особенности жертв, мотивация преступника и т. д.?

Во-вторых, в некоторых случаях атрибуция ответственности и вины зависит не от отдельных факторов, а от их сочетания. Например, люди приписывают жертве насилия наибольшую степень вины, когда насильник – спокойный и миролюбивый человек (например, священник), уровень насилия был средним, а жертва агрессивно вела себя перед нападением (*Witte, Schroeder, Lohr, 2006*).

В-третьих, неизвестным остается подобие/различие факторов, оказывающих влияние на атрибуцию ответственности, с одной стороны, и атрибуцию вины, с другой. Оказывает ли размер ущерба или вера в справедливый мир одно и то же влияние на атрибуцию ответственности и атрибуцию вины?

В-четвертых, пока неясно, как соотносятся между собой факторы, оказывающие влияние на оценку ответственности/вины преступника, с одной стороны, и жертвы, с другой. Если на оценку ответственности преступника оказывает влияние наличие у него намерений и свободы выбора, то являются ли эти факторы определяющими при атрибуции ответственности жертвы? а если нет, то чем отличается атрибуция ответственности каждому из участников?

Пятая проблема изучения атрибуции ответственности и вины связана с **лабораторным характером большинства исследований**, что приводит к понижению их внешней валидности, ограниченности применения полученных закономерностей при

работе в «поле», например в суде присяжных. Это делает необходимым проведение полевого изучения атрибутивных процессов.

Попытка преодолеть указанное ограничение была принята в исследовании (*Голыничик, 2002*), автор которого проводила интервью с присяжными, принявшими участие в рассмотрении четырех уголовных дел в Московском областном суде. Полученные результаты показали, что наиболее значимыми факторами, учитываемыми присяжными при оценке ответственности за совершение преступления, являются (в порядке убывания значимости):

- обстоятельства совершения преступления. К ним относятся умышленность содеянного и мотив преступления, а также состояние алкогольного опьянения; молодость подсудимого, зависимость молодого подсудимого от старшего сообщника, наличие неизвестного сообщника; предшествующие неприязненные отношения между подсудимым и потерпевшим; социальная опасность преступления, хранение подсудимым оружия;

- события, произошедшие после совершения преступления: во время проведения расследования и в ходе судебного процесса. К ним относятся признание подсудимым своей вины, его попытка уйти от правосудия; сокрытие подсудимым имени истинного преступника или причин преступления; «сваливание» подсудимым вины на другого человека; изменение подсудимым собственных показаний, данных ранее;

- информация о личности подсудимого, его образе жизни, прошлых судимостях;

- представления о состоянии подсудимого, потерпевшего и свидетелей в зале суда;

- индивидуальные и коммуникативные особенности адвоката, прокурора и судьи;

- чувства к участникам процесса, например жалость по отношению к молодому подсудимому, потерпевшему или свидетелю;

- наказание, которое ждет подсудимого в результате обвинительного вердикта.

III. Обыденные представления о справедливости как составляющая правосознания

Обращение к феномену справедливости в книге, посвященной психологическим аспектам юридической деятельности, обусловлено двумя причинами.

Во-первых, справедливость входит в состав правового сознания жителей некоторых стран, в том числе России, являясь одним из элементов социальных представлений о законе (*Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1998*). Во-вторых, присяжные заседатели рассматривают восстановление справедливости как одну из основных целей своей деятельности. Следовательно, этот феномен играет важную роль при вынесении правовых решений.

1. Виды справедливости

Большинство психологических исследований, посвященных изучению представлений о том, что является справедливым, основано на разделении двух видов справедливости: дистрибутивной и процедурной (*Гулевич, 2008; Miles, Naumann, 2003*).

Применительно к правовой сфере под **дистрибутивной справедливостью** понимается справедливость наказания человека, совершившего преступление. Выделяют шесть основных норм дистрибутивной справедливости:

- *беспристрастность*: справедливо, когда наказание преступника зависит от серьезности совершенного им преступления;
- *распределение в соответствии с усилиями*: справедливо, когда наказание преступника зависит от приложенных им усилий, в частности, намеренности его действий;
- *распределение в соответствии со способностями*: справед-

ливо, когда наказание преступника определяется его способностями, например, его опасностью и криминальным опытом;

- *распределение в соответствии с потребностями*: справедливо, когда наказание преступника определяется его потребностями, например, наличием малолетних детей, болезнью и т.д.;

- *распределение в соответствии позитивностью личности*: справедливо, когда наказание преступника зависит от социальной желательности его личностных черт и мотивов;

- *распределение в зависимости от активности потерпевшей стороны*: справедливо, когда наказание преступника зависит от того, насколько провоцирующее вела себя жертва.

Под **процедурной справедливостью** понимается справедливость той процедуры, которая используется при вынесении решения. Применительно к правовому контексту можно говорить о восьми основных нормах (Сугавара, Хо, 2003; Anderson, Otto, 2003; Conlon, Lind, Lissak, 1987; Finkel, 2000; Lind, Lissak, 1985; Sheppard, 1985; Tyler, 1987, 1989; Walker et al, 1974):

- *однообразие*: процедура справедлива, если она одинаково используется в разных ситуациях для разных людей;

- *нейтрализация предубеждений*: процедура справедлива, когда принятие решения не зависит от имеющихся у «третьей стороны» (судьи) предубеждений;

- *точность и полнота передачи информации*: процедура справедлива, если дает возможность собрать точную и полную информацию;

- *возможность апелляции*: процедура справедлива, если содержит возможности для коррекции неправильных решений;

- *контроль за результатом*: процедура справедлива, если у участников есть возможность повлиять на результат;

- *контроль за процессом*: процедура справедлива, если у участников есть возможность высказать свою точку зрения.

- *уважение*: взаимодействие справедливо, если к его участникам относятся с уважением;

- *честность*: взаимодействие справедливо, если с его участниками поступают честно.

Соблюдение перечисленных норм оказывает влияние на

оценку справедливости взаимодействия. Возникает вопрос: насколько часто профессиональные юристы следуют этим нормам в своей деятельности? Немногочисленные проведенные исследования дают лишь частичный ответ. Например, одно из них, проведенное в Вильнюсе, показало, что профессиональные судьи чаще всего следуют норме нейтрализации предубеждений, реже - норме контроля за процессом, еще реже – норме возможности апелляции. При этом следование требованиям процедурной справедливости зависит от регламентированности ситуации законом: судьи чаще следуют нормам справедливости в ситуациях, строго регламентированных законом (*Валицкас, Юстицкис, 2006*).

2. Последствия соблюдения справедливости в правовой сфере

Соблюдение дистрибутивной и процедурной справедливости оказывают серьезное влияние на правосознание и поведение людей в правовой сфере (*Гулевич, 2003; Golberg, Lerner, Tetlock, 1999; Keltner, Ellsworth, Edwards, 1993; LaTour, 1978; Lemerise, Dodge, 1993; Lerner, Goldberg, Tetlock, 1998; Lind et al., 1980; Lind, Tyler, 1988; Quigley, Tedeschi, 1996; Tyler, 1984, 1987, 1989; Tyler, Folger, 1980; Walker et al., 1974; Walker, Lind, Thibaut, 1979*).

1. *Аттитюды к правовой системе.* Оценка дистрибутивной и процедурной справедливости правовых решений и действий представителей правовых институтов вызывает следующие последствия.

- Удовлетворение человека своим взаимодействием в рамках правовой системы: чем выше оценка справедливости процедуры, тем выше удовлетворенность.

- Оценка тех, кто должен стоять на страже закона (работников правоохранительных органов, суда и судьи) и правовой системы в целом: чем выше оценка справедливости процедуры, тем более позитивна оценка.

- Оценка легитимности действий властей: чем выше оценка справедливости процедуры, тем более законными считаются их действия.

- Оценка вынесенного судебного решения: чем выше оценка справедливости процедуры, тем позитивнее оценка решения.

- Оценка виновника несправедливости: чем ниже оценка справедливости взаимодействия, тем меньше люди смотрят на намеренность поведения виновника и смягчающие обстоятельства, тем серьезнее стараются наказать его.

2. *Эмоциональное состояние*: оценка процедуры вынесения правового решения как несправедливой приводит к негативным эмоциям, в том числе постоянной враждебности, соматическим заболеваниям, депрессии у заключенных (Tyler, 1989). Однако появление этих симптомов зависит от того, с кем именно общается человек. Например, у преступников все симптомы наблюдаются только при оценке несправедливости взаимодействия с работниками коррекционных структур, депрессия связана только с правоохранительными органами, и никаких симптомов не возникает при несправедливом общении с судьями (Blaauw, Winkel, Vermunt, 2000).

3. *Поведение людей в правовой сфере*. Оценка справедливости происходящего оказывает влияние на следующие аспекты поведения людей (Jackson, Fondacaro, 1999; Judge, Scott, Hies, 2006; Rudman, Borgida, Robertson, 1995; Stroessner, Heuer, 1996).

- Оценка несправедливости порождает девиантное поведение подростков, заключенных, а также совершение краж и участие в судебных тяжбах сотрудников организаций.

- Оценка несправедливости приводит к тому, что жертва или наблюдатель стараются увеличить свою власть, занять позицию, которая дала бы им возможность влиять на происходящее.

- Несправедливость правовой процедуры порождает нежелание жертв заявлять о совершении преступления в правоохранительные органы.

- Оценка процедуры принятия решения как несправедливой приводит к попыткам восстановить справедливость, в том числе вознаградить или уменьшить меру наказания тем, по отношению к кому действовали несправедливо.

Важный вопрос, связанный с влиянием представлений о справедливости, **касается относительной силы дистрибутивной и процедурной справедливости**. В настоящее время на него нет однозначного ответа. Так, результаты некоторых зарубежных исследований демонстрируют, что при решении правовых вопросов соблюдение процедурной справедливости оказывает меньшее влияние на оценку справедливости происходящего, чем соблюдение дистрибутивной (*Gibson, 2002*). Однако российские исследования позволяют сделать противоположное заключение (*Гулевич, Голынчик, 2005*). Возможно, это связано с выраженностью конфликта между участниками: процедурная справедливость оказывает большее влияние на оценку правовых решений в условиях сильно выраженного конфликта между участниками (*Сугавара, Хо, 2003*).

Кроме того, важность отдельных норм дистрибутивной и процедурной справедливости определяется особенностями ситуации: общей справедливостью вынесенного решения, его типом и наличием серьезных доказательств вины подозреваемого/подсудимого (*Гулевич, Голынчик, 2005*).

При изучении представлений о справедливости в правовом контексте возникают две основные проблемы:

- игнорирование их связи с особенностями правосознания, ценностными ориентациями и другими психологическими особенностями людей;
- невнимание к изменению представлений о справедливости под воздействием институтов правовой социализации. Этот аспект будет затронут в следующей главе.

Глава 2. Правовая социализация как процесс формирования правосознания

I. Определение и виды правовой социализации

Правовая социализация — процесс формирования когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов правосознания, а также усвоения новых форм поведения в правовой сфере.

В основе исследования правовой социализации лежит представление о законе как о существенном элементе любой культуры (*Курильски-Ожвен, Арутюнян, Здравомыслова, 1996*). Сторонники изучения этого процесса утверждают, что уважение к закону и следование его нормам является итогом определенного направления развития человека.

В рамках этого подхода изучаются механизмы присвоения людьми правовых норм и представлений, а также возможность изменения уже сложившихся взглядов, направление и характер влияния институтов социализации.

Существуют разные виды правовой социализации.

По степени понимания человеком того, что формирующиеся аттитюды имеют отношение к правовой сфере, правовую социализацию разделяют на имплицитную и эксплицитную (*Курильски-Ожвен, Арутюнян, Здравомыслова, 1996*):

- в ходе эксплицитной социализации человек понимает, что аттитюды имеют отношение к правовой сфере;

- субъект имплицитной социализации не осознает связь поступающей к нему информации с правовой сферой. Например, ребенок, родители которого поступают с ним по принципу «не пойман — не вор», как правило, не осознает связи этого

принципа с презумпцией невиновности.

По результату правовая социализация делится на социализацию, ведущую к девиантности и к конформности (*Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996*):

- в ходе социализации, ведущей к конформности, человек точно узнает, что и как надо делать. Таким образом, он осваивает одну или небольшое число представлений и форм поведения;

- в ходе социализации, ведущей к девиантности, человек усваивает не определенные представления и формы поведения, а границы, за которые не стоит заходить. Однако внутри этих границ он свободен в выборе.

Существует два основных представления о механизмах правовой социализации. Они развиваются в рамках когнитивного и бихевиорального подходов.

II. Модели правовой социализации

В рамках когнитивного подхода правовая социализация может быть определена как «процесс присвоения — то есть прогрессивной ассимиляции и реорганизации субъектом представлений и знаний — элементов правовой системы, регулирующей данное общество» (*Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996*). Сторонники когнитивной модели правовой социализации считают, что она связана с развитием познавательных процессов человека. По их мнению, правовые аттитюды человека развиваются по собственным законам, но, сформировавшись, оказывают влияние на поведение.

К числу когнитивных моделей правовой социализации относится модель правового развития Дж. Тапп и Ф. Левина, которая берет свое начало из когнитивных моделей моральной социализации Ж. Пиаже и Л. Колберга.

1. Модель морального развития Ж. Пиаже

Ж. Пиаже выделил две стадии морального развития человека, основное различие между которыми состоит в ори-

ентации при определении «хорошего-плохого» на чей-либо авторитет или непосредственно на систему моральных норм (Николаева, 1995).

Первая стадия была названа им «*моралью принуждения*» и характеризовалась следующими особенностями.

- Эгоцентризм, неумение посмотреть на ситуацию глазами другого человека, оценить его желания и мотивы поведения.

- Зависимость от мнения взрослого человека, послушание власти. В возрасте от 5 до 8 лет ребенок ориентируется на мнение взрослых при определении справедливого, правильного, морального. Он оценивает поступки других людей в зависимости от мнения авторитетного лица. Содержание моральной сферы составляют запреты, услышанные от взрослых.

- Восприятие запретов как неизбежных и абсолютных благодаря тому, что они исходят от авторитетного лица. Понимание ценности правил, исходящих от взрослого, усиливается наказанием, следующим за их нарушением.

- «Реализм» в восприятии моральных запретов. Ребенок рассматривает моральные нормы как часть физического мира. По его мнению, их нарушение вызывает изменения в окружающей среде.

Вторую стадию – «*мораль кооперации*» – отличают следующие особенности.

- Децентрация, способность встать на точку зрения другого человека, понять его желания и мотивы.

- Восприятие запретов как изменяемых, но внутренне необходимых и добровольно принятых. Их выполнение – результат признания их необходимости, а не подчинения авторитетному лицу.

Современные сторонники модели морального развития Пиаже утверждают, что люди, находящиеся на разных стадиях морального развития, отличаются друг от друга способом оценки поступков, наносящих ущерб. Они утверждают, что ребенок, находящийся на первой стадии морального развития, оценивает поведение человека по размеру нанесенного

им ущерба, тогда как для того, кто находится на второй стадии, важную роль играют намерения деятеля. Таким образом, дети, находящиеся на первой стадии, сравнивая поведение мальчика Дэвида, который разбил одну чашку, без спроса таская из шкафа конфеты, и Джона, разбившего шесть чашек, пытаются помочь маме, считают более виноватым Джона, а дети на второй стадии – Дэвида (*Leman, Duveen, 1999*).

Согласно взгляду Ж. Пиаже (*Николаева, 1995*), продвижение от незрелой, генетически более ранней формы морали к зрелой обусловлено тремя факторами:

- общим интеллектуальным развитием, изменением когнитивных структур человека. Пиаже говорил о трех уровнях развития когнитивных структур: предоперациональном, а также об уровнях конкретных и формальных операций. В соответствии с его точкой зрения, человек проходит все три уровня развития в заданном порядке. Переход с уровня на уровень, его мнению, происходит в результате взаимодействия между структурами организма и среды. Он осуществляется благодаря трем процессам – ассимиляции материала в существующие структуры, аккомодации самих структур под воздействием информации и равновесию как результату этих процессов;

- освобождением от подчинения авторитетному лицу, обретением самостоятельности;

- опытом социального взаимодействия со сверстниками на основе принципа равенства.

Дальнейшие исследования выявили основной недостаток модели Пиаже – неоднородность моральной социализации. В частности, межкультурные исследования, проведенные по методикам этого автора, продемонстрировали относительную обособленность друг от друга таких направлений морального развития, как понимание мотивов и намерений других, независимость от авторитета, способность понять точку зрения другого, понимание цели наказания. Поэтому последователи Пиаже поставили вопрос о замене термина «стадия» на понятие морального сознания как совокупности отдельных параметров (*Николаева, 1995*).

2. Модель морального развития Л. Колберга

На основе теории морального развития Пиаже выросла достаточно известная в настоящее время модель морального развития Л. Колберга, в основе которой лежат следующие утверждения (*Анцыферова, 1999; Николаева, 1995*):

1. Представители разных обществ и культур не различаются по степени принятия основных ценностей. Л. Колберг выделил одиннадцать таких ценностей. Среди них законы и нормы, совесть, способность выразить свои чувства, авторитет, гражданские права, договор, доверие и справедливость в обмене, справедливость наказания, жизнь, право собственности, правда или истина, любовь и секс. Таким образом, стадия морального развития определяется не характером, а стилем отношения к этим ценностям.

2. Центральным понятием модели является понятие справедливости. Принципы справедливости являются основой для разрешения моральных конфликтов, возникающих в результате столкновения интересов участников. Суть справедливости – это распределение прав и обязанностей, регулируемое понятиями равенства и взаимности.

3. Критериями моральной зрелости, достижения высшего уровня морального развития являются как принятие универсальных этических принципов, так и выработка личностью новых моральных ценностей, собственной этической концепции.

4. в сформировавшемся виде система моральных «операций» обладает такими же свойствами обратимости и уравновешенности, которые свойственны логико-математическим и физическим суждениям (или операциям). Обратимость моральных «операций» достигается в результате развития у человека способности становиться на точку зрения других участников морального конфликта.

5. Основные моральные нормы и принципы личности не являются автоматически усвоенными «внешними» нормами и не складываются вследствие опыта наказания и вознаграждения, а вырабатываются в ходе социального взаимодействия.

6. Поскольку все культуры имеют общие основы социального взаимодействия, процесс морального развития во всех обществах подчиняется общим закономерностям.

Для проверки своих предположений Колберг создал методику **морального интервью**. При ее использовании участники исследования должны были разрешить ряд моральных дилемм и объяснить принятое ими решение. Каждая дилемма была сформулирована в форме рассказа, главный герой которого совершал аморальный поступок. Сложность подобных дилемм заключалась в том, что отказ от совершения этого поступка привел бы к не менее негативным последствиям.

Например, одна из используемых Колбергом моральных дилемм звучала следующим образом: «Муж и его жена недавно иммигрировали из-за высоких гор. Они поселились в деревне и занялись сельским хозяйством в таком месте, где не было дождей и не росли злаки. Оба жили впроголодь. Из-за скудного питания жена заболела и оказалась на пороге смерти. В деревне, где жили супруги, была только одна продуктовая лавка, и лавочник установил высокие цены на продукты. Муж просил лавочника дать ему немного еды для жены, обещая заплатить позже. Но лавочник ответил ему: «Я не дам тебе продуктов до тех пор, пока ты не заплатишь за них». Муж обошел всех жителей деревни с просьбой дать ему немного еды, но ни у одного из них не оказалось лишних продуктов. Он очень расстроился и проник в лавку, чтобы украсть продукты и накормить жену».

Поскольку респондентами Колберга являлись не только сельские, но и городские жители, содержание большинства дилемм было модифицировано в зависимости от их места жительства. В частности, городские жители читали не о муже, укравшем продукты, чтобы накормить свою жену, а о муже, который украл лекарство, чтобы вылечить ее.

В первом широкомасштабном исследовании Колберга приняли участие 60 американских мужчин от 10 до 40 лет. Они читали каждую из дилемм, а потом оценивали поведение главного героя, определяли, что он должен был сделать в данной ситуации (украсть продукты или дать жене умереть), и объясняли причину своего выбора. Полученные объяснения

подвергались качественному анализу. Дилеммы предлагались участникам эксперимента сначала в средней школе, затем в колледже, далее в вузе и, наконец, в разные периоды работы по специальности (Анциферова, 1999). На основе результатов этого исследования Колберг выделил три уровня морального развития: доконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный (Анциферова, 1999; Bore et al., 2003; Kohlberg, 1984). Вслед за Пиаже он считал, что эти уровни универсальны и сменяют друг друга в строго определенном порядке. Каждый из уровней он разбил на две стадии.

Колберг полагал, что люди разрешают разные моральные дилеммы с позиции разных уровней и стадий морального развития. Однако большинство ответов каждого человека соответствует только одной из них.

1. *Доконвенциональный уровень.* Человек, находящийся на этом уровне, при определении «моральности» поступка исходит из того, насколько тот или иной поступок удовлетворяет его собственные потребности. Этот уровень включает в себя две стадии. *Первая стадия* характеризуется ориентацией на наказание и послушание: если ребенок совершает определенный поступок и его за это наказывают, он делает заключение, что данное поведение плохое. Таким образом, основным двигателем поведения ребенка, находящегося на первой стадии морального развития, является страх перед наказанием. Человек, находящийся на *второй стадии*, в качестве «морального» рассматривает то поведение, которое удовлетворяет его собственные нужды и лишь случайно — потребности других людей. Таким образом, основным двигателем его поведения является соблюдение баланса между наказанием и вознаграждением.

2. *Конвенциональный уровень.* Человек, находящийся на этом уровне морального развития, понимает необходимость выполнения ряда правил для сохранения целостности общества. Этот уровень также включает в себя две стадии. Для человека, находящегося на *третьей стадии*, основным регулятором поведения являются требования малой группы (семьи, друзей, коллег), членом которой он является. Человек, проходящий *четвертую стадию*, руководствуется в своем поведении не тре-

бованиями конкретных членов своей группы, а нормами общества, выполнение которых необходимо для поддержания жизнеспособности социальной системы. Его главной целью становится поддержание существующего социального порядка.

3. *Постконвенциональный уровень* – самый высокий уровень морального развития. Человек, находящийся на этом уровне, руководствуется уже не собственными интересами и не требованиями социальной группы, к которой он принадлежит, а безличными моральными стандартами. Человек на *пятой стадии* морального развития понимает относительность и договорной характер моральных норм, то есть осознает, что моральные нормы людей зависят от того, к какой группе они принадлежат, и придает большое значение соблюдению индивидуальных прав. Поэтому для него особую значимость приобретает справедливость правил, в соответствии с которыми принимается то или иное решение (процедурная справедливость). Человек на самой высокой – *шестой стадии* – самостоятельно выбирает единственную систему моральных норм и следует ей.

Колберг связал выделенные им уровни морального развития с уровнями развития интеллекта по Пиаже. По его мнению, не достигнув уровня формальных операций, ребенок не может перейти на конвенциональный уровень морального развития. Однако наличие необходимого уровня развития интеллекта еще не гарантирует перехода на более высокий уровень морального развития. Для того чтобы этот переход был совершен, необходима стимуляция из внешней среды, в частности, ребенку необходим пример, на который он мог бы равняться.

Несмотря на то, что не все люди достигают высшей стадии, общее направление морального развития одинаково для представителей всех социальных групп. Это означает, что (1) для достижения более высокой стадии морального развития человек должен пройти все, предшествующие ей; (2) развитие в обратном направлении невозможно. Некоторые эмпирические результаты, полученные в ходе исследования, проведенного двадцать пять лет назад с участием представителей сорока пяти культур, подтверждают эту точку зрения (*Snarey, 1985*).

Модель Колберга получила широкое распространение, но одновременно стала объектом **критики**.

1. По мнению некоторых исследователей, модель отражает направление моральной социализации человека западного общества. Для представителей коллективистских культур оказание помощи ближнему является большей ценностью, чем демонстрация своей уникальности. Поэтому для них самым высоким является конвенциональный, а не постконвенциональный уровень морального развития. Межкультурные исследования, проведенные в последние годы, позволили выявить культурную специфику морального развития. Например, хотя китайские дети, как и их американские ровесники, с возрастом переходят с первой и второй стадий на третью, они испытывают большее уважение к власти, больше ориентированы на помощь и чаще учитывают интересы близких людей, чем американцы (*Fang et al., 2003*).

2. Критике подвергается понятие «уровень морального развития». Некоторые последователи Колберга полагают, что моральное развитие представляет собой не последовательность уровней и стадий, а смену когнитивных схем (*Rest et al., 2000*). Дж. Рест выделяет три таких схемы: схему личного интереса, которая соответствует второй и третьей стадиям по Колбергу; схему усвоения норм, соответствующую четвертой стадии; постконвенциональную схему, соответствующую пятой и шестой стадиям.

Схема отличается от уровня морального развития следующими особенностями:

- ее содержание более конкретно, чем содержание уровня морального развития;

- уровень морального развития рассматривается как совокупность когнитивных операций, выполняемых человеком, а схема – как содержание представлений;

- уровни морального развития универсальны, а схемы имеют культурную специфику;

- моральное развитие по Колбергу заключается в резкой смене стадии/уровня морального развития, а по Ресту – в постепенном изменении частоты использования разных схем.

Это означает, что человек может использовать несколько моральных схем одновременно;

- моральное развитие по Колбергу идет в одном и том же направлении, а по Ресту – может идти в разных;

- критерием моральной зрелости по Колбергу является высокий уровень морального развития, а по Ресту – умение человека использовать разные схемы (*Krebs, Denton, 2006*).

В соответствии с логикой Реста, оценка состояния морального развития происходит по двум направлениям (*Derryberry, Thoma, 2005*):

- определение фазы: вне зависимости от стадии развития человек может находиться в фазах консолидации или перехода. Консолидация – фаза, на которой при оценке разных ситуаций человек использует одну и ту же схему, а переход – разные схемы;

- анализ направления: моральное развитие может идти по пути повышения стадии/уровня/выбора более сложной схемы или по пути их снижения.

3. В первом варианте своей модели Колберг не описал, как моральные суждения человека связаны с его поведением. Однако, прислушавшись к критике, он сформулировал несколько условий перехода суждений в поступки (*Анциферова, 1999; Rest et al., 2000*).

- *Принятие человеком моральной ответственности* за свое поведение и действия других людей. Возможности такого принятия определяются характером профессиональной деятельности человека. Одной из профессий, благоприятствующих повышению уровня морального развития, является врачебная деятельность. Человек стремится воплотить в жизнь свое решение, так как невыполнение своих же решений вызывает у него чувство дискомфорта, препятствует достижению им ощущения «самосогласованности».

- *Моральные чувства*, среди которых эмпатия по отношению к жертве и неприятие агрессора. Некоторые исследователи полагают, что моральные суждения и последующее поведение человека зависят от чувств, которые испытывает он и которые, по его мнению, испытывают участники моральных

дилемм. В частности, если люди считают, что главный герой дилеммы испытывает огорчение или гнев, они пытаются помочь ему, а не соблюсти широко распространенные правила (Skoe, Eisenberg, Cumberland, 2002).

- Достижение пятой стадии морального развития и *отсутствие квази-обязательств* – обязательств перед другими членами своей группы, экспериментатором и т. д., противоречащих моральным нормам, например, ценности человеческой жизни. Колберг считал феномен квази-обязательств характерным для представителей четвертой стадии морального развития, которые еще не достигли уровня постконвенциональной морали и не способны действовать как автономные, свободные люди, руководствующиеся высшими ценностями – уважением к жизни человека и его достоинству.

- *Умение правильно интерпретировать конфликтную ситуацию*. Поскольку моральные ситуации почти всегда имеют форму дилемм и включают несколько участников, результативность их разрешения предполагает умение вести диалог и сближать противоположные точки зрения. Дети, находящиеся на низших стадиях морального развития, неверно понимают характер межличностных отношений участников, упускают из виду важные детали, не могут объединить поступающую информацию. В результате они приходят к ошибочным заключениям, воплощающимся в неадекватных действиях.

- *Поведенческие навыки*. Неумелое действие, выполненное из самых добрых побуждений, может вызвать последствия, противоположные задуманному.

Несмотря на необходимость дополнительных условий, современные исследования показывают, что уровень морального развития оказывает влияние на поведение человека. Так, чем выше уровень морального развития студентов, тем реже они обманывают преподавателя и тем чаще используют презервативы (King, Mayhew, 2002). Это особенно ярко проявляется у тех, кто находится в фазе консолидации (Derryberry, Thoma, 2005). Чем выше уровень морального развития учителей, тем чаще они используют демократический стиль руководства и тем охотнее слушают разные мнения учеников (Reiman, Peace, 2002).

4. Критике подвергалась методика морального интервью, предложенная Колбергом, поскольку:

- она представляет собой глубокое интервью и, следовательно, трудна в использовании;
- ее результаты невозможно стандартизировать;
- она включает в себя небольшое количество моральных дилемм, не отражающих многообразие возможных ситуаций (*Rest et al., 2000*).

Именно поэтому в последние годы были созданы и другие методики для изучения морального развития.

Наибольшую популярность приобрела методика DIT (**Defining Issue Test**) Дж. Реста. Ее валидность подтверждается тем, что:

- она позволяет зафиксировать различие морального развития у людей разного возраста и имеющих разный уровень образования;
- она выявляет изменения морального развития в лонгитюдных исследованиях;
- ее результаты коррелируют с результатами других аналогичных методик;
- она позволяет выявить изменения в ходе участия в программах, направленных на развитие моральных суждений;
- ее результаты связаны с просоциальным поведением человека, его профессиональными решениями, политическими аттитюдами;
- повторное тестирование респондентов через относительно короткий промежуток времени дает такие же результаты, как и первое.

Кроме того, активно используется методика, в которой уровень морального развития оценивается по **характеру запомненной информации**. Участник исследования читает описание дилеммы и объяснения поведения человека, соответствующие разным стадиям морального развития. После этого его просят вспомнить эти объяснения. Уровень морального развития определяется по тем объяснениям, которые респондент вспоминает точнее.

5. Критике подвергается идея Колберга о том, что уровень морального развития не зависит от конкретной ситуации.

Так, исследования показали, решение человеком моральных дилемм, по которому определяется уровень его морального развития, в некоторой степени зависит от ситуации - эмоционального состояния, содержания дилеммы, особенностей аудитории (*Krebs, Denton, 2006*). Например, дети более склонны распространять свои суждения о хорошем и плохом вообще на конкретные ситуации, если в них главным действующим лицом является представитель их этнической группы (*Magsud, 1977*). Кроме того, радостные или счастливые люди заполняют ДИТ дольше и демонстрируют более низкий уровень морального развития, чем спокойные или расстроенные люди, а также люди с легкой депрессией (*Zarinpoush, Cooper, Moylan, 2000*).

6. Колберг уделял мало внимания факторам, оказывающим влияние на уровень морального развития. Исследования, проведенные в течение последних двадцати лет, позволили восполнить этот пробел.

(а) Образование: чем выше уровень образования, тем выше уровень морального развития (*Al-Ansari, 2002*). Однако этот уровень зависит от академической специализации. В целом результаты исследований показывают, что (*King, Mayhew, 2002*):

- люди, получившие образование в колледже, чаще находятся на постконвенциональном и реже — на конвенциональном уровне морального развития, чем люди, не получившие такого образования;

- однако обучение может привести к временному уменьшению уровня морального развития. Например, у студентов-медиков за три первых года обучения происходит некоторое снижение уровня морального развития (*Patenaude, Niyonsenga, Fafard, 2003*);

- уровень морального развития зависит от включенности студентов в общение со сверстниками: чем больше у студента друзей в университете, тем более высокий уровень морального развития он имеет;

- студенты, обучающиеся на специализациях, связанных с бизнесом (финансы, информационные системы, управление ресторанами, менеджмент, маркетинг, международный бизнес), реже достигают постконвенционального уровня, чем психологи, математики и социальные работники;

- уровень растет в ходе учебных курсов, направленных на моральное развитие, а также против расизма и сексизма;

- влияние учебных курсов зависит от способа их организации. Например, уровень морального развития женщин повышается, если они анализируют этические проблемы бизнеса в одиночку; при групповом обсуждении он уменьшается;

- влияние учебных курсов зависит от их длительности. Например, групповое обсуждение студентами этических проблем в течение тридцати часов приводит к повышению уровня их морального развития, а более короткое обсуждение или посещение лекций – нет (*Bunch, 2005*);

- некоторое влияние оказывают нетрадиционные формы обучения. Например, переход от конвенционального к постконвенциональному уровню морального развития происходит в ходе медитации людей под мантры, при которой они обращаются к собственному внутреннему миру (*Chandler, Alexander, Heaton, 2005*).

(б) Стиль родительского воспитания. Уровень морального развития подростков связан с такими параметрами родительского стиля воспитания, как «отвержение», «авторитарная гиперсоциализация» и «маленький неудачник»: чем сильнее выражены эти параметры в поведении родителей, тем ниже уровень морального развития подростка (*Степанова, 2004*). Особенно сильное влияние стиль воспитания оказывает на моральное развитие девочек: чем сильнее контроль со стороны родителей и привязанность к ним дочери, тем ниже уровень ее морального развития (*Palmer, Hollin, 2001*).

(в) Место жительства. Жители изолированных деревень с меньшей вероятностью достигают постконвенционального уровня морального развития, чем горожане. А у детей, живущих в гетерогенной культурной среде, моральное развитие происходит быстрее, чем у их сверстников из гомогенного сообщества (*Magsud, 1977*).

(г) Травматический опыт. Люди, которые в детстве пережили войну, в результате чего у них возник посттравматический синдром, имеют более низкий уровень морального развития, чем люди, не имеющие такого опыта (*Taylor, Baker, 2007*).

7. Колберг уделял мало внимания влиянию уровня морального развития на другие элементы когнитивной системы человека. В последние годы были выделены некоторые направления этого влияния.

(а) Политические аттитюды. Люди, находящиеся на третьем уровне морального развития, более радикальны в своих политических взглядах (политически активны, чаще приветствуют социальные изменения и выступают против действий властей), чем люди на втором уровне (*Emler, 2002*). Кроме того, в некоторых странах, например, в Израиле, сторонники «левых» имеют более высокий уровень морального развития, чем сторонники «правых» (*Rattner, Yagil, Sherman-Segal, 2003*).

(б) Правосознание. Чем выше уровень морального развития, тем меньше люди поддерживают смертную казнь (*de Vries, Walker, 1986*), тем больше они готовы к использованию ресурсов страны для защиты прав человека в других странах (*McFarland, Mathews, 2005*), тем активнее они выступают за соблюдение прав животных (*Block, 2003*).

(в) Нормы справедливости. Существует несколько аспектов влияния уровня морального развития на предпочтение норм справедливости.

Во-первых, соблюдение норм процедурной справедливости важнее для людей, которые используют схему усвоения норм и постконвенциональную схему. Люди, использующие схему личного интереса, при оценке справедливости ситуации придают большое значение дистрибутивной справедливости и позитивности полученного результата.

Во-вторых, использование моральных схем связано с предпочтением отдельных норм справедливости (*Wendorf, Alexander, Firestone, 2002*):

- люди, использующие схему личного интереса, придают большее значение нормам точности и полноты информации, контроля за процессом и результатом, репрезентативности (процедурная справедливость), а также распределению по потребностям (дистрибутивная справедливость);

- люди, использующие схему усвоения норм, придают большее значение нормам однообразия, точности инфор-

мации, контроля за результатом, этичности, нейтрализации предубеждений, репрезентативности (процедурная справедливость), а также распределению по способностям, беспристрастности, равенству (дистрибутивная справедливость);

- люди, использующие постконвенциональную схему, уделяют особое внимание нормам точности и полноты информации, контроля за процессом и результатом, этичности, нейтрализации предубеждений, репрезентативности, уважению к партнеру (процедурная), а также распределению по способностям и потребностям (дистрибутивная справедливость).

В-третьих, чем выше уровень морального развития, тем чаще люди оценивают принятое решение в соответствии с нормой нейтрализации предубеждений. Причем это ярче проявляется в дилеммах, которые люди вспоминают самостоятельно, чем в искусственных дилеммах, придуманных исследователем (Myuru, Helkama, 2002).

8. В концепции Колберга игнорируется связь морального развития с Я-концепцией. Получается, что нормы выступают для человека внешним регулятором, не связанным с его представлением о себе. Однако в последнее время появилась альтернативная модель. Согласно ей, человек действует в соответствии с моральными нормами, поскольку хочет, чтобы собственные действия соответствовали его представлению о себе. Это происходит, когда моральные нормы из абстрактных принципов превращаются в качества, которые человек приписывает себе, и цели деятельности. Например, Я-концепция подростков, склонных к альтруизму, отличается от представления о себе их более эгоистичных сверстников. Такие подростки чаще описывают себя в терминах моральных целей и черт, воспринимают себя как более последовательных, слабо поддающихся изменению и влиянию ситуации, больше ориентированы на свои личные идеалы и родительские ценности. Однако такие подростки не отличаются от сверстников уровнем морального развития по Колбергу (Arnold, 2000).

9. В модели Колберга не учитывается тот факт, что не все ситуации люди рассматривают как имеющие отношение к морали. С точки зрения морали, добра и зла чаще оцениваются

ситуации, в которых нарушаются социальные нормы и наносится ущерб одному из участников. При этом люди подразделяются на «утилитаристов» и «формалистов». Для «утилитаристов», которые оценивают моральность поступка по позитивности результата, более важным фактором является нанесение ущерба, а для «формалистов», которые принимают во внимание соблюдение определенных правил – нарушение социальных норм (*Reynolds, 2006*).

10. Модель Колберга имеет половую специфику: в его исследовании принимали участие мальчики. По мнению некоторых исследователей, направление морального развития женщин отличается от мужского. Это критическое замечание привело к созданию женской модели моральной социализации.

3. Модель морального развития К. Гиллиган

К. Гиллиган (*Gilligan, 1982*) заимствовала у Колберга трехуровневую структуру морального развития, изменив содержание второго и третьего уровней. Если в основе концепции Колберга лежит ориентация на исполнение правил, то, согласно Гиллиган, конечная цель морального развития женщин – умение совмещать принятие ответственности за других людей и собственные потребности. По мнению автора этой модели, различие в направлении морального развития мужчин и женщин основано на различии полоролевых стереотипов, согласно которым основной ролью женщины является поддержание хороших отношений между людьми и оказание им помощи. Это приводит к тому, что, переходя на новый уровень морального развития, женщина осуществляет выбор не между разными системами норм, а между объектами ответственности. В ходе моральной социализации женщины начинают чувствовать ответственность за других людей и учатся совмещать ее принятие с достижением собственных целей.

Для проверки своего предположения Гиллиган проинтервьюировала 29 женщин, которые принимали решение о том, делать ли им аборт. Некоторые из респонденток были незамужними и учились в школе, другие – замужем, но

по тем или иным причинам не были уверены в том, что хотят ребенка. На основе глубинных интервью, которые были проведены с интервалом в год, было сделано заключение о наличии трех уровней морального развития у женщин.

1. Первый уровень — ориентация на индивидуальное выживание. Когда женщину спрашивают, что она должна делать, она отвечает, что она может сделать для себя. Таким образом, женщина, находящаяся на этом уровне, принимает ответственность за себя. Переход на следующий уровень морального развития осуществляется, когда женщина сталкивается с конфликтом ценностей: независимостью, с одной стороны, и желанием жить вместе с другим человеком — с другой.

2. Второй уровень морального развития связан с осознанием женщиной блага принесения себя в жертву. Выбирая стратегию поведения, женщина, находящаяся на этом уровне, решает вопрос о том, кому она может нанести ущерб: «Кто падет жертвой того, что я не сделаю аборт? — рассуждает такая женщина. — Ребенок, который будет плохо питаться, родители и мой парень». Таким образом, второй уровень морального развития женщины связан с принятием ею ответственности за других.

3. На третьем уровне женщина осуществляет выбор между ответственностью перед собой и ответственностью перед окружающими. Находясь на этом уровне, она одинаково хорошо представляет себе как свои потребности, так и потребности других людей.

Уровень морального развития по Гиллиган так же, как и уровень морального развития по Колбергу, связан с рядом индивидуальных особенностей человека. Например, чем выше уровень морального развития, тем ниже степень авторитаризма, тем выше когнитивная сложность и способность встать на место другого человека (*Jaffee, Hyde, 2000*).

Несмотря на обоснованность модели Гиллиган и наличие эмпирических свидетельств, говорящих в ее пользу, результаты исследований, проведенных другими авторами, противоречат ей. Например, в одном из таких исследований (*Ernst, 1990*) мужчин и женщин спрашивали, что бы они подумали о человеке, который нарушил правило «не обмани» для того, чтобы

помочь себе или другу на экзамене. Результаты показали, что мужчины оправдывали нарушение правил, когда речь шла о помощи другу, но не себе, то есть основывались на необходимости заботы о других. Женщины нашли нарушение правил предосудительным в любом случае, то есть основывались на выполнении обезличенных моральных правил. Однако эти различия зависели как от темы (отношения к аборту и помощь на экзамене), так и от метода исследования (интервью или анкетирование).

Возникшие сомнения породили активное изучение *половых различий* в направлении морального развития (моральной ориентации). Проведенные исследования показали, что:

- при разрешении моральных дилемм люди действительно ориентируются либо на заботу и ответственность (по Гиллиган), либо на самостоятельное следование моральным нормам (по Колбергу). Однако в целом ряде случаев они используют обе моральные ориентации (*Jaffee, Hyde, 2000*);

- женщины немного больше и более последовательно, чем мужчины ориентированы на заботу и ответственность, а мужчины – на независимое следование моральным нормам (*Bjorklund, 2003; Ford, Lowery, 1986; Wark, Krebs, 1996; White, Manolis, 1997*). Кроме того, описывая события, которые оказали большое влияние на их жизнь, научили их чему-либо женщины чаще, чем мужчины припоминают случаи, связанные с заботой, помощью, принятием ответственности за кого-либо и оценивают их как более важные (*Barnett, Quackenbush, Sinisi, 1995*). Аналогичные результаты были получены и в российских исследованиях, которые показали, что при решении моральных дилемм мужчины чаще, чем женщины сравнивали поступок главного героя с существующими нормами, чаще отмечали право героя на самостоятельность, чаще рассматривали нарушение моральных норм с точки зрения потери репутации. Вместе с тем женщины чаще, чем мужчины, стремились сохранить отношения между героями, оценивали происходящее с точки зрения сохранения самоуважения и того, как оно может отразиться на остальных героях дилеммы (*Знаков, 2004*). Однако, по мнению некоторых психологов, эти различия на-

столько непостоянны, что не могут служить серьезным доказательством существования половых различий в направлении морального развития (*Jaffee, Hyde, 2000*);

- традиционные половые различия проявляются только в том случае, если люди задумываются о своей половой принадлежности (*Ryan, David, Reynolds, 2004*);

- важную роль в выборе моральной ориентации играет не биологический пол, а феминность/маскулинность человека: чем более феминен мужчина, тем чаще он ориентируется на заботу и принятие ответственности за других (*Ford, Lowery, 1986*);

- женщины более последовательны при ответах на дилеммы Колберга, то есть чаще дают ответы, соответствующие одному и тому же уровню/стадии, чем мужчины. Однако мужчины более последовательны в моральной ориентации, то есть чаще ориентируются либо только на следование моральным нормам, либо только на заботу и ответственность (*Wark, Krebs, 1996*).

Позже были обнаружены не только половые, но *межкультурные различия* в ориентации на следование моральным нормам или на оказание помощи. Оказалось, что:

- для представителей коллективистских культур оказание помощи ближнему является большей ценностью, чем для представителей индивидуалистских культур. Так, например, американцы считают человека морально обязанным помочь своим детям при решении очень серьезной или умеренно серьезной проблемы, а также незнакомцу, если ситуация, в которую он попал, очень тяжелая. Но они не считают обязательным оказывать помощь как незнакомцу, так и своим собственным детям, если их проблема несерьезная. С другой стороны, индийцы полагают, что человек должен помогать окружающим в любых ситуациях (*Miller, Bersoff, Harwood, 1990*);

- представители коллективистских культур считают возможным нарушать моральные нормы, если это позволит помочь другому человеку. В частности, 80% индийцев, прочитав описание ситуации, где для выполнения данного другому обещания главный герой должен был украсть билет у пассажира самолета, считали необходимым совершить кражу, тогда как среди американцев таких людей было только 40% (*Miller,*

Bersoff, 1998). Таким образом, для них более характерна ориентация на оказание помощи («не помочь человеку – это бесчувственно»), соблюдение обязанностей («я обязан помочь другу»), а не на соблюдение норм («это незаконно») и нанесенный ущерб (*Miller, Bersoff, 1992*);

- представители коллективистских культур (корейцы) чаще, чем представители индивидуалистских (американцы), ориентируются не только на физические последствия своих действий, стремясь избежать наказания, но и на эмоциональные последствия для партнера по общению (*Baek, 2002*);

- представители коллективистских культур чаще, чем индивидуалистских освобождают от ответственности за нарушение обязательств тех людей, которые действовали под влиянием эмоций или маленьких детей (*Bersoff, Miller, 1993*).

И наконец, были выделены и *другие индивидуальные особенности*, оказывающие влияние на выбор моральной ориентации, например:

- те, кто ориентируются на следование моральным нормам, обладают более индивидуализированным образом Я (независимым от оценок других людей), чем те, кто ориентируется на заботу и ответственность (*Jaffee, Hyde, 2000*);

- люди, легко усваивающие знания на абстрактном уровне, чаще ориентируются на заботу, чем люди с конкретным стилем обучения (*White, Manolis, 1997*);

- по мере взросления моральная ориентация людей меняется (*Jaffee, Hyde, 2000*), в частности, растет выраженность ориентации на заботу и оказание помощи (*Quackenbush, Barnett, 2001*);

Кроме того, было выявлено, что моральная ориентация человека изменяется в зависимости от *характеристик ситуации*:

- партнера по взаимодействию: ориентация на заботу чаще проявляется по отношению к знакомому человеку, чем к незнакомому, а также по отношению к члену своей социальной группы (ингруппы), чем чужой (аутгруппы) (*Ryan, David, Reynolds, 2004*);

- противоречивости требований: люди чаще ориентируются на заботу при разрешении дилемм, в которых к человеку предъявляются противоречивые требования (просоциальные дилеммы), а на

соблюдение моральных норм — при разрешении дилемм, связанных с нарушением социальных норм (антисоциальные дилеммы) (*Haviv, Leman, 2002*);

- серьезность ситуации: люди чаще ориентируются на соблюдение моральных норм, когда оценивают несерьезную ситуацию, а на заботу — при оценке серьезной (*Bjorklund, 2003*);

- временные ограничения: в условиях лимита времени люди чаще ориентируются на соблюдение моральных норм, чем при его отсутствии (*Bjorklund, 2003*).

Таким образом, для описания морального развития человека в настоящее время используют два показателя — уровень морального развития и моральную ориентацию (на следование моральным нормам или заботу). Это означает, что модель морального развития Гиллиган получила признание. Однако в области правовой социализации эта модель не получила такого широко распространения, как модель ее оппонента Колберга, чьи представления о моральном развитии легли в основу когнитивной модели правового развития.

4. Модель правового развития Дж. Тапп и Ф. Левина

В 1970-х годах XX века Тапп и Левин предложили «интеракционистскую когнитивную модель правового рассуждения». В своей теории они соединили идеи Ж. Пиаже, его последователя Л. Колберга и Г. Мида.

1. Из теории Пиаже ими была заимствована идея о фундаментальном значении процессов ассимиляции, аккомодации и равновесия. Целью человеческого развития они считали адаптацию к среде, которая зависит от уровня развития когнитивной системы и познавательных процессов человека. Авторы полагали, что правовые аттитуды развиваются по собственным законам относительно независимо от окружающих человека людей.

2. Основным методом, использующимся при создании модели, было интервью. Тапп и Левин задавали участникам своего исследования пятнадцать вопросов, на основании которых выносили суждение об уровне их правового развития (*Воловикова, 2004; Николаева, 1993*):

Что такое правило (поведения)? Почему именно это называется правилом?

Что такое закон? Почему что-либо является законом?

Зачем нам законы? Почему нам следует иметь законы?

Может ли быть справедливым и правильным что-либо даже в том случае, если это не отражено в законе? Как это может быть?

Что такое справедливый закон? Почему он справедлив?

Что такое право?

Какие права следует иметь людям? Почему?

Какие права люди имеют? Почему?

Что бы случилось, если бы не существовало законов?

Почему люди должны следовать законам?

Почему вы следуете закону?

В каком случае законы могут быть изменены?

Существуют ли ситуации, когда было бы правильным нарушить закон? Если да, то какие это ситуации?

Что означает выражение «быть правым»?

Может ли человек нарушить закон и быть правым? Если да, то как это может быть?

Сокращенная версия этого опросника включает в себя четыре вопроса, касающихся того, откуда берутся законы, каковы их функции, можно ли их нарушать и возможно ли их изменение.

3. Анализ результатов интервью позволил выделить три уровня правового развития: уровни правопослушания, правоподдержания и правотворчества (*Tapp, Kohlberg, 1971*).

Человек, находящийся на *уровне правопослушания*, считает, что основной функцией законов является предотвращение преступлений путем их запрещения. По его мнению, люди исполняют законы потому, что избегают наказания и подчиняются власти. Законы «даны свыше», их нельзя нарушать и изменять.

Человек, проходящий *уровень правоподдержания*, полагает, что законы необходимы для поддержания структуры того общества, частью которого он является. По его мнению, законы – это результат договора между людьми, которые подчиняются им из-за конформности и желания оправдать ожидания окружающих.

Законы можно нарушать и изменять в том случае, когда они препятствуют нормальному функционированию общества.

Человек, находящийся на *уровне правотворчества*, оправдывает свое поведение системой моральных норм, соотнося их с существующими законами. Целью закона он считает достижение общего блага. Его интересуют не сами законы, а общие принципы, лежащие в основе правовой системы. Несоответствие этих принципов моральным нормам приводит к его неподчинению законам и желанию изменить их.

Уже в начале 70-х годов были получены данные, подтверждающие направление правового развития, заложенное в модели Тапп и Левина. В частности, было показано, что уровень правового развития человека изменяется с возрастом. Исследования, проведенные еще в начале 70-х годов, подтвердили тот факт, что с возрастом уменьшается вероятность некритичного принятия законов и увеличивается степень согласия с ними на основе их соответствия общим принципам (*Gallatin, 1971; Tapp, Levine, 1977*).

Однако проведенные исследования выявили ту же закономерность, с которой в свое время столкнулись сторонники теории Пиаже. Ответы одного и того же респондента на разные вопросы соответствовали разным стадиям правового развития (*Николаева, 1995*).

4. Правовое развитие является результатом развития познавательных процессов. В частности, человек не может достичь уровня правоподдержания до тех пор, пока его мышление не достигло уровня формальных операций.

5. Однако в отличие от Пиаже и Колберга Тапп и Левин полагали, что правовое развитие зависит от особенностей среды. Важной формой взаимодействия между человеком и средой является конфликт. В ситуации правового и политического конфликта человек видит несколько не совпадающих друг с другом точек зрения. В этой ситуации противоречие индивидуальных перспектив и требований, предъявляемых разными сторонами конфликта, приводит к принятию человеком новой для него роли.

Идея принятия роли как основного механизма социализации восходит к Г. Миду — одному из «отцов» интерак-

ционизма. Мид полагал, что личность человека, его «self», развивается посредством понимания принятых в обществе значений. Это происходит на ранних этапах жизни человека, через научение языку и участие в социальном взаимодействии. В ходе этого процесса человек учится смотреть на себя и свое поведение с точки зрения другого, учится вести себя так же, как он. Ключевым понятием концепции Мида является «принятие роли»: развитие человека происходит в том случае, когда он получает возможность сыграть новую для себя роль, получает новые права, выполняет новые обязанности. Это дает человеку возможность взглянуть на происходящее под другим углом, что и приводит к изменению его аттитюдов.

Эмпирическое подтверждение эта идея получила в исследовании уровня правового развития присяжных, проведенном до и после судебного процесса. Опросник, который использовали Тапп и Левин, состоял из пятнадцати вопросов. Авторы выделили четыре механизма правовой социализации, актуализирующиеся, по их мнению, в ходе принятия решения присяжными заседателями: получение знаний, наличие конфликта мнений, принятие новой роли и видение связи между понятиями из разных областей социализации (закон, справедливость, право). Они полагали, что актуализация этих механизмов приведет к повышению уровня правового развития присяжных в ходе судебного процесса. Тапп и Левин давали свою методику трем группам людей: присяжным, вошедшим в коллегию, отведенным присяжным и 23 случайно отобранными людьми. Они обнаружили, что уровень правового развития присяжных был выше, чем уровень развития отведенных кандидатов и случайно отобранных людей.

6. Другое отличие модели Тапп и Левина от воззрений Колберга и Пиаже заключается в признании многовариантности правового развития. Авторы считали, что последовательность уровней правового развития не задана изначально: они могут следовать друг за другом в разной последовательности. Несколько лет назад российским исследователем были получены данные, которые косвенно подтверждают эту идею

(Гайнер, 1998). В исследовании было показано, что, чем старше российские школьники-респонденты, тем большее их количество считает, что соблюдение законов необходимо для того, чтобы избежать наказания за их нарушение. Однако поскольку это исследование было не лонгитюдным, а включало в себя однократное измерение уровня правового развития, причиной такого результата могло быть не «обратное правовое развитие», а постоянные различия, существующие между учениками разных классов.

7. Правовое развитие обладает своей культурной спецификой. Эта специфика касается скорости достижения определенного уровня правового развития и содержания уровней.

Скорость правового развития. Исследование, проведенное в шести странах мира, показало, что на достижение людьми определенного уровня правового развития оказывает влияние культурный контекст (Tapp, Levine, 1977). Меньше всего людей, которые считали невозможным нарушение закона, было выявлено в США и Италии, а больше всего в Греции. Кроме того, треть итальянцев считали, что законы можно нарушать, если они несправедливы, но о возможности нарушения закона в подобных условиях говорили всего 9% датчан.

Содержание уровней правового развития. Во-первых, общества различаются по содержанию первого и третьего уровней правового развития (Николаева, 1993, 1995).

Согласно модели Тапп и Левина, переход на третий уровень правового развития происходит через усвоение законов и следование им. Для людей, находящихся на первом уровне правового развития, понятия «морали» и «закона» слиты в единое целое. На третьем уровне формируется личность с полностью усвоенным кодексом законов, которые подчинены моральному кодексу. Это означает, что, уважая закон в целом, человек следует тем его нормам, которые соответствуют моральным принципам, выражают и поддерживают их.

У российских респондентов закон изначально не слит с моралью. В результате желание действовать в соответствии с моральными нормами, характерное для третьего уровня,

является результатом не уважения к правовым нормам и их соотношения с требованиями морали, а принципиального отторжения закона. Законы не воспринимаются российскими гражданами как рациональные и справедливые. Они рассматриваются как предписания авторитетного лица – государства и выполняются из уважения к нему. Подобное представление существует наряду с представлением о бездействии, неэффективности и коррумпированности государственного аппарата, а также отсутствием страха перед негативными последствиями в случае нарушения закона. Все это приводит к нежеланию подчиняться требованию законов.

Таким образом, возникает два типа отношения российских граждан к законности и к государству как ее носителю. В первом случае государство воспринимается как авторитетное лицо, что ведет к остановке на первом уровне правового развития. Для второго типа характерно отторжение государственной власти, что приводит к выработке человеком индивидуального «морального кодекса», соответствующего третьему уровню развития. Такие люди готовы одобрить беззаконие, если нарушение законов мотивируется благой целью, причинами морального порядка.

В последнее время наблюдается постепенное изменение уровня правового развития российских граждан. С 90-х годов XX века к началу XXI века количество российских респондентов, находящихся на третьем уровне правового развития, возросло почти в четыре раза. Этот рост произошел за счет значительного уменьшения количества людей, находящихся на втором уровне правового развития. Количество людей, находящихся на первом уровне, практически не изменилось (*Воловикова, 2004*).

Во-вторых, принадлежность к определенной культурной общности оказывает влияние на функции, приписываемые закону. Например, россияне в отличие от жителей Западной Европы приписывают закону воспитательную функцию (*Николаева, 1993*).

5. Модель правового развития Р. Акерса

Сторонники бихевиорального подхода к правовой социализации полагают, что человек усваивает правовые аттитуды так же, как и разные формы поведения: он принимает те из них, за которые получает подкрепление. Источником такого подкрепления являются окружающие человека люди, которые одобряют его поведение, готовы общаться с ним или, напротив, отторгают его, как чужого. Таким образом, правовое развитие определяется не уровнем развития познавательных процессов и собственной активностью человека, а действиями окружающих людей. Одной из моделей, созданной в рамках бихевиорального подхода, является ассоциативная теория дифференцированного подкрепления.

Автором современного варианта этой теории является Р. Акерс, который рассматривал процесс формирования правосознания как социальное научение (*Akers, 1973; Akers et al., 1979, 1987*). Его модель включает в себя следующие положения.

1. Отношение человека к закону и преступлению – результат его взаимодействия с окружающими людьми. В этом взаимодействии человек «опробует» разные формы поведения и наблюдает, к каким последствиям они приводят.

2. В результате он усваивает только то поведение, за которое он получил материальное (деньги, вещи, продукты и т. д.) / социальное (одобрение со стороны других людей) подкрепление и которое позволило ему избежать наказания. Вероятность совершения преступления является функцией от размера, частоты и вероятности предшествующего ему подкрепления такого поведения.

3. Одновременно с этим человек усваивает и аттитуды, позволяющие ему оправдать собственное поведение. Эти аттитуды составляют основу правосознания.

4. Научение человека происходит в тех группах, которые контролируют главные источники его вознаграждения.

Таким образом, модель Акерса включает в себя четыре основные понятия:

- дифференцированная ассоциация — различие во взаимодействии законопослушных людей и нарушителей закона, в усвоенных ими формах поведения;
- аттитюды, оправдывающие противозаконное поведение;
- дифференцированное подкрепление — процесс, в ходе которого противозаконное поведение начинает доминировать над законопослушным;
- имитация или моделирование — процесс научения поведению посредством проб или с помощью имитации поведения других людей в отсутствие внешнего принуждения.

6. Сравнение когнитивной и бихевиоральной моделей правовой социализации

Параллельное существование когнитивной и бихевиоральной моделей правовой социализации ставит вопрос о том, какая из них в большей степени соответствует реальности. Американские социальные психологи И. Кон и С. Уайт (*Cohn, White, 1990*) провели серию исследований, посвященных изучению этого вопроса.

Исследования проводились в студенческом городке одного из американских университетов. Их целью было определение степени влияния особенностей среды (бихевиоральная модель) и характеристик студентов (когнитивная модель) на вероятность нарушения ими закона.

В соответствии с когнитивной моделью правового развития, аттитюды людей к правонарушениям/их запрещению и совершение правонарушений определяется уровнем правового развития человека. Особенности внешней среды важны постольку, поскольку они дают людям возможность сыграть новую роль, выполнить новые обязанности, принять на себя новую ответственность (рис. 2.1).

В соответствии с бихевиоральной моделью, не уровень правового развития определяет поведение, а, наоборот, поведение оказывает влияние на аттитюды к правонарушениям и их запрещению, а также на уровень правового развития. Поведение, в свою очередь, зависит от влияния со стороны чле-

нов референтной для человека группы (например, других студентов) и системы контроля (рис. 2.2).

Исследование Кон и Уайт включало в себя две части. В одной части принимали участие первокурсники, которые поселились в студенческом городке недавно, а во второй – как первокурсники, так и студенты более старших курсов. Анализ результатов студентов-первокурсников давал возможность продемонстрировать существование правовой социализации в студенческом городке. С помощью смешанной в возрастном отношении выборки решался вопрос о том, что лежит в основе правовой социализации – уровень правового развития человека или внешние условия.

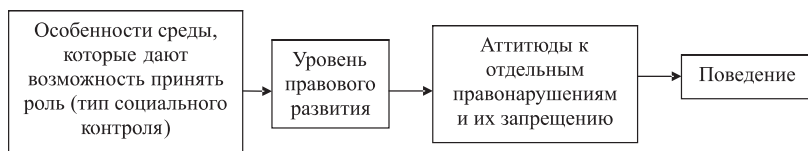

Рисунок 2.1. Когнитивная модель правового развития

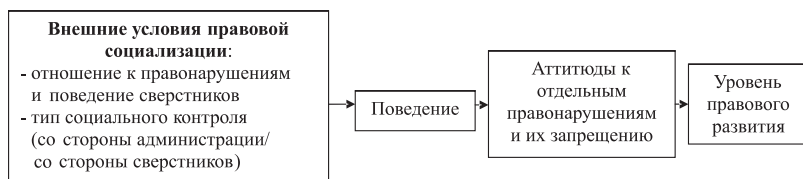

Рисунок 2.2. Бихевиоральная модель правового развития

Два раза – в начале и в конце учебного года – студенты отвечали на ряд вопросов для измерения:

- *уровня правового развития* по Тапп и Левину (Что такое закон? Почему люди следуют нормам закона? Почему Вы следуете нормам закона? Можно ли изменять нормы закона? Бывают ли ситуации, когда правильно нарушить закон?);

- аттитудов к правонарушениям;
- аттитудов к их запрещению;
- субъективной оценки частоты совершения каждого из правонарушений в предыдущий год/полгода (поведение).

Кон и Уайт выделили двадцать четыре поступка, которые нарушали нормы студенческого городка. Эти поступки были разделены на три типа – деструктивное, беспокойное и беспорядочное поведение:

- деструктивное поведение (например, повреждение мебели или зданий) нарушало как университетские нормы, так и законы штата и встречалось в студенческом городке относительно редко. Исследователи ожидали, что отношение к нему сформировалось у студентов уже до того, как они поселились в студенческом городке, и жизнь в общежитии не изменит их аттитюдов и поведения;

- беспокойное поведение (например, употребление алкоголя и марихуаны в местах отдыха, появление в пьяном виде, шум в местах отдыха) нарушало как университетские правила, так законы штата, но встречалось в студенческом городке достаточно часто. По мнению авторов исследования, представление о подобных поступках и частота их совершения должны подвергаться влиянию сверстников;

- беспорядочное поведение (например, шум и опасное для окружающих поведение в коридоре общежития, нецензурная брань в публичных местах, комментарии сексуального характера) нарушало правила университета, но не законы штата, часто встречалось в студенческом городке и слабо преследовалось полицией. Представление о подобных поступках и частота их совершения также должны были подвергаться влиянию сверстников.

Аттитюды к правонарушениям, их запрещению и субъективная оценка частоты их совершения были выбраны в качестве *показателей правовой социализации*.

В качестве *внешних условий* развития Кон и Уайт рассмотрели тип контроля за поведением студентов:

- внешний и жесткий контроль, при котором надзор за поведением студентов осуществлялся администрацией университета и полицией штата;

- контроль сверстников, который осуществляли члены комитета, выбранного самими студентами из своих рядов. Этот контроль был менее жестким;

- отсутствие специального контроля, обычная для студенческих городков процедура.

Отдельно авторов интересовал вопрос о том, какую роль в соблюдении закона играют индивидуальные особенности респондентов, не имеющие отношения к правовой сфере. Для его решения они сопоставили социодемографические характеристики респондентов, их веру в справедливый мир и уровень морального развития с соблюдением/нарушением закона/правил.

Результаты этого исследования были достаточно сложными. Они заключались в следующем.

1. Нормы, существующие в студенческом сообществе, оказывают влияние на аттитюды и поведение первокурсников. В конце года студенты демонстрировали более низкий уровень правового развития, а также больше одобряли и чаще заявляли о совершении поступков, которые классифицировались как беспорядочное и беспокойное поведение. Это означает, что эффект правовой социализации в рамках студенческого сообщества действительно существует.

2. Аттитюды к правонарушениям, их запрещению и поведению студентов определяется условиями социализации — жесткостью и типом контроля. Во-первых, наличие усиленного контроля предотвращает ухудшение отношения к закону и распространение соответствующего поведения, что соответствует бихевиоральной модели правового развития.

Во-вторых, при разных типах контроля студенты реагируют на принуждение по-разному. В частности, студенты из общежития с внешним типом контроля (администрация и полиция) изменили свои аттитюды и поведение в сторону, обратную той, на которую указывали университетские правила, тогда как студенты из общежития с равным типом контроля (совет, избранный самими студентами) поступили наоборот. Эти результаты подтверждают когнитивную модель правовой социализации, в соответствии с которой внешние условия важны постольку, поскольку они дают людям возможность сыграть новую для себя роль, в том числе самостоятельно контролировать свое поведение.

3. Уровень правового развития оказывает более серьезное влияние на правосознание (но не поведение), чем внешняя среда, что говорит в пользу когнитивной модели правовой социализации.

4. Оценка частоты правонарушений лучше предсказывает уровень правового развития, чем уровень правового развития – оценку частоты. Это означает, что бихевиоральная модель правового развития лучше описывает поведение людей, чем когнитивная.

5. Важным посредником во взаимосвязи уровня правового развития и поведения являются аттитюды к правонарушениям и их запрещению.

6. Систематическая связь между психологическими (уровень морального развития, вера в справедливый мир) и социодемографическими особенностями студентов, с одной стороны, и совершением правонарушений, с другой, отсутствует. Это означает, что совершение правонарушений имеет социальные, а не индивидуальные корни.

Другим важным аспектом изучения правовой социализации являются институты, в рамках которых она происходит.

III. Институты правовой социализации

Институты правовой социализации – это группы и организации, в рамках которых формируется правосознание человека. Традиционными институтами правовой социализации являются семья, образовательные учреждения, средства массовой коммуникации, правоохранительные органы/суд/пенитенциарные учреждения, культура в целом. Разные институты оказывают влияние на разных этапах жизни человека.

1. Роль семьи в правовой социализации

Семья – первый институт социализации, в который человек попадает с момента рождения. В его рамках он усваивает первые аттитюды и формы поведения. Семья является

источником как имплицитной, так и эксплицитной правовой социализации.

Имплицитная правовая социализация проявляется в способах воспитания детей и их обосновании. В частности, если в семье с ребенком действуют по принципу «не пойман – не вор», в дальнейшем ему, вероятно, будет легче освоить один из основных принципов закона – презумпцию невиновности, которая гласит, что подсудимый не должен доказывать свою невиновность, его виновность должен доказать обвинитель. Кроме того, в семье ребенок усваивает первые моральные нормы, часть которых («не убий», «не укради») соответствует существующему закону.

Примером *эксплицитной правовой социализации* является обучение ребенка поведению в ситуациях, угрожающих его благополучию. В частности, из уст родителей ребенок получает сведения, способствующие его выживанию, например, информацию о том, что такое преступление и как не стать его жертвой. Желание родителей информировать своих детей о тех преступлениях, жертвами которых они могут стать (изнасилование, убийство), зависит от их оценки способности ребенка противостоять агрессору. В частности, желание родителей рассказать детям о сексуальном насилии возрастает, когда они полагают, что (*Campis, Prentice-Dunn, Lyman, 1989*):

- ребенок является вероятной жертвой насилия;
- ребенок в состоянии правильно среагировать на покушение;
- «правильное» поведение в ситуации сексуального насилия не нанесет ребенку ущерба;
- выбор ребенком «правильного» способа поведения может предотвратить сексуальное насилие.

Наиболее разработанным направлением исследований в данной области является изучение влияния особенностей семьи (количества родителей, криминальности их поведения, стиля воспитания и отношений с ребенком и т. д.) на вероятность совершения преступлений. Этот вопрос мы подробнее рассмотрим в третьей главе.

2. Роль образовательных учреждений в правовой социализации

Образовательные учреждения так же, как и семья являются источником имплицитной и эксплицитной правовой социализации. *Имплицитная правовая социализация* связана с нормами, используемыми при взаимодействии между сверстниками, а также при взаимном влиянии учеников и учителей друг на друга. Однако изучение правовой социализации в рамках школы ограничивается в основном исследованием эксплицитной социализации.

Эксплицитная правовая социализация осуществляется следующими способами.

1. Преподавание основ права. Введение в школьную программу специальных дисциплин оказывает влияние на когнитивный компонент правосознания учеников (*Гайнер, 1998*).

2. Организация встреч школьников и студентов с правонарушителями и персоналом реабилитационных учреждений. Их целью является изменение мнения участников о преступниках и возможности их реабилитации. Идея организации таких встреч была заимствована у сторонников гипотезы контакта, согласно которой негативные отношения между членами разных социальных групп могут быть улучшены в ходе непосредственного общения между ними.

Авторы одной из таких программ (*LeUnes, Bourgeois, Grajales, 1996*) измеряли отношение учащихся к молодым правонарушителям и персоналу реабилитационных учреждений для них в начале и в конце учебного года с помощью семантического дифференциала. После этого на протяжении года респонденты принимали участие в нескольких мероприятиях. Во-первых, к ним в класс приходили молодые правонарушители, которые рассказывали о своей жизни, семье, причинах совершения преступления. После этого участники программы смотрели фильм и слушали рассказ о восстановительной процедуре, в которой принимали участие не только правонарушители, но и их жертвы. В ходе этой процедуры правонарушитель получал возможность сыграть роль

своей жертвы, испытать соответствующие чувства. Рассказ завершался указанием на высокую эффективность подобной процедуры. И наконец, в конце учебного года респонденты посещали реабилитационное учреждение для молодых правонарушителей, общались с его сотрудниками и клиентами. Результаты исследования показали, что описанная процедура оказала значительное влияние на attitudes респондентов, улучшив их отношение к правонарушителям и работникам реабилитационных учреждений.

3. Информирование людей об особенностях преступлений. Цель подобных программ – уменьшение вероятности совершения определенных преступлений, например, изнасилований, и обучение оказанию помощи жертвам.

Одна из них – американская программа, рассчитанная на мужчин-студентов колледжа. Ее введение было обусловлено ростом числа изнасилований, происходящих в студенческом городке. Авторы этой программы обсуждали с участниками мифы об изнасиловании и приводили данные, говорящие об их неадекватности. Кроме того, они показывали участникам записи интервью, проведенных с жертвами, которые рассказывали о трудностях, возникших в их жизни после изнасилования. В некоторых случаях участникам показывали видеозаписи с выступлением молодого человека, осужденного за изнасилование, или просили представить, что бы они почувствовали, если бы изнасиловали их девушку. В таких программах используется язык, понятный аудитории. Для лучшего запоминания ключевые идеи суммируются по ходу и в конце работы (*Johansson-Love, Geer, 2003; Rosenthal, Heesacker, Neimeyer, 1995*).

Другим примером является часовая программа «Как помочь жертве сексуального насилия: что могут сделать мужчины?», рассчитанная на студентов-мужчин. Ее ведут несколько мужчин, которые, не пытаясь спорить со слушателями или переубеждать их, предлагают варианты помощи жертвам сексуального насилия. Эта программа хороша тем, что ее участники не чувствуют непосредственного давления, принуждающего их изменить представления об изнасиловании,

что, возможно, уменьшает их сопротивление. Участникам объясняют, что такое изнасилование, после чего они смотрят видеозапись интервью с мужчиной-офицером полиции, которого изнасиловали двое мужчин. Эта видеозапись дает ведущим возможность объяснить, что изнасилование порождается не сексуальной потребностью, а потребностью во власти, и провести параллель с изнасилованием женщин. Затем ведущие рассказывают участникам об основных способах помощи жертве сексуального насилия. А в конце программы после ответов на вопросы они сообщают аудитории, что за тот час, пока шла программа, в США сексуальному насилию подверглись примерно 99 женщин (*Foubert, 2000*).

Существуют разные формы передачи информации о преступлениях. Они различаются по двум критериям.

- Активность участников. В соответствии с этим критерием выделяют лекционную форму, подразумевающую личное общение ведущего с аудиторией или демонстрацию фильма, и воздействие в форме театральной постановки. В рамках обучающей видеопрограммы люди знакомятся с видеоматериалами, касающимися разных видов изнасилования, их причин, мифов об изнасиловании. В театральной постановке люди включаются в разыгрывание спектакля. Сюжет спектакля – свидание, которое закончилось изнасилованием. Участники программы являются зрителями и актерами. Периодически спектакль прерывается, и участники обсуждают поведение героев. В рамках такой программы люди отрабатывают навыки поведения, необходимые для того, чтобы избежать изнасилования или принуждения партнера вступления в сексуальную связь. Участники театральной постановки более серьезно, чем участники видеопрограммы, анализируют информацию об изнасиловании и способе избежать его, они обращают большее внимание на разные точки зрения, у них появляется больше новых идей. В результате они лучше разделяют добровольное согласие и вступление в половую связь после принуждения. Однако видеопрограмма тоже оказывает некоторое влияние: она уменьшает принятие мифов об изнасиловании, хотя эти изменения и нестабильны (*Heppner et al., 1995*).

- Связь воздействия с исследованием. В соответствии с этим критерием, программы делятся на самостоятельные (к этому виду относятся все программы, описанные выше) и являющиеся частью научного исследования. Во втором случае воздействие организуется после проведения исследования, в форме так называемого «дебрифинга». Например, если исследование было посвящено мифам об изнасиловании, а его участники читали описание этого преступления, в ходе дебрифинга им объясняют цели исследования, описывают мифы об изнасиловании и их несоответствие действительности, его подлинные причины, последствия просмотра порнографии, особенно с элементами насилия, указывают на серьезность уголовного наказания за изнасилование, а в конце выражают уверенность, что участники покидают исследование с более реалистичными представлениями об изнасиловании. Подобная процедура уменьшает принятие мифов об изнасиловании, дает людям представление о последствиях порнографии, влияет на оценку жертвы и преступника (*Check, Malamuth, 1983; Malamuth, Check, 1984*).

3. Средства массовой коммуникации и правовая социализация

Средства массовой коммуникации — один из самых сильных источников эксплицитной и имплицитной правовой социализации, оказывающий влияние на всех стадиях развития человека. Под их воздействием активно формируются все четыре компонента правосознания — аттитюды к преступлениям, преступникам и их жертвам; закону; наказанию; работникам правоохранительных органов, суда, пенитенциарных учреждений.

Формирование *аттитюдов к преступлениям, преступникам и их жертвам* связано с наличием в средствах массовой информации сообщений о преступлениях и насилии. Они появляются в статьях, документальных передачах и художественных фильмах. Формированию этого направления правосознания способствует развлекательная направленность СМК, в которых информация о преступлениях преоб-

ладает над информацией о нормах закона. Воздействие таких сообщений изучается в контексте влияния демонстрации агрессии и насилия в СМК (рис. 2.3). В целом сообщения с элементами преступлений и насилия выполняют следующие функции:

1. *Формирование представления об опасности мира и страха перед преступлениями.* Сообщения о преступлениях и насилии приводят к тому, что люди переоценивают важность этой стороны жизни, начинают считать окружающий мир опасным и боятся стать жертвами преступлений (*Eschholz et al., 2002*). Например, после серии статей о преступлениях, совершенных в общественном транспорте, жительницы Мельбурна боялись пользоваться общественным транспортом и такси, а после серии сообщений о преступлениях, совершенных в общежитии университета, студентки этого университета потребовали от администрации установить в общежитии охрану.

Формирование представления о враждебности мира и страха перед преступлениями осуществляется благодаря тому, что сообщения о преступлениях часто строятся в форме увлекательного для читателя рассказа об относительно редко встречающихся, чаще всего насильственных преступлениях. Среди них выбираются те, которые происходят наиболее редко и в этом смысле составляют отклонение от нормы. Выделяют несколько типов отклонений от нормы: отклонение от статистической нормы (редко происходящее событие), статусное отклонение (совершение преступления членами социальных групп, имеющих высокий статус в обществе), отклонение от культурных норм. Исследования показывают, что в СМК прежде всего попадают сообщения о редко встречающихся преступлениях, являющихся отклонением от статусных и культурных норм (*Pritchard, Hughes, 1997*).

Рисунок 2.3. Влияние агрессии и насилия в СМК на правосознание

Однако чтобы редкие события стали понятны и близки аудитории, они должны соотноситься с уже существующими у них представлениями. Сообщения в СМК помогают людям сделать это. Например, сообщение о жестоком убийстве, совершенном ребенком, противоречит обыденному представлению о ребенке как о «чистом», «безгрешном» существе. Для того чтобы устранить это противоречие, средства массовой коммуникации используют разные способы, благодаря которым (James, Jenks, 1996):

- малолетний убийца исключается из категории «ребенок». Например, в газетах применительно к малолетнему

убийце употребляются такие выражения, как «взрослый ум, маленький дьявол, отродье сатаны»;

- он объявляется ненормальным, поскольку «безгрешность» по культурным канонам приписывается здоровому ребенку;

- необычное поведение малолетнего убийцы получает разумное разъяснение: «ребенок такой же как общество, в котором он живет. Именно общество ответственно за то, что он совершил».

Интерес СМК к редко встречающимся, легким для понимания и «зрелищным» преступлениям приводит к тому, что объектами сообщений редко становятся экономические преступления и семейное насилие.

2. Формирование представления о преступлениях и преступниках.

2.1. Сообщения в СМК дают людям представление о типичном преступнике и о том, как обычно совершаются преступления. Таким образом, благодаря СМК люди усваивают скрипты преступлений.

Существует два типа сообщений, различающихся подробностью описания преступления и преступника.

Первый тип описания характерен для коротких криминальных сообщений в теленовостях и печатных СМК. Структура скрипта преступления в таких сообщениях отличается от той, которая присуща скриптам преступлений, передающимся в межличностной коммуникации. Главное отличие – незначительное внимание, уделяемое особенностям преступника и жертвы, и большое – совершению преступления, особенно ярким, необычным деталям.

Например, анализ телевизионных криминальных новостей, выходящих на каналах российского телевидения, показал, что преступник и жертва обычно характеризуются с помощью пола, возраста, иногда профессии и очень редко – посредством личностных черт и интересов. Кроме того, в описании совершения преступления практически отсутствуют ссылки на эмоциональное состояние преступника или его намерения, а также на его дальнейшую судьбу. Таким образом, в отличие от скрип-

тов, существующих на уровне межличностной коммуникации, скрипты, транслирующиеся в СМК, описывают преступление как необычное явление, не имеющее истории и не ведущее к определенным последствиям для преступника (*Гулевич, 2001*).

Короткие криминальные новости в печатных периодических изданиях отличаются теми же особенностями, что и телевизионные сообщения. Например, контент-анализ статей в американских газетах, посвященных домашнему насилию, показал, что: в статьях редко описывается история совместной жизни преступника и жертвы; убийство рассматривается вне связи с породившими его причинами; домашнее насилие редко рассматривается как общественная проблема, широко распространенная и имеющая социальные корни; домашнее насилие описывается прежде всего в терминах физического, а не психологического насилия; в статьях содержится большое количество условий, оправдывающих преступника и обвиняющих жертву; в качестве преступника и жертвы выбираются члены низкостатусных социальных групп (этнических, с низким уровнем дохода, алкоголиков и наркоманов) (*Bullock, Cubert, 2002*). Подобные особенности характерны и для описания сексуального насилия над детьми: 40% сообщений о сексуальном насилии над детьми неопределенно: в нем нет информации о природе насилия, особенностях насильника и месте, где оно произошло (*Collings, 2002*).

Такое описание преступления и преступника приводит к следующим последствиям:

- криминальные новости не являются источником информации о причинах преступности и, следовательно, о путях их коррекции;

- преступление, вырванное из контекста человеческих отношений, рассматривается как аномальное явление, которое не может быть совершено «нормальным» человеком. Этому же способствует выбор в качестве преступников исключительно членов отверженных социальных групп. Это приводит к отвержению преступников и отказу от их реабилитации;

- криминальные новости способствуют формированию стереотипов преступников с последующим запоминанием из

сообщений СМК преимущественно стереотипной информации. Например, в исследовании С. Дж. Коллингса (*Collings, 2002*) респонденты получали сообщение, касающееся сексуального насилия над детьми. Было сформулировано три варианта сообщений. Первый был идентичен сообщению в СМК – в нем отсутствовали детали совершения преступления, например, место его совершения. Второе сообщение отвечало распространенным стереотипам: в соответствии с ним, изнасилование было совершено незнакомцем на улице. Третье сообщение противоречило стереотипам: в нем сообщалось, что сексуальное насилие было совершено дома одним из членов семьи. Результаты исследования показали, что, вспоминая через две недели содержание сообщения, респонденты, читавшие первую или вторую статью, описывали насилие над детьми в стереотипной манере. Таким образом, неопределенность первого сообщения в СМК привело к «дистраиванию» сообщения в соответствии со стереотипами.

Второй тип описания преступления и преступника характерен для длинных аналитических или развлекательных телевизионных передач/статей. Для таких сообщений характерна многофакторность описания феномена преступности.

В частности, анализ публикаций российских газет, посвященных преступникам и заключенным, позволил выявить следующие направления их описания (*Гулевич, Дьяконов, 2004*):

- социодемографические особенности (например, возраст, образование, профессия, отношения с родными, криминальный опыт);

- внешность (например, красивый/некрасивый, сильный/слабый);

- нравственные (например, добрый/жестокий, честный/нечестный), интеллектуальные (например, умный/глупый) и коммуникативные характеристики (например, вежливый/грубый), а также особенности эмоционально-волевой сферы (например, эмоциональное благополучие/неблагополучие, умение контролировать эмоции, сильный/слабый характер);

- причины совершения преступлений, среди которых внутренние стабильные (например, личностные особенности

и психические нарушения), внутренние нестабильные (например, корысть, оказание помощи или давления, самооборона, самоутверждение, восстановление справедливости), внешние стабильные (например, экономическая ситуация в стране, семейный климат, система школьного воспитания) и внешние нестабильные (например, конфликтные взаимоотношения с жертвой) причины;

- обстоятельства совершения преступления (например, его запланированность, неожиданность и жестокость действий преступника);

- поведение преступника после совершения преступления (например, оказание/неоказание помощи жертве, признание вины и раскаяние в содеянном или их отсутствие);

- результат совершения преступления (например, скрылся с места преступления, задержан, находится под следствием, идет судебный процесс, приговорен к определенной мере наказания);

- отношение преступника к тому, что он оказался за решеткой;

- условия его существования в ходе следствия, в колонии и после освобождения: плохие (голод и болезни, отсутствие одежды, невозможность получить образование и найти работу, систематическое нарушение прав, жесткая дисциплина и охрана) или хорошие (хорошее питание и медицинское обслуживание, возможность получить образование и найти работу, возможность отдохнуть и принять участие в культурных мероприятиях);

- оценка вероятности того, что преступник вновь может стать «полноценным» членом общества;

- реакция окружающих на преступника и его действия (например, волнение, страх, злость, безразличие, интерес, равнодушие);

- меры воздействия на преступников или заключенных (профилактика, реабилитация, искоренение) и их эффективность.

Такое описание порождает более сложное и противоречивое представление о преступниках.

2.2. Упрощение стратегий оценки. Дети, которые смотрят много передач с элементами насилия, чаще используют стратегии оценки, связанные с первым уровнем морального развития. Объясняя, почему герой рассказа, совершивший преступление, ведет себя правильно, они говорят, что таким образом он может вернуть свои вещи, а неправильно – поскольку его могут арестовать или потому, что драться – плохо (*Krcmar, Curtis, 2003; Krcmar, Valkenburg, 1999*).

2.3. «Предвзятая атрибуция враждебности». Человек приписывает негативные намерения и личностные черты тому, кто нанес ему или окружающим даже небольшой ущерб, считает, что он сделал это нарочно, и упускает из виду смягчающие обстоятельства.

2.4. Желание жестоко наказать преступника.

3. *Формирование аттитюдов к жертве*. Сообщения СМК с элементами насилия и преступлений способствуют изменению отношения к жертве. В частности, демонстрация сцен сексуального насилия приводит к принятию людьми мифов об изнасиловании, а также к утрате чувствительности к страданиям жертвы (*Donnerstein, Linz, 1994*).

4. *Формирование готовности к насильственному и преступному поведению*. Сообщения СМК с элементами насилия и преступлений приводят к снятию барьеров: человек начинает воспринимать насильственное, в том числе преступное поведение как вполне приемлемое. Кроме того, наблюдение за насилием и преступлениями способствует усвоению новых форм поведения, которых у человека раньше не было. Например, человек может рассматривать сцены изнасилования как информацию о сексуальном поведении, которое приводит к получению вознаграждения (сексуальному удовлетворению). Если у человека уже есть некоторый опыт насильственных действий сексуального характера, такие сообщения приведут к «снятию барьеров»: он будет рассматривать сексуальное насилие как нормальный, социально желательный способ поведения. Если у него отсутствует подобный опыт, то он не только изменит представление о социальных нормах, но и будет учиться тому, как осуществить насильственный акт (*Donnerstein, Linz, 1994*).

Однако не любые сообщения с элементами насилия и преступлений приводят к вышеописанным последствиям. Для того чтобы это произошло, необходимо соблюдение целого ряда условий (рис. 2.3).

В частности, влиянию таких сообщений наиболее подвержены авторитарные, агрессивные или раздраженные люди, склонные к поиску острых ощущений, которые находятся в социальной изоляции, то есть лишены влияния других институтов социализации, и сами еще не становились жертвой преступления. Критический возраст для обучения новым формам поведения с помощью сообщений СМК – 8-12 лет.

Сообщение также должно иметь определенную форму. Человек должен воспринимать увиденное как проявление агрессии или преступления: юмористические передачи, в которых имитируются преступления, не порождают страх, злость или попытку имитировать происходящее. Персонаж, совершающий преступление, должен быть чем-то похож на человека, чтобы он мог идентифицироваться с ним, а пострадавший персонаж должен быть похож на потенциальную жертву. События, описываемые в сообщении, должны казаться реальными и быть захватывающими. Преступное поведение не должно наказываться. Кроме того, влияние сообщений повышается, если жертва – особенно симпатичный человек – не пострадала.

СМК способствуют также формированию *attitudes to law*. За выполнение этой функции отвечают прежде всего немногочисленные «правовые ликбезы» – передачи или статьи, целью которых является предоставление информации о действующем законодательстве. Однако развлекательная направленность СМК приводит к тому, что в целом российские газеты уделяют мало внимания образовательной тематике и поэтому не являются источником информации о законе и правовых реформах, происходящих в стране (Ефремова и др., 1998).

Кроме газет, аналогичную функцию выполняют телевизионные судебные шоу, участники которых наблюдают за ходом игровых судебных процессов или принимают на себя роль присяжных, выносящих судебное решение. Зрители и непо-

средственные участники таких программ не только получают возможность принять на себя ответственность за судебное решение, но и знакомятся с некоторыми правовыми нормами. Однако аудитория подобных передач, по-видимому, уже, чем аудитория другого источника информации о законе, судебной системе и деятельности правоохранительных органов — художественных фильмов детективов.

Конечно, детективы могут восприниматься аудиторией как выдуманные истории. Однако подобные фильмы, повествующие о современных для зрителя событиях, могут выступать и в качестве источника информации о правовых нормах, особенно о допустимости тех или иных действий работников милиции или о правах подследственного. Применение работниками милиции насилия по отношению к подследственному или отказ в его требовании о предоставлении адвоката, а также акцентирование внимания на чистосердечном признании подследственного как основном доказательстве по уголовному делу служит зрителям своеобразным источником информации о том, как ведется следствие. То, что в роли подследственного часто выступает персонаж, который в итоге оказывается преступником, оправдывает в глазах зрителя применение работниками милиции всех вышеуказанных приемов.

СМК могут выступать источником формирования *аттитюдов к наказанию* в целом и его отдельным формам.

Во-первых, сообщения СМК влияют на аттитюды людей к профилактике преступности, выбор одного из двух подходов — реабилитационного (превентивного) и карательного. Смысл реабилитационного подхода заключается в том, что преступность можно уменьшить путем адаптации потенциальных преступников к законопослушному обществу, суть карательного подхода — единственным приемлемым способом воздействия на преступников и уровень преступности является наказание (подробнее об этих подходах речь пойдет в 3 главе). Поддержку реабилитационного подхода вызывает серьезное размышление людей о корнях преступности, анализ ими разной информации, а поддержку карательного — страх. Таким образом, аналитические сообщения в СМК, в которых

анализируются разные причины преступности, усиливают поддержку реабилитационного подхода, а аффективно насыщенные, вызывающие страх – карательного (*Sotirovic, 2001*).

Во-вторых, сообщения в СМК оказывают влияние на аттитюды к смертной казни. Это происходит двумя способами. С одной стороны, люди получают информацию о связи этой меры наказания с уровнем преступности, об аргументах в пользу ее применения и против ее использования. Ограничение этого способа состоит в том, что аттитюды к смертной казни слабо изменяются под воздействием новой информации. Достаточно часто мнение людей не только не изменяется, но становится еще более экстремальным, то есть люди еще более активно отстаивают те взгляды, которые у них уже были. Таким образом, информирование о достоинствах и недостатках смертной казни просто увеличивает разрыв во мнениях ее противников и сторонников. Такая поляризация мнений происходит даже в том случае, если человек не высказывает свою точку зрения вслух. Она менее характерна для тех, кто изначально не настаивал на какой-либо определенной точке зрения (*Miller et al., 1993*). С другой стороны, изменению аттитюдов к смертной казни способствуют передачи без яркой выраженной просветительской направленности, например, художественные фильмы, в которых демонстрируются страдания приговоренных к смертной казни (например, «Зеленая миля»).

И, наконец, сообщения СМК способствуют формированию **аттитюдов к работникам правоохранительных органов/суда и пенитенциарной системы**. Однако развлекательная направленность СМК накладывает определенный отпечаток на содержание сообщений, которые различаются, по крайней мере, по двум параметрам: степени схематизации образов работников правовых институтов и представлению о роли граждан в раскрытии преступлений.

- Схематизация образов работников правовых институтов. Повышенный интерес СМК к обстоятельствам совершения преступлений приводит к схематизации образов судьи и милиционера/полицейского. Например, анализ российских газетных публикаций, посвященных судебным процессам,

показывает, что описанию судьи уделяется гораздо меньше внимания, чем обвиняемым/потерпевшим (истцам/ответчикам) или прокурорам/адвокатам. При этом судья описывается схематично и предстает перед читателем как безличный представитель судебной власти, не обладающий индивидуальными особенностями (*Ефремова и др., 1998*). Такое описание облегчает стереотипное восприятие конкретного судьи, предъявление ему тех же претензий, что и судебной системе в целом.

То же самое можно сказать и о работниках правоохранительных органов. Например, образ сотрудника ОВД в российской печати обезличен: сотрудник не имеет личных нужд, затруднений по службе и функционирует в связи со своими должностными обязанностями (*Солдатенков, 2000*). Информация того же типа транслируется и в телевизионных криминальных новостях, большинство которых выдержано в позитивном или нейтральном тоне, а негативная оценка, если она существует, касается не конкретных персонажей, а работы правоохранительных органов в целом (обвинительный уклон, невыполнение функции борьбы с преступностью, низкое качество работы) (*Гулевич, 2000; Кузьминский, Мазаев, Михайловская, 1994*).

- Роль граждан в раскрытии преступлений. Сообщения СМК делятся на два типа. В сообщениях первого типа демонстрируется компетентность и самостоятельность сотрудников правовых институтов, а остальным гражданам отводится роль зрителей, наблюдающих за «борьбой добра со злом». Сообщения второго типа стараются убедить аудиторию в необходимости их усилий для раскрытия преступлений, соблюдения законности. Это различие можно проследить на примере телевизионных передач, посвященных борьбе с преступностью (*Fishman, 1999*).

Для демонстрации самодостаточности сотрудников правоохранительных органов в них используются следующие приемы:

- акцент делается на описании профессиональных характеристик сотрудников (компетентность, специальные способности, удачливость, умение преодолевать опасности) и содер-

жания их работы (хорошая техническая оснащенность);

- эмоциональный накал достигается за счет демонстрации стычек сотрудников правоохранительных органов и преступников, победителями из которых всегда выходят сотрудники;

- зрителям отводится пассивная роль, поскольку их не просят о помощи и не ожидают от них самостоятельных действий.

В то же время передачи, подразумевающие активную роль граждан, отличают следующие особенности:

- основное внимание уделяется описанию преступника, а не сотрудников правоохранительных органов;

- сотрудники полиции описываются как компетентные люди, которые однако не в состоянии поймать преступника без помощи граждан;

- демонстрируется, что при поимке преступника основная роль отводится показаниям свидетелей;

- ведущий обращается к зрителям с просьбой помочь в поимке преступника;

- зрители могут принять участие в происходящем, выйдя на связь со студией по горячей линии.

4. Правовая социализация в рамках правоохранительной и судебной системы

Традиционные институты правовой социализации – правоохранительные органы и суд – являются источниками эксплицитной социализации. Деятельность человека в рамках этих организаций и общение с их представителями влияет на все аттитюды, входящие в состав правосознания.

1. *Аттитюды к правоохранительным органам.* Российские исследования, проведенные в 90-х годах прошлого века, показывают, что личный опыт общения респондентов с представителями российской милиции и суда связан с более негативными аттитюдами по отношению к ним (*Ефремова и др., 1998; Кузьминский, Мазаев, Михайловская, 1994*). Подобные результаты были получены и в других странах. Например, американские исследователи отмечают, что представители этнических и расовых меньшинств в США менее позитивно относятся к полиции, чем американцы европейского проис-

хождения (за исключением проживающих в США выходцев из азиатских стран), а мужчины менее позитивно, чем женщины. Они объясняют это частотой общения между представителями этих групп и полицией: чем чаще непосредственные контакты, тем хуже отношение (*Taylor et al., 2001*).

Однако существуют условия, при которых общение с работниками правоохранительных органов приводит к противоположным результатам. Для этого в ряде стран организуют специальные программы, участники которых не только общаются с работниками правоохранительных органов, но и разделяют с ними ответственность по охране правопорядка: патрулируют улицы, слушают популярные лекции по основам уголовного права и технике работы полиции, участвуют в обучающих программах по развитию социальной компетентности и поведенческих навыков. Такие программы приводят к уменьшению страха перед преступлениями и улучшению аттитюдов к работникам правоохранительных органов (*Miller et al., 2005; Palmiotto, Unninthan, 2002; Ren et al., 2005*).

В целом влияние контактов с работниками правоохранительных органов на аттитюды к ним можно объяснить с помощью модели разумного поведения, речь о которой шла в первой главе. Например, по данным американских исследований, расовая принадлежность человека оказывает влияние на характер его общения с полицией, общение — на аттитюды к полиции и субъективные нормы, а они в свою очередь на желание людей помогать сотрудникам полиции (*Viki et al., 2006*).

2. *Аттитюды к закону, наказанию и преступлению.* Самостоятельное участие людей в принятии судебных решений способствует изменению их правосознания. В частности, российские исследования показывают, что присяжных, вынесших вердикт, отличают от кандидатов присяжные, пришедших в суд, но не попавших в коллегию, следующие особенности (*Гулевич, 2005; Гулевич, Голынчик, 2004*).

- большая готовность к получению правовой информации из специализированных изданий;

- увеличение роли второго уровня правового развития в ущерб первому и третьему. Эти результаты частично противоречат американским, в соответствии с которыми участие в суде присяжных приводит к повышению уровня правового развития, то есть к переходу с первого на второй и со второго на третий уровень (*Tapp, Levine, 1977*). Возможно, это связано со спецификой третьего уровня правового развития у российских граждан, речь о котором шла выше. Таким образом, доминирование второго уровня фактически означает рост уважения к закону;

- ухудшение представления о типичном преступнике;
- большая ориентация на «мирную» профилактику преступности с помощью образовательных мер и запугивание, связанное с демонстрацией примеров наказания преступников;

- уменьшение значимости «восстановления справедливости» и увеличение — «преподнесения урока потенциальным преступникам» в качестве целей уголовного наказания;

- ослабление ассоциативной связи справедливости с правовыми понятиями и усиление — с моральными.

Таким образом, участие в суде присяжных усиливает интерес людей к правовым нормам и явлениям, их веру в возможность влияния на уровень преступности и способствует разделению морали и права.

Кроме того, по американским данным, наблюдение за судебным процессом с участием присяжных приводит к изменению расовых стереотипов (*Nier, Mottola, Gaertner, 2000*).

5. Культура как контекст правовой социализации

Правосознание имеет культурную специфику. Российская специфика *аттитюдов к закону* ярко проявляется при сравнении российских граждан, с одной стороны, и французов и американцев — с другой:

- в правовом сознании российских граждан понятие «справедливость» занимает более важное место, чем в сознании жителей Франции (*Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996*);

- для французов закон – это правило, которому надо следовать, руководящая сила, а для русских – правило, которое не надо нарушать, граница, отделяющая зерна от плевел (*Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996*);

- американцы рассматривают закон как средство защиты отдельного человека, а русские – государства (*Трушков, 1995*);

- американцы рассматривают закон как стандарт поведения большинства. Они считают, что закон создан обществом и индивид может влиять на него через государственные институты. Русские рассматривают закон в качестве установленного стандарта поведения, который принимается меньшинством. Они признают необходимость закона, но считают, что в настоящем виде он не отражает общественное мнение (*Трушков, 1995*);

– мотивация соблюдения закона у американцев рациональна, основана на разумных началах. У русских же – аффективная легитимация, основанная на вере, которая подвержена ситуативным влияниям. При таком отношении подчинение происходит не на основе сознательного принятия принципов, а в силу эмоционально-ценностного отношения к закону и правовым санкциям (*Трушков, 1995*).

В последнее время в российском отношении к закону наблюдаются некоторые изменения (*Воловикова, 2004*). С 90-х годов XX века к началу XXI века уменьшился страх, связанный с правовыми вопросами, правовые проблемы начали вызывать интерес. Однако по сравнению с западными странами, в нашей стране все еще заметно отчуждение закона от человека. Например, исследование, ведущееся в России с конца 80-х годов, показало, что если в 1989 году отмечалось около 50% ответов типа: «Советские люди имеют право на бесплатное лечение, учебу», то в 2000–2002 гг. ответы распределились следующим образом. Люди должны иметь: право на труд (24), на сохранение жизни (17), на отдых (15), образование (14), свободу (12), свободу слова (11), самореализацию (10), медицинскую помощь (9), безопасность (7), собственность (7), достойное существование (4) и др. Отмечены также

ответы: «Все» (12), «Разные» (4), «Все, которые прописаны в Конституции» (3), «Права, отраженные законом» (3). Последние ответы говорят о том, что пока еще людей мало интересуют их права. Хотя по сравнению с 1989 годом ситуация заметно изменилась. Появились упоминания Декларации прав человека, обозначилась тема безопасности, увеличилась значимость темы свободы (совести, слова, мысли, передвижений, вероисповедования, право на личную жизнь). При этом люди не всегда могут точно объяснить, как именно нарушаются их права. Кроме того, постепенно формируется новый тип отчуждения от закона – убеждение в том, что приговор суда можно купить, например, наняв хорошего адвоката.

Российская специфика *аттитюдов к преступлению* выражается в следующем.

Во-первых, для русских преступление – это переход Рубикона, шаг, вызывающий моральное осуждение, а для французов – только нарушение правила, не вызывающее столь негативного отношения (*Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996*). Это выражается в том, что для французских респондентов совершение преступления связано, прежде всего, с нарушением закона, тогда как для русских значимым свойством преступления является нарушение моральных норм. Кроме того, русские студенты в большей степени, чем французские при определении «преступности» поступка учитывают намеренность поведения нарушителя (*Гулевич, 2003*).

Во-вторых, для французов более важным, чем для русских, оказывается такое свойство преступления, как нарушение прав жертвы. С этой особенностью косвенно связано признание ими в качестве наиболее типичных преступлений – преступлений против личности, а не против государства или общества. Так, французы редко вспоминают об экономических и должностных преступлениях, преступлениях против государства, но часто упоминают использование пыток и применение физического насилия по отношению к человеку, не приводящие к смерти последнего, педофилию, унижение и оскорбление человеческого достоинства. Кроме того, они

редко используют в качестве критерия преступности поступка наличие большого количества жертв (Гулевич, 2003).

Российских граждан отличает и особое *понимание вины*. Для французов вина «безличностна», о ней говорят абстрактно, не упоминая жертву. Русские респонденты рассматривают вину в контексте личностных отношений, как «вину перед кем-то», состояние, приводящее к раскаянию (Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996).

Специфика *аттитюдов* российских граждан к наказанию проявляется в том, что для русских справедливость в суде означает наказание виновного (обвинительный уклон), а для французов – это выбор между признанием вины и оправданием невиновного (Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996).

6. Проблемы изучения правовой социализации

Основной проблемой изучения правовой социализации является слабая разработанность этой области знания. Это прежде всего касается формирования правосознания.

Во-первых, в основу моделей правовой социализации положен только один из аспектов правосознания. В модели правового развития Тапп и Левина правовая социализация рассматривается как изменение отношения человека к закону, а в модели Акерса – как усвоение им аттитюдов к преступлению. Однако идея системности правосознания, описанная в предыдущей главе, подразумевает, что в ходе правовой социализации одновременно изменяется сразу несколько аспектов правосознания.

Во-вторых, правовая социализация изучается в отрыве от других ее аспектов, в частности от моральной и политической социализации. Это происходит, несмотря на то, что когнитивная модель правовой социализации Тапп и Левина основана на модели моральной социализации Колберга. Эта ситуация порождает ряд вопросов. Соотносится ли уровень морального развития с уровнем правового? Возможна ли автоматическая трансляция принципов, на основании которых выносится суждение о моральности поступка в область пра-

вового развития? с какими еще направлениями социализации связана правовая социализация?

В-третьих, в исследованиях, направленных на изучение механизмов социализации, предпочтение отдается изучению эксплицитной социализации. И модель правового развития, и ассоциативная теория дифференцированного подкрепления описывают ситуации, при которых субъект социализации понимает, что речь идет о законе — его нормах или поведении в соответствии с ним. Вместе с тем ни одна из этих моделей не связана с имплицитной правовой социализацией. Эта ситуация сохраняется и при изучении институтов социализации. Таким образом, роль имплицитной социализации остается неясной: способствует ли усвоение человеком принципов, не имеющих прямого отношения к правовой сфере, лучшему пониманию аналогичных правовых норм? в качестве одного из таких принципов может выступать важность справедливости процедуры, используемой при распределении вознаграждения/наказания. Возможно, что усвоение с детства принципа, согласно которому справедливость наказания определяется не только его размером, но и способом принятия решения о нем (слушают ли родители объяснения ребенка относительно происшедшего, объясняют ли ему свои действия и т. д.), в будущем облегчит понимание человеком идеи процедурной справедливости в рамках судебного процесса (справедливый результат гарантируется соблюдением принятой процедуры).

В-четвертых, слабо изученным остается влияние на правовую социализацию художественных произведений (книг, фильмов). При изучении СМК предпочтение отдается влиянию новостей. Единственная область, где активно используются отрывки из художественных фильмов — это влияние демонстрации насилия. Однако такие исследования ничего не говорят о влиянии художественных произведений на установки к закону, уголовному наказанию, работникам правоохранительных органов и суда.

И, наконец, в-пятых, еще одна слабо разработанная область — это межкультурные различия в правосознании. Вы-

бор культур при проведении таких исследований осуществляется либо по принципу доступности, либо по степени их «коллективизма» и «индивидуализма» – параметра, имеющего слабое отношение к правосознанию. Это затрудняет интерпретацию полученных различий. Кроме того, как в любых кросс-культурных исследованиях, в данном случае возникает проблема модификации методик для использования их в рамках разных культур.

Второй аспект правовой социализации – формирование поведения в правовой сфере – вызывает больший интерес исследователей, чем развитие правосознания. Его разработка происходит в рамках криминальной психологии, речь о которой пойдет в следующей главе.

Глава 3. Причины и профилактика преступлений

Криминальная психология – одна из старейших отраслей юридической психологии. Ее возникновение относится к XIX веку, когда были предприняты попытки объяснить совершение преступлений сначала индивидуальными характеристиками преступников, а затем географическими и социальными условиями. К настоящему времени существует достаточно сложное представление как о структуре преступного акта и его механизмах, так и о факторах, провоцирующих совершение преступлений. В этой главе мы рассмотрим разные объяснения преступного поведения, их ограничения и направления профилактики преступности.

I. Психологическая структура преступного акта

С точки зрения психологии совершение преступления – это поведенческий акт, который имеет такую же психологическую структуру, как прочие формы поведения. Человек, совершающий преступление, последовательно проходит четыре основных этапа: мотивации, планирования, исполнения, раскаяния и поиска оправдания (рис. 3.1).

Этап мотивации начинается с возникновения потребности (первая стадия). Большинство потребностей, которые приводят к совершению преступления, имеются у всех людей. К ним относятся физиологические потребности (в пище, отдыхе, сексуальная потребность и т. д.), потребность в безопасности, в общении с другими людьми, уважении с их стороны и власти над ними, познании и получении новых впечатлений, саморазвитии и т. д. Специфика преступного поведения раскрывается

на второй стадии этого этапа, при выборе мотива. Чтобы удовлетворить сексуальную потребность или потребность во власти преступник решает изнасиловать женщину, чтобы удовлетворить потребность в общении – совершить преступление вместе со своими друзьями по криминальной группе и т. д.

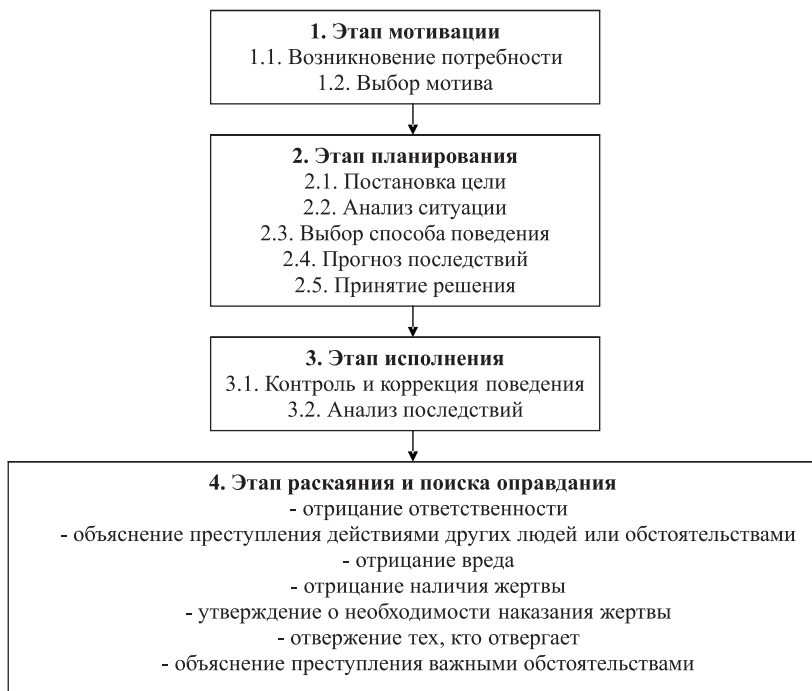

Рисунок 3.1. Психологическая структура преступного акта

На *этапе планирования* разрабатывается детальный план совершения преступления. Во-первых, ставится конкретная цель, для этого выбирается объект, ради получения или разрушения которого и будет совершено преступление (постановка цели). Далее анализируется ситуация, в которой произойдет столкновение с объектом, выбираются время, место и способ совершения преступления (анализ ситуации и выбор способа поведения). Кроме того, потенциальный преступник оценивает, приведет ли совершение преступления к удовлетворению

потребности, и к каким еще результатам оно может привести (прогноз последствий). И, наконец, принимается окончательное решение о совершении преступления. Например, человек, решивший совершить преступление «за компанию», ради удовлетворения потребности в общении, ставит цель – угнать машину соседа; анализирует, когда это можно сделать так, чтобы сосед не сразу заметил пропажу; придумывает способ проникновения в машину; думает о том, одобрят ли этот поступок его приятели, поднимет ли это его престиж среди сверстников; и наконец, принимает решение угнать машину утром, после посещения ночного клуба вместе со своими друзьями.

Совершение преступления происходит на *этапе исполнения*. Оно сопровождается коррекцией поведения по ходу совершения преступления и анализом наступивших последствий. Например, в описанной выше ситуации угонщик меняет план действий, если не может проникнуть в машину так, как задумал. Кроме того, угнав машину, он смотрит на реакцию своих приятелей: выражают ли они восхищение?

И наконец, этап *раскаяния и поиска оправдания* наступает в том случае, когда преступник недоволен тем, что преступил закон, нанес ущерб окружающим его людям или чувствует негативное отношение к себе с их стороны. Основными способами самооправдания являются:

- отрицание ответственности: «Я не хотел угнать машину, меня заставили друзья, у меня не было выбора»;

- объяснение преступления действиями других людей или обстоятельствами: «Владелец сам виноват, что не поставил на машину сигнализацию. В следующий раз будет умнее»;

- отрицание ущерба: «Я не нанес владельцу никакого вреда: машина осталась в целости и сохранности»;

- отрицание наличия жертвы: «Я разбил машину, но не нанес вреда человеку. Так что никто не пострадал»;

- утверждение о необходимости наказания жертвы: «Так владельцу и надо, наверняка он купил машину на ворованные деньги»;

- отвержение тех, кто отвергает: «У тех, кто осуждает меня, «рыльце в пушку». Мне не важно их отношение ко мне»;

- объяснение важными обстоятельствами: «Я угнал машину, чтобы помочь другу».

В целом преступники, особенно подростки, реже рассматривают совершенное ими преступление как аморальный акт, то есть реже оценивают свой поступок с позиции «хорошо-плохо», чем преступление, совершенное другим человеком и чем это делают законопослушные подростки (*Leenders, Brugman, 2005*).

Описанная психологическая структура преступного акта имеет две основные особенности. Во-первых, некоторые стадии и даже этапы совершения преступления могут проходить быстро, почти незаметно как для стороннего наблюдателя, так и для самого преступника. Во-вторых, при совершении преступления человек не обязательно проходит все стадии. Например, находясь в состоянии возбуждения, преступник может не проанализировать ситуацию (стадия 2.2) или не скорректировать свои планы в момент совершения преступления (стадия 3.1).

II. Психологические механизмы совершения преступления

Проблема психологических механизмов лучше всего разработана в связи с преступлениями с элементами агрессии — формы поведения, нацеленной на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения (*Бэрон, Ричардсон, 2000*). Под это определение лучше всего подходит насильственная преступность — убийства, нанесение телесных повреждений, изнасилования.

Существует три основных типа психологических механизмов совершения подобных преступлений: когнитивные, эмоциональные и поведенческие.

Когнитивные механизмы связаны с тем, как преступник анализирует происходящее, интерпретирует поведение окружающих, выбирает форму поведения. Одной из моделей, описывающих когнитивную активность преступника, является

модель агрессивного поведения К. Доджа и Н. Крика (*Бэрон, Ричардсон, 2000*). Ее авторы выделяют пять этапов возникновения агрессии.

На первом этапе происходит «прочитывание посылов к агрессии». В каждый момент жизни человек сталкивается с большим количеством информации. Естественные ограничения познавательных процессов не дают ему возможности проанализировать всю информацию. В результате человек обращает пристальное внимание на одни аспекты происходящего и практически не замечает другие. Некоторые люди обращают большее внимание именно на те аспекты, которые могут привести к агрессивным, в том числе преступным действиям с их стороны. Представим разговор двух недавно познакомившихся людей: они делают друг другу то комплименты, то замечания. Но один из них обращает большее внимание на замечания и начинает переживать. Такое выборочное восприятие — первый шаг на пути к агрессии.

На втором этапе происходит интерпретация «посылов к агрессии»: человек, обративший пристальное внимание на замечания, пытается понять, чем они вызваны. Не зная истинных причин, он приписывает их исходя из своего представления о людях. Для некоторых людей характерна так называемая «предвзятая атрибуция враждебности»: тенденция приписывать негативному поведению окружающих враждебные намерения. Такой человек расценит замечания как показатель негативного отношения и желания обидеть. Эта атрибуция — второй шаг на пути агрессии.

На третьем этапе происходит выбор формы поведения: человек анализирует, как он может ответить обидчику. Если его поведенческий репертуар достаточно богат, он может выбрать форму поведения, не связанную с насилием. Слабое представление о мирных путях разрешения конфликта — третий шаг, ведущий к агрессии.

На четвертом этапе происходит оценка человеком социальной желательности выбранной им формы поведения. Человек может отказаться от насилия в том случае, если считает, что окружающие не одобряют его действий. Однако если он

считает, что, по мнению окружающих, насилие — это вполне приемлемая форма поведения, он приблизится к совершению акта агрессии еще на один шаг.

И наконец, пятый этап — это совершение поступка. Агрессивные действия предпринимаются людьми, сознательно выбравшими эту форму поведения или теми, кто, решив разрешить конфликт мирным путем, не обладает достаточными поведенческими навыками, чтобы сделать это.

Таким образом, совершение насильственного преступления — это результат длительного анализа. Однако в некоторых случаях такой анализ не проводится. Это происходит, например, когда человек находится в состоянии **эмоционального возбуждения**, когда он расстроен или зол, и поэтому не может проанализировать свои возможности и реакцию окружающих. Это происходит, когда он сталкивается с фрустрирующими обстоятельствами, не позволяющими ему достигнуть поставленной цели. Эта связь описывается в теории фрустрации-агрессии, сформулированной Доллардом и его коллегами. первой версии этой теории предполагалось, что любая фрустрация вызывает агрессию, а агрессия всегда является результатом фрустрации. Позже было показано, что существуют и другие способы реакции на фрустрацию: человек может начать пить или принимать наркотики, плакать или собраться и постараться найти новые пути достижения цели. Кроме того, не любая фрустрация вызывает агрессивное поведение. Для того чтобы это произошло, необходимо, чтобы фрустрация была сильной (полностью блокировалось достижение важных для человек целей), многократной или непредвиденной. Именно при этих условиях она будет вызывать сильные негативные эмоции, которые и затруднят анализ ситуации. И наконец, важно, чтобы человек интерпретировал возникшие негативные эмоции именно как результат фрустрации. Если он считает, что его эмоциональное состояние вызвано какими-то другими факторами, например, жарой, лекарством и т. д., негативные эмоции могут и не вызвать агрессивного ответа.

И, наконец, **поведенческими механизмами** агрессивного, в том числе преступного поведения являются классическое

обусловливание, оперантное обусловливание и научение через наблюдение.

Механизм *классического обусловливания* начинает действовать тогда, когда человек сталкивается со стимулами, ассоциативно связанными у него со злостью, болью, агрессией. Механизм классического обусловливания учтен, например, в теории посылов к агрессии Дж. Берковица. Он считал, что агрессия вызывается аверсивными стимулами (в том числе фрустрацией), которые способны спровоцировать агрессивные реакции, но не приводят к агрессивному поведению напрямую, а создают готовность к агрессивным действиям. Для того чтобы аверсивные стимулы вызвали агрессию, необходимо наличие «посылов к агрессии» — средовых стимулов, ассоциативно связанных со злостью или болью. Примером такого стимула является оружие: его наличие «подталкивает» фрустрированного человека к агрессивным действиям.

Механизм *оперантного обусловливания* описан в модели Р. Акерса, речь о которой шла в предыдущей главе. В данном случае человек постепенно обучается агрессивному, в том числе преступному поведению под действием вознаграждения. Например, большой и сильный человек, используя насилие (поступок), часто добивается желаемого результата, благодаря физической слабости окружающих (вознаграждение). В результате он начинает использовать насилие и в дальнейшем (усвоение новой формы поведения). Однако если вместо вознаграждения за насилием следует наказание, например, презрение со стороны окружающих, то обучение этой форме поведения не произойдет.

Механизм *научения через наблюдение (моделирования)* подразумевает, что человек учится не на своих, а на чужих ошибках и достижениях: он смотрит, какие поступки окружающих его людей вознаграждаются, а какие наказываются, и корректирует свое поведение в соответствии с этим. Начало серьезного изучения этого механизма связывают с именем Э. Бандуры — автора эксперимента с куклой Бобо. В нем принимали участие дети, смотревшие видеозапись, на которой взрослый человек бил резиновую куклу. Результаты этого исследования показа-

ли, что дети, смотревшие эту запись, впоследствии, попадая в комнату с игрушками, чаще также обращались с этой куклой, чем те, кто не видел видеозаписи. Несмотря на ограничения этого исследования, существование механизма научения через наблюдение практически не подвергается сомнению (*Бэрон, Ричардсон, 2000*).

Таким образом, совершение преступления является результатом действия целого ряда психологических механизмов. В зависимости от ситуации одни механизмы вносят больший вклад в совершение преступления, чем другие. Этим и объясняется тот факт, что одинаковые с точки зрения закона преступления, имеют разное психологическое содержание. Примером этого является классификация преступников, совершивших умышленные убийства, предложенная И. А. Кудрявцевым и Н. А. Ратиновой (*Кудрявцев, Ратинова, 2000*).

Они выделили семь **типов умышленных убийств**.

Первый тип – *смысловая агрессия*. Преступников этого типа отличает:

- антисоциальная направленность: при достаточно сформированном представлении о правовых нормах для них характерна преимущественная ориентация на собственные интересы и потребности;
- высокая агрессивность, насильственно-доминирующий стиль взаимодействия;
- смысловая агрессия, которая является самооценностью;
- враждебное, подозрительное отношение к окружающим;
- деформация морально-этической сферы, обесценивание человеческой жизни, эмоциональная холодность;
- аффективная ригидность (фиксация на негативных переживаниях), злопамятность одновременно с эмоциональной неустойчивостью, легкостью вспышек раздражения;
- низкий уровень волевого и субъективного самоконтроля;
- тенденции к самооправданию и переложению ответственности и вины на окружающих;
- совершение преступления по заранее возникшему умыслу в отсутствии провокации со стороны потерпевшего.

При совершении такими людьми убийства в их деятельности представлены все звенья психологической структуры преступного акта (рис .3.1).

Второй тип – *функционально-утилитарная агрессия*, для которой характерны:

- антисоциальная направленность;
- высокая агрессивность (ниже, чем в предыдущей группе, но выше нормы), насильственно-доминирующий стиль взаимодействия;
- инструментальная агрессия, которая используется как средство достижения определенной цели;
- враждебное, подозрительное отношение к окружающим;
- низкий уровень эмоциональной устойчивости, хотя потенциальная способность к самоконтролю выше, чем в первой группе;
- достаточный поведенческий репертуар;
- преступление совершается в ситуации межличностных противоречий, которые однако не носят экстремального характера, не являются травматическими или субъективно-безысходными. Такие люди даже при слабой фрустрации сознательно выбирают агрессивный способ взаимодействия как наиболее приемлемый.

При совершении такими людьми убийства в их деятельности представлены все звенья психологической структуры преступного акта (рис. 3.1), хотя и наблюдается некоторое эмоциональное напряжение.

Преступников третьего типа с *привычно-неконтролируемой агрессией* отличает:

- низкая эмоциональная устойчивость, слабая потенциальная способность к самоконтролю, легкость возникновения вспышек раздражения, низкий порог фрустрации;
- слабая ориентированность в социальных нормах;
- склонность воспринимать происходящее с ними как результат независящего от их воли стечения обстоятельств;
- низкая способность к рефлексии, слабое понимание окружающих;

- недостаточная способность к конструктивному анализу ситуаций, крайняя ограниченность репертуара способов межличностного взаимодействия;

- совершение преступления в состоянии достаточно сильного эмоционального напряжения.

У таких преступников во время совершения преступлений нарушаются некоторые звенья психологической структуры преступного акта: возникают эмоционально-важные ситуативные цели, слабо согласованные с системой мотивов; выбор средств и способов действия сужается; снижается уровень контроля и прогноза (рис. 3.1).

Четвертый тип — *ситуативно-оборонительная агрессия*. В этом случае ведущую роль при совершении убийства играют не индивидуальные особенности преступника, а факторы ситуации. Убийцы этого типа:

- хорошо ориентированы в социальных нормах и стараются строить поведение с их учетом;

- имеют разнообразный репертуар стратегий межличностного взаимодействия;

- уровень их агрессивности соответствует среднестатистическим значениям;

- агрессия носит смешанный — инструментальный и эмоционально-обусловленный характер;

- имеют более низкую эмоциональную ригидность и более высокую эмоциональную устойчивость, чем представители предыдущих групп;

- стремятся контролировать свое поведение;

- преступление совершается в экстремальных, травматичных ситуациях, которые вынуждают к немедленным нестандартным действиям. Часто это грубая провокация со стороны потерпевшего.

Свойственная этим людям эмоциональная ригидность и неустойчивость уменьшают способность к взвешенным действиям, делают трудным быстрый выбор оптимальных стратегий поведения, ослабляют самоконтроль. Однако этап целеполагания сохраняется. Это означает, что акты агрессии включены в общий контекст деятельности (рис. 3.1).

Пятый тип — *агрессия с аффективной целью*. Убийц этого типа отличают:

- хорошая ориентированность в социальных нормах;
- разнообразный репертуар стратегий межличностного взаимодействия;
- низкий уровень агрессивности, склонность к поиску компромисса при решении проблем;
- слабая эмоциональная ригидность, но сниженная эмоциональная устойчивость;
- стремление к самоконтролю;
- совершение преступления при грубой провокации со стороны потерпевшего.

Во время совершения преступлений у таких людей нарушаются практически все звенья преступного акта. Хотя сначала нанесение ущерба рассматривается как способ защиты, со временем это цель приобретает самостоятельное значение. Такие убийцы воспринимают лишь незначительное число элементов ситуации, нарушается способность к ее осмыслению, резко ухудшается качество контроля и прогноз последствий (рис. 3.1).

Шестой тип — *катастрофическая агрессия*. Убийцы этого типа во многом похожи на преступников, совершающих убийство с аффективной целью, однако их отличает большая эмоциональная устойчивость и эмоциональная ригидность (такие люди склонны к накоплению отрицательных переживаний, фиксации на них). Преступники этого типа склонны принимать на себя ответственность за происходящие с ними события, стараются контролировать свое поведение.

Они совершают преступление в условиях грубой провокации со стороны потерпевшего. От представителей предыдущей группы их отличает большая устойчивость к провокации: они дольше сохраняют самоконтроль, выдерживают большие эмоциональные нагрузки, держатся до последнего. В результате разрушение звеньев психологической структуры преступного акта, следующее за срывом, у них более сильное (рис. 3.1).

Последний тип — *агрессия, обусловленная профессиональными навыками*. Этот тип убийц имеет профессионально сфор-

мированные навыки деструктивного поведения (военные, работники других силовых структур). Для них характерны:

- просоциальная направленность, эмоциональная устойчивость;
- высокий самоконтроль;
- принятие ответственности за происходящее с ними;
- повышенная агрессивность;
- обостренное самолюбие, обидчивость, эмоциональная ригидность;
- регламентация межличностных контактов по принципу «доминирование-подчинение»;
- обесценивание собственной жизни и жизни других людей, ослабление страха смерти;
- совершение преступления в экстремальной ситуации.

Эта ситуация актуализирует профессиональные навыки, приводит к искажению восприятия, осмысления и интерпретации текущей ситуации в соответствии с другими событиями, которые происходили ранее. Результатом этого является рост эмоционального напряжения.

Как видно из описания, у преступников разного типа происходят сбои на разных этапах преступного акта, а совершение преступления обусловлено действием разных механизмов.

III. Подходы к объяснению преступного поведения

Существует четыре основных подхода к объяснению преступного поведения: индивидуальный, групповой, общественный и ситуационный. В первом случае совершение преступлений объясняется наличием у преступника определенных индивидуальных особенностей, во втором — особенностями малых групп, в рамках которых он развивается (семьи, школы, криминальной группы), в третьем — структурой общества, в котором он существует, и в четвертом — особенностями ситуации преступления.

1. Индивидуальный подход

Сторонники индивидуального подхода выделяют три типа индивидуальных особенностей, чаще встречающихся среди преступников, чем среди законопослушных граждан: биологические, социодемографические и психологические.

Сторонники изучения *биологических особенностей* считают, что преступниками становятся люди с нарушениями в работе организма. Эти нарушения могут иметь врожденный, приобретенный или временный характер. В качестве врожденных биологических аномалий выделяют, например, лишнюю У-хромосому в половой хромосоме у мальчиков, в результате чего она имеет вид ХУУ; высокий уровень тестостерона, нарушение мозговых ритмов, уменьшение нормального содержания сахара в крови и мезоморфный тип тела (широкая грудная клетка и плечи, узкие бедра) (*Бэрон, Ричардсон, 2000; Banks, Dabbs, 1996*). К приобретенным биологическим аномалиям относят нарушения, возникшие в работе организма в результате неблагоприятного воздействия внешней среды (плохого питания, экологических факторов) или прижизненных травм, затрагивающих нервную систему. И, наконец, к числу временно возникающих биологических аномалий относятся употребление алкоголя и наркотиков (например, *Abbey et al., 2003; Marshall, 1999; Tarolla et al., 2002*): они влияют на познавательные процессы, способствуют актуализации некоторых стереотипов, затрудняют самоконтроль, а также являются мотивами совершения преступления.

Несколько особняком стоит объяснение, в соответствии с которым преступление рассматривается как результат «физиологического вознаграждения»: его совершение приводит к повышению уровня адреналина в крови. Некоторым людям нравится это состояние, и они совершают преступление повторно ради того, чтобы испытать его еще раз.

Поиск *социодемографических особенностей* преступников позволил выделить половые, возрастные и социально-экономические характеристики людей, совершающих преступления. Например, по некоторым данным большинство людей, совер-

шивших насильственные преступления — это мужчины в возрасте 18-30 лет, имеющие низкий уровень образования и дохода, безработные или часто меняющие места работы, с плохими жилищными условиями, не вступившие в официальный брак и не имеющие детей.

Психологические особенности преступников более разнообразны.

К особенностям **познавательной сферы** насильственных и сексуальных преступников относятся:

Дефицит внимания в детском возрасте (*Starzyk, Marshall, 2003*) и гиперактивность (*Babinski, Hartsough, Lambert, 1999; Starzyk, Marshall, 2003*).

- Низкий уровень вербально-логического интеллекта. Эта характеристика чаще встречается у рецидивистов, а не у тех, кто совершил однократное преступление в подростковом возрасте под влиянием сверстников. В последнем случае уровень интеллекта не является отличительной особенностью (*Elkins et al., 1997; Piquero, White, 2003; Romi, Marom, 2007; Sigurdsson, Gudjonsson, Peersen, 2001*).

- Низкий уровень эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект предполагает умение человека распознавать и управлять своими (внутриличностный эмоциональный интеллект) и чужими (межличностный эмоциональный интеллект) эмоциями. Способность к пониманию эмоций означает, что человек может распознать эмоцию, то есть установить сам факт наличия эмоционального переживания у себя или у другого человека; может идентифицировать эмоцию, то есть установить, какую именно эмоцию испытывает он сам или другой человек, и найти для нее словесное выражение; понимает причины, вызвавшие данную эмоцию, и следствия, к которым она приведет. Способность к управлению эмоциями означает, что человек может контролировать интенсивность эмоций, прежде всего приглушать чрезмерно сильные эмоции; может контролировать внешнее выражение эмоций; может при необходимости произвольно вызвать ту или иную эмоцию. Например, сексуальные насильники плохо понимают невербальное поведение женщин

и не умеют распознавать по невербальным признакам боль и страх (Covell, Scalora, 2002). Кроме того, они не могут вовремя заметить наступление у себя эмоционального состояния, предшествующего совершению изнасилования.

- Низкий уровень социального интеллекта – умения правильно интерпретировать общение между людьми и предсказывать его последствия. Однако социальный интеллект больше связан с вербальной, чем с физической агрессией (Bjorkqvist, Osterman, Kaukiainen, 2000).

- Эгоцентризм по Пиаже, то есть неумение видеть точки зрения окружающих людей, вставать на их место (Nagin, Paternoster, 1994).

- Неумение распознавать ситуации риска. Примером такой ситуации является просьба молодой девушки подвезти ее до дома для сексуальных насильников или работа в школе для педофилов. Не понимая, что подобные ситуации провоцируют совершение ими преступлений, потенциальные преступники не прикладывают усилий, чтобы их избежать.

К особенностям **эмоциональной (аффективной) сферы** насильственных и сексуальных преступников относятся:

- Раздражительность, импульсивность, эмоциональная неустойчивость (Babinski, Hartsough, Lambert, 1999; Beelmann, Bliesener, Losel, 2000; Starzyk, Marshall, 2003).

- Эмоциональная ригидность, «застывание» на негативных переживаниях.

- Слабый самоконтроль (Covell, Scalora, 2002; Craig et al., 2004; Evans et al., 1997). В частности, согласно одному из объяснений, преступники – это люди, не умеющие «задерживать удовлетворение», откладывая удовлетворение своих потребностей до подходящего момента (Covell, Scalora, 2002). Именно слабый самоконтроль является одним из объяснений того, почему женщины реже совершают преступления, чем мужчины: родители больше следят за поведением дочерей, чем сыновей, и тем самым формируют у них умение контролировать свои эмоции и поведение. Это чаще происходит в патриархальных семьях, где жены не работают и зависят от мужей (Blackwell, Piquero, 2005).

- Временное эмоциональное возбуждение. Так, люди, которые в ходе исследования смотрели возбуждающий фильм, впоследствии говорили о большей готовности совершить изнасилование, придавали большее значение достоинствам и меньшее – недостаткам такой формы поведения, чем те, кто его не смотрел. Причем готовность совершить преступление сильнее зависела от оценки достоинств, чем от оценки недостатков (*Bouffard, 2002*).

- Негативные эмоции, порождающиеся сильной, неоднократной или неожиданной фрустрацией при наличии «посылов к агрессии». Эти эмоции порождаются различием между желанием и достигнутым результатом, ограниченными возможностями, отдалением человека от позитивных стимулов (приятных объектов и явлений) и столкновением с негативными (*Ostrowsky, Messner, 2005*), одной из таких эмоций является ревность (*Douglas, Dutton, 2001*).

- Длительное состояние психического напряжения, стресса (*Capowich, Mazerolle, Piquero, 2001; Craig et al., 2004; Douglas, Dutton, 2001; Howells, Day, Wright, 2004; Marshall, 1999*).

- Использование неэффективных копинг-стратегий – способов совладания со стрессом. Например, преступники чаще используют эмоциональные копинг-стратегии, подразумевающие самообвинение и сожаление, чем когнитивные, подразумевающие когнитивный анализ и интерпретацию травмирующей ситуации. Кроме того, для насильственных преступников характерна иная оценка своих возможностей по преодолению стрессогенной ситуации, которой явилось для них убийство, чем для законопослушных граждан. Для них характерно относительно слабое ощущение субъективного контроля, эффективного преодоления травмирующей ситуации, приписывание себе меньшей ответственности за преодоление (*Виноградова, 2004*).

Среди особенностей **Я-концепции** выделяют (*Кудрявцев, Семенова, 2002; Семенова, 2001; Levy, 1997; Marshall, 1999; Oser, 2006; Sigurdsson, Gudjonsson, Peersen, 2001; Tarolla et al., 2002*):

- определенное представление о себе. Например, в представлении о себе у насильственных преступников важную роль

играют характеристики, связанные с силой, чувствительностью и самоконтролем. Они считают, что эти качества у них сильно выражены. Интересно, что по данным психологических исследований насильственных преступников отличает низкая чувствительность и слабый самоконтроль;

- низкую самооценку. Однако эмоционально стабильные, закрытые для нового опыта преступники и те, кто выражает готовность участвовать в реабилитационных тюремных программах, имеют высокую самооценку;

- отсутствие навыков самоанализа;

- несформированную временную перспективу (отсутствие планов на будущее, долговременных целей, непонимание важной роли в их достижении просоциального поведения, например, учебы);

- доминирующую ориентацию на настоящее в ущерб будущему;

- неудовлетворенность своей жизнью, переживание ее бесцельности;

- отсутствие стремления понравиться окружающим;

- деиндивидуализацию – временную потерю ощущения своей уникальности, «забывание» социальных норм.

Аттитюды и ценности преступников отличают следующие особенности (*Васильева, 1997; Кудрявцев и др., 1996; Семёнова, 2001; Nagin, Paternoster, 1994; Tarolla et al., 2002*):

- несформированность системы личных ценностей;

- связь представления о счастье с физической силой, смелостью;

- неосвоенность широко распространенных ценностей;

- страх перед предательством, неприятие конкуренции в межличностных отношениях;

- низкий уровень морального развития.

Например, подростки-правонарушители из спецшколы имеют более низкий уровень морального развития, чем законопослушные школьники. Это различие не связано с оценкой морального климата учебного заведения. Это означает, что различия в уровне морального развития предшествуют совершению преступления и попаданию в спецшколу (*Brugman, Aleva, 2004*).

К аналогичным результатам привели и лонгитюдные исследования. Например, в одном из них принимали участие подростки и юноши, у которых на протяжении шести лет три раза измерялся уровень морального развития. Оказалось, что с возрастом уровень морального развития увеличивался, а количество правонарушений уменьшалось. В целом наблюдалась обратная связь между уровнем морального развития и совершением правонарушений. При этом в возрасте 21-23 лет предшествующий криминальный опыт оказывал негативное влияние на уровень морального развития, а в возрасте 24-26 лет, наоборот, уровень морального развития оказывал негативное влияние на совершение преступлений (*Raaijmakers, Engels, Van Hoof, 2005*).

Влияние уровня морального развития на нарушение закона больше заметно у девочек, чем у мальчиков (*Palmer, Hollin, 2001*).

Правосознание преступников отличают следующие особенности.

- Более простое представление о правовой реальности. Например, исследование, проведенное в Магаданской колонии (*Белобородов, 2005*), в ходе которого заключенные оценивали по шкалам семантического дифференциала семнадцать понятий, характеризующих правовую реальность, привело к следующим результатам. В группе насильственных преступников с помощью факторного анализа были выделены три фактора, отражающих направления оценки ими правовой реальности — «сила», «оценка» и «опасность», в группе корыстных четыре — «сила», «оценка», «активность», «опасность», а в группе законопослушных граждан пять — «активность», «оценка», «сила», «структура», «сложность».

Аналогичные результаты были получены в другом исследовании этого автора, где с помощью семантического дифференциала оценивались семь понятий (Я, друг, вор, убийца, судья, следователь, прокурор). В основе оценки насильственных преступников лежало шесть факторов, корыстных — семь, законопослушных граждан — восемь. Интересно, что представления корыстных преступников о себе, преступниках, сотрудниках правоохранительных органов, меньше отличаются от

представлений законопослушных граждан, чем представления насильственных. Однако корыстные преступники используют такой параметр оценки, как «стиль жизни»: они делят людей на тех, кто может и не может вести праздный образ жизни, оценивая первых позитивнее, чем вторых. Кроме того, важную роль в их оценке играет параметр интеллектуальности, в котором объединяются ум и изворотливость.

Таким образом, представление о правовой реальности наиболее сложное у законопослушных граждан, а наименее сложное — у насильственных преступников. Простой образ может затруднять выбор адекватной стратегии поведения в правовой реальности.

- Негативное отношение к правовой реальности, особенно к эффективно действующим правовым институтам. В пользу этого говорит следующее:

- высокая оценка преступниками эффективности таких явлений и институтов, как «приговор, милиция, кодекс, правосудие», сопровождается негативной оценкой этих явлений;

- явления, оцениваемые преступниками достаточно позитивно («адвокатура, Конституция, права человека, правовое государство») одновременно рассматриваются ими как «неэффективные»;

- в представлении преступников «хороший» следователь, судья, прокурор — человек, который не отличается активностью и интеллектом, то есть малоэффективен.

Негативное отношение к правовой реальности характерно для представителей обоих полов (*Cohn, Modecki, 2007*), совершающих как насильственные преступления, так и преступления против собственности (*Baron, Forde, 2007*).

- Позитивное отношение к преступникам. Преступники более позитивно оценивают воров и убийц, чем законопослушные граждане, особенно если они имеют ту же криминальную специализацию. Так, корыстные преступники при описании понятия «вор» используют такие качества, как честный, скромный, самокритичный, простой, а насильственные преступники при описании «убийцы» — такие особенности, как спокойный и добрый, которые не входят в состав представлений законопослушных граждан.

- Больше эмоциональное напряжение, связанное с правовой реальностью, что подтверждается более важным значением для насильственных преступников таких направлений оценки правовых объектов и явлений, как «сила» и «опасность».

- Вера в то, что большинство людей могут совершить преступление (*Семенова, 2001*).

Кроме того, насильственных и сексуальных преступников отличает особое представление о жертве преступления.

- Несформированность представления о жертве. Заключение чаще, чем законопослушные подростки описывают жертву с помощью социодемографических и внешних особенностей, но реже наделяют ее личностными характеристиками. Они также чаще затрудняются с описанием чувств, которые испытывает жертва преступления: в их представлении жертва «мыслящая», а не «чувствующая». И наконец, они называют меньше последствий совершения преступления для жертвы, чем их законопослушные ровесники (*Хомякова, 2005*).

- Слабая эмпатия (*Burke, 2001; Jolliffe, Farrington, 2004; Lindsey, Carlozzi, Eeells, 2001; Pithers, 1999*). Эмпатия – это процесс, включающий в себя четыре стадии (*Covell, Scalora, 2002; Geer, Estupinan, Manguno-Mire, 2000; Marshall, 1999; Ward, Keenan, Hudson, 2000*): (а) понимание эмоций другого человека, (б) умение встать на его позицию, (в) повторение его эмоций, (г) ответное поведение. Таким образом, эмпатия включает в себя когнитивный (умение вставать на точку зрения другого человека, способность идентифицироваться с вымышленными персонажами в пьесах, книгах, играх) и аффективный (умение чувствовать негативное эмоциональное состояние другого человека, появление негативных эмоций в ответ на боль другого человека, симпатия к тому, кто испытывает трудности) компоненты. Эмпатия прямо связана с совершением преступления: чем сильнее развита эмпатия, тем меньше вероятность совершения насильственных преступлений (*Starzyk, Marshall, 2003*). У преступников часто развит когнитивный и не развит аффективный аспект. Разные преступники испытывают дефицит в разных элементах эмпатии.

Кроме того, эмпатия выступает посредником между социальным интеллектом и агрессией: при уменьшении эмпатии

увеличивается связь между социальным интеллектом и всеми формами агрессии и уменьшается – между социальным интеллектом и мирными способами разрешения конфликта (*Bjorkqvist, Osterman, Kaukiainen, 2000*).

- Предвзятая атрибуция враждебности. Например, она более характерна для насильственных преступников, чем для законопослушных граждан (*Tarolla et al., 2002*).

- Специфические представления о жертве. Например, у сексуальных насильников отмечены следующие представления (*Marshall, 1999; Polaschek, Ward, 2002; Ryan, 2004; Ward, 2000; Ward, Keenan, Hudson, 2000*): женщины лживы с мужчинами, им нельзя доверять, они говорят не то, что думают; женщины агрессивны; мир опасен; женщины постоянно находятся в состоянии сексуального возбуждения; женщины сексуально дразнят мужчин, провоцируя их; мужчины должны удовлетворять свои сексуальные потребности; мужчина имеет право вступить в сексуальные отношения с тем, кто ему нравится; мужское сексуальное желание неконтролируемо; изнасилованные женщины получили то, что заслужили. Кроме того, таких преступников отличают принятие традиционного представления о гендерных ролях и межличностного насилия как нормального способа взаимодействия.

Вместе с тем тех, чьими жертвами становятся дети, отличают следующие представления (*Ward, 2000*): дети часто сами начинают сексуальный контакт и знают, что хотят; детей радует сексуальный контакт со взрослыми, он не причиняет им ущерба; секс полезен для детей; мужчины только тогда совершают сексуальные преступления, когда испытывают стресс или теряют самоконтроль; потребности взрослого человека важнее, чем детские; взрослые могут делать с детьми то, что хотят; мир опасен, он населен опасными людьми, поведение которых необходимо контролировать (вера в опасный мир); мир хаотичен, человек не в состоянии контролировать события (потеря ощущения контроля). Те преступники, чьими жертвами стали мальчики, больше верят в интерес детей к сексу и опасный мир, чем те, чьими жертвами стали девочки (*Marziano et al., 2006*).

Среди *личностных черт* насильственных и сексуальных преступников выделяют агрессивность (Lee, Hinshaw, 2004; O'Connell, 2003), авторитаризм (Begany, Milburn, 2002), психотизм и экстраверсию (по Айзенку) (Mak, Heaven, Rummery, 2003; Sigurdsson, Gudjonsson, Peersen, 2001).

Коммуникативную сферу насильственных преступников отличают отсутствие коммуникативных навыков (Starzyk, Marshall, 2003), в том числе самораскрытия, установления близких отношений, взаимозависимости с партнером (Tarolla et al., 2002; Ward, Keenan, Hudson, 2000), навыков законопослушного удовлетворения потребностей.

Несмотря на пристальный интерес к особенностям преступников и разнообразие полученных результатов, индивидуального подхода характерен целый ряд **проблем**.

Во-первых, не существует индивидуальных особенностей, характерных исключительно для преступников. Можно говорить лишь о том, что некоторые особенности являются «факторами риска» и выражены у преступников сильнее или слабее, чем у законопослушных граждан.

Во-вторых, связь между индивидуальными особенностями и преступным поведением неоднозначна. Например, несмотря на то что большинство исследований говорят в пользу низкой самооценки и самоконтроля преступников, существуют и другие данные. В частности, насильственные преступления совершают и люди с высокой самооценкой, если ситуация угрожает их позитивному представлению о себе. Другой пример — уровень самоконтроля: выделяют не контролирующих себя и чрезмерно контролирующих себя агрессоров. Первые совершают преступления, поскольку не могут контролировать себя, а вторые, поскольку делали это очень долго и однажды не смогли сдержаться.

В-третьих, разные типы преступников обладают разными особенностями. Такие различия можно обнаружить при сравнении:

- преступников, совершивших одно и то же преступление, например, умышленных убийц;

- преступников, совершивших преступления разного типа. Например, подростки, совершившие сексуальные преступле-

ния, отличаются от преступников другого типа тем, что в детстве чаще становились жертвами физического и сексуального насилия. Кроме того, у них чаще наблюдаются нарушения в эмоциональной сфере (*Jonson-Reid, Way, 2001*). Растлителей малолетних отличает от преступников другого типа и законопослушных граждан более низкая самооценка (*Marshall et al., 1999*). Корыстные преступники считают такие явления, как «милиция, суд, законность, кодекс» менее «эффективными», чем насильственные преступники (*Белобородов, 2005*) и т. д.

В-четвертых, возникают трудности с определением направления причинно-следственной связи между индивидуальными особенностями и совершением преступлений. Чаще всего исследования проводятся с участием заключенных, часть которых совершала преступления неоднократно. Их сравнение с законопослушными гражданами не всегда дает возможность сделать заключение о том, что их особенности являются причиной совершения преступлений, а не результатом нахождения в колонии/тюрьме.

И наконец, в-пятых, индивидуальный подход не учитывает, что особенности преступников являются лишь одним из звеньев в цепи причин и следствий, приводящих к совершению преступлений (рис. 3.2).

Рисунок 3.2. Взаимодействие индивидуальных и социальных факторов в формировании преступного поведения

В частности, биологические аномалии вызывают проблемы в познавательной, эмоциональной и волевой сферах, например, приводят к эмоциональной неуравновешенности, низкому уровню интеллекта или быстрому приобретению навыков агрессивного поведения. Человек с такими особенностями отвергается сверстниками, не может получить хорошее образование и престижную работу, редко участвует в деятельности общественных организаций. Экономическая депривация негативно влияет на его семейную жизнь. Одиночество и невозможность удовлетворить потребности законным способом облегчает его включение в криминальную группу и приводит к совершению преступлений. Эта одна из возможных схем, описывающих процесс становления преступника. Ниже мы рассмотрим и другие варианты связи между индивидуальными особенностями человека и социальными условиями. Важно, что влияние индивидуальных особенностей человека не понять без учета социальных факторов его развития.

2. Роль малых групп в формировании преступника

К их числу относятся семья, группа сверстников, в том числе школьный класс и криминальная группа. Изучение таких групп предполагает, что к совершению преступления ведет определенное направление развития человека. Процесс становления преступного поведения получил название *преступной карьеры*. Выделяют несколько стадий преступной карьеры (Шипунова, 2002). Как правило, теоретические модели, описывающие роль социальных факторов в возникновении преступности, уделяют пристальное внимание только одной из них.

Для *первой стадии* характерно определенное взаимодействие человека с окружением, которое облегчает его вхождение в криминальную группу. Оно может быть связано с семьей, школой или ближайшим окружением. Эта стадия преступной карьеры отражена в теориях контроля, субкультур и ограниченных возможностей (Tedeschi, Felston, 1994).

Во-первых, преступление может стать результатом ухудшения контроля за поведением человека. К настоящему вре-

мени существует несколько основных вариантов *теории контроля*. В соответствии с *моделью формального контроля*, преступление – результат слабого контроля со стороны правовой системы, поэтому к снижению уровня преступности может привести ужесточение уголовного наказания. Согласно модели *нарушения неформального контроля*, причиной преступления является разрушение связей человека с окружающими (отсутствие или ослабление психологического контакта между родителями и детьми, семейные конфликты; уход из школы; распад связей с соседями и т. д.). В результате человек отдаляется от основных агентов социального контроля и не усваивает необходимые для законопослушного образа жизни социальные нормы. В соответствии с *моделью самоконтроля*, к совершению преступлений больше склонны люди, которые не могут контролировать свое поведение и задерживать удовлетворение потребностей.

Во-вторых, определенную роль может сыграть субкультура, окружающая человека. В обществе существуют определенные субкультуры, которые не носят явно криминального характера, но способствуют усвоению ценностей и форм поведения, облегчающих совершение преступлений. В соответствии с одним из вариантов теории субкультуры (*модель преступной субкультуры*), в обществе существует субкультура, которая отличается традицией насилия, ценностью стремления к развлечениям и полной свободы действий, верой в судьбу. По американским данным, она распространена среди малоимущих граждан. Ее ценности сильно отличаются от ценностей среднего класса, доминирующих в американском обществе. Когда дети, выросшие в такой субкультуре, попадают в школу, в которой учатся преимущественно представители среднего класса, ценящие амбициозность, желание получить новые знания и навыки, рациональность, принятие ответственности за то, что с ними происходит и самоконтроль, они оказываются не способными заслужить уважение со стороны одноклассников, получить высокий статус в группе. В результате они ищут альтернативные пути получения высокого статуса, одним из которых является попадание в криминальные группы и совершение преступлений.

В соответствии с другим вариантом теории субкультур — *субкультурой насилия* — в обществах существуют субкультуры, в которых ценится и оправдывается насилие. Одним из проявлений такой субкультуры является образ «настоящего мужчины» («мачо»), который способен победить всех своих врагов и решить свои проблемы с использованием физической силы. Принадлежность к такой субкультуре также облегчает включение в криминальную группу и совершение преступлений.

И наконец, важную роль играет школа: она может стать местом усвоения ценностей, оправдывающих и поддерживающих применение насилия. Такое влияние описано в одном из вариантов теории субкультур — *модели социализации*.

В-третьих, важную роль в совершении преступления играет наличие у человека возможности достигнуть своих целей, действуя в рамках закона. Этот аспект проблемы затронут в теории ограниченных возможностей. В соответствии с одним из вариантов этой теории (*модель возможности достижения успеха*), представители определенных социальных групп не в состоянии достичь важных целей (материальный достаток, высокий статус), действуя в рамках закона, благодаря ограниченности своих возможностей. Например, люди с низким уровнем дохода часто не в состоянии получить хорошее образование и, как следствие, престижную работу, которая бы гарантировала получение высокой зарплаты законным путем. В соответствии с другим вариантом теории ограниченных возможностей (*нарушение закона как средство самопомощи*), люди из низкостатусных социальных групп не умеют или не имеют возможности пользоваться правовой системой для разрешения возникающих конфликтов. Они не знают, как начать судебный процесс, или не могут заплатить юристу. Поэтому члены таких групп совершают преступления.

На *второй стадии* происходит знакомство человека с криминальной субкультурой, то есть с людьми, которые удовлетворяют свои потребности, нарушая закон. Вероятность соприкосновения с ней особенно велика для людей, чьи родители или знакомые являются ее представителями.

На *третьей стадии* происходит апробация человеком принятых в криминальной субкультуре способов поведения. Человек усваивает противоправные способы удовлетворения потребностей, поскольку получает в результате их применения материальное и социальное вознаграждение. Этот аспект становления криминальной карьеры отражен в *ассоциативной теории дифференцированного подкрепления*.

Третья стадия завершается тем, что на человека «наклеивается» ярлык «преступник». В результате окружающие не ждут от него ничего хорошего и тем самым способствуют формированию у него определенного представления о себе.

На *четвертой стадии*, ориентируясь на оценки окружающих, человек определяет себя как девианта, для которого совершение преступлений – это единственно возможный путь в жизни (*теория ярлыков*).

В рамках описанных выше четырех стадий существуют два варианта развития преступной карьеры. Они связаны с двумя типами преступности – ранней и поздней (рис. 3.3) (*Simons et al., 1994*).

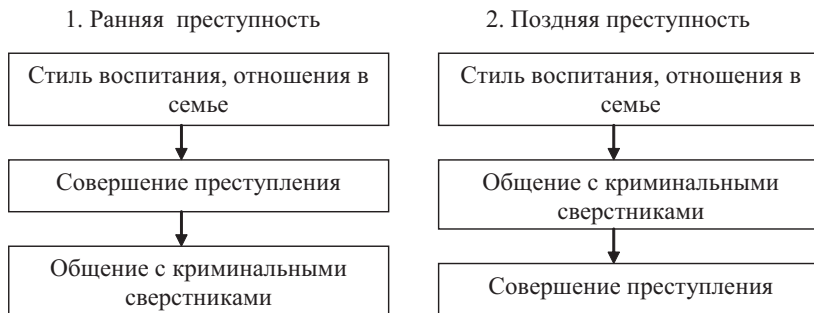

Рисунок 3.3. Типы преступности

Ранние преступники – это те, кто начинает совершать преступления в возрасте 7-8- лет. Эти люди либо вынуждены уйти из семьи из-за отношений с родителями, либо воспитываются людьми, имеющими непосредственное отношение к криминальному миру. Они совершают преступления для удовлетворения физиологических потребностей,

и в результате знакомятся с похожими на них сверстниками, становясь частью криминальной группы. Поздние преступники начинают совершать преступления в подростковом возрасте, под влиянием сверстников. Их отношения с родителями не настолько плохие, чтобы совсем покинуть семью, но отсутствие психологической близости с ними и, как следствие, неувоенность социальных норм приводят к их включению в криминальную группу. Становясь ее частью, такие подростки начинают совершать преступления. Ранние преступники чаще, чем поздние, становятся рецидивистами и продолжают совершать преступления после окончания подросткового возраста.

Таким образом, вне зависимости от характера становления криминальной карьеры, первой группой, вносящий серьезный вклад в формирование преступного поведения, является семья.

2.1. Роль семьи в формировании преступника

В семье усваиваются первые представления о социальных нормах, инструментальные навыки, формируется эмоциональная сфера ребенка. Родительская забота может помочь ребенку преодолеть ограничения, накладываемые его биологическими характеристиками. Существует несколько особенностей, отличающих семьи людей с высоким риском совершения преступления. Эти особенности можно разделить на три группы: социально-демографические характеристики семьи, отношения между родителями и стили семейного воспитания.

К *социально-демографическим особенностям* относятся:

- девиантное поведение родителей, наличие у них криминального опыта (*Starzyk, Marshall, 2003; Tarolla et al., 2002*). В этом случае родители являются источником научения через наблюдение: наблюдая за их поведением, дети усваивают криминальные формы поведения. Кроме того, в криминальных семьях часто используют физические наказания детей;

- неполные семьи. Дети из семей, распавшихся до того, как им исполнилось 12 лет, чаще совершают преступления, чем дети из полных семей. В таких семьях детям уделяется меньшее внимание, так как единственный родитель должен

одновременно и зарабатывать деньги, и воспитывать ребенка. Однако количество преступлений, совершенных детьми из полных, но конфликтных семей такое же, как из распавшихся. Мальчики, не живущие со своими матерями, чаще становятся рецидивистами, чем девочки (*Barber, 2004; Bornstein, 2004*).

В отношениях между родителями критическим фактором являются низкая сплоченность семьи, конфликтные отношения между родителями, в том числе с применением насилия (*Mohr, 2006; Tarolla et al., 2002*). Например, девочки, которые в детстве были свидетелями агрессии матери к отцу, и мальчики, которые были свидетелями агрессии отца к матери, впоследствии становятся более агрессивными, чем их сверстники. Кроме того, дети, наблюдавшие агрессию матери к отцу, впоследствии ведут себя более агрессивно по отношению к своим романтическим партнерам. Эта агрессия выше у людей с симптомами посттравматического стрессового расстройства, которое также возникает благодаря насилию в отношениях между родителями (*Moretti et al., 2006*).

И наконец, существует несколько критических *стилей семейного воспитания*, повышающих вероятность совершения детьми преступлений. Их отличает одна из двух особенностей: негативное отношение к ребенку (отсутствие заботы, пренебрежение и враждебность с их стороны), следствием чего является слабая привязанность к родителям (*Laub, Sampson, 1988; Mohr, 2006; Palmer, Hollin, 2001; Rankin, Kern, 1994; Smith, Thornberry, 1995; Starzyk, Marshall, 2003; Tarolla et al., 2002*) или слабый родительский контроль (*Capaldi, Chamberlain, Patterson, 1997; Laub, Sampson, 1988; Palmer, Hollin, 2001; Tarolla et al., 2002*). Каждый из этих параметров оказывает самостоятельное влияние: негативное отношение порождает совершение незапланированных насильственных преступлений, а слабый контроль — запланированных (*Shoham et al., 1987*). Влияние контроля зависит от типа преступления: недостаток и избыток контроля связан с совершением насильственных преступлений и серьезных преступлений против собственности (*Baron, Forde, 2007*).

Кроме того, важное влияние оказывает сочетание этих параметров.

Во-первых, это негативное отношение к ребенку, сопровождающееся высоким уровнем контроля за его действиями. Такой стиль воспитания разрушает доверие в детско-родительских отношениях и одновременно не дает ребенку развиваться самостоятельно. Одним из показателей такого стиля являются физическое и сексуальное насилие по отношению к детям, которое повышает вероятность совершения ими преступлений в более взрослом возрасте (*Starzyk, Marshall, 2003*). Жестокие физические наказания приводят к таким последствиям, поскольку (*Бэрон, Ричардсон, 2000*):

- родители показывают детям пример агрессивного поведения;
- наказание вызывает у детей желание избежать общения с родителями или оказать им сопротивление;
- дети расстраиваются и забывают причины наказания;
- наказание заставляет ребенка не демонстрировать агрессивное поведение при родителях, однако не предотвращает его в других ситуациях.

Поэтому наказания более эффективны, когда они:

- не приводят к нанесению серьезного ущерба;
- применяются последовательно, то есть каждый раз, когда ребенок нарушил какое-то правило, а не время от времени;
- напрямую связаны с поведением ребенка, то есть ребенок понимает, за что он наказан;
- сопровождаются демонстрацией альтернативного, желательного поведения;
- не воспринимаются, как демонстрация плохого отношения к ребенку.

Во-вторых, критическим стилем семейного воспитания с точки зрения совершения преступлений является позитивное отношение к ребенку, сопровождающееся низким уровнем контроля. В этом случае ребенку разрешается делать все, что он хочет, любое его поведение находит поддержку и оправдание со стороны родителей.

И наконец, в-третьих, критичным является равнодушное отношение к ребенку или непоследовательное применение наказаний.

2.2. Роль школы в формировании преступника

В школе продолжается развитие всех психологических особенностей человека, связанных с совершением преступлений.

Например, у ребенка формируются коммуникативные навыки, устанавливаются контакты, которые возможно пригодятся ему в дальнейшем. Все это происходит в процессе общения со сверстниками. Поэтому на вероятность совершения преступлений оказывает влияние адаптированность ребенка в группе сверстников, наличие дружеских отношений с ними. Будущие преступники часто занимают в группах сверстников положение отверженных (*Tarolla et al., 2002*).

Кроме того, в школе у человека развивается уровень интеллекта, он усваивает знания, необходимые для дальнейшего образования и построения профессиональной карьеры. Для будущих преступников характерна плохая успеваемость, низкая учебная мотивация и достижения, ранний уход из школы (*Flouri, Buchanan, 2002; Mak, Heaven, Rummery, 2003; Tarolla et al., 2002; Tarolla et al., 2002*).

Одной из ключевых фигур в школе является классный руководитель. В соответствии с одной из распространенных классификаций стилей руководства К. Левина, существует три стиля управления классным коллективом: авторитарный, демократический и попустительский (табл. 3.1).

Использование классным руководителем авторитарного стиля руководства приводит к большему количеству изолированных, непринятых классом учащихся, а также к относительно большому количеству учеников с низким статусом. Вместе с тем наименьшее количество изолированных учеников и учеников с низким статусом и максимальное – с высоким характерно для классов, руководитель которых использует демократический стиль руководства (*Беличева, 1993*). Таким образом, классный руководитель оказывает влияние на психологиче-

скую атмосферу, царящую в классе, и тем самым на вероятность ухода учеников из школы или поиска ими новых друзей, в том числе в криминальной группе.

Таблица 3.1. Стили управления классным коллективом (Беличева, 1993)

Критерий	Авторитарный	Демократический	Попустительский
1. Отношение к органам классного самоуправления	подавляет	развивает	игнорирует
2. Предпочтительные меры коррекции поведения и стимулирования учащихся	наказание за неудачу	поощрение за успех	нейтральное отношение как к успехам, так и к неудачам
3. Способы разрешения конфликтных ситуаций в классе	занимает наступательную позицию, подавляет	разбирается в причинах, признает свои ошибки	не замечает конфликта
4. Жесткость в требованиях	непреклонен в требованиях, не учитывает мешающие обстоятельства	требователен в меру, способен учесть мешающие обстоятельства	не доводит требований до конца
5. Дистантность в общении	подчеркнуто держит дистанцию	находится в тесном контакте с учащимися, пользуется доверием	не придает значение отношениям с учащимися

Влияние школы взаимодействует с влиянием семьи. Например, в семье и школе формируется способность человека контролировать свои действия. Однако позитивное влияние школы заметно только тогда, когда родители ребенка не в состоянии помочь ему в формировании самоконтроля, но при этом он живет среди законопослушных соседей (*Turner, Piquero, Pratt, 2005*).

2.3. Роль криминальной группы в формировании преступника

Многочисленные исследования показывают, что для правонарушителей характерна тесная связь с девиантными и слабая — с законопослушными ровесниками (*Baron, Forde, 2007*;

Tarolla et al., 2002). Таким образом, криминальная группа играет ключевую роль в становлении преступника. Наибольший интерес исследователей вызывают подростковые криминальные группы. *Субъективными предпосылками* их образования являются (*Пирожков, 1998*):

- потребность в интимно-личностном общении;
- потребность в эмоциональном благополучии, признании, взаимопонимании, сочувствии;
- страх перед социальной изоляцией, одиночеством;
- стремление установить контроль над незнакомой средой;
- потребность в престиже, самоутверждении;
- стремление обособиться от взрослых, показать свою «взрослость», самостоятельность;
- возможность свободного установления межличностных отношений и общения, свобода обмена мыслями;
- сходство потребностей, интересов, склонностей, ценностных ориентаций;
- соответствие целей совместной деятельности.

Подростковые криминальные группы различаются по степени устойчивости: от ситуативных, слабо сплоченных, состоящих из небольшого числа людей, не имеющих сформированной ролевой и статусной структуры, легко распадающихся до максимально устойчивых.

Устойчивые группы состоят из большого числа подростков с 13 до 20 и более лет. Младшие члены находятся в положении учеников: они не участвуют в совершении преступлений, но, слушая рассказы старших, усваивают групповые нормы. Средний возрастной состав участвует в совершении преступлений, выполняя вспомогательные, второстепенные роли. И наконец, старшие члены планируют преступления и играют при их совершении ключевые роли. Такие группы имеют относительно постоянный состав участников. Для устойчивых групп характерна хорошо сформированная иерархически построенная статусная и ролевая структура, каждый ее член во время совершения преступлений выполняет одни и те же функции. Члены таких групп общаются преимущественно между собой, между ними существуют тесные

дружеские связи, у них общие планы и общие деньги. Такие группы совершают разнообразные преступления, в том числе тяжкие, направленные против жизни и здоровья людей, например, убийства. Устойчивые группы существуют в течение длительного времени и не распадаются даже при аресте некоторых членов (Пирожков, 1998).

Таким образом, устойчивые группы – это наиболее яркий, завершенный тип криминальных групп. *Ключевым признаком*, отличающим криминальные группы от других малых групп, например, школьных классов или религиозных сект, являются аттитюды и навыки их членов: они *одобряют нарушение закона и обладают навыками совершения преступлений*.

Кроме того, такие группы обладают всеми психологическими признаками, характерными для малых групп, члены которых имеют возможность непосредственно общаться между собой и выполняют общую деятельность. К ним относятся (Пирожков, 1998):

1. *Жесткая иерархическая структура*. в криминальных группах существуют «касты», представители которых обладают разными правами и обязанностями. Чем ниже положение человека в иерархии, тем меньше у него прав и больше обязанностей. В отношении «верхов» и «низов» существует жесткая субординация, за нарушением групповых норм следуют обязательные санкции.

Каждая каста существует относительно автономно от других, внутри нее действуют свои социальные нормы. Ее члены общаются преимущественно с себе подобными. Однако некоторые нормы едины для всех членов группы.

В криминальных группах затруднена мобильность снизу-вверх и облегчена сверху-вниз. Это означает, что члену группы достаточно сложно повысить свой статус и перейти в более престижную «касту», однако он легко может «скатиться» по иерархической лестнице, став членом низкостатусной «касты». Основанием для повышения статуса является прохождение испытаний, заслуги перед группой, а основанием понижения – нарушение групповых норм. На статус в криминальной группе оказывают влияние следующие факторы:

- связанные с совершенным преступлением (стаж преступной деятельности и количество судимостей, срок лишения свободы, поведение на следствии и в суде, поведение в колонии и отношение к персоналу колонии);

- социодемографические характеристики (возраст, социально-региональное происхождение);

- личностные качества (независимость, навыки организации, решительность, стремление к власти, общительность, высокая самооценка). Одним из важных качеств является агрессивность. В частности, заключенные юноши с высоким статусом обнаруживают склонность к открытой агрессии инструментального типа (агрессия ради достижения определенной цели), а с низким статусом – агрессии эмоционально-враждебного типа (агрессия ради получения эмоционального удовлетворения) или склонность к подавлению агрессии (*Мацагутов, Ениколопов, 2004*);

- внешняя привлекательность;

- физическая сила, ловкость, выносливость.

Криминальный статус человека сохраняется, когда он переходит из одной криминальной группы в другую, например, садится в тюрьму.

2. Статус человека в структуре криминальной группе подчеркивается *средствами стигматизации*, к которым относятся татуировки, клички, личные вещи и место в помещении. Члены группы с высоким статусом, принадлежащие к престижным «кастам», имеют более благозвучные клички, обладают лучшими личными вещами и занимают лучшие места в жилых и рабочих помещениях.

3. Для криминальных групп характерна сильная *сплоченность*.

4. Стремясь подчеркнуть свою уникальность, члены криминальных групп используют *свой язык* – сленг, который понимается только «своими» или другие типы коммуникации.

5. Другим способом подчеркивания уникальности является сильная *межгрупповая дифференциация*: члены криминальных групп делят мир на «своих» и «чужих», которые отличаются от «нас» и рассматриваются в качестве врагов.

6. Существуют специальные *процедуры вхождения* в группу, например, «прописка» в ходе которой будущий член группы должен выполнить ряд заданий, чтобы продемонстрировать свою смелость, сообразительность и знание групповых норм.

7. Основными психологическими *механизмами воздействия* в криминальной группе являются эмоциональное заражение (непосредственная передача эмоций), убеждение (аргументированное вербальное воздействие), внушение (неаргументированное вербальное воздействие), а также эмоциональная идентификация членов группы с лидером и подражание ему (повторение его поведения).

Таким образом, криминальная группа обладает признаками, присущими любой малой группе. Однако в данном случае они выражены очень сильно. Особенно это относится к иерархизированности структуры группы и ее сплоченности.

Несмотря на то что изучение роли малых групп в формировании преступника позволяет компенсировать недостатки индивидуального подхода, такое понимание причин преступности тоже связано с рядом **проблем**.

Во-первых, проведенные исследования, как правило, не дают возможности точно определить направление причинно-следственной связи между явлениями. Является ли отвержение сверстниками причиной того, что человек уходит в криминальную группу и начинает совершать преступления? Или сверстники отвергают тех людей, которые демонстрируют девиантное, в том числе и преступное поведение?

Во-вторых, малые группы изучать сложнее, чем индивидуальные особенности преступников. Например, из криминальных групп исследованию поддаются в основном те, которые образуются в местах лишения свободы. Группы, существующие за стенами колоний, практически не доступны для систематических исследований.

Во-третьих, влияние малых групп комбинируется с влиянием индивидуальных особенностей (*Farrington, 2005*).

В-четвертых, влияние малых групп переплетается не только с индивидуальными характеристиками человека, но и с особенностями общества, в котором он живет (*Salzinger et al., 2002*).

3. Влияние общества на уровень преступности

Существует два основных представления о том, какие особенности общества оказывают влияние на уровень преступности. Первое представление связано с наличием в обществе единой ценностно-нормативной системы, а второе – со структурными характеристиками общества.

В соответствии с первым представлением, уровень преступности в обществе повышается, когда в нем отсутствует единая ценностно-нормативная система, принимаемая большинством его членов (*Шунова, 2002*). Распад такой системы происходит в периоды масштабных социальных изменений, когда старые ценности и нормы поведения уже потеряли свое значение, а новые еще не сформировались. В такие периоды в обществе появляются многочисленные субкультуры, обладающие своими нормами и ценностями. Отсутствие единой системы не дает возможности согласовать интересы их членов, разрешить возникающие между ними конфликты законным путем, поэтому их представители начинают нарушать закон. Однако разнообразие субкультур характерно не только для периодов социальных изменений. Оно возникает в странах, население которых неоднородно, в частности, принадлежит к разным этническим и расовым группам. Отсюда интерес к структурным особенностям общества, провоцирующим рост преступности.

В соответствии со вторым представлением, высокий уровень преступности характерен для сообществ, обладающих следующими особенностями (*Шунова, 2002; Eitle, 2002; Tarolla et al., 2002*):

- высокой мобильностью населения: члены таких сообществ постоянно переезжают с места на место;
- неоднородностью по этническим, расовым и культурным признакам: для таких сообществ характерно большое количество субкультур, представители которых не только придерживаются разных норм и ценностей, но и зачастую говорят на разных языках, не понимая друг друга;
- изоляцией от соседей, которая часто является след-

ствием неоднородности культурного окружения;

- сильной дифференциацией населения на классы по социально-экономическому признаку, высоким уровнем безработицы;

- интенсивными межгрупповыми конфликтами: восприятие человеком того, что его социальная группа подвергается дискриминации, приводит к совершению преступлений и употреблению наркотиков.

Следствием этих особенностей является нарушение общения между представителями разных групп, живущих в обществе, невозможность согласовать интересы их членов, депривация важных потребностей. Это приводит к частичному или полному разрушению сложившихся социальных связей и к невозможности образования новых (первая стадия). Отсутствие таких связей еще больше затрудняет общение между представителями разных групп, приводит к распаду систем формального (образования, здравоохранения, правовой системы) и неформального (семьи, контроля со стороны соседей) контроля, социальной поддержки (*Pratt, Godsey, 2002; Tarolla et al., 2002*). Люди перестают ценить такое сообщество, не желают оставаться в нем надолго, и поэтому невнимательно относятся к соблюдению социальных норм (вторая стадия). Все это приводит к росту уровня преступности (третья стадия).

4. Влияние ситуации на совершение преступлений

Последний психологический подход к пониманию причин преступности связан с анализом ситуации, в которых они происходят. В этом случае преступление рассматривается как конфликтная ситуация, которую можно объяснить, если обратиться к ее основным элементам.

Основными элементами структуры криминального конфликта являются:

- участники — преступник, его жертва, свидетели и их представления о конфликте;

- объект — то, ради чего совершается преступление;

- контекст совершения преступления — температура, воздух, городская застройка и т. д.;

- инцидент – событие, которое способствовало началу конфликта, в некоторых случаях «последняя капля» после целой серии провокаций со стороны жертвы;

- исход преступления.

Наибольшее внимание исследователей привлекают особенности участников и контекста совершения преступления. Об одном из участников – преступнике – речь шла при описании индивидуального подхода. Поэтому здесь мы проанализируем характеристики других участников.

4.1. Факторы риска для жертв

Одним из основных участников криминального конфликта является жертва преступления. Ее изучению посвящена одна из отраслей юридической психологии – виктимология. Виктимологические исследования продемонстрировали существование разных видов жертв. Например, в соответствии с одной из классификаций выделяется шесть основных типов – агрессивная, активная, инициативная, пассивная, некритичная и нейтральная жертва (*Ривман, 2002*).

К *агрессивному типу* относятся жертвы, которые действуют противозаконным образом и тем самым вынуждают преступника предпринять ответные действия. Агрессивный тип подразделяется на агрессивного насильника и агрессивного провокатора.

Жертвы *активного типа* совершают социально-неодобряемые поступки, не связанные с нарушением закона. Они подразделяются на сознательного подстрекателя (жертва нелегального аборта, уговорившая врача-преступника сделать его и в результате получившая серьезные повреждения); неосторожного подстрекателя (жертва дорожно-транспортного происшествия, уговорившая сесть за руль пьяного водителя, который и стал виновником ДТП); сознательного самопричинителя (солдат, который желая выйти из боя и попасть в больницу, сам нанес себе травмы); и неосторожного самопричинителя (человек, собирающий дома взрывное устройство, которое взорвалось в процессе сборки).

К *инициативному типу* относятся жертвы, которые совершают социально-одобряемые поступки. Они подразделяются на инициативных по должности (работник милиции,

получивший ранения в ходе задержания преступника), инициативных по общественному положению (член общественной организации, подвергшийся нападению человека, недовольного ее программой) и чисто инициативных (человек, ставший жертвой людей, распивающих спиртные напитки на детской площадке, которых он попытался прогнать).

Жертвы *пассивного типа* — это люди, которые по каким-то причинам не способны к сопротивлению. Они подразделяются на жертв, объективно не способных к сопротивлению, например, в силу возраста или болезни, и тех, кто не желает или не умеет сопротивляться.

К жертвам *некритичного типа* относятся люди, которые не в состоянии правильно оценить опасность ситуации в силу низкого интеллектуального или образовательного уровня, юного или пожилого возраста, психического заболевания.

И наконец, жертвы *нейтрального типа* — это люди, не проявляющие инициативы, правильно оценившие опасность ситуации и пытавшиеся сопротивляться или уйти, однако все равно ставшие жертвами преступления.

Преступления различаются преобладающим в них типом жертв. Поэтому, несмотря на большое число типов, не прекращаются поиски особенностей, свойственных жертвам преступлений определенного типа. Так, факторами риска для женщин — жертв сексуального насилия являются:

- употребление алкоголя;
- низкая самооценка, внушаемость, экстраверсия (особенно для несовершеннолетних жертв);
- использование неэффективных копинг-стратегий (стратегий совладания со стрессом), в том числе приписывание себе ответственности за происшедшее и дистанцирование от окружающих в ущерб переосмыслению ситуации (для повторной виктимизации);
- пережитое в детстве насилие, в том числе сексуальное, со стороны взрослых (*Mohr, 2006*);
- физическое или психологическое отсутствие отца в детстве, близость с отцом в подростковом возрасте, пренебрежение материнской позицией;

- ранний сексуальный опыт со сверстниками;
- общение с девиантными сверстниками;
- криминальное поведение сексуального (проституция) и несексуального (кражи, продажа наркотиков) характера;
- знакомство с преступником. Женщины хуже распознают признаки насилия со стороны знакомых людей, ниже оценивают риск такого нападения по сравнению с нападением незнакомца, и не готовы к нему. Оптимистические ожидания от отношений только повышают риск нападения и неумения защищаться (*Nurius, 2000*).

Вместе с тем важным «фактором риска» для жертв физического нападения или ограбления является их социальная изоляция (*Spano, Nagy, 2005*).

4.2. Последствия совершения преступления для жертвы

Вторым направлением изучения жертв является анализ их психологического состояния после совершения преступлений. В частности, у жертв преступлений, связанных с физическим и сексуальным насилием, наблюдаются симптомы пост-травматического синдрома (ПТСР), стресса и другие физические, когнитивные, эмоциональные и поведенческие нарушения (*Alison, Kebbell, Lewis, 2006; Cecil, Matson, 2005; Gore-Felton et al., 1999; Huerta et al., 2006; Johnson et al., 2007; Koss, Heise, Russo, 1994; Masho, Ahmed, 2007; McEwan, De Man, Simpson-Housley, 2005; Treuer et al., 2005*).

К когнитивным последствиям относятся:

- повторное переживание жертвами травматического опыта, навязчивые мысли о том, что произошло¹;
- попытка подавить воспоминания о травматических

¹ Подобные симптомы характерны и для преступников, совершивших серьезные насильственные преступления. к ним относятся навязчивые воспоминания и размышления о произошедшем, а также другие симптомы посттравматического стресса (*Evans et al., 2007*). Навязчивые воспоминания более характерны для людей, принимающих социальные нормы законопослушной части общества, имеющих низкую самооценку, испытывающих страх и беспомощность, не обращающих внимания на свое состояние во время совершения преступления, а также обвиняющих себя в произошедшем (*Evans et al., 2007*).

событиях, не думать о них и, как следствие, амнезия;

- проблемы с концентрацией внимания;

- изменение представления о мире, его восприятие как опасного и агрессивного;

- изменение представлений о людях (жертвы сексуального насилия преувеличивают сексуальную составляющую в поведении мужчин) и уменьшение доверия к ним;

- интерпретация жертвами событий и сообщений, например, текста песен, в соответствии с тем, что с ними произошло;

- неверие жертв в возможность контролировать происходящее вокруг них. Например, женщины, пережившие насилие со стороны близкого человека, чаще верят в то, что их жизнь контролируется удачей, шансом или обладающими властью другими людьми;

- уменьшение оценки жертвами своей защищенности;

- приписывание вины в происшедшем себе и обществу;

- уменьшение уровня осознанности окружающего, деперсонализация;

- замедленное формирование идентичности. Например, у женщин, переживших насилие со стороны близкого человека, хуже сформирована эго-идентичность по Эриксону;

- уменьшение самооценки;

- попытка измениться: на вопрос «Почему это случилось со мной?» жертва отвечает, что это произошло из-за ее открытости и доверчивости, и пытается измениться.

Эмоциональными последствиями для жертв являются:

- стресс: он особенно характерен для женщин с низким уровнем образования, ставших жертвами насилия в юном возрасте, которые стали участниками травматических для них событий незадолго до совершения преступления, а также для тех, кого не поддерживают родные, и кто считает происходящее в обществе хаосом;

- беспокойство, тревожность, страх;

- грусть, депрессия;

- сожаление о случившемся. Например, жертвы сексуального насилия сожалеют о сделанном (об изоляции от

окружающих, о том, что активно порывали связи с другими людьми, о пассивном принятии критики и обвинений со стороны окружающих, о том, что ставили интересы других людей выше собственных), и еще больше о несделанном (о слабом сопротивлении во время совершения преступления и несообщении в полицию; о том, что после совершения преступления уделяли мало времени заботе о себе и саморазвитию; о том, что не сменили место жительства и работы; о том, что после совершения преступления не искали информацию о других жертвах подобных преступлений и не пытались поделиться своим опытом и переживаниями с другими людьми);

- раздражение, злость;
- уменьшение интенсивности испытываемых эмоций.

К *физическим и поведенческим последствиям* для жертв относятся:

- физические травмы; заболевания переданные во время контакта с преступником, например, СПИД; хронические заболевания, возникшие в результате полученных повреждений, например, головные, лицевые, челюстные, спинные и тазовые боли у жертв изнасилования;

- бессонница, тревожный сон, ночные кошмары;
- понижение сексуальной активности;
- использование транквилизаторов;
- пьянство, курение, расстройства питания;
- пищевые расстройства, например, анорексия, сопровождающаяся изменениями представления о своем теле;
- рискованное сексуальное поведение в подростковом возрасте;
- использование агрессивных способов разрешения конфликтов;
- финансовые потери, плохая успеваемость;
- смена места работы и места обитания;
- применение дополнительных мер предосторожности;
- повторная виктимизация за счет ухода из семьи, связи с криминальными сверстниками и частыми встречами с ситуациями риска;

- самоубийства;
- социальная изоляция или поиск помощи и поддержки у окружающих (в семье, у друзей/в полиции, у психологов, социальных работников). Женщины чаще, чем мужчины обращаются за помощью к родным, друзьям, психологам или социальным работникам, особенно если хорошо знают преступника, а мужчины чаще, чем женщины, не предпринимают ничего или обращаются в полицию, особенно если преступник им незнаком.

Существуют некоторые закономерности, связанные с возникновением у жертвы перечисленных выше особенностей.

Во-первых, у разных жертв эти особенности выражены в разной степени. Так, более сильные симптомы характерны для людей, не получающих поддержки со стороны окружающих (*Holt, Espelage, 2005*) и принадлежащих к негативно оценивающимся в обществе группам (*Herek, Gillis, Cogan, 1999*). Это означает, что отвержение со стороны других людей усугубляет психологические проблемы жертв.

Во-вторых, разные последствия могут быть взаимосвязаны друг с другом. Например, уровень стресса зависит от того, кому жертва преступления приписывает ответственность за произошедшее с ней, насколько сильно обвиняет себя (*Delahanty et al., 1997*).

В-третьих, наличие одних последствий не гарантирует возникновения других. Например, самообвинение может возникать в отсутствии поведенческих проблем (*Quas, Goodman, Jones, 2003*).

Определенный вклад в состояние жертвы вносят окружающие ее люди. Например, женщины, по отношению к которым применяется домашнее насилие, воспринимаются окружающими как пассивные, зависимые, беспомощные, уязвимые, пристыженные, находящиеся в депрессии, сами провоцирующие насилие, глупые и непривлекательные, что, скорее всего, уменьшает социальную поддержку с их стороны (*Harrison, Esqueda, 1999*).

Кроме того, определенную роль играют и средства массовой информации. Жертвы преступлений негативно реа-

гируют на сообщения СМК, в которых рассказывается о совершенных против них преступлениях, особенно если в них дается неточная информация. Результатом является повторная виктимизация в форме ПТСР (*Maercker, Mehr, 2006*).

4.3. Последствия преступления для других участников

Негативные психологические последствия характерны не только для жертв, но и для других людей, соприкоснувшихся с преступлением, — свидетелей, членов семьи жертвы и преступника, психологов, работающих с жертвами.

В частности, у *свидетелей* насильственных преступлений возникает грусть или даже депрессия. Они начинают пить, снижается успеваемость и качество работы. Они начинают применять агрессивные способы разрешения конфликтов. У них появляются ночные кошмары. Например, после террористического акта в США, совершенного 11 сентября, выросло число молодых мужчин в возрасте 10-29 лет, которым снились кошмары (*Nielsen, Stenstrom, 2006*). Кроме того, свидетели преступления начинают обвинять в этом жертв: вероятность такого обвинения растет по мере роста числа их знакомых, которые также считают жертву виновной за произошедшее (*Itaru, 2003*).

Некоторые изменения наступают и у *членов семей жертв*. У них возникают злость, желание отомстить или чувство вины, беспомощность, страх, депрессия. В некоторых случаях члены семьи отказывают жертве в психологической поддержке, обвиняют ее в совершении преступления, тем самым снимая ответственность с себя. В других случаях — прикладываются очень большие усилия по защите жертвы, ограничивается ее свобода передвижения и общения. Попытка избежать обсуждения того, что произошло, приводит к проблемам в общении между членами семьи, уменьшению доверия между ними.

Отдельная проблема касается последствий для родственников убитого человека. Например, интервью, проведенные американскими исследователями с родителями убитых детей, позволили описать изменения в их психологическом состоянии. Родственники чувствуют, что окружающие обманули их

ожидания и поэтому обижаются на них. Они говорят о пренебрежительном отношении к ним со стороны окружающих, в том числе тех людей, которые по роду своих занятий должны оказывать им помощь. Родители неожиданно сталкиваются с тем, что их горе — это уже не личное, а общественное достояние, на них обращают внимание, произошедшее с их детьми обсуждается публично. Они меньше общаются с окружающими, отгораживаются от людей. Однако иногда у них возникает чувство единения с другими людьми — семьями, столкнувшимся с подобной ситуацией, с теми, кто понимает их страдания, с ведущим судебный процесс судьей. Родственники открывают в себе новые особенности и испытывают новые эмоции. Они постепенно понимают, что убитые никогда не вернутся к ним. Им кажется, что они не смогут покончить с прошлым, что оно будет постоянно преследовать их. Они не верят в завтрашний день, теряют ощущение контроля, им кажется, что подобное может произойти снова. Они воспринимают страдание как нормальное состояние (*Armour, 2002*).

Для *специалистов*, постоянно работающих с жертвами преступлений, характерно быстрое эмоциональное выгорание.

4.4. Роль контекста в совершении преступления

Контекст, в котором совершается преступление, образуют экологические факторы и события, происходящие в мире. К ним относятся:

- время года: существуют сезонные колебания уровня насильственной преступности, при которых максимальное число преступлений приходится на август, а минимальное — на январь (*Rock, Greenberg, Hallmayer, 2003*). Возможно, что этот эффект связан с температурой;

- температура окружающей среды: количество насильственных преступлений растет при повышении температуры, хотя данные достаточно противоречивы (*Бэрн, Ричардсон, 2000*);

- городская застройка: насильственные преступления часто совершаются в уединенных местах, а также там, где присутствуют «посылы к агрессии», например, камни, битые бутылки и т.д.;

- прочие экологические факторы: уровень агрессии, а значит и вероятность совершения насильственных преступлений повышается при наличии шума, тесноты и загрязненности воздуха (*Бэрон, Ричардсон, 2000*);

- рабочие и праздничные дни: значительное количество квартирных краж совершается днем, когда хозяева на работе. Кроме того, количество насильственных и корыстных преступлений связано с официальными праздничными днями (*Cohn, Rotton, 2003*);

- важные общественные события: во время важных чемпионатов по футболу уменьшается количество убийств (*Fernquist, 2000*).

IV. Профилактика преступности

Проблема профилактики преступности начала активно разрабатываться еще в первой половине XX века. Оценка возможности и выбор способа понижения уровня преступности зависят от представления о ее причинах. Если совершение человеком преступления рассматривается как следствие врожденных аномалий, отрицаются всякие возможности профилактики преступности, кроме изоляции правонарушителя. Представление о том, что совершение преступления является следствием определенных биологических или психологических характеристик правонарушителя и жертвы, делает возможным применение при профилактике преступности обычных психотерапевтических процедур и медикаментозного лечения. И наконец, если преступность рассматривается как следствие определенных условий развития человека (семейного воспитания, школьного обучения, членства в группе, структуры общества), то допустимой считается профилактика, рассчитанная на коррекцию социальной ситуации. Таким образом, меры профилактики преступности не ограничиваются психологическим воздействием, но включают его как необходимую составную часть.

1. Эффективность уголовного наказания

Исторически первой и наиболее распространенной мерой профилактики преступности считается уголовное наказание. Ее сторонники полагают, что эта мера оказывает тройное воздействие: она позволяет изолировать людей, которые уже совершили преступление; «запугать» тех, кто только собирается это сделать; уменьшить страх у потенциальных жертв или людей, которые уже стали жертвами действий преступника. Следовательно, уровень преступности можно уменьшить, если ввести строгие санкции за совершение преступлений. Этот взгляд на профилактику преступности отражен в модели формального контроля, которая упоминалась в начале этой главы.

Примером позитивного влияния санкций является арест виновников домашнего насилия. Результаты американских исследований показали, что эта мера, во-первых, уменьшает вероятность повторного совершения подобного преступления, во-вторых, увеличивает веру жертв в силу закона и, в-третьих, порождает у них ощущение безопасности и увеличивает удовлетворенность жизнью (*Lewis, 2004*).

Однако годы исследований показали, что уголовное наказание уменьшает уровень преступности только при соблюдении ряда условий (*Carmichael et al., 2005*). Во-первых, наказание действительно должно быть достаточно серьезным. Во-вторых, оно должно быть неотвратимым: потенциальный преступник должен считать, что если он совершит преступление, то обязательно будет наказан. В-третьих, человек должен понимать, что совершение преступления не позволит ему достигнуть желанной цели. В противном случае он будет совершать преступления, желая удовлетворить свои потребности. В-четвертых, должна отсутствовать социальная поддержка нарушению закона. Если окружающие человека люди считают совершение преступлений нормальным и даже эффективным способом достижения цели, формальные санкции не смогут устранить их влияние. И наконец, в-пятых, наказание оказывает большее влияние на поведение людей, у которых отсутствует собственная си-

стема моральных норм, особенно на тех, кто находится на первом уровне морального развития по Л. Колбергу. Таким образом, введение строгих санкций за нарушение закона, не сопровождающееся дополнительными условиями, не приведет к понижению уровня преступности.

Дополнительные трудности возникают в том случае, если мера наказания связана с долгим лишением свободы. Лишение свободы, во-первых, существенно изменяет восприятие человеком происходящих с ним событий, нарушает привычный уклад жизни, требует адаптации к совершенно новым для него (при первом тюремном заключении) условиям. Во-вторых, лишение свободы предполагает погружение человека в криминальную субкультуру, принятие ее норм, в том числе изменение правосознания. И наконец, долгая изоляция разрушает связи человека с близкими и друзьями, ограничивает возможности адаптации в мире за пределами колонии после освобождения.

Основными факторами социальной изоляции являются (Пирожков, 1998; Mahoney, Daniel, 2006):

1. *Срок и перспектива досрочного освобождения.* Время в колонии течет медленнее, чем до изоляции. Скорость его течения особенно замедляется в периоды бездеятельности и к концу срока. Время свиданий с близкими, напротив, пролетает быстро. Отсутствие перспективы досрочного освобождения приводит к возникновению страхов, связанных с тем, что не освободят вовремя, не дождутся родные и т. д.

2. *Ограничение общения с родственниками и друзьями.* Обитатели колонии достаточно редко видятся со своими близкими и друзьями. Наличие таких свиданий оказывает влияние на восприятие времени. Заключение, имеющие свидания, острее реагируют на ограничения, порожденные социальной изоляцией, но меньше на величину срока, чем те, кто свиданий не имеет.

3. *Переписка и посылки.* Чтобы поддерживать общение с людьми вне колонии, заключенные начинают активно писать письма, а также радуются получению посылок. Письма выполняют информационно-коммуникативную (получение информации о том, что происходит на свободе), психотера-

певтическую (уменьшение напряжения), сублимирующую (позволяют занять свободное время), стимулирующую (улучшение настроения) и воспитательную функции.

4. *Ограничения привычных условий жизни.* Заключенные ограничены в деньгах и направлениях их траты. Кроме того, они находятся под постоянным надзором, вынуждены соблюдать жесткий внутренний распорядок, выходить на линейки. Свобода передвижения ограничена, переписка подвергается цензуре. Труднее всего переносятся личные обыски, обыски в жилых помещениях и жизнь на виду у всех, постоянный контроль.

5. *Принудительность общения и деятельности внутри колонии.* Заключенные лишены возможности выбирать себе соседей, а также определять направление своей учебной и профессиональной деятельности. Тем самым блокируется одна из основных потребностей человека – потребность в самореализации.

6. *Отсутствие уединенности,* вызванное отсутствием закрепленного за человеком личного пространства, постоянным шумом и теснотой.

7. *Ощущение незащищенности,* вызванное отсутствием реальной защиты прав.

Эти факторы приводят к следующим последствиям.

1. *«Обеднение прошлого» (Нуркова, Василевская, 2003).* Описывая важные события, произошедшие в их жизни, заключенные:

- затрагивают меньше тем, чем люди, находящиеся на свободе. Они почти не затрагивают такие темы, как творчество, успехи-неудачи, путешествие, интриги, открытие своих способностей;

- перечисляют меньше произошедших с ними событий;

- вспоминают меньше событий из прошлого, в том числе из раннего детства. Возможно, что детский опыт кажется несоответствующим ситуации лишения свободы, и заключенные «вырезают» его из воспоминаний.

2. *Изменение эмоционального состояния.* Лишение свободы приводит к (Mahoney, Daniel, 2006):

- тревоге, вызванной недостатком или неопределенностью информации о том, что ждет человека в ближайшем будущем, а также постоянным контролем;
- страху подвергнуться наказанию и изоляции;
- фрустрации – эмоциональному состоянию, наступающему в случае невозможности достижения человеком важных для него целей;
- раздражительности;
- грусти, вызванной постоянным повторением образов из «свободного» прошлого;
- скуки, возникающей из-за ежедневной рутины.

Однако состояние заключенных изменяется в зависимости от стадии лишения свободы. Тревога и фрустрация особенно высоки в первое время заключения, на стадии адаптации к жизни в колонии. Они постепенно снижаются к середине срока и снова возрастают к его концу. Тревожность, возникающая в конце срока, связана с тем, что ждет заключенного за пределами колонии: сможет ли он восстановить дружеские и семейные связи? устроится ли на работу? что его ждет дальше? Эта тревога неслучайна. После колонии человек часто возвращается либо к тем людям, общение с которыми привело к совершению преступления, либо остается один, без поддержки, работы, образования, места жительства. Неспособность адаптироваться к жизни на свободе приводит к повторному совершению преступления.

3. *Возникновение психических патологий.* Лишение свободы порождает клаустрофобию, а также физические и эмоциональные проблемы, связанные с наркотической и алкогольной аддикцией (Mahoney, Daniel, 2006).

4. *Отношения заключенных с родственниками на воле.* Лишение свободы разрушает отношения заключенного с родственниками. Однако женщины чаще поддерживают такие отношения, чем мужчины. У них чаще есть дети, они чаще переписываются, перезваниваются и встречаются с родными (Jiang, Winfree, 2006).

5. *Возникновение личных отношений между заключенными.* Между заключенными устанавливается психологическая бли-

зость, которая в некоторых случаях сопровождается гомосексуальными отношениями. Мужчины и женщины по-разному приспосабливаются к условиям тюрьмы. Мужчины предпочитают самостоятельно решать проблемы, надеются на собственные силы, а женщины вступают в небольшие подгруппы семейного типа. Отношения в этих подгруппах часто носят несексуальный характер (только 28% заключенных-женщин сообщают о своей включенности в гомосексуальные отношения с другими заключенными). Их основная функция – взаимная поддержка, дружба, любовь, удовлетворение потребности в принадлежности, защищенности, самовыражении. Вместе с тем таким семьям присущи и негативные аспекты семейной жизни, например, взаимная эксплуатация и ревность. Кроме того, женщины чаще, чем мужчины, участвуют в неформальных внутри тюремных организациях. Однако некоторые исследования показывают, что в последнее время женщины чаще используют мужскую модель адаптации, предпочитая одиночество (*Huggins, Capeheart, Newman, 2006; Jiang, Winfree, 2006; Severance, 2005*).

6. *Нарушения режима и насилие заключенными.* Несмотря на постоянный контроль, в местах заключения встречаются нарушения режима, в том числе случаи насилия между заключенными и между заключенными и персоналом. Существуют четыре основных модели, объясняющих эти нарушения (*Jiang, Fisches-Giorlando, 2002; (Kellar, Wang, 2005)*).

Согласно модели депривации, тюрьма ограничивает свободу человека, «отрезает» его от людей, находящихся на воле, заставляет привыкать к потерям, порождает негативные эмоции. Таким образом, происходит депривация потребностей в свободе, самостоятельности, защищенности, а также гетеросексуальной потребности. Это приводит к возникновению и распространению криминальной субкультуры, члены которой противостоят администрации. Результатом является нарушение тюремных правил, насилие по отношению к другим заключенным и сотрудникам. В соответствии с этой моделью, нарушение режима, в том числе интенсивность насилия, зависит от срока заключения; уже проведенного в тюрьме времени; заключенных, с которыми человек сидит в одной камере и работает.

Согласно модели подгрупп, эмоциональное состояние и ценности заключенного зависят от его развития до попадания в тюрьму. Во-первых, не все заключенные испытывают негативные эмоции. Их сила зависит от того, научится ли заключенный удовлетворять свои потребности в условиях тюрьмы. Во-вторых, не все заключенные являются членами одной субкультуры: они делятся на разные группы, каждая из которых имеет свои ценности. В соответствии с этой моделью, нарушение режима, в том числе использование насилия, зависит от возраста, расовой и этнической принадлежности, образования, предшествующего криминального опыта заключенного, а также от наличия у него детей и семьи, места совершения преступления.

В соответствии с ситуационной моделью, нарушения режима, в том числе уровень насилия в местах заключения, зависят от временно действующих факторов, например, времени года и особенностей сотрудииков колонии. Согласно этой модели, уровень насилия зависит от возраста, расовой и этнической принадлежности, семейного положения, образования сотрудииков, а также места и времени совершения поступка, режима тюрьмы и размещения заключенных. Например, классические исследования агрессии показывают, что плотное размещение людей на ограниченной территории увеличивает вероятность агрессивного поведения, особенно если они оценивают это положение как тесноту. Однако в местах заключения влияние это фактора неоднозначно. Во-первых, некоторые современные исследования показывают, что чем выше плотность размещения заключенных, тем реже насилие между ними, а также между ними и персоналом (*Tartaro, 2002*). Во-вторых, плотность размещения оказывает влияние на уровень самоубийств, но оно зависит от мер безопасности. При слабом ощущении тесноты, чем меньше мер безопасности, тем меньше самоубийств; при сильном ощущении количество самоубийств одинаково при средних и сильных мерах безопасности (*Huey, McNulty, 2005*).

Эмпирическая проверка трех описанных моделей показала, что лучше всего нарушения режима объясняет ситуационная модель. Однако модель депривации лучше всего поясняет

насилие. При этом модель депривации и ситуационная модель показывают насилие заключенных по отношению к работникам тюрьмы, в то время как насилие между заключенными описывают ситуационная модель и модель подгрупп.

И наконец, в соответствии с моделью управления, уровень насилия в тюрьме зависит от общения между сотрудниками и заключенными. Важным показателем является социальная дистанция: маленькая дистанция означает наличие неформального общения между персоналом и заключенными, а большая — его отсутствие. Сотрудники, устанавливающие большую социальную дистанцию, сообщают о большем количестве нарушений заключенными режима, чем сотрудники с маленькой дистанцией (*Freeman, 2003*).

Психологическая адаптированность заключенного в условиях колонии определяется его индивидуальными особенностями и режимом содержания.

К числу индивидуальных особенностей относятся уровень развития эмоционального интеллекта и тип межличностного взаимодействия. Направление и сила этого влияния отличают заключенных от законопослушных граждан. Так, результаты исследования, проведенного в Можайской колонии и в одной из московских школ (*Степанова, 2005*), показали, что психологическая неадаптированность заключенных определяется недоверчиво-скептическим типом взаимодействия. Это отличает их от законопослушных подростков, на психологическую адаптированность которых отрицательно влияют агрессивный и зависимый стили межличностных отношений, а на неадаптированность — недоверчиво-скептический и покорно-зависимый тип. Таким образом, стиль взаимодействия оказывает на психологическую адаптированность и неадаптированность заключенных меньшее влияние, чем законопослушных подростков. Вместе с тем у заключенных внутриличностный эмоциональный интеллект оказывает более сильное влияние на социально-психологическую адаптированность, чем у законопослушных подростков. Таким образом, в условиях колонии приобретает особое влияние умение людей понимать свои эмоции и управлять ими.

Важной особенностью режима является характер мер безопасности. Люди хуже адаптируются в местах заключения с жесткими мерами безопасности. Эти меры затрудняют контроль заключенных над внешней средой. При таких мерах они реже видятся с семьей, реже устанавливают доверительные отношения с другими заключенными и принимают участие в программах психологической реабилитации (*Huey, McNulty, 2005*).

В целом уголовное наказание как мера профилактики преступности имеет свои существенные ограничения. Именно они и породили интерес исследователей и социальных работников к иным способам понижения уровня преступности.

2. Стратегии профилактики преступности

Современные стратегии профилактики преступности можно разделить на три типа: первичную, вторичную и третичную профилактику (*Шинунова, 2002*).

2.1. Первичная профилактика преступности

Объектом первичной профилактики преступности является все население страны. При ее использовании предполагается, что уровень преступности можно уменьшить, создав определенные условия для развития человека, которые позволят ему научиться удовлетворять свои потребности законным путем.

К этому типу относятся меры в сферах семейного воспитания, образования, средств массовой коммуникации и изменения среды обитания человека.

В сфере **семейного воспитания** внимание уделяется:

- предупреждению беспризорности и бездомности. Для этого создаются психологические консультации, занимающиеся бесплатным семейным консультированием, примирением подростков с родителями, оказывающие подросткам помощь в разрешении конфликтов и трудоустройстве;
- введению гибких графиков работы или частичной занятости для женщин, имеющих детей. Эта и предыдущая меры рассчитаны на устранение семейных причин преступного поведения;

- развитию системы предродового и послеродового медицинского обслуживания для женщин. Это делается, чтобы не допустить аномального биологического развития ребенка, то есть устранить биологические причины преступного поведения.

К мерам в **сфере образования** относятся:

- включение в школьные программы курсов по обучению навыкам здоровой и безопасной жизни, самообороны, повышению социальной компетентности. К числу таких мер относятся образовательные программы против употребления алкоголя и наркотиков, а также психологические тренинги, позволяющие учащимся приобрести навыки эффективного общения с окружающими. Они рассчитаны на устранение биологических и психологических причин преступности. Образовательные программы, дающие навыки поведения в ситуациях преступления, уменьшают вероятность того, что учащийся станет жертвой;

- создание специальных служб помощи ученикам, где они могут получить консультации по вопросам курения, употребления алкоголя и наркотиков, сексуальных отношений, решения конфликтов. Подобные меры также рассчитаны на устранение биологических и психологических причин преступности;

- проведение мероприятий, направленных на реализацию творческого потенциала ребенка: организация творческих курсов, олимпиад, кружков по интересам. Эти меры рассчитаны на устранение психологических условий преступности;

- разработка программ профориентации и обучения молодежи с последующим трудоустройством;

- предупреждение насилия и издевательств в школе. К числу таких мер относится организация в школах дежурства. Например, во Франции, для этой цели привлекают недавних выпускников школ, которые еще не успели устроиться на работу. Подобные меры направлены против социальных причин преступности.

Средства массовой коммуникации привлекаются в качестве источника информации и, как, следствие, развития детей. Образовательные передачи приводят к:

- росту у детей интереса к образованию и науке, естественно-научным дисциплинам, иностранным языкам: постоянный просмотр в дошкольном возрасте образовательных передач позитивно связан с оценками в школе по английскому, математике и естественным наукам;

- развитию воображения детей: такую функцию выполняют развлекательные передачи без элементов насилия. Радиопостановки оказывают большее влияние, чем телевизионные программы (*Valkenburg, Beentjes, 1997*);

- развитию речевых навыков;

- формированию коммуникативных навыков. Например, просмотр замкнутыми детьми из детского сада фильма об их сверстниках, которые сначала только наблюдали за игрой других детей, а потом присоединялись к ним, приводит к активизации общения и существенному повышению статуса замкнутых воспитанников.

Формирование подобных особенностей увеличивает вероятность получения детьми образования, обучения коммуникативным навыкам, что в свою очередь уменьшает вероятность совершения преступлений.

СМК также являются средством проведения так называемых кампаний социального маркетинга, целью которых является распространение здорового и безопасного образа жизни. Эта цель достигается с помощью образовательных передач о последствиях наркомании и алкоголизма, развлекательных передач, художественных фильмов, рекламы. В целом более эффективны сообщения, которые размещены в развлекательной передаче, ненавязчивы и поэтому не вызывают сопротивления. Кроме того, само сообщение должно носить развлекательный характер. Например, оценка антиалкогольных сообщений зависит от их реалистичности и логичности: реалистические логические сообщения не так эффективны, как нереалистические, но развлекательные (*Andsager, Austin, Pinkleton, 2001*). Одним из параметров развлекательности сообщения является его «яркость». Например, наркотики принимают люди, которые ищут острые ощущения. Для них необходимы особенные сообщения – привлекающие к себе вни-

мание и эмоционально насыщенные — с яркими образами, насыщенными звуками, музыкой, движением (*Morgan et al., 2003*).

Кроме того, средства массовой коммуникации являются способом формирования правосознания, речь о котором шла во второй главе.

И наконец, СМК являются источником знаний о том, как совершаются преступления, и способах защиты от преступников. К числу таких сообщений относятся, например, репортажи о вокзальной преступности — ее видах, причинах, последствиях.

Последняя группа мер первичной профилактики — **изменение среды обитания**. Ее цель — устранение ситуационных причин совершения преступления. К ним относятся:

повышение трудности совершения преступлений:

- использование в парадных приборов слежения, домофонов и дверей с кодами;

- введение специальных норм и строительных стандартов, повышающих степень безопасности и защищенности жилья;

- ограждение территорий дворов;

- замена в пивных барах стеклянной посуды на пластмассовую, чтобы не допустить случайных ранений осколками посуды при драках;

- очистка территорий от камней, кирпичей и иных предметов, которые могут быть использованы во время массовых драк.

Повышение риска быть наказанным за совершение преступления:

- патрулирование улиц силами милиции и дружинников;

- развитие частных охранных организаций;

- планировка жилых строений и дворов таким образом, чтобы жильцы имели возможность из окон наблюдать, что происходит на детских площадках, остановках общественного транспорта и т. д.

Уменьшение выгоды от совершения преступления:

- маркировка имущества;

- использование самовзрывающихся капсул с красителями, которые метят вора при попытке завладеть чужим имуществом;

- замена наличных денег на чеки и кредитные карты, использование которых требует знания кода или подписи владельца.

2.2. Вторичная профилактика преступности

Объектом вторичной профилактики являются «группы риска», то есть люди, которые уже обладают особенностями, способствующими совершению преступлений. Существует два типа мер вторичной профилактики – рассчитанные на потенциальных преступников и потенциальных жертв.

Меры для **потенциальных преступников** включают в себя:

- коррекционные классы и индивидуальные программы обучения для отстающих учеников;

- выявление одаренных детей из малоимущих семей и их поддержку (материальную и психологическую) в получении образования (создание опекунских фондов, стипендий, поиск спонсоров);

- развитие лечения алкоголизма и наркомании;

- изменение правосознания и ценностей проблемных групп (речь о таких программах шла в главе, посвященной правовой социализации);

- материальная помощь нуждающимся семьям, создание психологических консультаций для проблемных семей.

Меры для **потенциальных жертв** включают в себя:

- изменение их представлений. Например, участницами одной из подобных программ являются женщины-студентки – потенциальные жертвы изнасилований. Они обсуждают распространенность сексуального насилия в колледже; мифы об изнасиловании; социальные условия, способствующие совершению изнасилований; причины изнасилования; психологические барьеры сопротивления изнасилованию и способы избежать его;

- обучение наиболее вероятных жертв (таксистов, банковских служащих, персонала самолетов) мерам самообороны;

- физическая защита потенциальных жертв.

2.3. Третичная профилактика преступности

Объектом третичной профилактики преступности являются люди, которые уже совершили преступления или стали

их жертвами. В данном случае говорят о реабилитации. Третичная профилактика и ее эффективность являются наиболее спорным вопросом профилактики преступлений. Активный интерес к ней, возникший в первой половине XX века, сменился периодом разочарования. Очевидно, это было связано с нереалистическими ожиданиями от применения подобных мер. Конечно, реабилитация преступников не устраняет повторное совершение преступлений полностью. Задача третичной профилактики – не искоренить преступность, а уменьшить число рецидивов. В третичную профилактику входят меры для подозреваемых, заключенных и жертв.

К **мерам для подозреваемых** относят изменение законодательства, в том числе мер наказания за некоторые преступления, усиление общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов, а также введение новых форм судопроизводства. К последнему типу относится ювенальная юстиция и восстановительное правосудие.

Ювенальная юстиция – форма судебного процесса, предназначенная для несовершеннолетних правонарушителей. Ее отличают следующие особенности (*Мельникова, Карнозова, 2002*):

- в местах предварительного заключения несовершеннолетние находятся отдельно от взрослых арестантов;
- слушание дела производится в специально оборудованном помещении;
- дело рассматривается судьей, специализирующимся по работе с несовершеннолетними;
- в судебном процессе участвуют специалисты по возрастной психологии детей и подростков, имеющие опыт обращения с ними;
- используется упрощенная судебная процедура: процесс может проходить в форме беседы судьи с несовершеннолетним в присутствии специалиста и попечителя;
- судебное разбирательство полностью конфиденциально;
- судебный процесс имеет ярко выраженную воспитательную направленность.

Цель такого судебного процесса – минимизировать негативное влияние тюремного заключения и судебного процесса

на подсудимого, облегчить для него процесс дальнейшей адаптации в законопослушном обществе.

Восстановительное правосудие – процедура, которая может использоваться одновременно или вместо традиционного судебного процесса (*Мельникова, Карнозова, 2002*). Основные идеи восстановительного правосудия представлены в таблице 3.2.

Главная идея восстановительного правосудия заключается в том, что совершение преступления – это не просто нарушение закона, а поступок, который оказывает серьезное влияние на жизнь преступника и его жертвы. Так, люди часто не понимают, почему именно они стали жертвами преступления. Наказание преступника не позволяет им получить ответ на этот вопрос. Преступник в свою очередь не получает возможности увидеть, как вред он причинил жертве, раскаяться и возместить нанесенный ущерб. Восстановительное правосудие позволяет восполнить эти пробелы: оно подразумевает организацию встречи между преступником и его жертвой.

Таблица 3.2. Специфика восстановительного правосудия по сравнению с традиционной моделью (карательным правосудием)

Основные понятия	Карательное правосудие	Восстановительное правосудие
Преступление	Нарушение уголовного закона	Насилие над личностью
Стороны конфликта	Преступник и государство	Преступник и жертва
Ответственность	Наказание	Обязательство возмещения вреда
Принципы, лежащие в основе ответственности	Воздаяние по заслугам, неотвратимость наказания	Обязательства по возмещению вреда
Цель процесса	Установление виновности и назначение наказания	Удовлетворение потребностей жертвы
Форма процесса	Состязательность, деперсонализация	Диалог, персонализация
Цель процедуры	Противостояние сторон, «выигрыш/проигрыш»	Примирение, «выигрыш/выигрыш»
Что является предметом упрека	Преступник	Преступление

Субъекты решения	Государственные органы	Стороны и ближайшее окружение
Социальная функция	Изоляция преступников от общества	Ресоциализация преступников, исцеление жертвы
Ресурсы для решения проблем	Институты государственной репрессии	Способность людей к взаимопониманию и самоизменению, стремление договориться, опора на ближайшее окружение

Процедура примирения, используемая в рамках восстановительного правосудия, включает в себя ряд этапов:

1. На подготовительном этапе определяется, соответствует ли совершенное преступление возможностям программы, и выясняется желание сторон (преступника и жертвы) принять в ней участие. Как правило, такие программы организуются после совершения относительно несерьезных, особенно корыстных преступлений. Кроме того, на этом этапе подготавливаются условия для встречи.

2. На этапе предварительной встречи со сторонами преступник и жертва информируются об особенностях программы. В ходе интервью, которое проводится с каждой из сторон отдельно, происходит выделение проблем и потребностей участников и сбор предложений по исправлению ситуации. В результате принимается окончательное решение об уместности программы и проводится подготовка к основной встрече с учетом мнения сторон.

3. Встреча жертвы и правонарушителя происходит в помещении, оборудованном для проведения интервью. В ходе встречи ведущий программы помогает сторонам выразить свои мысли и чувства, задать интересующие их вопросы, а также выработать взаимоприемлемое решение по возмещению вреда, сформулировать достигнутые договоренности.

4. На этапе исполнения договора преступник и жертва подписывают протокол, по которому преступник обязуется самостоятельно, то есть без помощи окружающих, возместить жертве нанесенный ущерб. По истечении срока договора ведущий программы проверяет его выполнение, анализирует причины неисполнения условий договора. По окончании

программы отчет о ее результатах предоставляется в официальные органы.

Меры для заключенных включают в себя:

- социальную защиту заключенных после их выхода на свободу, профессиональную подготовку в местах заключения с последующим трудоустройством;

- изменение отношения населения к бывшим заключенным;

- проведение в местах заключения психологической работы с представлениями, эмоциями и поведенческими навыками людей, совершивших преступления. Она может принимать форму индивидуальной или групповой психотерапии. Именно такая работа привлекает наибольшее внимание психологов.

Годы работы позволили выделить основные принципы эффективного психологического воздействия на преступников (*Matthews, Hubbard, Latessa, 2001*):

1. Программа должна быть ориентирована на изменение поведения. Это означает, что ее участники должны научиться решать проблемы законопослушным образом, а также контролировать себя.

2. Воздействию должны подвергаться криминальные аттитюды, алкогольная и наркотическая аддикции, семейная коммуникация, отношения со сверстниками.

3. Интенсивность воздействия должна соответствовать риску повторного совершения преступления. Интенсивное воздействие (40-70% свободного времени на протяжении 3-9 месяцев) эффективно для людей с высоким риском рецидивизма, но может привести к обратному результату у людей с низким риском.

4. Программа должна соответствовать особенностям участников. Например, тревожные участники плохо реагируют на конфронтацию, а для людей с низким интеллектуальным уровнем неэффективны программы, рассчитанные на изменение когнитивной сферы (см. ниже).

5. Поведение участников контролируется. Если программа проходит в тюрьме, то сотрудники фиксируют нарушения режима, а участники изолируются от негативного влияния других заключенных.

6. Ведущие программы проходят специальный курс обучения.

7. Ведущие отслеживают происходящие с участниками изменения.

8. После окончания программы социальные работники оказывают бывшим участникам помощь по выбору способа решения возникающих проблем.

9. Членов семьи или друзей учат помогать участникам, когда они будут попадать в сложные ситуации.

При соблюдении этих условий эффективность программ составляет 30–50%.

Психологическая работа с представлениями включает в себя:

1. Обучение навыкам анализа ситуации (*Buttell, 2003; Geer, Estupinan, Manguno-Mire, 2000; Paschall, Fishbein, 2002; Walters, 2004*), которое включает в себя:

- Информирование о причинах преступления, например, «цикле насилия», при котором жертва насилия впоследствии становится агрессором. Участникам рассказывают о «цикле насилия», после чего они рассказывают о себе с учетом этой информации.

- Формирование умения брать на себя ответственность за совершение преступления. Это умение формируется, как правило, в ходе групповой психотерапии. В первом случае один из участников рассказывает о совершенном им преступлении, а остальные члены группы с помощью ведущего обсуждают, кто несет ответственность за его совершение. Во втором случае участники рассказывают, почему они были арестованы и почему окружающие добивались их ареста. Затем им рассказывают о важности принятия ответственности. После этого они составляют новый рассказ и объясняют реакцию окружающих, приписывая ответственность себе.

Однако некоторые психологи полагают, что снятие с себя ответственности за совершенное преступление — это нормальная защитная реакция человека. Поэтому правонарушителей надо обучать принятию ответственности не за уже совершенное преступление, а за будущие действия (*Maruna, Mann, 2006*);

- Формирование способности анализировать вознаграждение и наказание, следующее за совершением преступления. Например, заключенным помогают описать ту небольшую выгоду и то серьезное наказание, которое они получили, нарушив закон. Цель этой работы – показать, что совершение преступления требует серьезных затрат и не приводит к вознаграждению.

- Выявление аттитудов, связанных с совершением преступления (например, мифов об изнасиловании) и их изменение. Это происходит, например, в ходе обсуждения группой сексуальных насильников своих представлений о женщинах.

- Выявление мыслей, фантазий и эмоций, которые возникают у преступника перед совершением преступления (так называемого индивидуального цикла преступления), обучение заключенного вовремя замечать их появление и контролировать их влияние.

- Выявление ситуаций риска с точки зрения совершения преступления: заключенному помогают перечислить ситуации, которые «провоцируют» его на совершение преступлений. Например, для сексуального насильника, совершившего несколько изнасилований, это может быть одинокая девушка, «голосующая» на дороге поздно вечером, а для педофила – работа в школе. Заключенные составляют список таких ситуаций самостоятельно, и впоследствии обсуждают его с другими участниками группы.

- Определение способов избегания подобных ситуаций или выхода из них.

- Развитие когнитивного и аффективного компонентов эмпатии, в том числе к жертве преступления. Например, в рамках одной из таких программ сексуальные насильники получали статьи с описанием преступлений подобных совершенному ими (*Geer, Estupinan, Manguno-Mire, 2000*). Во время чтения они должны подчеркнуть абзацы, которые сексуально возбуждают их. На втором этапе они сравнивали описанное в статьях со своим преступлением и опытом своих жертв. На третьем этапе они смотрели видеозаписи интервью, в которых жертвы сексуальных преступлений рассказывали о том, через что им пришлось пройти. На четвертом этапе они вновь

(устно или письменно) описывали, что чувствовала или думала жертва их преступления. В рамках ролевой игры они исполняли то роль преступника, то роль жертвы.

- Повышение уровня морального развития, например, совместное решение членами психотерапевтических групп моральных дилемм Л. Колберга, описанных во второй главе (*Armstrong, 2002*).

- Изменение Я-концепции, которое происходит, например, при использовании нарративной терапии. В этом случае участники проходят две стадии: деконструирования, где, отвечая на вопросы ведущего, женщины разрушают старое представление о себе, и реконструирования, в ходе которой участники формируют новую Я-концепцию (*Mahoney, Daniel, 2006*).

- Обучение планированию собственного поведения, формированию намерений.

- Построение планов по изменению круга общения. Например, участников занятий просят описать, как они собираются прекратить общение со своими друзьями-правонарушителями (*Armstrong, 2002*).

Психологическая работа с эмоциями включает в себя:

- эмоциональное расслабление. Для этого используются техники релаксации, правильного дыхания, аутотренинг;

- формирование навыков совладания с чувствами, предшествующими совершению преступлений, негативными эмоциями в целом (*Geer, Estupinan, Manguno-Mire, 2000; Paschall, Fishbein, 2002*).

Подобные программы проводятся и в России. Одна из них была опробована в колониях в Пермской области (*Новоселова, 2001*). Она включает в себя следующие этапы:

1. Установочная беседа, в ходе которой заключенным рассказывают о содержании программы.

2. Расслабление с помощью аутотренинга. Находясь в отдельных помещениях, заключенные слушают магнитофонную запись. Она включает в себя описание ситуаций, ярких образов, способствующих расслаблению, например, «Я птица!.. Я спокоен!».

3. Косвенное внушение. На этой стадии используются отрывки из художественных произведений, описывающих примеры стойкости, доброты и т. д. К их числу относится, например, рассказ про цветок, с большим трудом проросший сквозь землю. Заключение слушают аудиозаписи этих рассказов.

4. Прямое внушение, в ходе которого заключенные слышат фразы, прямо призывающие действовать определенным образом. Фразы произносятся от первого лица. Внушение построено по принципу «Я могу.. Я хочу.. Я делаю... Мне нравится делать... Я всегда буду поступать таким образом».

5. Усиление расслабления и сон.

6. Постепенный вывод из состояния сна. Два последних этапа также проходят с использованием аудиозаписи.

Психологическая работа с поведением основана на механизмах классического обусловливания, оперантного обусловливания и научения через наблюдение (моделирования). Числу мер, рассчитанных на обучение поведению, относятся:

- аверсивная терапия, участников которой просят вспомнить мысли, фантазии, чувства, возникающие у них перед совершением преступления, или демонстрируют стимул, вызывающий девиантное поведение (например, фотографию ребенка – педофилам) и одновременно «наказывают» их с помощью легких ударов электрического тока, нюхательной соли с очень резким запахом и т. д. Таким образом, у заключенных формируется связь между совершением преступления и негативным стимулом, в результате которой, как ожидается, совершение преступления будет вызывать у человека негативные эмоции;

- ролевые игры, участники которых имеют возможность разыграть определенные ситуации, как связанные, так и не связанные с совершением преступления, и отработать конструктивные способы их разрешения. К числу таких ситуаций относится, например, устройство на работу, адаптация в рабочем коллективе, обращение бывших подельников за помощью и т. д.

Как правило, психотерапевтические программы для заключенных носят комплексный характер, то есть подразумевают одновременную работу с представлениями, эмоциями

и поведенческими навыками (*Geer, Estupinan, Manguno-Mire, 2000; Nee, Ellis, 2005; Paschall, Fishbein, 2002; Zellerer, 2003*).

Эффективность подобных программ во многом зависит не только от их психологического содержания, но и от формы. Например, участники хуже принимают цели программы и хуже относятся к вешущему, если им запрещают курить (*Linhorst et al., 2001*).

Кроме трех перечисленных выше направлений при работе с правонарушителями используется *семейная терапия*. Ее цель заключается в том, чтобы помочь правонарушителям путем изменения отношений в семье. Ее сторонники считают, что семья – это система, нарушения в которой приводят к девиантному поведению ее членов. Восстановление нормальной работы системы приведет к возвращению ее членов к законопослушному образу жизни. Семейная терапия чаще всего используется при работе с несовершеннолетними правонарушителями. В этом случае ее целями являются (*Cervenka, Dembo, Brown, 1996; Gavazzi et al., 2000; Ralph, Sanders, 2006*):

- обеспечение психологического развития, формирование социальной компетентности детей;
- изменение психологических границ семьи и семейной иерархии;
- развитие родительских знаний и навыков по воспитанию детей, увеличение самооэффективности родителей в воспитании детей;
- изменение способов поведения в семье, обучение мирным способам семейного взаимодействия;
- помощь членам семьи в смене позиции обвинения, злости и отторжения несовершеннолетнего правонарушителя на позицию ответственности, поддержки и уважения;
- определение сильных сторон семьи и ее отдельных членов; выработка семейного представления о том, что такое «счастливое отрочество»;
- мотивация родителей для того, чтобы они следили за психологическим благополучием детей;
- улучшение коммуникации между членами семьи;

- развитие навыков решения проблем, формирование представления о причинах противоправного поведения;
- составление «карты внешних ресурсов»: перечисление организаций, которые способны помочь подростку;
- составление плана действий членов семьи по предотвращению совершения правонарушений ее членами;
- развитие системы поддержки детей в школе и ее привлечение к воспитанию.

Сессия психотерапии с семьями несовершеннолетних правонарушителей выглядит, например, следующим образом (*Blechman, Vryan, 2000*).

1. Вступление: прошлое положение дел сравнивается с текущим и делается вывод об успешности воплощения в жизнь плана «хорошего дня», составленного во время предыдущей сессии.

2. Воссоединение: каждый член семьи рассказывает о текущих семейных проблемах, потом слушает других членов и как можно точнее пересказывает их слова. Это делается для того, чтобы научить членов семьи слушать друг друга.

3. Проигрывание роли: члены семьи разыгрывают проблемные ситуации и ищут новые способы их разрешения;

4. Составление плана на период времени до следующей сессии.

5. Завершение: пересказ того, что произошло во время сессии и соотнесение этого с теми проблемами, которые возникали в семейной жизни в последнее время.

Некоторые программы проводятся только с участием родителей. Часто они проходят в малых группах, состоящих из родителей и ведущего, в ходе которых родители получают информацию об эффективных стилях воспитания, обсуждают ее и отрабатывают соответствующие поведенческие навыки. Такие программы могут завершаться телефонной консультацией (*Ralph, Sanders, 2006*).

Последнее направление третичной профилактики – **реабилитация жертв преступлений**. Основными направлениями реабилитации жертв являются организация групп встреч, психологическая работа с представлениями, эмоциями и поведением жертв, а также семейная терапия.

Основными целями организации *групп*, в рамках которых жертвы преступлений могут *встречаться* друг с другом, являются:

- получение жертвами преступлений социальной поддержки. Когда жертвы начинают посещать такие группы, они понимают, что произошедшее с ними — достаточно распространенное явление, что ответственность за преступление лежит не только на них. Другие участники группы делятся с новичками опытом совладания со стрессовой ситуацией, которой и является преступление. Кроме того, их позитивное отношение улучшает психологическое состояние жертвы, ухудшенное преступлением и негативным отношением, обвинением со стороны окружающих;

- приобретение навыков самозащиты;

- восстановление доверия к окружающему миру. Общаясь с другими людьми и обсуждая произошедшее, жертвы понимают, что мир не так враждебен, как казалось сначала, что людям можно доверять и общаться с ними, не испытывая страха.

Специально организованная психологическая работа с *представлениями жертв* включает в себя:

- Формирование самоконтроля за мыслями и воспоминаниями. В частности, жертв обучают контролировать преследующие их навязчивые воспоминания о преступлении. Сначала их просят произвольно «останавливать» подобные воспоминания, при их возникновении начинать думать о чем-нибудь хорошем, затем — произвольно возвращаться к мыслям о нанесенной травме.

- Обсуждение опыта жертвы. Одним из эффективных способов снятия напряжения является обсуждение жертвой своего опыта с другими людьми. Оно эффективно, если жертва рассказывает как о фактических обстоятельствах дела, так и о своих чувствах. Попытка полностью подавить воспоминания о преступлении лишь увеличивает напряжение.

- Изменение представлений о том, почему именно данный человек стал жертвой преступления. В ходе психотерапии обсуждаются представления человека о том, почему он стал жертвой, и происходит оценка их рациональности, например,

демонстрируется несостоятельность представлений жертвы о том, что она сама виновата в произошедшем. Процесс завершается изменением подобных представлений.

- Информирование о причинах и способах защиты от преступников. В таких программах принимают участие работники правоохранительных органов. Например, одна из таких программ рассчитана на людей, пострадавших от краж (*Winkel, Vrij, 1993*). Она состоит из следующих этапов. На этапе подготовки происходит выбор жертв, определение их эмоционального состояния и готовности получать информацию о том, как предотвратить подобные преступления в будущем. Если жертва очень расстроена, на этом этапе ей дают возможность выразить свои эмоции. После этого жертвы получают статистическую информацию о том, как часто и при каких условиях происходят кражи. На этапе коммуникации жертвам объясняется связь между их поведением и преступлением; описываются меры, достаточные для предотвращения преступлений (поставить сигнализацию, закрывать окна в доме и т. д.); демонстрируются средства защиты домов от воров.

Психологическая работа с *эмоциональным состоянием жертв* подразумевает расслабление, уменьшение напряжения, негативных эмоций. Для этого используются:

- техники релаксации, правильное дыхание;
- систематическая десенсибилизация, при которой жертв просят вспомнить о том, что произошло на месте преступления, в безопасной и расслабляющей обстановке (*Bryant, 2000*). Постепенно воспоминания о преступлении перестают вызывать негативные эмоции, особенно страх.

Семейная терапия при реабилитации жертв часто используется в том случае, когда жертвами преступления стали дети. В этой ситуации родители винят в произошедшем либо себя, либо самих детей. В первом случае они стараются оградить детей от всех проблем, не позволяют им выходить в одиночку на улицу и т. д., а во втором — отгораживаются от них, что ведет к нарушению семейной коммуникации. В любом случае родители стараются не говорить о преступлении, не расспрашивают

о чувствах детей и поэтому не оказывают им необходимой поддержки. В этом случае целью семейной терапии становится:

- выражение родителями своих мыслей и чувств относительно преступления;

- снижение гиперопеки детей, восстановление ролевой структуры семьи;

- обучение родителей словесно выражать поддержку своим детям.

Таким образом, профилактика преступности подразумевает комплексное воздействие на все составляющие криминального конфликта, что и определяет ее эффективность. Вместе с тем, в современных условиях профилактика является дополнением, а не заменой собственно правовых процедур, одной из которых является судебный процесс. Поэтому в следующих главах речь пойдет о психологических аспектах судебного процесса.

Глава 4. Психологические аспекты показаний свидетелей

Свидетельские показания являются одним из основных доказательств по делу. Соответственно свидетель — одна из ключевых фигур судебного процесса². Существует две основных психологических проблемы, связанных со свидетельскими показаниями — их точность и влияние на участников процесса, выносящих решение по делу (судью, присяжных заседателей). Эта глава посвящена первой проблеме. Вторая проблема будет затронута в главах, посвященных судье и присяжным заседателям.

Проблема точности показаний свидетелей имеет два аспекта. Во-первых, свидетели могут намеренно лгать. В этом случае важно понять, когда это происходит и как можно это определить. Во-вторых, свидетель, может «добросовестно заблуждаться» — давать неточные показания, искренне веря, что говорит правду. Психологические исследования показывают, что уверенность свидетеля в своих показаниях слабо связана с их точностью. В этой главе мы рассмотрим оба аспекта проблемы: сначала «добросовестное заблуждение», а потом намеренное искажение.

² В данном случае для простоты изложения мы будем понимать под свидетелем любого человека, дающего показания. Таким образом, в эту группу попадают люди, имеющие на судебном процессе статусы свидетеля, подсудимого и потерпевшего.

I. Точность показаний свидетелей: «добросовестное заблуждение»

Почему показания свидетеля, искренне пытающегося помочь следствию, могут быть неточными? Существует три основные причины этого явления.

Во-первых, большинство ситуаций, в которые попадает человек, имеют сложную структуру, включают в себя много разных деталей. Не имея возможности заметить все, с чем столкнулся, человек выбирает наиболее яркие и важные элементы. Вероятность, с которой человек обращает внимание на отдельные детали, называются их «перцептивной яркостью»: некоторые детали привлекают большее внимание, чем другие, поскольку играют более важную роль в совершении преступления. Перцептивно яркие детали запоминаются лучше, чем все остальные.

Так, в 1971 году Дж. Маршалл и его коллеги показывали сто пятьдесят одному мужчине от 21 до 64 лет цветной звуковой двухминутный кинофильм. После этого им говорили следующее: «Вы являетесь свидетелями событий, показанных в фильме. Сейчас вам надо будет ответить на вопросы эксперта. Он хочет узнать все, что вы, как свидетели, видели и слышали во время просмотра фильма. Эксперт не видел фильма и не знает его содержание. Таким образом, очень важно, чтобы, отвечая на его вопросы, вы давали точные ответы». Затем респонденты-свидетели шли в отдельную комнату, где сидели эксперты. Между концом фильма и началом интервью проходило 2-3 минуты. Перед экспериментом исследователи определяли перцептивно яркие детали, показывая фильм студентам и членам администрации, которые работали с одним из исследователей. Эти люди просто перечисляли то, что они видели в фильме. Из 900 возможных деталей фильма некоторые были вообще не замечены респондентами, другие же замечались всеми. Вероятность упоминания детали на этом этапе исследования и рассматривалась как ее перцептивная яркость.

Исследователи хотели определить, влияет ли перцептивная яркость деталей на точность и полноту отчетов свидетелей. Для этого респондентам задавали вопросы, при ответе на которые они должны были выбрать правильный вариант ответа из нескольких представленных. Под точностью показаний понималось отношение правильно описанных респондентами деталей к их общему числу, а под полнотой – отношение количества замеченных деталей к их общему числу. Результаты исследования показали, что и точность, и полнота запоминания деталей увеличиваются с ростом их перцептивной яркости.

При этом люди лучше вспоминают наиболее важные, центральные детали, связанные с поступками героев, внешнестью участников и окружением (*Migueles, Garcia-Bajos, 1999*).

Во-вторых, наблюдение за совершением преступления часто вызывает у свидетеля негативные эмоции. Эмоциональное возбуждение делает восприятие и запоминание происходящего еще более трудным. В результате свидетель не обращает внимания или забывает многие существенные для следствия детали.

В-третьих, запоминая информацию, человек пытается соотнести ее с прошлым опытом, сделать ее осмысленной. Для этого он перестраивает ее в соответствии с обыденными представлениями. В результате из рассказа исчезают некоторые детали, которые кажутся ему не имеющими смысла, противоречащими всему остальному, и появляются новые. Например, люди, просмотревшие видеозапись с женщиной, готовящей сэндвич, впоследствии в 17% случаях «вспоминали» те детали, которых в фильме не было, но которые обычно бывают при совершении подобных действий. Этот эффект чаще возникает по отношению к периферическим, но не к центральным деталям (*Gerrffi, Belcher, Garry, 2006*).

Рисунок 4.1. Факторы, оказывающие влияние на точность показаний свидетелей

Активное изучение точности показаний свидетелей ведется на протяжении последних тридцати лет. За это время были проведены десятки лабораторных и полевых исследований. Их результаты говорят о наличии большого количества факторов, от которых зависит точность показаний (*Loftus, 1979; Deffenbacher, 1991*). Среди них особенности преступления, процедуры допроса и опознания, а также характеристики свидетелей (рис. 4.1).

1. Особенности преступления

Точность показаний свидетелей определяется особенностями совершенного преступления (*Loftus, 1979*).

1.1. Она зависит от **типа деталей**, интересующих человека, ведущего допрос.

Последовательность событий запоминается свидетелями лучше, чем внешний вид участников (Christianson, Hubinette, 1993). При опознании человека свидетели чаще всего ошибаются в оценке роста (средняя ошибка – двадцать сантиметров), цвета волос (83% ошибок) и возраста (средняя ошибка – восемь лет) преступника. Вместе с тем основными признаками, по которым опознается лицо человека, являются структура лица и глаза, реже – нос, кожа и рот, еще реже – подбородок, волосы и уши. Кроме того, точность опознания лица зависит от его индивидуальных особенностей: лучше запоминаются необычные (*Deffenbacher, 1991*) и «криминальные» лица, соответствующие обыденным представлениям о преступнике (*MacLin, MacLin, 2004*). Внешний вид женщин запоминается лучше, чем внешний вид мужчин (*Horgan et al., 2004*). Изменение внешнего вида преступника, например, удаление очков или добавление бороды сильно затрудняет его опознание (*Deffenbacher, 1991; Terry, 1994*).

Возможной причиной ошибок при опознании подозреваемых является эффект «бессознательного переноса». Он заключается в том, что в качестве преступника свидетель опознает не того человека, который совершил преступление, а другого участника, находившегося неподалеку от места происшествия. Однако целый ряд исследований продемонстрировал, что эффект «бессознательного переноса» возникает только при некоторых комбинациях подобия преступника и случайно виденного человека с процедурой опознания, редко встречающихся в жизни (*Read et al., 1990*).

Кроме того, люди делают много ошибок при восприятии речи. Во-первых, люди часто ошибаются при опознании человека по голосу (*Philippon et al., 2007*). Люди точнее узнают по голосу знакомого человека; человека со стандартным акцентом; человека, говорящего на знакомом им языке (*Kerstholt et al., 2006; Philippon et al., 2007*). Во-вторых, люди часто ошибаются при различении фраз, звучащих похожим образом. Пытаясь точнее понять услышанное, свидетели интерпретируют то, что они услышали, соотносят его с тем, что видят, что и порождает ошибки (*Wright, Wareham, 2005*).

И, наконец, свидетели часто *переоценивают время*, которое заняло происшествие. Этот результат был воспроизведен как в полевых, так и в лабораторных исследованиях. Есть свидетельства того, что когда человек испытывает стресс или страх, тенденция к переоценке времени возрастает.

1.2. На точность показаний свидетелей оказывает влияние **время суток**, в которое было совершено преступление: люди более точно вспоминают увиденное при дневном свете или в ранних сумерках, чем ночью.

1.3. Точность показаний свидетелей зависит от **длительности преступления**: чем дольше совершалось преступление, чем дольше свидетель видел его участников, тем точнее он опознает их впоследствии.

1.4. Точность показаний свидетелей определяется **количеством однотипных преступлений**: преступление, совершенное на глазах свидетеля многократно, запоминается лучше, чем совершенное только один раз. Примером многократного совершения преступления является систематическое сексуальное или физическое насилие в семье.

1.5. Точность свидетельских показаний уменьшается, если во время совершения преступления **применялось насилие**. Причиной этого эффекта является сильное эмоциональное возбуждение, возникающее у свидетеля, наблюдающего за насильственными действиями одного из участников. Оно ухудшает качество восприятия и запоминания информации, сужает объем внимания свидетеля. В состоянии сильного эмоционального возбуждения люди концентрируются на некоторых особенностях происходящего, уделяя все меньше и меньше внимания другим.

Однако этот эффект имеет ряд ограничений. Во-первых, наличие насилия может уменьшать полноту, но не точность показаний (*Hulse, Memon, 2006*). Во-вторых, некоторые полевые исследования, проведенные с участием реальных жертв и свидетелей вооруженных ограблений, показали, что точность показаний не зависит от того, как они оценивают уровень своего эмоционального возбуждения во время совершения преступления (*Christianson, Hubinette, 1993*). И наконец,

в-третьих, влияние насилия зависит от характера показаний: оно не оказывает влияния на точность опознания подозреваемого по голосу (*Philippon et al., 2007*).

Частным случаем влияния эмоционального возбуждения является *эффект концентрации внимания свидетеля на оружии*: он смотрит только на оружие и упускает из виду другие аспекты происходящего, в том числе плохо запоминает внешность преступника. Этот эффект не возникает у тех, кто привык пользоваться оружием, например, у профессиональных полицейских (*Hulse, Memon, 2006*).

1.6. Точность показаний свидетеля зависит от **размера нанесенного материального ущерба**: чем больше материальный ущерб, тем точнее показания свидетеля. Это касается свидетелей корыстных преступлений. С одной стороны, свидетель спокоен, а, с другой, у него возрастает желание помочь потерпевшему.

2. Особенности процедуры допроса и опознания

Точность показаний свидетелей зависит от процедуры допроса и опознания подозреваемого (*Loftus, 1979*).

2.1. Она определяется **местом и временем проведения допроса**: свидетель лучше вспоминает детали преступления сразу после его совершения, хуже через неделю, еще хуже через месяц и совсем плохо через год. То же самое касается и опознания человека по голосу (*Philippon et al., 2007*). Однако результаты полевого исследования, проведенного с участием жертв и свидетелей вооруженного ограбления, показали, что они способны достаточно точно описывать преступление даже спустя значительный промежуток времени (*Christianson, Hubinette, 1993*). Возможно, важную роль в данном случае играет время проведения первого допроса: чем меньше времени проходит с совершения преступления до первого допроса, тем точнее показания свидетелей. При повторной даче показаний свидетель просто повторяет то, что говорил раньше.

Кроме того, свидетели точнее опознают подозреваемых на месте преступления, чем в новой обстановке. Однако этот эффект возникает, если подозреваемый действительно находится на месте преступления, но он отсутствует, если свидетеля просят пред-

ставить подозреваемого в этой обстановке (*Smith, Vela, 1992*).

И наконец, важную роль играют эмоции, которые вызывает обстановка: свидетели лучше опознают человека в обстановке, которая вызывает такие же эмоции, как и та, в которой он был замечен в первый раз (*Rainis, 2001*).

2.2. Точность показаний зависит от **количества допросов**: повторные допросы увеличивают ее. По результатам экспериментальных исследований точность показаний свидетелей возрастает на 10-20% от первого допроса к третьему, при условии, что количество неправильных ответов практически не увеличивается. Это происходит даже тогда, когда первый допрос проводится не сразу после преступления, а с некоторой задержкой. Однако этот эффект возникает, если свидетелю дают возможность свободно описать то, что он помнит. Если ему задают вопросы с вариантами ответов, то позитивное влияние количества допросов отсутствует (*Dunning, Stern, 1992*).

2.3. На точность показаний оказывает влияние **тип вопросов**. Существует несколько классификаций вопросов к свидетелю. Во-первых, вопросы делятся на общие («Расскажите все, что помните») и частные, касающиеся отдельных аспектов дела. Во-вторых, они могут быть открытыми, то есть без вариантов ответа, и закрытыми, с вариантами ответов («У подозреваемого были темные или светлые волосы?»). Последствиями общих и открытых вопросов является уменьшение количества ошибок, сделанных свидетелем, с одной стороны, и менее подробное описание происходящего — с другой. Использование частных и закрытых вопросов приводит к противоположным результатам. Таким образом, лучшей стратегией допроса является комбинация общих, открытых (в начале допроса) и частных, закрытых (в конце) вопросов.

2.4. На точность показаний влияет **стиль ведения допроса**. Различают несколько особых стилей ведения допроса — структурированное интервью, интервью с выводами и когнитивное интервью (*Colwell, Hiscock, Memon, 2002; Goodman, Melinder, 2007*).

Цель *структурированного интервью* — улучшить показания свидетелей, увеличить количество деталей преступления,

которые они вспомнят. Сначала человек, ведущий допрос, задает общий вопрос о том, что произошло на месте преступления, а потом переходит к частным вопросам, касающимся отдельных аспектов.

Существует несколько вариантов такого интервью, использующихся при допросе детей. Один из них получил название NICHD-протокола. Он включает в себя:

- введение, в ходе которого происходит установление доверительных отношений со свидетелем. Например, ребенка спрашивают о его увлечениях или каком-либо интересном для него событии;

- описание правил, например, указание на то, что если ребенок чего-то не помнит или не знает, он может сказать об этом;

- отработка свободного описания события, в ходе которого ребенка просят описать то, что произошло, своими словами;

- ответы на открытые вопросы, касающиеся определенных аспектов события, например, «Скажи мне, что произошло дальше». Основной ошибкой ведущего допрос является использование наводящих вопросов.

Когнитивное интервью преследует ту же цель, что и структурированное. Однако она достигается за счет установления «физического» и «психологического» соответствия между ситуациями запоминания информации и ее воспроизведения. «Физическое» соответствие условий достигается либо за счет предъявления свидетелю изображения места преступления, но без основных участников, либо за счет проведения допроса на нем. Для установления «психологического» соответствия используются следующие мнемические приемы:

- припоминание контекста, при котором свидетелей просят вспомнить как внешний контекст, в котором происходило событие (запахи, звуки и др., то есть ощущения, исходящие от разных органов чувств), так и свои собственные мысли и чувства, не разделяя их на важные и неважные;

- сплошное воспроизведение: свидетеля просят рассказывать обо всех деталях, которые приходят ему в голову, не разделяя их на важные и неважные;

- обратное воспроизведение: свидетеля просят воспроизвести события в обратном порядке;

- воспроизведение с точки зрения другого человека: свидетеля просят описать события с точки зрения другого участника – другого свидетеля, преступника, жертвы и т. д. (*Larsson, Granhag, Spjut, 2003*).

Структурированное и когнитивное интервью достаточно эффективны. Свидетели, которых допрашивают с использованием этих техник, вспоминают значительно больше информации, чем те, кто проходит стандартную процедуру. Это касается ответов на открытые и закрытые вопросы (*Hammond, Wagstaff, Cole, 2006*). Использование этих техник повышает точность показаний свидетелей, начиная с 4-5-летнего возраста.

Однако структурированное и когнитивное интервью имеют некоторые недостатки (*Aschermann, Mantwill, Kohnken, 1991; Memon et al., 1997*):

- при их использовании свидетели упоминают больше ложных, выдуманных деталей;

- некоторые техники, например, демонстрация изображения места происшествия, помогают только при описании события, не вызывающего тревоги, и не оказывают влияния, когда речь идет о тревожном событии, закончившемся чьим-то ранением или смертью (*Brown, 2003*);

- когнитивное интервью оказывает позитивное влияние, если ведущий допрос задает общие, а не частные вопросы;

- детям-свидетелям трудно выполнить некоторые инструкции когнитивного интервью, например, перечислить события в обратном порядке;

- позитивное влияние когнитивного интервью может уменьшиться, если его проводят работники правоохранительных органов (*Memon et al., 1994*). Возможно, что неэффективность когнитивного интервью в данном случае связана с трудностями, которые они испытывают, пытаясь применить когнитивные техники.

Интервью с выводами включает в себя приемы, используемые в когнитивном интервью, перемежающиеся вопросами, требующими от свидетеля самостоятельных выводов, ко-

торые может сделать в основном человек, говорящий правду.

Три вышеперечисленные стили интервью оказывают влияние на правдивость показаний, речь о которой пойдет во второй части главы.

2.5. Точность показаний свидетелей зависит от формы вопросов. При допросе может возникнуть ситуация, когда допрашивающий, формулируя вопрос, упоминает (а) непроверенные сведения или сведения, явно не соответствующие действительности, а также (б) соответствующие действительности сведения, которые свидетель не помнит. Иногда источником таких сведений могут стать другие очевидцы преступления, с которыми свидетель успел обсудить свои показания.

Существуют две основных формы такого упоминания: наводящие вопросы и вопросы с косвенной ложной информацией.

При постановке *наводящих вопросов* несоответствующая действительности информация сообщается свидетелю напрямую. Такие вопросы похожи на утверждения и требуют ответа «да» или «нет». Например, вопросы «Ведь машина была красного цвета?», «У преступника были темные волосы, не так ли?» явно показывают, какого ответа ожидает человек, ведущий допрос. Такие вопросы могут влиять на показания свидетелей по двум причинам. Во-первых, они изменяют воспоминания свидетеля о произошедшем событии, особенно если он плохо помнит, что произошло. Во-вторых, свидетель может давать неправильные положительные ответы, желая угодить ведущему допрос, воспринимая такой ответ как своеобразную социальную норму общения.

Вопросы с косвенной ложной информацией имеют другую форму. В них несоответствующие действительности детали не имеют прямого отношения к существу вопроса. Например, свидетеля могут спросить о том, «С какой скоростью ехал велосипедист, когда проезжал около амбара?», хотя никакого амбара на самом деле не было. Отвечая на такой вопрос, свидетель прежде всего старается припомнить скорость велосипедиста. Такие вопросы изменяют воспоминания свидетеля, поскольку ложная информация не привлекает к себе большого внимания и не вызывает сопротивления. Однако по прошествии некото-

рого времени свидетель забывает, откуда он получил сведения о наличии амбара, и «вводит» его в свои воспоминания.

Существует три **основных последствия** использования подобных вопросов.

Во-первых, задавая определенные вопросы, допрашивающий провоцирует свидетеля вспомнить то, что в другом случае он бы не вспомнил. В результате допрошенные свидетели впоследствии лучше вспоминают те детали, которые интересовали допрашивающего.

Во-вторых, задавая определенные вопросы, допрашивающий может подсказывать свидетелю определенный ответ, создавать у него воспоминания о том, чего в действительности не происходило. Так, если в вопросе содержались неправильные сведения:

- свидетель может «вспомнить», что видел объект или событие, которого на самом деле не было. Например, если свидетеля спросить о скорости машины в тот момент, когда она проезжала мимо амбара, впоследствии он может вспомнить о существовании амбара, которого на самом деле не было;

- у свидетеля могут возникнуть компромиссы памяти: он будет давать информацию, являющуюся средним между тем, что он видел, и тем, о чем ему стало известно, благодаря вопросу. Например, он будет рассказывать о девяти участниках события, если их было восемь, а в вопросе упоминалось двенадцать, и о шести-семи участниках, если в вопросе говорилось о четырех. Компромиссы памяти возникают при описании количества объектов, их размера и цвета. Например, люди, видевшие зеленую машину, описывают ее как голубую или зелено-голубую, если в одном из вопросов упоминался голубой цвет;

- свидетель может по-иному оценить отдельные аспекты события. Например, свидетели, которым задавался вопрос о том, с какой скоростью *ехала* машина, называли меньшую скорость, чем те, кого спрашивали, с какой скоростью она *мчалась*.

В-третьих, форма вопроса определяет отношение свидетеля к событиям, происходившим у него на глазах. Например,

если людей спросить о том, что один из участников *кричал* другому, впоследствии они будут описывать произошедшее событие как более шумное и агрессивное, чем при использовании в вопросе слова *говорил*.

Степень влияния формы вопросов зависит от *ряда факторов*.

- Перцептивная яркость деталей: перцептивно яркие детали вспоминаются более точно, чем неярые даже после вопросов, содержащих ложную информацию.

- Внимание свидетеля: свидетели, которые уделяют событию все внимание, впоследствии лучше вспоминают его детали и меньше подвержены влиянию вопросов с ложной информацией, чем те, кто одновременно с наблюдением за событием выполняет другую работу (*Lane, 2006*).

- Время получения свидетелем ложной информации: вопросы, содержащие ложную информацию, оказывают большее влияние на точность показаний, если задаются незадолго перед основным допросом.

- Совпадение модальности ложной информации и показаний свидетеля. Свидетель может давать показания вербально или с использованием визуальной информации. Аналогично дополнительная, ложная информация может передаваться ему в вербальном или визуальном виде. Эта информация оказывает большее влияние на показания свидетелей, когда она передается в том же виде, в каком свидетель потом дает показания (*Abeles, Morton, 1999*).

- Стиль допроса: люди, сталкивающиеся с дружелюбным интервьюером, меньше подвержены влиянию вопросов с ложной информацией, чем те, кто сталкивается с грубым. Однако люди, которые получили предупреждение о возможном воздействии, сильнее подвержены воздействию со стороны дружелюбного, а не грубого интервьюера (*Bain, Baxter, Fellowes, 2004*).

2.6. В некоторых случаях свидетелей «побуждают» к даче ложных показаний без использования вопросов, содержащих ложную информацию. Их просто настоятельно **просят описать как можно больше дополнительных деталей**, даже если они не уверены в их точности. Следуя этим требованиям, свидетели

действительно описывают больше деталей, как соответствующих действительности, так и несоответствующих ей, выдуманных (*эффект угадывания*). Таким образом, настойчивые просьбы описать как можно больше деталей не приводят к повышению точности показаний (*Winningham, Weaver, 2000*).

Опасность угадывания связана с *эффектом «замерзания»*: если какая-то ошибка была сделана свидетелем на первом допросе, она, скорее всего, сохранится и в последующем. Причина этого явления кроется в изменении представлений свидетеля о происшедшем. После наблюдения за преступлением у свидетеля формируется схематичное представление о нем. Постепенно эта схема обрастает деталями. После нескольких повторений «придуманных» показаний свидетель начинает верить в их подлинность.

Для предотвращения угадывания ответов и последующего эффекта «замерзания» используется «*прививка*». Так называется вопрос, рассчитанный на выявление осведомленности свидетеля. Например, если вопрос без «прививки» звучит как «Чем этот мужчина занимается в жизни, какая у него работа?», то вопрос с «прививкой» — «Знаете ли вы, чем этот мужчина занимается в жизни, какая у него работа?». Использование «прививки» понижает вероятность того, что свидетель начнет называть придуманные детали или детали, которые являются результатом сделанных им выводов (*Poole, White, 1991*).

2.7. Точность изложения деталей зависит от места, которое они занимают в показаниях. Люди чаще сообщают о деталях внешности преступника, отсутствовавших в видеозаписи вооруженного ограбления, которую они смотрели, в конце рассказа, и об отсутствующих деталях, связанных с последовательностью событий — в середине рассказа (*Schwartz, Fisher, Hebert, 1998*).

2.8. Содержание показаний свидетеля зависит от показаний других людей. Другие свидетели могут стать источником ложной информации об обстоятельствах совершения преступления. Если свидетели обсуждают свои показания, то один из них, кто сильнее уверен в своих показаниях, может оказать влияние на другого (*Wright, Self, Justice, 2000*). Ложная инфор-

мация оказывает влияние вне зависимости от того, была она получена свидетелем до или после события, о котором он рассказывает. В первом случае она формирует у свидетеля ожидания относительно того, что он увидит, а во втором затрудняет припоминание подлинных обстоятельств дела (*Wright, Loftus, Hall, 2001*). Однако свидетели, которых допрашивают сразу после получения ими ложной информации, могут проигнорировать ее, но только если с трудом вспоминают о ней (*Eakin, Schreiber, Sergent-Marshall, 2003*).

Влияние подобной информации можно уменьшить двумя способами: предупреждением свидетеля о возможности такого воздействия и обращением его внимания на свое состояние в ходе дачи показаний.

- *Предупреждение о возможности воздействия (Echterhoff, Groll, Wirst, 2007)*. В этом случае свидетелю говорят, что люди часто путают то, что они лично видели и слышали во время совершения преступления, с тем, что о чем узнали после него. Такое предупреждение заставляет человека внимательнее относиться к своим воспоминаниям и помогает ему игнорировать информацию, полученную после происшествия. Однако в ряде случаев его результатом становится игнорирование свидетелем любой информации, полученной им после совершения преступления, даже если она соответствует тому, что он наблюдал самостоятельно. В результате свидетель упускает важные обстоятельства совершения преступления просто потому, что о них говорил еще кто-либо, кроме него.

Существует два основных объяснения этого эффекта. В соответствии с одним из них, предупреждение приводит к тому, что люди начинают игнорировать любые сведения, полученные ими после преступления, даже если они соответствуют тому, что было во время его совершения: они «забывают» такую информацию или отказываются пересказывать ее.

Согласно второму объяснению, после предупреждения свидетели, напротив, начинают более тщательно анализировать дополнительные сведения, полученные ими после совершения преступления, сопоставляя их с тем, что видели или слышали сами. В результате они игнорируют сведения, кото-

рые содержались в информации, полученной после совершения криминального акта, только в том случае, если им трудно решить, соответствуют ли они тому, что реально происходило на месте преступления. Исследования говорят в пользу второго объяснения. В частности, они показали, что описанный эффект чаще возникает: относительно периферийных деталей, не играющих важной роли в происходящем, по сравнению с центральными; при увеличении «яркости», выразительности информации, полученной после совершения преступления, при специальном напоминании о ее содержании.

- *Обращение внимания свидетеля на свое состояние в ходе дачи показаний (Lane et al., 2007)*. При использовании этого приема свидетеля просят обратить внимание на «яркость» своих воспоминаний, возможность визуально представить происходящее. Если свидетель действительно видел какие-либо детали, а не просто услышал о них после совершения преступления, его воспоминания ярче. В частности он может точно описать внешний вид объектов, их месторасположение и т. д. Когда людям сообщают об этом эффекте, они начинают обращать внимание на яркость своих воспоминаний, и точнее разделяют детали, которые видели самостоятельно и о которых узнали после совершения преступления. Аналогичное влияние оказывает и наличие адекватной обратной связи о точности припоминания.

2.9. На точность показаний свидетелей оказывает влияние **оценка интервьюера**. Во время допроса интервьюер может оценивать показания свидетеля, указывая на то, что он точно описывает произошедшее (позитивная обратная связь) или делает какие-то ошибки (негативная обратная связь). Эта оценка оказывает влияние на ответы свидетеля, но это чаще происходит при непосредственном общении между ними (*Boon, Baxter, 2004*).

2.10. Точность показаний свидетелей зависит также от **социального статуса человека, ведущего допрос**: в присутствии высокостатусного допрашивающего свидетели дают более точные показания, чем в присутствии низкостатусного. Однако этот эффект наблюдается в том случае, когда свидетели полагают,

что ведущий допрос ждет от них именно точного изложения событий, а не предположений или выводов.

2.11. И наконец, на точность показаний свидетелей оказывает влияние **процедура опознания подозреваемого**. В начале этой главы мы говорили о том, что свидетели делают много ошибок при описании и опознании людей. Для предотвращения подобных ошибок используют специальные группы, куда помимо подозреваемого, включают и других людей, не имеющих отношения к совершению преступления – статистов.

Для повышения точности процедуры опознания используют следующие способы.

- *Наличие группы опознания*. Например, свидетели более точно опознают преступника, если выбирают его изображение из шести фотографий, а не решают вопрос, он ли изображен на единственной предъявленной фотографии (Yarmey, 1994).

- *Подбор членов группы опознания, похожих друг на друга и на подозреваемого*. Подобие подозреваемого и статистов является принципиальным моментом при создании группы. В противном случае у свидетеля не будет необходимости давать точный ответ, поскольку при вынесении решения он сможет опираться на вероятностные предположения. Например, если свидетель помнит, что преступник был блондином, а в группе, подготовленной для опознания, только один блондин, а все остальные брюнеты, свидетель с большой вероятностью укажет именно на единственного блондина. Количество статистов, похожих на предполагаемого преступника, называется функциональным размером группы.

Г. Уэллс с коллегами разработали процедуру для его определения. Эта процедура подразумевает, что респондентам, не являющимся свидетелями, показывают фотографии статистов и описывают физические характеристики подозреваемого. После этого респонденты, опираясь на данное описание, должны выбрать одну из фотографий, принадлежащую, по их мнению, подозреваемому. Если группа составлена правильно, то респонденты должны с равной вероятностью выбирать фотографии всех статистов.

- *Использование группы опознания, состоящей из живых людей.* Свидетели более точно опознают подозреваемых, если выбирают их из группы опознания, состоящих из людей, непосредственно присутствующих в помещении, чем если смотрят видеозапись или фотографии (*Valentine, Heaton, 1999*). Однако по другим данным точность опознания с помощью группы людей или набора фотографий одинакова (*Dekle, 2006*).

- *Опознание на месте совершения преступления.* Перемещение группы опознания на место совершения преступления оказывает позитивное влияние, если настоящий преступник является одним из ее членов, и такое влияние отсутствует, когда его там нет (*Smith, Vela, 1992*).

- *Наличие дополнительной информации об объекте опознания.* Во-первых, свидетели плохо опознают преступника по голосу. В частности, они хуже опознают преступника, ориентируясь только на голос, чем ориентируясь на визуальное изображение или на изображение и на голос одновременно (*McAllister, Dale, Keay, 1993; Yarmey, 1994*). Во-вторых, свидетели более точно опознают преступника, реже выбирая в качестве такового невиновного человека, если помимо статического изображения у них есть и динамические показатели: походка, речь, поворот, голос (*McAllister et al., 2000*).

- *Вербальное описание перед опознанием.* Свидетели, которых просят вербально описать преступника перед выбором из группы опознания, впоследствии делают этот выбор менее точно, чем те, кто не описывает опознаваемого вербально. Однако этот эффект возникает только относительно людей с типичной внешностью (*Wickham, Swift, 2006*).

- *Специальная инструкция свидетелю.* Обычная инструкция, которую получает свидетель перед процедурой опознания, содержит указание на то, что (а) он должен выбрать человека, который совершил преступление, и (б) не говорить о своем выборе другим свидетелям. Некоторые авторы предлагают модифицировать эту инструкцию, включив в нее еще один элемент: указание на то, что группа опознания не обязательно включает в себя подозреваемого. При этом свидетеля просят (а) решить, видит ли он среди представленных людей человека, совершив-

шего преступление, а также (б) не говорить другим свидетелям о том, опознал ли он подозреваемого. Использование модифицированной процедуры приводит к более точному опознанию подозреваемого (*Devenport, Culter, Penrod, 1997*).

- *Последовательное предъявление членов группы опознания.* При обычной процедуре опознания свидетель видит сразу всех членов группы. При последовательной процедуре члены группы предъявляются ему последовательно, поодиночке. При этом свидетеля предупреждают, что он увидит каждого человека только один раз. Смысл последовательного предъявления заключается в том, чтобы избежать сравнения свидетелем всех членов группы и выбора из них наиболее подходящего. По одним данным последовательное предъявление приводит к более точному опознанию, чем одновременное (*Devenport, Culter, Penrod, 1997*). По другим данным, последовательное предъявление повышает точность опознания подозреваемого только при соблюдении ряда условий (*McQuiston-Surrett, Malpass, Tredoux, 2006; Pozzulo, Balfour, 2006; Tredoux, Parker, Nunez, 2007*): после совершения преступления он изменил внешность, в группе опознания нет настоящего преступника, событие демонстрируется людям в нормальном, то есть не в ускоренном или замедленном темпе. В этих случаях люди чаще правильно указывают на отсутствие подозреваемого, чем при одновременном предъявлении.

- *Выбор ведущего.* Процедура опознания должна проводиться работниками правоохранительных органов, не имеющими отношения к данному делу, которые бы не могли случайно подсказать свидетелю устраивающий их ответ. Существуют разные формы таких подсказок: паузы после того, как свидетелю предъявляется определенный человек или его фотография, пристальное внимание следователя к фотографии определенного человека (ее долгое разглядывание), просьба еще раз внимательно посмотреть на интересующую следователя фотографию. Сталкиваясь с таким стилем поведения, свидетели чаще говорят о том, что человек, изображенный на фотографии является преступником. Поэтому наиболее эффективной является процедура «двойного заслона», при которой никто из

работников правоохранительных органов, присутствующих на опознании, и статистов не знает о том, кто является подозреваемым. Однако даже надежная процедура опознания с непосредственным участием статистов и подозреваемого теряет смысл, если перед ее началом свидетель видел фотографию подозреваемого или пытался нарисовать его.

Отдельная проблема, связанная с процедурой опознания, касается поведения человека, который знает, что его подозревают в совершении преступления. Вызванная этим тревога проявляется в его поведении – в движениях тела, в позах. Свидетели могут рассматривать эту тревогу как признак виновности (*Weigold, Wentura, 2004*).

Большое влияние, которое процедура допроса и опознания оказывает на точность свидетельских показаний, подтолкнуло психологов к проведению обучающих программ, в которых принимают участие сотрудники правоохранительных органов, занимающиеся расследованием преступлений. Например, в одной из таких программ принимали участие работники полиции, которые ведут допросы детей, ставших жертвами сексуального насилия. Программа шла в течение девяти месяцев. Сначала полицейским рассказывали о приемах допроса; затем показывали видеозаписи интервью, которые они оценивали вместе с экспертами; после этого они обсуждали стадии проведения допроса. При обучении акцент делался на важности установления контакта с допрашиваемым, свободного рассказа, следующего за открытым вопросом, видах вопросов, показателях правдивости ответов детей (*Weatcott, Kynan, Few, 2006*). В подобных программах допрос рассматривается как один из видов исследовательского интервью.

3. Характеристики свидетелей

Точность показаний в некоторой степени зависит от социодемографических и психологических особенностей свидетелей (*Loftus, 1979*).

3.1. Связь точности показаний с **полом** свидетеля достаточно противоречива. Так, результаты некоторых исследований показывают, что женщины лучшие свидетели,

чем мужчины, тогда как другие говорят о наличии обратной закономерности или об отсутствии различий. Вполне вероятно, что разница в качестве запоминания у мужчин и женщин связана с различием их интересов: женщины дают более точные показания относительно женской одежды, поведения и лиц, а мужчины – внешнего вида преступника в целом и окружающей среды (*Horgan et al., 2004; Kassir, Ellsworth, Smith, 1989*).

Кроме того, точность опознания зависит от соотношения пола свидетеля и опознаваемого: женщины лучше опознают женщин, а мужчины – мужчин (*Slone, Brigham, Meissner, 2000*). Согласно одному из объяснений этого эффекта, при восприятии представителя своего пола свидетели стараются собрать информацию о его личностных чертах, поэтому формируют более полное представление о нем по сравнению с представителем другого пола, при восприятии которого они задают себе вопрос о его внешней привлекательности (*Shaw, Skolnick, 1994*).

И наконец, показания женщин более точны, чем мужские, в том случае, если ведущий допрос использует «поддерживающий» стиль, при котором демонстрирует полное понимание и поддержку свидетеля (*Shaw, Skolnick, 1994*).

3.2. Возраст – одна из основных особенностей свидетелей, которая интересует исследователей и практиков. Существует два аспекта влияния возраста на точность показаний. Во-первых, свидетели точнее опознают людей одного с ними возраста (*Anastasi, Rhodes, 2006*). Во-вторых, возраст оказывает влияние на другие аспекты показаний. Особое внимание уделяется крайним возрастным группам – детям до 12 лет и пожилым людям.

В частности, некоторые исследования показывают, что **пожилые люди** дают менее точные показания, чем молодые:

- пожилым людям труднее, чем молодым, вербально описать детали события, свидетелями которого они стали (*List, 1986*);

- пожилые люди хуже опознают человека по голосу, который они слышали лишь однажды, чем молодые (*Philippon et al., 2007*);

- пожилые люди больше подвержены влиянию ложной информации, полученной после совершения преступления, чем молодые (*Roediger, Geraci, 2007*).

Ухудшение запоминания происходит в промежутке между 40 и 60 годами.

Однако способность к опознанию лиц зависит не только от возраста свидетеля, но и от его соотношения с возрастом наблюдаемого человека. Молодые и пожилые свидетели одинаково хорошо опознают пожилых, но при опознании молодых молодые демонстрируют лучшие результаты (*Bartlett, Leslie, 1986*).

Интерес к **детским показаниям** связан с существованием уголовных дел, где дети являются потерпевшими или основными и единственными свидетелями преступления. В первую очередь это относится к случаям так называемого домашнего насилия – физического и сексуального насилия по отношению к детям со стороны родственников или хорошо знакомых им взрослых людей. Точность детских показаний вызывает сильные сомнения по нескольким причинам:

- непрочность детских воспоминаний, их быстрое и серьезное разрушение;

- непонимание детьми смысла происходящих событий и, как следствие, пропуск деталей, имеющих важное значение для расследования уголовного дела. Имеется в виду, что у детей отсутствует система представлений, на которую они могут опереться при восприятии и понимании смысла происходящих событий, поэтому они забывают многие детали произошедшего, которые показались им не имеющими значения или необычными, противоречащими их опыту (*White, Leichtman, Ceci, 1997*);

- концентрация внимания на отдельных ярких деталях и игнорирование всех остальных;

- сильная подверженность детей внушению, влиянию наводящих вопросов и вопросов с косвенной ложной информацией.

В целом результаты проведенных исследований показали, что (*Gordon, Baker-Ward, Ornstein, 2001*):

3.2.1. При некоторых условиях даже маленькие дети могут давать точные показания о том, что произошло достаточно давно. В частности, дети могут помнить события, участниками которых они стали в возрасте 20 месяцев – 2 лет (*Peterson, Whalen, 2001*). 2-летние дети, обладающие необходимыми вербальными навыками, способны воспроизвести, по крайней мере, две основные центральные детали события, в котором они принимали непосредственное участие. При этом 2-, 6- и 9-летние дети точнее отвечают на вопросы, касающиеся действий, которые они выполняли самостоятельно, а 4-летние – действий, которые на их глазах выполнял другой ребенок (*Roberts, Blades, 1998*).

3.2.2. Существуют аспекты событий, которые дети запоминают так же хорошо, как и взрослые. Например, 4-9-летние дети так же хорошо, как и взрослые люди, запоминают цвета и расположение мебели в комнате (*Ling, Blades, 1996*).

3.2.3. Точность показаний увеличивается с возрастом. Показания более старших детей точнее, чем младших (*Eisen et al., 2007; Memon, Vartoukian, 1996; White, Leichtman, Ceci, 1997*). Например, рассказы 3-6-летних детей менее полные и более короткие, чем 9-10-летних и студентов университета; длина и полнота рассказов 9-10-летних детей и студентов практически одинакова. Вместе с тем 5-10-летние дети менее точно, чем студенты, опознают главного героя события. Другие исследования демонстрируют, что 9-10-летние дети лучше вспоминают центральные и периферические детали внешнего вида участников события, чем 6-7-летние дети (*Leippe, Manion, Romanczyk, 1992; Shapiro, Blackford, Chen, 2005*).

3.2.4. В-четвертых, на точность показаний детей оказывает влияние целый ряд факторов.

- *центральность деталей*: дети лучше запоминают необычные, центральные детали произошедшего, чем периферические (*Peterson, Whalen, 2001*);

- *время, прошедшее от события до вопроса*: дети способны давать достаточно точные показания по прошествии длительного времени, однако чем больше времени проходит, тем боль-

ше забываются конкретные детали, тем чаще они «замещаются» представлениями ребенка о том, что обычно бывает в подобных ситуациях (*White, Leichtman, Ceci, 1997*). В частности, 10-11-летние дают гораздо более точные показания через 7 дней по сравнению с 6 месяцами (*Larsson, Granhag, Spjut, 2003*);

- *неоднократность событий*: дети лучше вспоминают те детали событий, с которыми они сталкивались неоднократно. Однако эта закономерность имеет свои ограничения. Например, ребенку труднее вспомнить последнее из целой серии преступлений, чем одноразовое происшествие, поскольку в первом случае он путает детали разных эпизодов (*Powell, Ceci, Hembrooke, 2000*). Точность описания последнего и предпоследнего эпизодов растет с возрастом (от 4 до 8 лет) и уменьшается со временем до дачи показаний (от одной до шести недель) (*Powell, Thompson, 1997*);

- *способ предъявления информации*. 3-4-летние дети более точно описывают периферические детали события, которое они наблюдали непосредственно, а не в варианте видеозаписи, хотя уже у 5-6-летних детей таких различий не наблюдается. Кроме того, возможность непосредственного наблюдения за событием делает детей более устойчивыми к наводящим вопросам, чем просмотр видеозаписи (*Thierry, Spence, 2004*);

- *стиль допроса*: дети 10-11 лет дают более точные показания при использовании когнитивного, чем при использовании структурированного интервью (*Larsson, Granhag, Spjut, 2003*);

- *повторение вопросов, повторные допросы*: повторение вопросов способствуют лучшему запоминанию и последующему пересказу детьми событий. Однако такое влияние оказывают в основном открытые, а не закрытые вопросы (*Memon, Vartoukian, 1996*);

- *беседа со взрослым* человеком помогает ребенку восполнить пробелы в своих воспоминаниях;

- *профессия человека, ведущего допрос*: ребенок может рассказывать о том, чего не было, если ожидает, что это может заинтересовать человека, ведущего допрос (*Goodman, Schaaf, 1997*).

Практически все перечисленные факторы оказывают влияние и на точность показаний взрослых людей. Это говорит о том, что показания детей и взрослых имеют много общего.

3.2.5. Вместе с тем существуют параметры, по которым показания детей отличаются от показаний взрослых людей.

- *Дети чаще, чем взрослые, идентифицируют человека как преступника.* Это означает, что для детей особенно важно, чтобы опознание проводилось не по одной фотографии, а путем выбора преступника из набора фотографий (*Dekle et al., 1996*).

- *Дети меньше, чем взрослые размышляют,* отвечая на вопросы, особенно когда не обладают достаточной информацией (*Poole, White, 1991*).

- *Дети сильно подвержены влиянию вопросов с ложной информацией.* На воспоминания детей можно оказать серьезное влияние, в результате которого они будут рассказывать о том, чего никогда не было (*Poole, White, 1991*). В целом влиянию подобных вопросов особенно подвержены дети до 7 лет (3-летние больше, чем 5-7-летние). Они не только дают неправильные ответы на вопросы с ложной информацией в рамках одного допроса (кратковременное влияние), но и сильно подвержены воздействию этой информации при последующих допросах (долговременное воздействие). Однако даже дети 10 лет дают более точные показания, когда в ходе допросов им задают нейтральные вопросы, чем когда им задают вопросы с ложной информацией (кратковременное воздействие). Что касается взрослых людей (вплоть до 64 лет), то вопросы с ложной информацией оказывают на них слабое кратковременное воздействие: отвечая на такие вопросы в ходе допросов, взрослые люди чаще, чем дети отвечают «не знаю» и реже дают неправильные ответы. Однако и они не избавлены от долговременного влияния вопросов с ложной информацией: не поддаваясь их воздействию в рамках одного допроса, они тем не менее используют информацию, почерпнутую из этих вопросов, при ответах на последующих допросах (*Roebbers, Schneider, 2000*).

Вероятность влияния вопросов с ложной информацией на показания детей возрастает, если:

- вопросы задаются взрослым человеком, а не их ровесником;
- все допросы ведут разные люди (*Bjorklund et al., 2000*);
- дети рассказывают о событии в одиночку, а не в присутствии ровесника (*Greenstock, Pipe, 1997*);
- со времени события до первого допроса проходит много времени (*Goodman, Schaaf, 1997*);
- вопросы с ложной информацией задаются неоднократно — сразу после события и непосредственно перед допросом (*Melnyk, Bruck, 2004*);
- вопросы с ложной информацией уменьшают точность воспроизведения периферических деталей, если задаются при первом допросе, и центральных деталей, если задаются во время повторного допроса, проведенного через достаточно большой промежуток времени после события (7 недель) (*Shapiro, Blackford, Chen, 2005*);
- вопросы с ложной информацией имеют сложную структуру. В частности, 5-7-летние дети делают больше ошибок, отвечая на такой вопрос, имеющий сложную грамматическую структуру, чем на простой вопрос (*Goodman, Schaaf, 1997*);
- дети получают ложную информацию не только из вопросов, но и из другого источника. При этом 4-летние дети подвержены влиянию вопросов вне зависимости от дополнительной информации, а 6-9 —летние — при ее наличии (*Roberts, Blades, 1998*).

3.2.6. При работе с детьми эффективными оказываются дополнительные средства. Одним из таких средств являются куклы-модели, использующие при получении показаний от детей, ставших жертвами сексуального насилия. Эти куклы выступают как:

- средство создания комфортной обстановки для детей;
- средство начала беседы, позволяющее «разбить лед» в отношениях ребенка и ведущего дорос;
- анатомическая модель, при работе с которой можно увидеть, как дети называют разные части тела, не заставляя их затрагиваться до себя;

- демонстрационная модель, позволяющая детям показать те действия, жертвами которых они стали, на кукле, а не на себе, проиллюстрировать рассказ;

- средство, облегчающее воспроизведение информации;

- средство анализа сексуального интереса и знаний детей;

- способ диагностики того, было ли совершено сексуальное насилие, поскольку изнасилованные дети играют иначе, чем те, кто не стал его жертвой (*Everson, Boat, 1997*).

Другим подобным средством является рисунок человеческого тела, на котором ребенок показывает, каким образом к нему притрагивался взрослый человек. Несмотря на эффективность этого средства, результаты некоторых исследований показывают, что использование подобных рисунков увеличивает количество ошибок, допускаемых 5-7-летними детьми, по сравнению с вербальными ответами на вопросы (*Brown et al., 2007*).

3.3. Влияние расовой и этнической принадлежности свидетеля на точность его показаний достаточно хорошо известно. Эта проблема имеет два аспекта: неумение отличать одного члена этнической/расовой аутгруппы от другого (первый аспект) и опознание в качестве преступника члена аутгруппы, хотя преступление было совершено членом ингруппы (второй аспект).

3.3.1. Точность опознания представителей ин- и аутгруппы. Люди более точно опознают представителей своей этнической/расовой группы (ингруппы) по сравнению с представителями чужой (аутгруппы) (*Lindholm, Anson, 1998*). Существует два типа объяснений этого эффекта – когнитивные и связанные с отношениями между группами.

Когнитивные объяснения касаются того, как человек воспринимает и анализирует информацию. К таким объяснениям относятся (*Brigham, Malpass, 1985; Smith, Stinson, Prosser, 2004; Sporer, 2001*):

1. Гипотеза различного внимания. В соответствии с ней, представители своей расовой/этнической группы привлекают к себе большее внимание, чем представители чужой, что и обеспечивает их более точное опознание впоследствии. Од-

нако результаты исследований показывают, что обращение внимания на членов разных групп не связано с точностью их опознания.

2. Гипотеза разного направления внимания. В соответствии с ней, люди привыкли различать людей своей расовой или этнической группы по каким-то определенным признакам, например, прическе. Однако представители других групп мало различаются по этому признаку, поэтому свидетели плохо различают их.

3. Гипотеза различной трудности опознания предполагает, что членов одной расовой группы труднее отличить друг от друга, чем членов другой расовой группы. Однако исследования показывают, что члены любой расовой группы внешне достаточно разнообразны.

4. Гипотеза познавательных схем предполагает, что у людей сформированы когнитивные схемы, которые позволяют им проводить быстрый анализ и запоминание представителей своей расовой и этнической группы. Однако эти схемы не работают при анализе лиц представителей других этнических и расовых групп.

5. Гипотеза «утилитарности анализа информации». Это объяснение основано на теории диадического взаимодействия Тибо и Келли, которые полагали, что люди вступают во взаимодействие, чтобы извлечь из него выгоду для себя. Поскольку люди чаще общаются с представителями своей этнической/расовой группы, чем чужой, они мало знают о том, что члены аутгруппы различаются по степени «выгодности» общения с ними. Им кажется, что «выгода» от общения с любыми членами этнической/расовой аутгруппы примерно одинакова, и поэтому плохо различают их.

Объяснения, связанные с *характером отношений* между членами разных этнических и расовых групп, сводятся к следующему.

1. Согласно гипотезе расовых предрассудков, зависимость точности опознания от соотношения расы свидетеля и преступника свойственна, прежде всего, расистам, которые отказывают членам другой расовой группы в индивидуальности,

воспринимают эту группу как однородную, а ее членов как похожих друг на друга.

2. Согласно гипотезе различного опыта, точность опознания членов расовой (этнической) аутгруппы зависит от наличия у свидетелей непосредственного контакта с ее представителями в других ситуациях. Хотя результаты исследований и неоднозначны, в целом они подтверждают эту гипотезу: люди, которые обладают опытом общения с членами другой расовой (этнической) группы, более точны при опознании по сравнению теми, у кого такой опыт отсутствует (*Brigham, Berkowitz, 1978*). Однако близость общения оказывает большее влияние, чем его частота: точность опознания представителей расовой и этнической аутгруппы выше у тех свидетелей, которые дружат с ее представителями, а не просто периодически встречаются с ними (*Sporer, 2001*). Именно дружба способствует усложнению представлений, улучшению эмоционального отношения и усвоению новых способов взаимодействия с членами аутгруппы.

3.3.2. *Опознание в качестве преступника члена аутгруппы.* Основным объяснением того, почему свидетели чаще неправильно опознают представителей расовой и этнической аутгруппы в качестве преступников по сравнению с членами ингруппы, связано с этническим стереотипами. Под стереотипами понимается совокупность индивидуальных особенностей, приписываемых членам определенной социальной группы в целом. Членам расовых и этнических аутгрупп часто приписываются такие характеристики как агрессивность и нечестность. Такие стереотипы порождают негативные ожидания относительно их поведения. В результате носители стереотипов ошибочно принимают членов таких групп за преступников. Например, ошибочная идентификация преступника происходит в основном в том случае, когда свидетель имеет негативные аттитюды в отношении какой-либо национальной или расовой группы и поэтому с большей вероятностью опознает представителей этой национальности как преступников (*Oliver, 1999*).

3.4. Точность показаний свидетелей зависит от их **психологических особенностей**.

3.4.1. **Экстраверсия/интроверсия и эмоциональность стабильность/ нестабильность:** экстраверты и эмоционально стабильные свидетели лучше запоминают лица людей, чем интроверты и эмоционально нестабильные люди (*Deffenbacher, 1991*).

3.4.2. **Тревожность:** точность показаний уменьшают как личностная, так и ситуативная тревожность. Эта закономерность проявляется как у взрослых, так и у детей; как при описании события, так и при опознании человека. Однако она имеет ряд ограничений, связанных с:

- особенностями процедуры опознания: у детей эта закономерность сильнее выражена в том случае, когда они пытаются выбрать человека из группы фотографий или реальных людей, при условии, что он там действительно есть. В противном случае худшие результаты демонстрируют слабо тревожные дети, которые выбирают человека, не имеющего отношения к произошедшему (*Peters, 1991*);

- видом тревожности: ситуативная тревожность, порожденная ключевым событием, оказывает меньшее влияние, чем тревожность, порожденная другими причинами (личностная тревожность или ситуативная тревожность, вызванная иными обстоятельствами) (*Gordon, Baker-Ward, Ornstein, 2001*);

- взаимодействием разных видов тревожности: тревожность сильнее разрушает показания тех детей, которые в общении с родителями не чувствуют себя в безопасности, слабо привязаны к ним (*Gordon, Baker-Ward, Ornstein, 2001*).

3.4.3. **Потребности в автономии и изменении:** чем больше у свидетелей выражены потребности в автономии и изменении, тем менее точные показания они дают (*Butler, Pallone, 2002*).

3.4.4. **Уровень интеллекта:** чем выше уровень интеллекта, тем точнее показания свидетелей. Это касается как взрослых людей (*Roebers, Schneider, 2001*), так и детей (*Eisen et al., 2007; Henry, Gudjonsson, 2007*). В частности, точность свободного рассказа ребенка 8-12 лет о событии и его ответов на вопросы повышается с ростом вербального и невербального интеллекта, скорости познавательной деятельности, а также при отсутствии проблем в развитии.

3.4.5. Лица лучше распознают люди с хорошей **визуальной памятью** (*Slone, Brigham, Meissner, 2000*).

3.4.6. **Маскулинность-феминность**: люди с сильно выраженной маскулинностью меньше подвержены влиянию показаний других свидетелей, наблюдавших то же самое событие, чем феминные и андрогинные люди: они реже уступают им при обсуждении. Однако показания как маскулинных, так и феминных людей, обсуждающих свои показания с другими свидетелями и дающих коллективный отчет, менее точны, чем индивидуальные показания (*Hirokawa et al., 2006*).

3.4.7. Существует целый ряд психологических особенностей, обладание которыми связано с **подверженностью** свидетелей **влиянию ложной информации**. Среди них (*Bain, Baxter, Fellowes, 2004; Jaschinski, Wentura, 2002; Roediger, Geraci, 2007; Shapiro, Blackford, Chen, 2005; Tomes, Katz, 1997; Ward, Loftus, 1985*):

- нечеткие воспоминания о событии;
- незнание о возможном воздействии;
- объем рабочей памяти (у взрослых людей): чем меньше объем рабочей памяти свидетеля, тем больше он подвержен влиянию вопросов с ложной информацией;
- нарушение в функционировании лобных долей головного мозга (для пожилых людей);
- сильно выраженная эмпатия (у взрослых людей);
- способность к формированию ярких визуальных образов и их использованию при даче показаний. Две последние способности больше выражены у женщин, чем у мужчин, что и делает их более подверженными влиянию ложной информации (у взрослых людей);
- низкая самооценка;
- слабо выраженная настойчивость (у 6-7-летних детей и взрослых людей);
- неадаптивность, активность и стоворчивость (у 9-10 летних детей);
- эмоциональная экспрессивность (у 9-10 летних детей и взрослых людей);
- застенчивость (у 4-10-летних детей);
- эмоциональная напряженность (у 6-10-летних детей);

- интроверсия и следование за интуицией (по Г. Юнгу).

Однако влияние этих индивидуальных особенностей зависит от характера деталей, о которых рассказывает свидетель.

3.5. На точность показаний оказывает влияние **алкогольное опьянение** свидетеля. Пьяные свидетели чаще пропускают неожиданные детали и объекты, чем трезвые (*Clifasefi, Takarangi, Bergman, 2006*).

3.6. Связь между **тренированностью** свидетелей и точностью их показаний достаточно противоречива. С одной стороны, люди, обладающие специальными навыками запоминания информации и постоянно сталкивающиеся с необходимостью их применения, должны быть лучшими свидетелями, чем нетренированные наблюдатели. Для повышения точности свидетельских показаний используются специальные техники. Например, 6-летние дети более точно вспоминают событие, если их просят не только рассказать о происшедшем, но и нарисовать его (*Wilhelmy, Bull, Vrij, 2000*). С другой стороны, не любой профессиональный опыт или техники увеличивают точность показаний. Таким образом, проблема влияния тренированности свидетеля еще не решена.

3.7. На точность показаний свидетелей оказывают влияние их **аттитюды, ожидания и цели**.

- *Аттитюды*. Один из примеров подобного влияния упоминался чуть выше в связи с этнической и расовой принадлежностью свидетеля: люди, негативно относящиеся к определенной группе, приписывающие ее членам агрессивность, нечестность и другие негативные характеристики, чаще опознают ее членов как преступников. Кроме этнических стереотипов на точность показаний свидетелей оказывают влияние и стереотипы, связанные с социально-экономическим статусом: свидетели более точно запоминают детали преступления, совершенного человеком с низким социально-экономическим статусом (*Butler, Pallone, 2002*).

- *Ожидания*. Свидетель лучше запоминает и воспроизводит те детали, которые соответствуют его ожиданиям.

- *Цели*: свидетели лучше запоминают людей, когда целью

является определение их привлекательности, правдивости или личностных черт, а не отдельных физических особенностей.

3.8. Один из важных вопросов, связанных с точностью показаний свидетелей касается влияния **гипноза**: Может ли свидетель под гипнозом вспомнить что-либо, о чем уже забыл? Может ли гипноз изменить воспоминания свидетеля, «внедрив» в них ложные детали? Увеличивает ли гипноз уверенность свидетеля в своих показаниях?

На все эти вопросы может быть дан положительный ответ. Во-первых, под гипнозом человек может вспомнить о том, что произошло с ним в далеком прошлом, или припомнить детали того, что было совсем недавно. Однако по эффективности гипноз уступает когнитивному интервью (*Hammond, Wagstaff, Cole, 2006*). Во-вторых, состояние гипноза облегчает появление «ложных воспоминаний». И наконец, в-третьих, гипноз увеличивает доверие свидетеля к своим показаниям даже тогда, когда не приводит к повышению их точности (*Spanos, 1996*).

3.9. В обыденном сознании основным индикатором точности показаний свидетеля является его **уверенность в своих показаниях**: уверенным свидетелям верят больше, чем неуверенным. Однако, как показали результаты многочисленных исследований, люди, как правило, не в состоянии оценить точность собственных показаний. Это выражается в следующем.

- Хотя люди способны предсказать, насколько хорошо они выполняют тест, определяющий уровень предметных знаний, они не могут адекватно оценить свою способность дать точные показания относительно какого-либо события (*Perfect, 2004*).

- Люди недооценивают свою способность вспомнить то, что они реально видели и переоценивают способность вспомнить то, что они мысленно представляли себе за неделю до этого. Хотя они, как правило, понимают, что могут вспомнить и описать собственные действия лучше, чем действия другого человека (*Carroll et al., 1999*).

- Люди переоценивают точность, с которой они узнают преступника по голосу (*McAllister, Dale, Keay, 1993*).

- Соотношение доверия свидетелей своим показаниям и их точности зависит от ситуативных факторов:

- времени оценки. Оценка, которую свидетель дает своим показаниям сразу после процедуры опознания, особенно если он выбрал кого-либо, соответствует его точности. Однако такая связь отсутствует, если свидетель оценивает свои показания до процедуры опознания или через длительный промежуток времени после него, а также если он говорит, что в группе опознания преступник отсутствует (*Brewer, 2006; Brewer, Wells, 2006; Weber, Brewer, 2006*);

- содержания обратной связи от окружающих людей, даже если она не соответствует действительности. Эта закономерность проявляется как у детей 11-12 лет, так и взрослых людей старше 17 (*Allwood, Knutsson, Granha, 2006; Hafstad, Memon, Logie, 2004; Neuschatz et al., 2005*). Когда свидетелю говорят, что он правильно опознал преступника, он начинает больше доверять своим показаниям и, кроме того, выше оценивает свою внимательность во время опознания и скорость выполнения задания. Этот эффект не возникает, если человека просили подумать об этих аспектах до того, как он получил позитивную обратную связь (*Wells, Bradfield, 1999*).

- Соотношение доверия свидетелей своим показаниям и их точности зависит от их индивидуальных особенностей:

- доверие к показаниям больше соответствует их точности у людей с сильно выраженной тревожностью, возможно потому, что они более тщательно оценивают свои показания (*Nolan, Markham, 1998*);

- точность показаний сильнее совпадает с доверием к ним у тех, кому перед оценкой своих показаний дают возможность вспомнить момент их дачи (например, показывают видеозапись того, как они производили опознание преступника). Этот эффект особенно выражен, когда люди чувствуют ответственность за то, что они делают (например, им говорят, что за ними наблюдают другие люди) (*Kassin, Rigby, Castillo, 1991*);

- самооценка своей способности запоминать детали сильнее связана с точностью свидетельских показаний у женщин (*Berger, Herringer, 1991*).

- Практика в даче показаний не увеличивает связь между точностью показаний и доверием к ним. Чтобы это произо-

шло, свидетелю необходима адекватная обратная связь относительно точности его показаний на предыдущем этапе (*Perfect, Hollins, Hunt, 2000*).

Таким образом, даже наличие у свидетеля желания дать правдивые показания и уверенность в их содержании не гарантирует их точности. Однако люди, ведущие следствие и выносящие судебные решения, не всегда знают о факторах, оказывающих влияние на точность показаний свидетелей.

4. Эксперт по свидетелям как участник судебного процесса

Эта проблема активно разрабатывается американскими психологами прежде всего в связи с присяжными заседателями. Для того чтобы повысить информированность присяжных, в американских судебных процессах иногда выступает эксперт по свидетелям. Как правило, это профессиональный психолог, который занимается проблемами точности свидетельских показаний. Он рассказывает присяжным о факторах, понижающих их точность.

Необходимость вызова такого эксперта в судебное заседание вызывает много споров. Противники этой политики приводят ряд аргументов в поддержку своей позиции (*Leippe, 1995*). Среди них (1) указание на ненадежность результатов психологических исследований и недоверие к ним самих психологов; (2) вера в осведомленность присяжных; (3) подозрение, что показания эксперта-психолога настраивают присяжных на скептический лад; (4) признание наличия других возможностей информирования присяжных.

1. Противники вызова в суд эксперта по свидетелям полагают, что результаты проведенных психологических исследований недостаточно надежны и не принимаются научным сообществом. Однако профессиональные психологи рассматривают результаты изучения точности показаний свидетелей как достаточно надежные и готовы повторить их в зале суда. (*Kassin, Ellsworth, Smith, 1989; Leippe, 1995*). Это в первую очередь касается влияния формы задаваемых вопросов; инструкции, которая дается свидетелям при опознании подозре-

ваемого; информации, полученной свидетелем после события и изменяющей его «воспоминания»; уверенности свидетелей в своих показаниях.

2. Второе возражение противников вызова в судебное заседание эксперта по свидетелям связано с их верой в осведомленность присяжных. По их мнению, присяжные и так знают, от чего зависит точность показаний свидетелей, поэтому выступление эксперта – это неоправданная трата времени.

Однако присяжные неправильно оценивают влияние, которое оказывают на точность показаний многие из выявленных факторов, особенно стресс, процедура опознания, мнение окружающих, доверие свидетеля к своим показаниям и их детализированность, тренированность свидетеля (*Devenport et al., 2002; Devenport, Culter, Penrod, 1997; Kassin, Ellsworth, Smith, 1989; Leippe, 1995; McAllister, Dale, Keay, 1993; Vrij, Mann, Edward, 2000*). Некоторые исследования показывают, что мнение присяжных не соответствует мнению экспертов в 87% случаев (*Benton et al., 2006*). Результатом недооценки значимости перечисленных факторов является хроническая переоценка точности свидетельских показаний.

3. Третье возражение противников вызова эксперта по свидетелям заключается в том, что показания эксперта настраивают присяжных на скептическое отношение к рассказанному не только конкретным свидетелем, но и свидетелями вообще, вне зависимости от их особенностей и ситуации восприятия информации.

Результаты исследований, посвященных этому вопросу, двойственны. С одной стороны, некоторые из них показывают, что показания эксперта не настраивают присяжных на скептическое отношение к показаниям свидетелей вообще, зато способствуют формированию недоверия к дискредитированным показаниям. Результаты других говорят о формировании общего скептицизма, который, однако, не проявляется по отношению к конкретным свидетелям (*Leippe, 1995*).

4. Четвертый аргумент противников вызова эксперта по свидетелям заключается в том, что процедура судебного процесса включает в себя ряд механизмов (вступительные

слова сторон и допрос свидетелей противоположной стороной), которые позволяют определить точность показаний свидетелей.

Однако оказывается, что стороны не могут заменить экспертов, поскольку сами недооценивают важность некоторых факторов (*Benton et al., 2006*). Кроме того, существуют «профессиональные» различия в доверии к показаниям свидетелей и в оценке влияния, оказываемого разными факторами (*Devenport, Culter, Penrod, 1997; Kebbell, Milne, 1998; Leander et al., 2007*):

- американские психиатры и общественные работники, защищающие права детей, больше доверяют детским показаниям, касающимся сексуального насилия, чем полицейские и судьи;

- шведские психиатры и полицейские считают детские показания более точными, чем судьи, психологи, прокуроры и особенно адвокаты;

- несмотря на то что шведские судьи, полицейские и люди без юридического образования одинаково оценивают эмоциональное состояние детей-свидетелей (чувство вины, эмоциональный дискомфорт, смущение) как наиболее серьезный фактор, уменьшающий точность показаний, а характеристики когнитивной сферы (плохая память, несформированная речь) как наименее серьезный, они расходятся в оценке других особенностей. Например, полицейские более скептически оценивают кукол-моделей, чем судьи и люди без юридического образования; судьи придают меньшее значение факторам как уменьшающим точность детских показаний, так и увеличивающим ее, чем люди без юридического образования;

- прокуроры чаще, чем адвокаты, верят, что точность опознания подозреваемого в составе группы составляет больше 90% и что свидетель скорее не узнает виновного человека, чем опознает в качестве такового невиновного и т.д.

Таким образом, привлечение эксперта по свидетелям может восполнить пробел в знаниях всех участников судебного процесса.

II. Психологические аспекты ложных показаний

Неточные показания свидетеля могут быть не только результатом ограниченности человеческой способности к восприятию и запоминанию, но и следствием намеренной лжи. Мотивы дачи ложных показаний различаются в зависимости от позиции дающего их человека. В частности, *подозреваемый/обвиняемый* может давать ложные показания из-за: желаний избежать ответственности за содеянное, стремления выгородить или смягчить вину соучастников, желаний оговорить соучастников, стремления оговорить себя. Вместе с тем, мотивами *свидетелей и потерпевших* являются страх мести со стороны подозреваемого, опасение испортить отношения с другими людьми, желание смягчить/усугубить вину подозреваемого, нежелание в дальнейшем выступать в качестве свидетеля, стремление скрыть свои собственные поступки, стремление преуменьшить вред, нанесенный преступлением (*Шиханцов, 1998*). Таким образом, возникает вопрос: как узнать, что человек дает ложные показания?

Проблема определения правдивости собеседника давно волновала психологов и изучалась ими в связи не только со свидетельскими показаниями, но и любыми другими ситуациями общения. Попытки выделить показатели ложности рассказанного человеком предпринимаются в трех направлениях: (1) поиск невербальных показателей лжи, связанных с кинесикой (позами, жестами, мимикой), пара- (особенностями голоса) и экстралингвистикой (неречевыми вкраплениями в речь), окулесикой (особенностями взгляда); (2) анализ особенностей речи лгущего человека и (3) изучение эффективности детектора лжи. Но перед тем как мы проанализируем эти направления, необходимо сказать несколько слов о том, насколько точно люди распознают ложь.

1. Точность опознания лжи

Психологические исследования показывают, что люди плохо различают лгущего и честного коммуникаторов. В среднем точность распознавания лжи составляет около 50%. Вме-

сте с тем существуют индивидуальные различия в распознавании лжи, связанные с профессиональной принадлежностью реципиента, его криминальным опытом, эмоциональным интеллектом, умением различать лживость как личностную черту и акт поведения, знанием им мотивов коммуникатора (*Forrest, Feldman, 2000; Hartwig et al., 2004; O'Sullivan, 2003*).

Основные причины неточного распознавания лжи сводятся к следующему (*Bond, Thomas, Paulson, 2004; Burgoon et al., 1999; Burgoon, Buller, Floyd, 2001; Forrest, Feldman, 2000; Hess, Kleck, 1994; O'Sullivan, 2003; Vrij, 1993*).

Во-первых, люди часто не задаются вопросом о правдивости/лживости высказывания, поскольку во многих культурах обвинение партнера во лжи расценивается как социально нежелательное поведение. Стремясь не нарушать социальные нормы, люди изначально рассматривают коммуникатора как заслуживающего доверия.

Во-вторых, реципиенты используют неправильные индикаторы лжи.

- Они чаще ориентируются на вербальные показатели по сравнению с невербальными: эта тенденция ярче проявляется (а) при ответе на вопрос о лживости, а не о правдивости высказывания, а также (б) у людей, использующих систематический, а не эвристический анализ информации, например, у тех, кто сильно заинтересован в решении этого вопроса.

Неэффективность подобной ориентации связана с тем, что коммуникатор лучше контролирует слова, чем невербальные показатели, и, следовательно, именно невербальное поведение является наиболее информативным для определения того, что он пытается скрыть. Среди невербальных показателей сильнее всего контролируется мимика, затем — жесты, позы, движения ног, пара- и экстралингвистические показатели, и меньше всего — изменения, связанные с физиологическими реакциями (покраснение или побледнение лица, слезы, пот). Это означает, что: (а) мимика является наименее эффективным показателем, а физиологические реакции — наиболее эффективным; (б) показателем лжи может быть рассогласование между вербальной информацией

и выражением лица, с одной стороны, и движениями рук, ног, тела и паралингвистическими сигналами, с другой.

- Реципиенты часто выбирают показатели, не связанные с правдивостью/лживостью высказывания, например, неопрятный или некрасивый внешний вид, замкнутость и т.д.

В-третьих, не существует показателей, однозначно говорящих о правдивости/лживости высказываний. Это происходит, поскольку (а) показатели лжи схожи с показателями тревоги и, скорее всего, являются отражением страха лгущего человека перед разоблачением и (б) все они присутствуют в правдивых высказываниях, но встречаются там реже.

В-четвертых, наличие или отсутствие в речи и поведении коммуникатора определенных показателей может быть его индивидуальной особенностью, а не говорить о правдивости/лживости его слов.

В-пятых, речь и поведение лгущего человека изменяется со временем:

- лгущие люди, принимающие участие в диалоге с партнером, через некоторое время лучше адаптируют свое невербальное поведение и речь, чем те, кто произносит монолог. В результате их собеседники реже замечают, что они лгут;

- лгущие люди поначалу меньше невербально включены в коммуникацию (меньше жестикулируют руками и двигают ногами, реже улыбаются и смотрят в глаза собеседнику), чем говорящие правду, но через некоторое время они адаптируются и участвуют в ней также активно, как и правдивые.

2. Роль невербального поведения коммуникатора

Основные *невербальные показатели* лжи представлены в таблице 4.1. (Аминов, 2001; Меграбян, 2001; Экман, 1999; Gordon et al., 1987; Granhag et al., 2004; Hess, Kleck, 1994; Pickel, 1999; Sporer, Schwandt, 2007; Vrij, 1993; Vrij et al., 2004; Vrij, Edward, Bull, 2001). Они примерно одинаковы у представителей разных возрастных групп, начиная с пяти лет и заканчивая студентами первых курсов университета. Однако важность многих показателей невербального поведения определяется содержанием сообщения, его подготовленно-

стью и санкционированностью, мотивацией коммуникатора, структурой исследования (*Sporer, Schwandt, 2007*).

Таблица 4.1. Основные невербальные показатели лжи

Кинесика	<p>Уменьшение количества движений:</p> <ul style="list-style-type: none"> - количества движений ног и ступней; - жестикуляции (особенно, жестов - иллюстраторов); - количества мелких движений тазом, ногами, руками, пожимание плечами; - количества прикосновений к себе, особенно к области лица. <p>Увеличение количества движений:</p> <ul style="list-style-type: none"> - количества движений ног и ступней; - количества мелких движений тазом, ногами, руками, пожимание плечами; - количества прикосновений к себе, особенно к области лица. <p>Таким образом, связь кинесики с правдивостью/лживостью высказываний достаточно противоречива</p>
Экстра- и паралингвистика	<ul style="list-style-type: none"> - увеличение длительности пауз; - увеличение количества «mmm», «ага», «вот», заиканий, покашливаний; - убыстрение темпа речи (особенно у лгущих людей, испытывающих очень сильную или очень слабую тревогу); - уменьшение свободы и плавности речи; - повышение высоты голоса.
Окулесика	<ul style="list-style-type: none"> - расширение зрачков; - учащение моргания; - уменьшение длительности контакта глаз. Однако этот параметр является достаточно спорным, поскольку ряд исследований указывает на отсутствие подобных различий.

3. Особенности речи лгущего человека

К *вербальным показателям* лжи относятся нереалистичность и логическая непоследовательность рассказа, а также его слабая детализированность. Эти показатели отражены в шкалах, специально созданных для анализа речи с целью определения ее правдивости - CBCA, RM, ARJS (табл.4.2).

Таблица 4.2. Шкалы оценки речи для определения лживости/правдивости рассказа

Название шкалы	Название подшкал и их содержание
<p>СВСА. Особенно важны показатели 1-5</p> <p>Количество баллов, набираемых человеком по шкале, увеличивается по мере его взросления (Vrij et al., 2004)</p>	1. Реализм и логическая последовательность рассказа, количество голословных, неаргументированных доводов: рассказ лгущего человека менее последователен и логически структурирован
	2. Количество и точность упоминаемых деталей: рассказ лгущего человека менее насыщен деталями
	3. Описание контекста, в котором происходит событие: в рассказе лгущего человека меньше описаний контекста, в котором происходит событие
	4. Описание взаимодействия участников: у лгущего человека их меньше
	5. Описание бесед участников: у лгущего человека их меньше
	6. Указание рассказчиком на собственное психическое состояние: лгущие люди реже говорят о своем состоянии
	7. Спонтанная коррекция рассказа: лгущий человек реже поправляет себя
	8. Признание в недостатке памяти, выражение сомнения: лгущий человек реже сомневается в своих словах
<p>Шкала RM:</p> <p>Количество баллов, набираемых человеком по шкале, увеличивается по мере его взросления (Vrij et al., 2004)</p>	1. Описание визуальных деталей: лгущий человек описывает меньше деталей
	2. Описание аудиодеталей: лгущий человек описывает меньше деталей
	3. Описание пространственных особенностей события: лгущий человек описывает меньше деталей
	4. Описание временных особенностей события: лгущий человек описывает меньше деталей
	5. Ссылки на когнитивные операции: лгущий человек реже указывает на свои когнитивные операции (подумал, проанализировал и т.д.)

Шкала ARJS (<i>Sporer et al., 2000</i>)	1. Общие характеристики: (а) реализм и логическая последовательность рассказа (б) ясность и яркость
	2. Качество деталей: (а) количество и точность деталей: - ядерные и периферические детали - пространственная информация - временная информация - чувственные ощущения
	3. Внутренние процессы: (а) эмоции и чувства (б) когнитивные операции - мысли и когнитивные процессы - память, воспоминания
	4. Социальные аспекты: (а) вербальное и невербальное взаимодействие (б) экстраординарные детали (в) недостаток социальной желательности
	5. Автобиографическая память (а) указание на личную значимость и выводы

Эффективность методики для оценки ложности показаний зависит от возраста свидетелей. Например, шкала RM более эффективна при разделении правдивых и ложных показаний детей 12-13 лет, чем шкала СВСА. Однако эта шкала чувствительна к количеству повторений: чем больше дети повторяют свои показания до допроса, тем подробнее они описывают детали произошедшего (*Granhag, Stromwall, Landstrom, 2006*).

Интересно, что эффективность распознавания лжи определяется стилем допроса: когнитивное интервью и интервью, требующее выводов, позволяет более точно разделить лгущих и правдивых людей, чем структурированное (*Colwell, Hiscock, Memon, 2002*).

Проблема использования вербальных показателей для определения лжи заключается в необходимости высокой квалификации распознающего. Границы между логичностью и нелогичностью, детализированностью и недетализирован-

ностью и т.д. рассказа очень условны, и для их определения нужен большой опыт.

4. Детектор лжи

Детектор лжи – единственное направление оценки ложности показаний, которое имеет самостоятельный правовой статус. Например, в США детектор лжи используется при проведении расследований по уголовным делам, хотя и не во всех штатах принимается в качестве официального доказательства. В последние годы интерес к детектору лжи вырос и в нашей стране.

Классический детектор измеряет четыре физиологических показателя – **глубину и скорость дыхания, частоту сердцебиения и интенсивность потоотделения** (Экман, 1999). Для этого на тело человека, проходящего проверку на детекторе, прикрепляют датчики, сигналы от которых подаются на пульт оператора. Он задает свидетелю ряд вопросов и по изменению физиологических показателей выносит свое заключение.

Дыхание, сердцебиение и потоотделение являются показателями физиологического возбуждения, поэтому детектор фиксирует не ложь саму по себе, а тревогу человека, дающего ложные показания.

Существует две основные техники формулировки вопросов: техника контрольных вопросов и техника вопросов с несколькими вариантами ответа.

При использовании *техники контрольных вопросов* человеку задают два типа вопросов: контрольные, не имеющие отношения к преступлению (например, «Вы крали в детстве деньги?») и критические, непосредственно связанные с совершением преступления («Вы украли 750 долларов?»). Человек должен отвечать на них «да» или «нет». По контрольным вопросам фиксируют базовый уровень возбуждения человека. Показателем лжи является увеличение возбуждения человека по сравнению с базовым уровнем при неправильных ответах на критические вопросы. Контрольные вопросы стараются подбирать таким образом, чтобы они тоже вызывали возбуждение человека, причем у невинного – такое же возбуждение, как и критические.

Однако эта техника имеет ряд недостатков. Во-первых, на показания детектора может оказывать влияние страх свидетеля. Человек может бояться или не доверять правоохранительным органам, которые проводят проверку, испытывать опасение, что его незаслуженно обвинят в совершении преступления (детектор лжи обычно проводят для проверки искренности обвиняемого). Наличие контрольных вопросов не способствует полному исчезновению влияния этого фактора. Человек, проходящий проверку на детекторе, прекрасно понимает, какие вопросы имеют отношение к совершению преступления, и страх проявляется в моменты ответа на них. Техника вопросов с вариантами ответа позволяет устранить влияние страха, но только в том случае, если детали произошедшего еще не стали широко известны. Во-вторых, существуют специальные техники релаксации и медицинские препараты, позволяющие подавить возбуждение. В этом случае оно не будет фиксироваться даже тогда, когда человек лжет. В-третьих, существуют разные школы в интерпретации показаний детектора. Это означает, что представители разных школ могут по-разному трактовать одни и те же показатели.

В целом техника контрольных вопросов позволяет достаточно надежно выявить ложь, но с ее помощью делается много ошибок, при которых правдивого человека принимают за лжеца.

При использовании вопросов *с несколькими вариантами ответа* человеку задают вопросы, связанные с совершением преступления. Но каждый из этих вопросов имеет несколько вариантов ответов («Какой плащ был на жертве: красный, зеленый, желтый, голубой?»). Предполагается, что только человек, совершивший преступление, знает такие подробности, и во время чтения правильной альтернативы его возбуждение увеличится. Эта техника дает менее надежные результаты, если обстоятельства совершения преступления стали достоянием общественности. При применении этой техники часто встречаются ошибки, связанные с доверием лгущему человеку.

В последнее время появились новые разновидности детектора, определяющие ложь по **параметрам голоса**.

5. Влияние стиля допроса на признание подозреваемого

Одной из важных проблем, которые обсуждаются в связи со свидетельскими показаниями, являются ложные признания подозреваемых в том, что они совершили преступления. Тремя основными причинами того, что люди сознаются в преступлении, которого они не совершали, являются (а) сила доказательств (б) внешнее давление и (в) внутреннее давление.

Влияние *внешнего давления* на ложное признание человеком своей вины было ярко продемонстрировано в экспериментальных исследованиях. Например, участников одного исследования, выполнявших задание на определение времени реакции, обвиняли в том, что они испортили компьютер, нажав не на ту клавишу (*Кассин, Кихель, 2003*). В действительности все они были невиновны и сначала отрицали предъявленное им обвинение. Затем «участвовавшая в сговоре» ассистентка заявляла, что она видела или не видела, как испытуемый нажал на клавишу. Результаты показали, что при определенных условиях лжесвидетельство заставляло людей принять на себя вину за преступление, которое они не совершали. В отличие от респондентов из группы, работавшей в медленном темпе/без свидетеля, участники группы, работавшей в быстром темпе/со свидетелем, чаще подписывали признание, интернализировали вину за якобы совершенный проступок и додумывали детали воспоминаний, соглашающиеся с этим представлением.

Основным источником внешнего давления является стиль допроса, уменьшающий сопротивление человека и способствующий возникновению у него ложных воспоминаний. Существуют специальные техники давления на подозреваемого. Эти техники не гарантируют, что признание будет ложным, однако, подавляя сопротивление подозреваемого, они повышают вероятность такого признания.

Существуют разные классификации подобных техник. В одной из них выделяются два типа техник. Первый – преуменьшение, при котором когда следователь «убаюкивает» подозреваемого и вызывает у него мнимое чувство безопасности,

приводя спасительные оправдания, указывая на смягчающие обстоятельства, обвиняя жертву и преуменьшая тяжесть обвинений. Второй подход – преувеличение, когда допрашивающий использует тактику запугивания, преувеличивая или фальсифицируя свидетельские показания, серьезность преступления и выдвигаемых обвинений (*Кассин, Кихель, 2003*).

В другой классификации выделяются четыре типа техник: преуменьшение позитивных/преувеличение негативных последствий отрицания вины/признания (*Moston, Stephenson, 1993*).

В соответствии с третьей классификацией, выделяются восемь подобных техник (*Moston, Stephenson, 1993*):

- повторение вопроса;
- пауза после того, как подозреваемый дал ответ;
- указание на то, что подозреваемый лжет, сомнения в его правдивости;
- указание на невербальное поведение подозреваемого, говорящее о его лживости («Ясно, что Вы лжете. Это написано у Вас на лице»);
- попытка вызвать у подозреваемого симпатию к жертве и чувство вины;
- указание на противоречие показаний подозреваемого собранным доказательствам;
- использование показаний потерпевшего или незаинтересованного свидетеля, противоречащих показаниям подозреваемого. Однако эти показания оказывают влияние в том случае, если они правдивы и точны, то есть в них отсутствуют вымышленные детали. Подозреваемые, узнающие о таких показаниях, чаще сознаются в совершении преступления и испытывают большее чувство вины, чем те, кто слышит неточные показания. Уровень детализированности показаний не оказывает влияния на вероятность признания (*Kebbell, Hurren, Roberts, 2006*);
- использование показаний сообщника, противоречащих показаниям подозреваемого.

И наконец, к числу подобных техник относится техника девяти шагов Рейда, включающая в себя (*Kassin, Gudjonsson, 2004*):

- недвусмысленное заявление о виновности подозреваем-

мого, активное опровержение его алиби, преследующее целью создать у человека ощущение безнадежности;

- развитие при допросе идей, которые объясняли бы совершение преступления или оправдывали его; попытка изменить понимание подозреваемым того, какой способ поведения на следствии соответствует его интересам;

- резкое прерывание попыток подозреваемого заявить о своей невинности;

- подавление протеста подозреваемого, в основе которого лежат фактические обстоятельства дела, моральные или эмоциональные соображения;

- проверка того, не откажется ли подозреваемый от своих признательных показаний;

- демонстрация хорошего отношения к подозреваемому, если он решил сотрудничать;

- предложение подозреваемому нового объяснения того, почему было совершено преступление, которое поможет ему «сохранить лицо»;

- побуждение подозреваемого подробно излагать все детали происшедшего с ним до, во время и после совершения преступления;

- перевод устных показаний в письменные.

Люди, уверенные в виновности подозреваемого, могут применять такой стиль допроса спонтанно (*Kassin, Gudjonsson, 2004*). Таким образом, внешнее давление на подозреваемого порождает внутреннее.

Первым источником *внутреннего давления* являются неуверенность и страх подозреваемого, и связанные с этим индивидуальные особенности. Готовность человека сознаться в том, чего он не совершал, связана с:

- возрастом: чем младше дети, тем более вероятно, что это произойдет; например 13-15-летние дети больше готовы сознаться, чем 17-18-летние;

- интеллектуальными нарушениями: люди с серьезными нарушениями в интеллектуальной сфере чаще отвечают согласием на любой вопрос и таким образом сознаются в том, чего не делали;

- тревожностью и уступчивостью: более тревожные и уступчивые люди сознаются чаще;

- усталостью, бессонницей: легче сознаются в том, чего не делали, уставшие, долго не спавшие люди.

Вторым источником *внутреннего давления* являются ложные воспоминания, которые возникают у подозреваемого в ходе допроса. Внушению ложных воспоминаний о совершении преступления способствуют:

- наличие логичных объяснений того, как и почему он совершил преступление;

- наличие авторитетного человека, который указывает на подозреваемого как на виновного;

- усиление этого впечатления путем выборочного предъявления доказательств, говорящих в пользу его виновности;

- изоляция подозреваемого от всех, кто может дать иную интерпретацию событий и поддержать подозреваемого в том, что он не совершал преступления (*Spanos, 1996*).

Проблема точности показаний свидетелей – одна из самых разработанных в области психологических аспектов юриспруденции. Интерес к ней вызван тем, что показания свидетелей являются одним из основных доказательств в ходе судебного процесса, призванного решить судьбу обвиняемого. Однако само решение принимают другие люди – профессиональный судья и присяжные заседатели. Психологическим аспектам этих решений будут посвящены две последующие главы.

Глава 5. Психологические аспекты деятельности профессионального судьи

Профессиональный судья – неперемный участник любого судебного процесса. В нашей стране именно профессиональные судьи выносят большинство судебных решений. Наличие у судьи юридического образования позволяет предположить, что его решение зависит лишь от тех факторов, которые предусмотрены в законе. В чем же его психологическая составляющая?

Дело в том, что на решения судей оказывают влияние не только правовые, но и не предусмотренные законом обстоятельства. Они оказывают влияние на оценку важности и достоверности доказательств и аргументов, представленных стороной обвинения и защиты, а также оценку опасности подсудимого. Например, если в ходе судебного следствия дают показания два свидетеля, и их показания противоречат друг другу (показания одного соответствуют позиции потерпевшего, а другого - подсудимого), судье приходится выбирать, кто из них заслуживает большего доверия. Как именно принимается это решение, что лежит в его основе, не может быть полностью регламентировано законом, и требует привлечения собственного опыта, в том числе полученного и за стенами суда. Это означает, что решения профессиональных судей имеют не только юридическую, но и «обыденную» составляющую.

Факторы, лежащие в основе решений профессиональных судей, не относятся к числу хорошо разработанных проблем. Основной причиной этого является трудность в проведении соответствующих исследований. Существует

ет два основных пути выделения подобных факторов. Во-первых – это анализ приговоров, вынесенных профессиональными судьями и вступивших в законную силу. Проблема их анализа заключается в уникальности каждого случая и, следовательно, в выделении основных параметров, по которым они различаются между собой. Во-вторых – это экспериментальные исследования, где в качестве респондентов выступают профессиональные судьи. Проблема такого подхода связана с отбором участников и их мотивированием. Кроме того, существует и причина идеологического характера. Она связана с нежеланием подвергать сомнению решения профессиональных судей.

В результате подавляющее большинство эмпирических исследований, посвященных этой проблеме, проведено в Северной Америке, преимущественно в США и меньше – в Канаде. Кроме того, в последние годы они стали появляться в Китае. В России существуют лишь отдельные исследования, посвященные так называемому «обвинительному уклону» судей. Поэтому в данной главе при обсуждении факторов, влияющих на решения судей, мы будем опираться, прежде всего, на опыт зарубежных коллег. Однако их содержание позволяет предположить, что некоторые из них могут быть актуальны и для нашей страны.

Действие этих факторов будет рассмотрено на примере трех решений, которые принимает профессиональный судья – арест до суда, решение о виновности подсудимого и мере наказания. Такой комплексный подход даст более полное представление об обстоятельствах, от которых зависит решение судьи.

I. Факторы, влияющие на решение относительно положения обвиняемого до суда

До начала судебного заседания обвиняемый может находиться под стражей или на свободе. В некоторых странах, например, США и Канаде, существует два варианта освобождения обвиняемого: под денежный залог или без него. Основная задача подобного решения — обеспечить явку обвиняемого в суд. Если судья считает, что обвиняемый не явится в суд добровольно, он принимает решение о заключении его под стражу. В противном случае он принимает решение об освобождении, выбирая один из вариантов. Денежный залог — это гарантия явки обвиняемого в суд, поскольку, в противном случае, он лишится достаточно большой суммы денег. Однако судья может отпустить обвиняемого и без денежного залога. Вынесение этого решения происходит в присутствии прокурора, адвоката и работника суда, в обязанности которого входит сбор информации об обвиняемом.

Как показывают американские, канадские и китайские исследования, на подобное решение оказывают влияние четыре группы факторов: особенности преступления, обвиняемого, судьи, а также рекомендации прокурора, адвоката и работника суда (рис.5.1).

1. К **особенностям преступления** относятся серьезность и групповой характер преступления. Чем серьезнее совершенное преступление, тем меньше вероятность освобождения обвиняемого до суда. Этот фактор оказывает влияние на решение судей относительно как взрослых, так и несовершеннолетних подсудимых (*Schissel, 1993*). Кроме того, обвиняемые, совершившие преступление в группе, реже освобождаются до суда, чем сделавшие это в одиночку (*Lu, Miethe, 2002*).

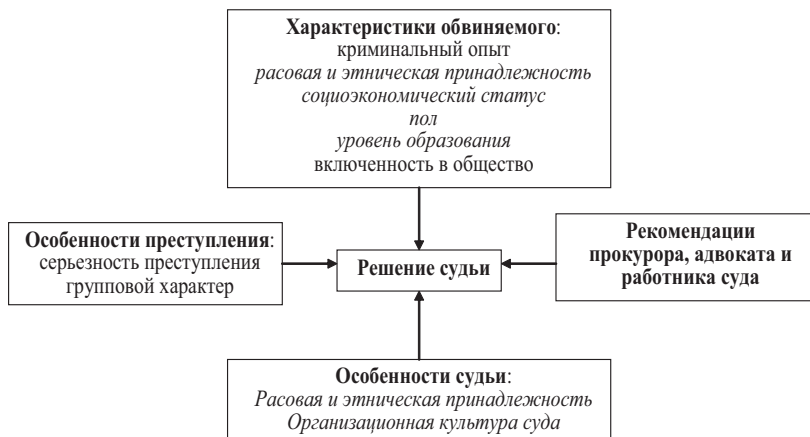

Рисунок 5.1. Факторы, оказывающие влияние на решение судей относительно положение обвиняемого до суда

Примечание: курсивом обозначены факторы, не предусмотренные законом

2. К **особенностям обвиняемого** относятся криминальный опыт, расовая/этническая принадлежность, социальноэкономический статус, пол, уровень образования, включенность подсудимого в общество.

Основным фактором является *криминальный опыт*: обвиняемые, имеющие криминальный опыт, реже освобождаются до начала судебного процесса, чем обвиняемые без него (Lu, Miethe, 2002). Кроме того, по данным экспериментальных исследований с участием судей, криминальный опыт оказывает влияние на размер залога. Однако анализ реальных судебных процессов не подтвердил последнее заключение (Ebbesen, Konecni, 1982). Криминальный опыт оказывает влияние на решение судей относительно как взрослых, так и несовершеннолетних обвиняемых (Schissel, 1993).

Второй фактор - *расовая/этническая принадлежность* обвиняемого: представители расовых/этнических меньшинств чаще находятся до суда под стражей, чем представители расового/этнического большинства (Albonetti, 1991). Расовая/этни-

ческая принадлежность оказывает влияние на решения судей относительно как взрослых, так и несовершеннолетних обвиняемых. Эта закономерность ярче проявляется, когда речь идет о несерьезных преступлениях (*Schissel, 1993*).

Третьим фактором является *социоэкономический статус*: обвиняемые с низким социоэкономическим статусом чаще находят до суда под стражей, чем люди с высоким (*Albonetti, 1991*).

Четвертый фактор — *пол* обвиняемого: несовершеннолетние мужчины, совершившие серьезные преступления, реже освобождаются до суда, чем совершившие несерьезные, а для несовершеннолетних женщин закономерность обратная (*Schissel, 1993*).

Пятым фактором является *образование*: вероятность освобождения до суда обвиняемых с низким уровнем образования меньше, чем с высоким (*Lu, Miethe, 2002*).

И наконец, шестой фактор — *включенность обвиняемого в общество* (наличие семьи, работы, длительное проживание в том штате, где должен состояться судебный процесс): обвиняемые, имеющие тесные связи с окружающими, освобождаются до суда под меньший залог, чем слабо связанные с ними (*Ebbesen, Konecni, 1982*)³.

В целом решение об освобождении под залог предсказывается комбинацией особенностей преступника и преступления, однако размер залога зависит только от типа преступления (*Bock, Frazier, 1984*).

3. Рекомендации прокурора, адвоката и работника суда. При определении размера залога судьи обращают серьезное внимание на рекомендации прокурора. Влияние рекомендаций адвоката менее определено. По экспериментальным данным судьи игнорируют подобные рекомендации, но анализ реальных процессов показал, что они оказывают некоторое влияние

³ Особняком стоит решение, которое судьи некоторых стран принимают в отношении несовершеннолетних подсудимых — о передаче их дел во взрослый суд. При этом судьи должны оценивать потенциальную опасность несовершеннолетнего, его психологический возраст и эффективность их реабилитации вне стен тюрьмы. Однако исследования показывают, что они игнорируют третий фактор (*Brannen et al., 2006*).

(*Ebbesen, Konecni, 1982*). Кроме того, решение судьи зависит от рекомендаций работника суда (*Petee, 1994*).

4. Особенности судьи. На решение судьи оказывает влияние его *расовая принадлежность*. Например, судьи – представители расового большинства отдают большее предпочтение представителям своей расовой группы, а представители меньшинства не обращают внимание на расовую принадлежность обвиняемого. Кроме того, решение зависит от *организационной культуры* суда: судьи различаются по практике арестов (*Herbert, 2004*).

II. Факторы, оказывающие влияние на решение о виновности

Свидетельства, говорящие в пользу существования факторов, оказывающих влияние на решение судьи о виновности подсудимого, немногочисленны. Это связано с тем, что большинство подобных исследований проводится в США, где решение о виновности чаще всего принимают присяжные заседатели. Однако результаты немногочисленных исследований показывают, что на это решение оказывают влияние следующие факторы.

- *Особенности судьи*: к вынесению обвинительных приговоров склонны судьи, обладающие следующими особенностями: протестанты, сторонники консерваторов, работавшие в прошлом прокурорами или их помощниками (*Московичи, 2007*).

Проблема осложняется существованием так называемого обвинительного уклона, под которым понимается изначально негативная оценка подсудимого – еще не признанного виновным человека, которая делает решения судей предубежденными. По данным исследований, в оценках российских судей явно прослеживается обвинительный уклон: он сильнее, чем у адвокатов и слабее, чем у прокуроров. Однако он не зависит от стажа работы судей. Кроме того, обвинительный уклон характерен для граждан без юридического образования: у них он выражен сильнее, чем у профессиональных судей. Таким образом, обвинительный уклон связан не с исполнением обязанностей судьи,

а с воспитанием в рамках определенной культуры. Работа судьи даже немного уменьшает его (Петрова, 2003).

- *Характеристики подсудимого*, особенно этническая/расовая принадлежность и криминальный опыт: виновными чаще признаются несовершеннолетние представители этнического/расового меньшинства, имеющие криминальный опыт (Schissel, 1993).

- *Особенности судебного процесса*, в частности наличие адвоката по найму: виновными чаще признаются подсудимые, которых защищает адвокат, бесплатно предоставленный судом (Schissel, 1993).

III. Факторы, оказывающие влияние на решение о наказании

На решение о мере наказания человека, признанного виновным в совершении преступления, оказывают влияние особенности преступления, подсудимого, судебного процесса и судьи (рис.5.2).

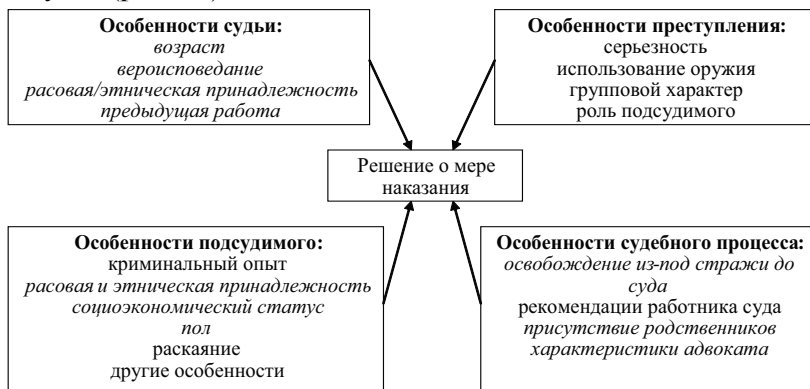

Рисунок 5.2. Факторы, оказывающие влияние на решение судьи о мере наказания

Примечание: курсивом обозначены факторы, не предусмотренные законом

1. Особенности преступления. К этой группе относятся серьезность совершенного преступления, использование оружия, групповой характер и роль, которую играл подсудимый.

Наиболее важным фактором является *серьезность преступления*: чем серьезнее совершенное преступление, тем строже наказание (*Konecni, Ebbesen, 1982*).

Второй фактор – *использование* при совершении преступления *оружия*: подсудимые, использовавшие оружие, наказываются более строго, чем те, кто совершил преступление без него (*Albonetti, 1991*).

Третьим фактором является *групповой характер преступления*: подсудимые, совершившие преступление в группе, наказываются более строго, чем сделавшие это в одиночку (*Lu, Miethe, 2002*).

И наконец, четвертый фактор – это *роль подсудимого* при совершении преступления: чем важнее роль, тем строже наказание (*Steffensmeier, Kramer, Streifel, 1993*).

2. Особенности подсудимого. К ним относятся криминальный опыт, расовая и этническая принадлежность, социоэкономический статус, пол, раскаяние и некоторые другие особенности.

Подсудимые с предыдущим *криминальным опытом* наказываются более строго, чем без него (*Albonetti, 1991; Lu, Miethe, 2002; Konecni, Ebbesen, 1982*). Криминальный опыт оказывает влияние на решение судей относительно как взрослых, так и несовершеннолетних подсудимых (*Schissel, 1993*).

Представители *расовых и этнических меньшинств* наказываются более строго, чем представители большинства. Кроме того, представители расовых меньшинств чаще признаются закоренелыми преступниками. Влияние расовой/этнической принадлежности подсудимых менее заметно в решениях, касающихся насильственных преступлений и преступлений, в которых было использовано оружие (*Albonetti, 1991; Crawford, Chiricos, Kleck, 1998*). Расовая принадлежность оказывает влияние на решение судей относительно как взрослых, так и несовершеннолетних подсудимых (*Schissel, 1993*).

На решение судей оказывает влияние *социоэкономический статус*: подсудимые с низким социоэкономиче-

ским статусом наказываются более строго, чем с высоким (*Albonetti, 1991*).

Решение судей частично зависит и *пола* подсудимого. Но это влияние противоречиво: по одним данным, женщины наказываются менее строго, чем мужчины, а по другим – нет (*Albonetti, 1991; Steffensmeier, Kramer, Streifel, 1993*).

Кроме того, *раскаявшиеся* подсудимые наказываются менее строго, чем *нераскаявшиеся* (*Steffensmeier, Kramer, Streifel, 1993*);

Существует целый ряд других особенностей подсудимых, оказывающих влияние на решение судей. Так, некоторое влияние оказывают алкоголизм/наркомания и наличие психических заболеваний (*Konecni, Ebbesen, 1982*), а также наличие детей, беременность, эмоциональные проблемы и проблемы со здоровьем, наличие свободных мест в тюрьме (при вынесении решения относительно женщин-подсудимых) (*Steffensmeier, Kramer, Streifel, 1993*).

3. Особенности судей. К ним относятся возраст, вероисповедание, расовая/этническая принадлежность и предыдущее место работы (*Myers, 1988*).

Во-первых, пожилые судьи наказывают подсудимых строже, чем молодые, однако это не касается подсудимых с низким социально-экономическим статусом.

Во-вторых, баптисты и фундаменталисты наказывают подсудимых строже, чем представители других религиозных течений, однако это не касается подсудимых с низким социально-экономическим статусом.

В-третьих, судьи-представители расового большинства назначают одинаковое наказание вне зависимости от расы подсудимого, а представители меньшинства отдают предпочтение представителям своей расовой группы.

В-четвертых, судьи, которые когда-то были прокурорами, склонны к более строгому наказанию подсудимых, чем те, кто не имеет подобного опыта.

Однако связь между индивидуальными особенностями судей и их приговорами зависит от типа суда, исторического периода, региона и особенностей дела.

4. Особенности судебного процесса. К ним относятся освобождение из-под стражи до суда, рекомендации работника суда, присутствие в зале суда родственников подсудимого и характеристики адвоката.

Во-первых, подсудимые, которые *до начала суда находились* на свободе, наказываются менее строго, чем те, кто провёл этот период в тюрьме (*Albonetti, 1991*).

Во-вторых, важное влияние оказывают рекомендации работника суда, который проводит интервью с подсудимым и его семьей, собирает данные о нем. Интересно, что хотя, отвечая на вопросы интервью, судьи говорят, что обращают мало внимания на рекомендации работника суда, экспериментальные данные и анализ реальных судебных процессов демонстрирует важность этого фактора (*Konecni, Ebbesen, 1982*). Рекомендации работника суда также зависят от целого ряда факторов (*Bridges, Steen, 1998; Konecni, Ebbesen, 1982*) (рис.5.3).

Рисунок 5.3. Факторы, оказывающие влияние на рекомендации работника суда

В-третьих, некоторое влияние оказывает присутствие в суде родственников подсудимого. Например, решения каннадских судей, работающих с несовершеннолетними подсудимыми, зависят от присутствия в суде их родителей: в присутствии родителей подсудимые наказываются менее строго, чем в их отсутствие (*Schissel, 1993*).

В-четвертых, решение судей зависит от характеристик адвоката. Например, при наличии адвоката по найму подсудимые получают менее строгие наказания, чем при наличии адвоката, предоставленного судом (*Schissel, 1993*).

Интересно, что в некоторых странах присутствие или отсутствие в суде адвоката подсудимого не оказывает влияния на решение судьи. Например, по данным китайских исследователей, адвокаты только 20% подсудимых, обвиняющихся в совершении кражи, присутствуют на судебных процессах. При этом ни их присутствие, ни избранная ими стратегия защиты не оказывает влияния ни на решение китайских судей об освобождении до суда, ни на выбор в качестве меры наказания тюремного заключения, ни на его длительность (*Lu, Miethe. 2002*).

Таким образом, на решение судьи оказывает целый ряд непредусмотренных законом факторов. Большинство из них — это характеристики подсудимого. Кроме того, некоторую роль играют особенности судьи и судебного процесса.

Возможно, что в основе влияния перечисленных факторов лежат психологические процессы — каузальная атрибуция (приписывание причин поведению человека) и атрибуция ответственности (приписывание ему ответственности за действия). Судья, как правило, не знает, какие причины лежали в основе совершения преступления, но пытается представить их. Когда он объясняет поведение подсудимого наличием у него определенных особенностей (внутренняя атрибуция), он выносит приговор, подразумевающий более строгое наказание, чем когда приписывает внешние причины (случайность, провокация со стороны потерпевшего и т.д.) (*Albonetti, 1991; Friedman et al., 2007*). То же самое касается и рекомендаций работника суда.

В свою очередь, причины, которые работник суда или судья приписывает преступлению, зависят от его серьезности, криминального опыта и расовой принадлежности подсудимого (*Bridges, Steen, 1998*). Чем серьезнее преступление и чем больше криминальный опыт подсудимого, тем чаще преступление объясняется с помощью внутренних причин и тем реже с помощью внешних. То же самое касается и подсудимых-представителей расового меньшинства: их поведение чаще объясняется с помощью внутренних и реже с помощью внешних причин, чем преступное поведение представителя расового большинства.

Таким образом, решения судей частично являются результатом действия тех же психологических механизмов, что и оценки людей без юридического образования.

Глава 6. Присяжные заседатели как участники судебного процесса

I. Основные идеи и процедура суда присяжных

Суд присяжных - форма судопроизводства, в рамках которой решение о виновности или невиновности подсудимого принимается коллегией присяжных, то есть людьми без специального юридического образования. Однако это не означает, что участники традиционного судебного процесса не играют в нем никакой роли. Напротив, процесс с участием присяжных требует от судьи, прокурора и адвоката больших усилий и знаний, чем традиционные для России формы судопроизводства. Особенно важная роль в нем принадлежит профессиональному судье. Задача присяжных состоит в том, чтобы, проанализировав доказательство, предъявленные в ходе судебного следствия, вынести решение о виновности или невиновности подсудимого. Задача судьи заключается в обеспечении возможности для вынесения такого решения. Судья участвует в отборе коллегии присяжных, «настраивает» ее членов на участие в судебном процессе; разъясняет им правовые нормы и следит за соблюдением процедуры судебного процесса; участвует в исследовании доказательств; произносит напутственное слово перед тем, как присяжные уйдут в совещательную комнату; составляет вопросный лист, который будет положен в основу их решения; а в случае обвинительного вердикта квалифицирует деяние и выносит приговор. Таким образом, вердикт является результатом совместных усилий присяжных заседателей и профессионального судьи (*Карнозова, 2000*).

В настоящее время суд присяжных существует не только в России, но и в США, Великобритании, Испании, Новой Зеландии, Австралии и Австрии. В каждой из перечисленных стран судебная процедура и условия ее проведения обладают собственной спецификой. В России суд присяжных проводится только в том случае, если подсудимый заявил ходатайство о его назначении, и только по некоторым категориям уголовных дел. Это отличает российский вариант суда присяжных от американского, в котором рассматриваются не только различные уголовные, но и гражданские дела. Процедура российского суда присяжных включает в себя несколько этапов.

Предварительный отбор. Присяжными могут стать люди, достигшие 25 лет и живущие в том регионе, где проводится судебное заседание. Кандидаты в присяжные случайным образом отбираются из списка избирателей. Каждый из них получает повестку с приглашением прийти в суд для того, чтобы принять участие в работе коллегии присяжных. Одно из основных требований к кандидатам заключается в том, что они не должны принимать участие в работе коллегии присяжных чаще, чем один раз в год.

Отбор коллегии присяжных в зале суда. Вызванные повесткой люди принимают участие во втором этапе отбора, проходящем в здании суда. В зале, предназначенном для проведения судебных заседаний, они встречаются с председательствующим (судьей), который будет вести судебный процесс, адвокатом и прокурором, потерпевшим и подсудимым. Председательствующий задает кандидатам ряд вопросов. Их цель - отвод тех людей, которые не могут принять участие в судебном процессе из-за имеющихся у них предубеждений или по иным причинам. Кандидат в присяжные имеет право заявить самоотвод, объяснив, почему он не может принять участие в рассмотрении данного судебного дела. После этого свои вопросы задают прокурор и адвокат. Целью этих вопросов является выявление возможной предубежденности присяжных в пользу позиции одной из сторон (адвоката или прокурора). Прокурор и адвокат обладают правом мотивированного и немотивированного отводов. При мотивированном отводе каждый из них

должен объяснить судье причину, по которой данный присяжный не сможет вынести объективное решение. Для немотивированного отвода такого объяснения не требуется, однако в данном случае при отсутствии специального разрешения судьи каждая из сторон имеет возможность отвести только двоих кандидатов в присяжные. Процедура отбора заканчивается формированием коллегии, состоящей из двенадцати основных присяжных и нескольких запасных. На плечи основных присяжных ложится ответственность за вынесение вердикта. Запасные присяжные вводятся в коллегию для того, чтобы при необходимости заменить непришедшего на очередное судебное заседание члена основного состава. Затем присяжные, вошедшие в основной состав коллегии, удаляются в совещательную комнату и выбирают старшину, основная функция которого заключается в организации обсуждения, разворачивающегося в ходе принятия вердикта. После этого они принимают присягу.

Кандидаты в присяжные различаются по готовности прийти в суд для участия в процедуре отбора. Эта готовность связана как с индивидуальными особенностями присяжных, так и с тем, что ждет кандидатов в зале суда.

Индивидуальные особенности присяжных. Правосознание и ценности людей, которые готовы принять участие в судебном процессе в качестве присяжных заседателей, отличают такие особенности как:

- более позитивное отношение к закону: признание полезности закона, эмоциональная значимость его нарушения, признание необходимости соблюдения закона по отношению к маргинальным группам, большая готовность участвовать в реализации закона, больший интерес к получению правовой информации (Гулевич, 2004);

- более тесная связь между правовыми (закон, власть) и моральными (справедливость, правда) категориями (Верстова, 2007);

- ориентация на «мирную» профилактику преступлений, подразумевающую медицинскую, социальную и образовательную помощь представителям «группы риска», и реабилитацию заключенных (Гулевич, 2004);

- вера в возможность восстановить справедливость в рамках правовых институтов (Гулевич, 2004);

- позитивное отношение к суду присяжных (Durand et al., 1978);

- большая значимость общественной жизни (Верстова, 2007);

- большая важность ценностей сохранения собственной индивидуальности и материального положения (Верстова, 2007).

Вместе с тем, группы людей, готовых и отказавшихся от участия в суде присяжных, неоднородны (Верстова, 2007). Так, среди согласившихся принять участие в суде присяжных можно выделить три группы людей.

- «*Борцы за справедливость*» хорошо осведомлены о характере работы института суда присяжных, верят в его справедливость. Свое возможное участие в суде связывают с восстановлением справедливости в обществе, вынесением компетентного решения. Отношение к данной ситуации – позитивное, ярко эмоционально окрашенное, преобладающие эмоции – ответственности и радости.

- «*Социальные активисты*» осведомлены о существовании суда присяжных, верят в его справедливые решения. Свое участие в суде присяжных связывают с общественным признанием, возможностью быть нужным и востребованным в обществе, способностью повлиять на решение суда. Отношение к данной ситуации - позитивное, преобладают эмоции радости и гордости за себя в связи с возможностью участия в значимом для общества деле.

- «*Познаватели*» частично осведомлены о суде присяжных, в меньшей степени верят в его справедливость. Свою позицию в суде присяжных связывают с возможностью получения новых знаний, информации, впечатлений. Отличаются эмоционально-нейтральным отношением к данной ситуации, с преобладанием эмоций интереса и удивления.

Отказавшиеся от участия в суде присяжных также подразделяются на три группы.

- «*Нигилисты*» осведомлены о роли и функциях суда присяжных. Отмечают полное отсутствие веры в справедливость суда присяжных. Свой отказ от участия обосновывают невозможностью повлиять на судебные решения. При описании понимания данной ситуации им свойственно обращение к широким обобщениям относительно устройства общества в целом. Отличаются ярко окрашенным негативным отношением к данной ситуации. Преобладают эмоции раздражения, недовольства, гнева.

- «*Деловые*» отличаются неполной осведомленностью о суде присяжных и частичной верой в его справедливость. Отказ от участия связывают с собственной некомпетентностью в данном виде деятельности, а также с отвлечением от значимых для них дел. Отличаются эмоционально-нейтральным и слабо-отрицательным отношением к данной ситуации. Преобладающие эмоции - настороженность, недовольство.

- «*Эмоционально-тревожные*» в большинстве не осведомлены о суде присяжных и не верят в его справедливость. Свое возможное участие в суде присяжных связывают с сильным эмоциональным напряжением, которое может повлиять на принятие неверного решения. Отличаются отрицательно-негативным отношением к ситуации, преобладают страх, тревога, волнение.

Факторы зала суда. Желание принять участие в судебном процессе может быть связано и с особенностями ситуации. Нежелание порождается формальностью обстановки в зале суда, необходимостью дать клятву, ожиданиями со стороны судьи и серьезностью рассматриваемого дела (*Marshall, Smith, 1980*).

Выполнение обязанностей присяжных является для людей, не работающих в рамках правовой системы, *стрессогенным фактором*. Присяжные испытывают стресс, даже если удовлетворены своей работой в коллегии и позитивно относятся к этому правовому институту. Женщины оценивают уровень стресса выше, чем мужчины (*Bornstein et al., 2005*). Основными факторами, вызывающими стресс, по оценкам присяжных являются (по уменьшению значимости):

1. нарушение привычного распорядка дня (длинный рабочий день в суде, длинный судебный процесс, длинное об-суждение вердикта, длинные перерывы в судебном процессе, изменение обычного распорядка дня);

2. сложность судебного процесса (большое количество новой информации, сложность доказательств);

3. реакция на доказательства (демонстрация фото и виде-оматериалов с места преступления, чувства, которые выража-ют подсудимый и потерпевший);

4. важность решения (знание того, к каким последствиям приведет вердикт, страх сделать ошибку);

5. исполнение обязанностей присяжного (ожидание вы-зова в суд и процедура отбора);

6. взаимодействие с другими присяжными (необходи-мость быть в меньшинстве, не соглашаться с другими присяж-ными);

7. внешнее воздействие (страх перед репрессиями, пуб-личность судебного процесса).

Достаточно высокое напряжение возникает уже на первой стадии судебного процесса с участием присяжных — во время процедуры отбора. Тревога может привести к нежеланию при-сяжных откровенно отвечать на вопросы, которые задают суд-ья и стороны. При этом ожидания со стороны судьи и сторон оказывают незначительное влияние на честность присяжных (*Marshall, Smith, 1980*).

Поэтому желание и качество работы присяжных зависит от силы их мотивации. Основными *мотивами присяжных* яв-ляются вынесение судебного решения, основанного на дока-зательствах, с одной стороны, и справедливого — с другой.

Так, Хэсти и его коллеги (*Hastie, Penrod, Pennington, 1983*) выделили следующие мотивы участия присяжных в судебном процессе:

- хорошее выполнение своей работы, которое включает в себя как результат (принятие справедливого решения), так и процесс (поиск правды, следование инструкции судьи);

- предотвращение действия неправильного (несправедли-вого) закона;

- осуществление требований окружающих (юристов, родных, друзей);
- наказание или вознаграждение кого-нибудь из присяжных путем вынесения вердикта в соответствии с его позицией;
- наказание или вознаграждение членов определенной социальной группы, выделенной, например, по расовому или возрастному признаку;
- оказание влияния на других членов коллегии.

По результатам российских исследований (*Гулевич, 1996*), основными мотивами участия присяжных в судебном процессе являются восстановление справедливости и интерес к происходящему.

Судебное следствие. Судебное следствие начинается со вступительных речей прокурора и адвоката, в которых каждый из них кратко излагает свою точку зрения на произошедшее в момент совершения преступления, а также предлагает порядок исследования доказательств. После этого начинается предъявление доказательств по делу, среди которых наиболее важное место занимают показания свидетелей, подсудимого, потерпевшего, а также результаты проведенных экспертиз, обысков, осмотра места происшествия. В ходе судебного следствия присяжные имеют право через судью задавать вопросы всем участникам судебного процесса, а также вести записи, которые потом смогут использовать при обсуждении вердикта в совещательной комнате.

Судья по собственной инициативе или по ходатайству сторон может исключать из судебного дела некоторые доказательства, недопустимость которых выявилась в ходе судебного разбирательства. Недопустимыми доказательствами являются те, которые были получены с нарушением процедуры (например, результаты обыска, проведенного в отсутствие понятых) или не имеющие отношения к рассматриваемому делу (например, наличие у подсудимого криминального опыта, признание его хроническим алкоголиком или наркоманом). Вопрос о недопустимости доказательств рассматривается в отсутствие присяжных, которых судья просит временно удалиться в совещательную комнату.

Прения сторон. После окончания судебного следствия суд переходит к заслушиванию прений сторон, в ходе которых прокурор и адвокат снова излагают свою точку зрения на происшедшее в момент совершения преступления, подкрепляя ее рассмотренными в ходе судебного следствия доказательствами. После окончания прений все их участники имеют право на реплику. Право последней реплики предоставляется адвокату и подсудимому.

Формулирование вопросного листа. После окончания прений начинается формулирование вопросного листа, включающего в себя вопросы, на которые присяжные должны дать ответ в ходе обсуждения в совещательной комнате. Вопросный лист с ответами присяжных и является вердиктом. В вопросный лист включаются четыре типа вопросов: Доказано ли, что деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, имело место? доказано ли, что это деяние совершил подсудимый? виновен ли подсудимый в совершении этого деяния? заслуживает ли подсудимый снисхождения? Таким образом, присяжные, в основном, решают вопрос о том, имело ли место преступление и виновен ли в нем подсудимый. Вынесение решения о наказании – это прерогатива судьи, однако присяжные имеют возможность повлиять на него, положительно ответив на вопрос о том, достоин ли подсудимый снисхождения. Окончательный вариант вопросного листа формулирует судья, учитывая мнение адвоката и прокурора.

Напутственное слово председательствующего. Когда вопросный лист готов, судья произносит напутственное слово, адресованное присяжным, в котором он приводит содержание обвинения; напоминает присяжным представленные в ходе процесса доказательства и позиции сторон; разъясняет правовые нормы, которыми они должны руководствоваться при вынесении вердикта; а также объясняет, как будет происходить совещание присяжных.

Вынесение вердикта. Прослушав напутственное слово судьи и получив вопросный лист, присяжные удаляются в совещательную комнату для вынесения вердикта. Они должны принять единогласное решение по всем вопросам

или спустя три часа после начала обсуждения провести голосование. Во втором случае решение выносится большинством голосов при условии, что соотношение «6 к 6» трактуется в пользу подсудимого. Если в ходе обсуждения у присяжных возникают какие-либо вопросы, они имеют право задать их судье. Ответив на все вопросы вопросного листа, присяжные возвращаются в зал суда, где старшина зачитывает вердикт.

Вынесение приговора. Вынесение приговора осуществляется судьей без участия присяжных, но на основании их вердикта. Если присяжные признали подсудимого невиновным в совершении преступления, судья выносит оправдательный приговор и освобождает подсудимого из-под стражи прямо в зале суда. Если вердикт присяжных гласит «виновен», то судья назначает ему меру наказания.

Сторонники суда присяжных полагают, что достоинством этой формы судопроизводства является соблюдение четырех основных принципов: непосредственности восприятия, беспристрастности, независимости коллегии и состязательности сторон. Согласно *принципу непосредственности*, основу судебного решения должны составлять доказательства, предъявленные в ходе судебного следствия. Сторонники суда присяжных утверждают, что наличие у профессиональных судей ряда стереотипов, возникающих по мере их «вхождения в профессию», затрудняет реализацию этого принципа. В этой ситуации вердикт присяжных, не имеющих опыта вынесения судебного решения, в большей степени отвечает принципу непосредственности. Согласно *принципу беспристрастности*, судебное решение должно выноситься человеком, незаинтересованным в исходе дела, не имеющим предубеждений в пользу одной из сторон. Сторонники суда присяжных полагают, что присяжные, не имеющие личной заинтересованности в принятии определенного решения, то есть не связанные интересами ведомства, в котором они работают, не знакомые с подсудимым, потерпевшим, свидетелями, прокурором, адвокатом и судьей, будут выносить беспристрастные решения. Процедура судебного процесса включает в себя ряд механизмов (отбор коллегии

присяжных, создание торжественной и одновременно рабочей атмосферы в зале суда, соблюдение процедуры вынесения решения), позволяющих присяжным сохранить беспристрастность. Размер коллегии затрудняет оказание давления на ее членов, что гарантирует ее *независимость*. Публичность процесса повышает вероятность того, что обе стороны - прокурор и адвокат - получают возможность высказать свою позицию по делу, что обеспечит соблюдение принципа *сопоставительности сторон* (Карнозова, 2000)⁴.

⁴ Необходимость введения суда присяжных до сих пор является спорным вопросом. и если в середине 90-х годов достоинства и недостатки этой формы судопроизводства обсуждались людьми, которые не принимали реального участия в подобных судебных процессах, в последние годы определенное мнение о ней сложилось у профессиональных юристов, участвующих в суде присяжных – судей, прокуроров, адвокатов. Интервью, проведенные с такими людьми в 2005 г., позволило выделить достоинства и недостатки, которые они приписывают российскому суду присяжных.

В качестве достоинств суда присяжных судья и стороны приводят причины:

- мировоззренческого характера: необходимость данного института для построения гражданского общества; изменение правосознания граждан в ходе выполнения ими обязанностей присяжного;

- связанные с принятием судебного решения: независимость присяжных от судьи и сторон; высокая мотивация присяжных, осознание ими ответственности за решение; внимательное отношение к доказательствам, вынесение решения на их основе; более качественная работа сторон в судебном процессе.

Недостатки суда присяжных судья и стороны связывают со следующими причинами:

- процедура отбора присяжных: ошибки при составлении списка присяжных, в которые попадают люди с неснятыми судимостями; возникновение у присяжных трудностей на работе при попадании в коллегию присяжных; отсутствие имущественного и образовательного ценза при отборе присяжных;

- «технические» недостатки организации судебного процесса: право выбора этой формы судопроизводства только у одного из участников судебного процесса – подсудимого; длинные вопросные листы; периодическое отсутствие времени на серьезное рассмотрение какого-либо вопроса; длительность процессов и короткий рабочий день, дороговизна этой формы судопроизводства; неадекватность составов преступлений, выносимых на суд присяжных (некоторые судьи рекомендуют изъять изнасилование и получение взятки из рассмотрения судом присяжных, но ввести суд присяжных по некоторым категориям гражданских дел, особенно

Эта идея породила ряд представлений о том, каким должен быть идеальный присяжный:

- присяжные являются «чистой доской», то есть, входя в зал суда, они «оставляют за дверью» свои аттитуды, ценности и жизненный опыт;

- присяжные принимают решение, основываясь исключительно на доказательствах, предъявленных в ходе судебного процесса, не принимая во внимание никакую другую информацию;

- присяжные тщательно запоминают и используют все те доказательства, которые были предъявлены им в ходе судебного следствия;

- присяжные откладывают принятие решения до обсуждения, происходящего в совещательной комнате;

- индивидуальные мнения присяжных не изменяются под воздействием других членов коллегии.

Таким образом, «идеальный присяжный» - это человек, способный мгновенно отказаться от накопленного опыта, умеющий сознательно оттягивать оценку новой и интересной для него информации, полностью игнорирующий мнение окружающих людей, то есть обладающий психологическими особенностями, не свойственными людям в целом. Естественно, что реальные присяжные не полностью соответствуют этим представлениям. То же самое касается и людей с юридическим образованием, которые достаточно долго работают в рамках судебной системы. Однако проблема заключается в степени несоответствия. Именно ей и посвящена эта глава.

Главный вопрос, который возникает в связи с судом присяжных – это точность вынесенного вердикта. Ответить на него чрезвычайно сложно из-за отсутствия эталона. Перед началом судебного процесса мы не знаем, действительно ли подсудимый совершил то преступление, в котором его обвиняют. Даже после его завершения основным критерием виновности подсудимого является судебное решение, а не «то, что было на самом деле». Существует несколько вариантов определения

тем, где оппонентами выступают отдельный человек и государство);

качества вердикта присяжных:

- соответствие вердиктов присяжных решениям профессиональных судей;
- описание стратегий анализа присяжными информации, полученной в ходе судебного процесса;
- анализ процесса вынесения вердикта;
- выявление факторов, оказывающих влияние на вердикт.

II. Соответствие вердиктов присяжных решениям профессиональных судей

Одно из классических исследований в этой области было проведено Г.Кальвином и Г.Зейцелом (*Kalven, Zeisel, 1966*). В их распоряжении были вердикты по 3576 уголовным судебным процессам с участием присяжных, проходившим в США. В тот момент, когда присяжные уходили в совещательную комнату выносить вердикт, исследователи просили судью высказать собственное мнение о рассматриваемом деле. Оказалось, что в 13,4% случаев и судьи, и присяжные соглашались с оправданием подсудимого, а в 62% – с обвине-

- проблемы, связанные с вынесением вердикта: возможность подкупа присяжных; изначальный обвинительный уклон некоторых категорий присяжных; нежелание присяжных взять на себя ответственность за осуждение человека; отсутствие у присяжных информации о личности подсудимого, в том числе о его прошлых судимостях; ориентация на эмоции, а не на доказательства.

Достоинства и недостатки, которые приводят судья и стороны, во многом являются отражением их профессиональной роли. в частности, судьи делают акцент на трудностях отбора и технических трудностях подобных процессов, одновременно приводя мировоззренческие причины и причины, связанные с вынесением решения в пользу суда присяжных. Прокуроры делают акцент на отсутствие у присяжных информации о личности подсудимого, их ориентации на эмоции, возможности подкупа, не видя достоинств этой формы судопроизводства. Адвокаты, в свою очередь, делают акцент на беспристрастности и качестве работы присяжных, уделяя меньше времени недостаткам.

нием. Таким образом, судьи и присяжные были согласны более чем в 75% случаев. Только в 2,2% случаев судьи говорили об оправдании, а присяжные – об обвинении. Обратная ситуация наблюдалась в 16,9% случаев. Похожие результаты были получены в английском исследовании (*Baldwin, McConville, 1980*). Это означает, что присяжные относятся к подсудимому более лояльно, чем судьи.

III. Стратегии анализа информации, полученной в ходе судебного процесса

Эмпирические исследования с использованием методики «игровых процессов» показали, что присяжные обращают серьезное внимание на доказательства и, анализируя их, используют конструктивные стратегии. Например, обсуждая позицию прокурора, они часто делают утверждения, говорящие в ее пользу, сомневаются в виновности подсудимого из-за наличия альтернативной интерпретации доказательств или нарушения норм их получения, публично отказываются выносить решение до знакомства с позицией адвоката. Обсуждая позицию адвоката, они поддерживают ее, когда она основана на доказательствах, и опровергают, когда она противоречит им или основывается на обстоятельствах, не имеющих отношения к тому, совершил ли подсудимый преступление (например, его юности).

Вместе с тем, «игровые» присяжные реже высказывают сомнения в правильности позиции прокурора, основываясь на аргументах, не являющихся доказательствами (например, «несправедливо делать подсудимого «козлом отпущения»»), реже одобряют подобные доводы со стороны адвоката и дают общую оценку его позиции (например «доводы защиты серьезны» или «адвокат говорит вздор»), то есть реже используют неконструктивные стратегии (*Honess, Levi, Charman, 1998*).

IV. Анализ процесса вынесения вердикта

В основе психологического анализа вынесения вердикта лежит когнитивный подход. Вердикт рассматривается как результат обработки присяжными информации, поступающей к ним из внешней среды, то есть от других участников судебного процесса (*Hastie, Penrod, Pennington, 1983*). Таким образом, присяжные выполняют в суде две роли: «*зрителей*» (объекта воздействия, осуществляемого другими участниками судебного процесса) и «*решателей*» (принимающих решение на основе уже имеющихся знаний и оценок, проявляющих самостоятельную активность по отбору информации и ее классификации). Анализ информации, которую присяжные получают в зале суда, происходит с учетом их представлений о мире, сформировавшихся еще до начала судебного процесса (например, о возможных мотивах поведения преступника или последствиях применения огнестрельного оружия). Основной единицей таких представлений является социальная установка (аттитюд), включающий в себя когнитивный (представления, знания) аффективный (эмоциональное отношение) и поведенческий (намерение совершить определенный поступок) компоненты. В ходе судебного процесса у человека актуализируются аттитюды, соответствующие обстоятельствам дела (см. главу 1).

Аттитюды выполняют функцию информационного «фильтра», способствуя восприятию и запоминанию соответствующей им информации в ущерб несоответствующей, а также определенному направлению ее интерпретации (подробно об аттитюдах см. главу 1). Например, в исследовании, проведенном по материалам судебного процесса, посвященного дискриминации при принятии на работу, присяжные обоого пола смотрели видеозапись судебного заседания (*Vinson, 1986*). В интервью, данном после просмотра процесса, женщины вспоминали, что показания женщины-истца были записаны в черно-белом варианте, а показания мужчины-ответчика —

в цветном. Они считали, что защита сделала это для того, чтобы повлиять на решение присяжных. В действительности все показания были сняты на цветную пленку.

К настоящему времени сформулированы две психологические модели, описывающие процесс вынесения вердикта — модель истории Р.Хэсти, С.Пенрода и Н.Пеннингтон и модель правил вынесения решения Г.Гарфинкеля.

1. Правила вынесения вердикта по Г.Гарфинкелю

Г.Гарфинкеля интересовали правила решения, которые присяжные заседатели используют при вынесении вердикта (*Garfinkel, 1967*). Он исходил из предположения о существовании двух типов таких правил. К первому типу относятся те, которые используются присяжными за стенами суда (обыденные нормы), а ко второму — те, использование которых предписывается законом (официальные нормы).

В соответствии с обыденными нормами решение, основанное на фактах, правильно, если оно:

- принято за то время, которое было дано на его вынесение;
- не требует от присяжных отказаться от аттитюдов и обыденных правил принятия решения;
- не требует, чтобы присяжные нейтрально относились к происходящему за стенами суда;
- не требует, чтобы присяжные «забыли» о способах демонстрации компетентности, власти и ответственности, принятых в обществе;
- не требует от присяжных серьезного анализа происходящего;
- связано с постановкой такого количества вопросов, которое делает возможным немедленное вынесение решения;
- позволяет присяжным завершить вынесение вердикта, сохранив свое доброе имя.

Официальные нормы отличаются от обыденных. Они гласят, что:

- между законным и справедливым «хорошие» присяжные выбирают законное;
- для «хорошего» присяжного выбор осуществляется вне

зависимости от симпатии к одному из участников судебного процесса;

- для «хорошего» присяжного закон и доказательства — это основы решения;

- «хороший» присяжный следует инструкции судьи;

- «хороший» присяжный воздерживается от принятия решения до начала обсуждения вердикта;

- «хороший» присяжный не учитывает при вынесении решения свои интересы, а также ожидания значимых для него людей;

- «хороший» присяжный рассматривает возможность приложения правил, которые он использует за стенами суда, только теоретически, но не использует их в суде;

- «хороший» присяжный формирует свои суждения независимо от других людей, но при этом допускает, что другие люди могут формировать противоположные суждения;

- «хороший» присяжный не будет из гордости защищать позицию, противоречащую доказательствам.

Гарфинкель отрицал необходимость использования присяжными при принятии решения своего жизненного опыта. Он исходил из предположения, что единственной основой судебного решения является информация, полученная ими в зале суда, и официальные нормы. По его мнению, в ходе обсуждения вердикта присяжные постоянно сталкиваются с необходимостью выбора между обыденными и официальными нормами и чувствуют себя обязанными следовать последним. Однако в большинстве случаев им это не удастся. Практическим следствием этой модели является необходимость оптимизации процедуры судебного процесса, целью которой является улучшение понимания присяжными правовых норм, речь о которых пойдет в конце главы.

2. Модель истории Р.Хэсти, С.Пенрода и Н.Пеннингтон

Одной из проблем модели Гарфинкеля является игнорирование того факта, что ни один человек, принимая решение, не в состоянии отрешиться от своего прошлого опыта. Более того, прошлый опыт необходим для принятия правовых решений. Эта идея легла в основу наиболее известной психологической модели вынесения вердикта, авторами которой являются

Р.Хэсти и коллеги (*Hastie, Penrod, Pennington, 1983; Pennington, 1981; Pennington, Hastie, 1992*).

Согласно этой модели, вынесение вердикта включает в себя три стадии: (а) конструирование истории, (б) понимание содержания вопросного листа и (в) классификация истории.

На первой стадии – **стадии конструирования истории** – все доказательства, запомненные присяжными в ходе судебного процесса, объединяются ими в одну или несколько историй, описывающих то, что «случилось на самом деле».

1. История имеет определенную структуру. Существует несколько разных **описаний этой структуры**. Согласно *одному из них*, история состоит из

- инцидента (события, которое в конечном итоге привело к совершению преступления). Таким инцидентом может стать, например, распитие будущими подсудимыми спиртных напитков или ссора с будущим потерпевшим;

- физических и физиологических особенностей подсудимого и потерпевшего (их внешнего вида, физической силы и т.д.);

- их психологических характеристик (чувств, которые они испытывали, мыслей, которые у них появлялись до, во время и после совершения преступления). Например, в ходе судебного процесса, как правило, появляется информация о том, что подсудимый был агрессивным или миролюбивым человеком, был расстроен или весел, ревновал и т.д.;

- их целей, мотивов;

- их поведения до, во время и после совершения преступления;

- результата (т.е. последствий совершения преступления для подсудимого и потерпевшего).

В соответствии с *другим описанием, структура истории* включает в себя (а) инцидент, (б) психологическое состояние (эмоции, мысли, цели), порожденные инцидентом, (в) попытку совершения действий, (г) ее последствия, (д) реакцию на последствия попытки (*Westcott, Kynan, 2004*).

И наконец, согласно *третьему описанию*, история состоит из (а) основных участников (преступника и жертвы), (б) кон-

текста, (в) целей, мотивов, (г) средств, (д) результата.

2. История строится на основе информации двух типов (*Pennington, Hastie, 1992*). Один из них - доказательства, представленные в зале суда. В ходе формулирования истории присяжные оценивают разные доказательства. Каждое доказательство обладает для них своей ценностью. В основу своего решения присяжные кладут те доказательства, которые, с их точки зрения, обладают наибольшей ценностью. Для определения ценности доказательств необходима информация второго типа – представления о том, как обычно совершаются разные преступления, какими особенностями обладают преступники и жертвы, а также о людях вообще, причинах, движущих их поведением, способах решения проблем и т.д., не связанных с совершением преступления. Эти представления существуют у присяжных еще до начала судебного процесса.

3. История может строиться вокруг разных людей – подсудимого, потерпевшего, свидетелей. От того, кто будет выбран за «точку отсчета», частично зависит содержание истории.

Это можно проиллюстрировать примером, заимствованным из «игрового» судебного процесса с участием присяжных, проведенного в 90-х годах 20 века. В нем подсудимым был помощник машиниста, которого обвиняли в халатном исполнении должностных обязанностей, в результате чего один из пассажиров получил серьезные травмы. По версии обвинения, перед отправкой электрички помощник машиниста не вышел на платформу, чтобы проверить, не защемило ли кого-то из пассажиров дверью. Помощник машиниста – молодой человек, отрицал, что допустил такую оплошность. Было известно, что платформа имела изгиб, что затрудняло наблюдение за последними вагонами. И наконец, некоторые сведения касались пострадавшего пассажира. Было известно, что он – мужчина средних лет, в электричке выпил несколько бутылок пива, хотя и не признавал себя пьяным. Перед концом посадки он вышел из электрички, чтобы помочь женщине, а перед закрытием дверей попытался вскочить в вагон.

В ходе обсуждения, которое развернулось в совещательной комнате, «игровые» присяжные составили две истории. Первая из них строилась вокруг помощника машиниста:

обсуждались преимущественно его действия. Авторы этой истории выступали за обвинительный вердикт. Вторая история строилась вокруг действий потерпевшего – употребления пива (в то время употребление спиртных напитков в общественном транспорте еще не стало явлением повсеместным) и его неожиданного возвращения в вагон. Авторы этой истории выступали за оправдательный вердикт.

4. Как следует из этого примера, на основе одних и тех же доказательств присяжные могут конструировать сразу несколько историй. Это происходит, во-первых, при нехватке информации, а, во-вторых, когда одни доказательства противоречат другим. В первом случае присяжные активно привлекают свой повседневный опыт, а во втором выбирают доказательства, которые заслуживают наибольшего доверия и отвергают другие.

5. Одним историям присяжные верят больше, чем другим. «Хорошая», с точки зрения присяжных, история обладает следующими особенностями:

- последовательностью, отсутствием внутренних противоречий. «Хорошая» история включает в себя структуру, при которой события располагаются от причин к следствиям, а также доказательства, которые не противоречат друг другу;

- завершенностью, то есть присутствием всех перечисленных выше элементов;

- правдоподобием, соответствием обыденным представлениям;

- связью с доказательствами: чем лучше история объясняет доказательства, тем больше ей доверяют;

- наличием конкретных деталей, поскольку они легче поддаются визуализации и позволяют создать более яркий сценарий развития событий.

6. Присяжные не всегда составляют историю самостоятельно. Они могут заимствовать уже готовую историю, рассказанную прокурором или адвокатом в прениях. Именно поэтому заключительные речи сторон, построенные в форме истории, зачастую более эффективны, чем речи в виде простого перечисления доказательств. Кроме того, построение истории облегчается и определенным порядком предъявления доказа-

тельств в ходе судебного процесса.

7. Стадия конструирования истории является в модели Хэсти и коллег основной.

Ее важность подтверждается:

- наблюдением за работой коллегии присяжных, которое показало, что люди, вынесшие разные вердикты, отличаются друг от друга структурой истории, а не пониманием содержания вопросного листа или правилами классификации;

- оценкой эффективности коммуникативных стратегий адвоката и прокурора: большее влияние на присяжных оказывают адвокат и прокурор, которые представляют свою позицию в виде истории, например, последовательно вызывают свидетелей, которые рассказывают о возможных мотивах подсудимого, наличия у него возможности совершить преступление, его характере и отношениях с потерпевшим.

8. Формулирование присяжными истории о том, как было совершено преступление, приводит к:

- выборочному использованию ими предъявленных доказательств: присяжные акцентируют внимание на тех доказательствах, которые соответствуют истории (*Olsen-Fulero, Fulero, 1997*);

- выборочной интерпретации новых доказательств: оценивая доказательства, представленные после формулировки истории, человек интерпретирует их в направлении своей точки зрения (*Carlson, Russo, 2001*);

- выбору определенного вердикта. Яркая иллюстрация связи между структурой истории и вердиктом содержится в исследовании, проведенном авторами описанной модели (*Pennington, Hastie, 1986*), участники которого исполняли роли присяжных заседателей в судебном процессе по обвинению Джонсона в убийстве его приятеля Кэдвелла. Анализ их рассуждений о том, что произошло на месте преступления, позволил выделить четыре разных истории (*Pennington, Hastie, 1992*).

1. *История, соответствующая вердикту «убийство первой степени»*

Инцидент: Джонсон и Кэдвелл сидели в баре. Сандра Ли состояла с Кэдвеллом в близких отношениях. Она попросила Джонсона прокатить ее на мотоцикле. Кэдвелл разозлился, схва-

тил бритву и напал на Джонсона. У Джонсона не было ножа.

Цель: Позже Джонсон пытался найти Кэдвелла и убить его.

Поведение: Джонсон пошел домой, взял нож, вернулся в бар и вышел с Кэдвелом на улицу. Кэдвелл ударил Джонсона. Джонсон ударил его ножом и нанес страшную колотую рану в грудную клетку.

Результат: Кэдвелл получил сильное ножевое ранение и умер от него.

2. История, соответствующая вердикту «убийство второй степени».

Инцидент: Джонсон и Кэдвелл поспорили. Джонсон покинул бар и пошел домой. Джонсон часто бывал в баре.

Психологическое состояние: Джонсон ждал неприятностей.

Цель: Джонсон решил вернуться в бар и, ожидая неприятностей, взял с собой нож.

Поведение: Джонсон положил нож в пакет и вернулся в бар. Джонсон и Кэдвелл продолжали спорить, и спор перешел в драку. Кэдвелл ударил Джонсона, а Джонсон — Кэдвелла. Джонсон ударил Кэдвелла ножом и нанес ему страшную колотую рану в грудную клетку.

Результат: Кэдвелл получил ножевое ранение и умер. В сумке Кэдвелла нашли его бритву.

3. История, соответствующая вердикту «непредумышленное убийство»

Инцидент: Джонсон и Кэдвелл подрались. Потом они вышли на улицу, и Кэдвелл ударил Джонсона. Джонсон пошел домой и взял нож.

Психологическое состояние: Джонсон подумал, что Кэдвелл хочет убить его, то есть представляет для него угрозу. Кэдвелл был спровоцирован.

Цель: Кэдвелл хотел убить Джонсона. Джонсон хотел остановить Кэдвелла, выровнять шансы.

Поведение: Джонсон взял нож и нанес Кэдвеллу сильный удар.

Результат: в пакете Кэдвелла нашли его бритву.

4. История для вердикта «невиновен»

Инцидент: Кэдвелл пригласил Джонсона выйти. Они вышли. Кэдвелл ударил Джонсона, схватил бритву, сделал движение по направлению к приятелю. Джонсон хотел уйти от Кэдвелла. Джонсон не собирался идти в бар, если там будет Кэдвелл. Но Кэдвелла там не оказалось, и поэтому он вошел в бар. Джонсон носил с собой нож по привычке.

Психологическое состояние: Джонсон знал, что они с Кэдвеллом были в баре. Сандра Ли состояла с Кэдвеллом в близких отношениях. Она попросила Джонсона прокатить ее на мотоцикле. Кэдвелл разозлился, схватил бритву и угрожал Джонсону. Джонсон покинул бар. Кроме того, Джонсон видел бритву.

Цель: Джонсон намеревался показать Кэдвеллу нож и защитить себя.

Поведение: Джонсон достал нож, отошел к стене, Джонсон и Кэдвелл подрались.

Результат: Нож вошел в Кэдвелла, и он был серьезно ранен.

9. Важность процесса конструирования истории для вынесения вердикта делает необходимым учет эффекта «*оценки задним числом*» — тенденции преувеличивать вероятность того исхода, который действительно наступил. В частности, если человек знает, что встреча между женщиной-подчиненной и мужчиной-начальником закончилась изнасилованием, он оценивает этот исход как более вероятный, чем когда становится известно, что исходом встречи стало повышение женщины по службе или сделанное ей предложение вступить в брак, а также когда исход остался неизвестным (*Carli, Leonard, 1989; Worthington et al., 2002*).

Переоценка вероятности наступивших последствий по сравнению с другими вариантами развития событий приводит к (*Eberwine, 2005; Harley, 2007*):

- восприятию преступления как того, что можно было предвидеть;
- увеличению оценки намеренности поведения подсудимого;
- росту оценки ответственности ответчика в гражданских процессах;
- выбору определенной меры наказания подсудимого. Например, люди, принимающие решение о размере денежной

компенсации истцу, пострадавшему от неправомерных действий полицейских, предлагают меньшую компенсацию, если знают, что истец на самом деле совершил преступление, при расследовании которого полицейские и нарушили закон (*Casper, Benedict, Kelly, 1988*). Вместе с тем они выступают за большую сумму штрафа, когда думают, что нарушение компании-ответчиком правил технической безопасности на железной дороге привело к серьезной аварии, чем когда не знают о подобном исходе. Этот эффект, хотя и в меньшей степени, проявляется у профессиональных судей и экспертов (*Harley, 2007; Sunstein et al., 2002*).

В основе этого эффекта лежит:

- преимущественное запоминание деталей происшествия, соответствующих его окончанию (*Carli, 1999*);
- интерпретация доказательств в свете известных последствий (*Eberwine, 2005*).

Существует, по крайней мере, два условия, усиливающих эффект «оценки задним числом» (*Harley, 2007*):

- размер нанесенного ущерба: чем серьезнее ущерб, тем больше выражен этот эффект;
- способ демонстрации информации об исходе: чем ярче презентация, тем сильнее эффект. Например, он больше проявляется у присяжных, которые смотрят компьютерный анимированный видеоролик, посвященный дорожно-транспортному происшествию, чем у тех, кто видит лишь схему аварии, нарисованную на бумаге.

Важность этого эффекта в контексте суда присяжных определяется знанием членов коллегии о последствиях совершения преступления и их желанием понять причины происшедшего. Таким образом, в ходе конструирования истории присяжные могут игнорировать ту информацию, которая говорит о случайности совершенного преступления.

На второй стадии — **стадии понимания вопросного листа** — присяжные разбираются с основными понятиями вопросного листа и обдумывают напутственное слово судьи.

На третьей стадии — **стадии классификации истории** — присяжные устанавливают соотношение между особенностями истории и содержанием вопросного листа, что приводит

к вынесению ими определенного вердикта.

Для проверки этой модели Р.Хэсти и коллегами было проведено исследование, в котором принимали участие игровые коллегии присяжных. Его результаты показали, что:

- время, затрачиваемое на обсуждение вопроса о доверии к показаниям свидетелей, постепенно уменьшается к концу обсуждения;

- время, затрачиваемое на обсуждение напутственного слова судьи, увеличивается к концу обсуждения;

- к концу обсуждения присяжные задают меньше вопросов друг другу и реже корректируют высказывания коллег относительно доказательств, чем в начале;

- к концу обсуждения учащаются высказывания, касающиеся вердикта.

В более позднем исследовании также было показано, что хотя большая часть высказываний присяжных при обсуждении вердикта касается доказательств, нормативные (указание на социальные нормы, предпочитаемый вердикт, необходимость вынести решение) и процедурные (упоминание правовых норм) высказывания чаще всего встречаются в последней трети обсуждения (*Hansen, Schaefer, Lawless, 1993*).

Все это говорит о том, что стадия конструирования истории предшествует во времени двум другим стадиям.

Модели Р.Хэсти, С.Пенрода, Н.Пеннингтон и Г.Гарфинкеля были созданы специально для описания вынесения вердикта присяжными заседателями и, несмотря на различное содержание, обладают рядом **общих особенностей**. К таким особенностям относятся:

1. Повышенный интерес к процессу вынесения решения отдельными присяжными. Для этих моделей характерно игнорирование влияния групповой динамики коллегии (влияния большинства и меньшинства, эффекта поляризации группового решения и т.д.) на вынесенный вердикт. Однако результаты исследований показывают, что вердикт коллегии присяжных не эквивалентен сумме решений, принятых ее членами. В своем исследовании Хэсти, Пенрод и Пеннингтон (*Hastie, Penrod, Pennington, 1983*) сформулировали шесть основных правил, в со-

ответствии с которыми сопоставление индивидуальных решений присяжных позволяет предсказать вердикт, вынесенный коллегией:

- правило большинства голосов: вердиктом становится то решение, за которое до начала обсуждения отдали свои голоса большинство присяжных;

- правило невзвешенного среднего: вердикт — это среднее арифметическое от индивидуальных решений присяжных. При использовании этого правила каждому варианту решения присваивается определенный балл, например, «убийство первой степени» - 4 балла, «убийство второй степени» - 3 балла, «непредумышленное убийство» - 2 балла, «невиновность по причине самообороны» - 1 балл;

- правило взвешенного среднего: решение каждого присяжного имеет определенный вес, который должен учитываться при вычислении среднего арифметического;

- правило выбора повестки дня: во время обсуждения каждый присяжный голосует за ту альтернативу, которую считает наиболее приемлемой для себя. Если при следующем голосовании эта альтернатива исключается из рассмотрения (за нее проголосовало явное меньшинство), он выбирает ту, которая наиболее близка к его предыдущему решению;

- правило лидера присяжных: наибольшее влияние на вердикт оказывает тот, кто первый сформулировал свое решение;

- правило содержания дискуссии Хоффмана: вероятность вынесения определенного вердикта зависит от количества высказываний в его пользу и против него.

Результаты исследования показали, что вердикт коллегии больше всего соответствует индивидуальным решениям, сложенным по правилу взвешенного среднего, в меньшей степени — выбору повестки дня. Правило большинства голосов описывало вердикт коллегии хуже всего.

2. Признание того факта, что при вынесении вердикта присяжные используют два типа информации: полученную в ходе судебного процесса и привнесенную ими извне. В модели Гарфинкеля это официальные и обыденные правила решения, а в модели Хэсти, Пенрода и Пеннингтон — дока-

зательства, полученные в ходе судебного процесса и аттитюды присяжных. Авторы обеих моделей отвечают на одни и те же вопросы. Насколько различаются правила, используемые присяжными за стенами суда и при вынесении судебного решения? Какова роль в этом процессе аттитюдов и ценностей присяжных?

С другой стороны, между двумя указанными моделями существует ряд существенных **различий**.

1. Несмотря на то, что авторы обеих моделей признают использование присяжными обыденных представлений и правил вынесения решения, они существенно расходятся в оценке их роли и полезности. Хэсти и коллеги рассматривают аттитюды и ценности как необходимую составную часть создаваемых присяжными историй и не исключают правомерности одновременного использования обоих видов информации. По их мнению, аттитюды используются присяжными в качестве критериев для оценки доверия к показаниям разных свидетелей, а также в качестве элементов, связывающих разные части истории о том, что произошло на месте преступления. Напротив, Гарфинкель рассматривает использование такой информации, как нарушение «правильного» хода процесса вынесения вердикта. Он практически противопоставляет друг другу официальные и обыденные правила принятия решения.

Вопрос о наиболее точной постановке проблемы, по-видимому, не имеет однозначного решения. С одной стороны, аттитюды, привнесенные присяжными в зал суда извне, действительно выполняют функцию отбора доказательств. Если доказательств много и они противоречат друг другу, то аттитюды позволяют присяжным выбрать некоторые из них. В основном это касается показаний свидетелей.

С другой стороны, в ходе судебного заседания возникают ситуации столкновения правовых норм и обыденных правил принятия решения. Например, обыденное правило принятия решения гласит, что «если существует большая вероятность того, что событие могло произойти, значит, оно произошло». С другой стороны, согласно принципу непосредственности, «произошло то, что было доказано в ходе судебного след-

ствия». Применение обыденного правила принятия решения в зале суда подразумевает оценку вероятности совершения преступления на основе обращения к информации, не являющейся доказательством (данным о характере подсудимого, его криминальном опыте, его отношениях с потерпевшей и т.д.). При его использовании решение о доказанности совершения преступления подсудимым и его виновности может быть вынесено даже при отсутствии определенных доказательств. Применение при вынесении вердикта правовой нормы подразумевает отказ присяжных от использования такого рода информации.

2. Второе различие между обсуждаемыми моделями связано со способами описания процесса принятия решения. Хэсти и коллеги описывают динамику этого процесса: выделяют стадии вынесения вердикта и определяют их последовательность. В модели Гарфинкеля стадийность процесса вынесения вердикта не рассматривается.

3. И наконец, в основе моделей лежат эмпирические данные, полученные с помощью разных процедур. Хэсти и коллеги использовали для проверки своей модели экспериментальные исследования с участием игровых коллективностей, тогда как основной методикой Гарфинкеля было интервью, проводимое с присяжными после окончания судебных процессов.

V. Факторы, оказывающие влияние на вердикт присяжных

Несмотря на наличие моделей принятия решения присяжными заседателями, большинство исследователей, занимающихся этой проблематикой, руководствуются в своей деятельности иными идеями, заимствованными из социальной и общей психологии. Они занимаются не изучением процесса принятия судебного решения в целом, а зависимостью вынесенного вердикта от ряда факторов (рис.6.1).

1. Зависимость вердикта от особенностей рассматриваемого дела

Целый ряд психологов, занимающихся проблемами суда присяжных, полагает, что **основой решения, принимаемого присяжными заседателями, являются доказательства, предъявленные в ходе судебного процесса** (*Kressel, Kressel, 2002*). Количество доказательств оказывает в три раза большее влияние, а сила — в семь раз большее, чем attitudes присяжных к подсудимому. Последние приобретают особое значение только в тех случаях, когда доказательства противоречивые или сложные.

1.1. Сила доказательств. Сила доказательств зависит от их «правдоподобия», доверия к свидетелям. Влияние силы доказательств проявляется двумя путями. Во-первых, от их содержания зависит вердикт присяжных: чем сильнее доказательства, тем больше вероятность обвинительного вердикта и меньше — снисхождения (*Field, 1979*). Во-вторых, предъявление сильных доказательств предотвращает влияние других факторов, в том числе привлекательности подсудимого или потерпевшего.

1.2. Сложность доказательств. Сложность доказательств может быть связана с (*Horowitz, Bordens, 2000*):

- специфичностью их содержания: сложными являются показания и документы, содержащие большое количество специальных терминов. Например, по мнению российских судей, прокуроров и адвокатов, работающих в суде присяжных, наиболее сложными для присяжных являются заключения для экспертов, финансовые документы, протоколы осмотра места происшествия, то есть письменные доказательства, зачитывающиеся сторонами или судьей, и включающие в себя специальную терминологию или подразумевающие наличие развитого пространственного воображения;

- их противоречивостью: сложными являются доказательства, которые не позволяют сделать однозначный вывод в пользу подсудимого или потерпевшего;

- их объемом: чем больше доказательств, в том числе показаний свидетелей, подсудимых, потерпевших, экспертов, тем сложнее их запомнить.

Специфичность содержания показаний и их большой объем приводит к увеличению когнитивной нагрузки, что яв-

ляется причиной:

- использования присяжными простых стратегий вынесения решения. Например, в гражданских процессах при увеличении количества истцов присяжные менее серьезно анализируют ущерб, нанесенный каждому истцу в отдельности. Они внимательно оценивают ущерб, нанесенный 1-2 истцам, и кладут его в основу своего решения. К такому же результату приводит и сложность языка, на котором говорят эксперты (*Horowitz, Bordens, 2000; Horowitz, Lee, Brolly, 1996*);

- изменения вердикта: рост количества истцов в гражданских процессах приводит к изменению вердикта присяжных в пользу ответчика (*Horowitz, Lee, Brolly, 1996*);

- меньшей предсказуемости вердиктов: большой объем доказательств, например, большое количество истцов в гражданских процессах, делает вердикты присяжных менее предсказуемыми (*Horowitz, Bordens, 2002*).

Кроме характера доказательств на вердикт присяжных оказывают влияние и другие особенности рассматриваемого дела: размер нанесенного ущерба, серьезность наказания, типичность преступления и вероятность его несовершения.

1.3. Размер нанесенного ущерба: возрастание серьезности ущерба приводит к:

- уменьшению доверия присяжных к показаниям, говорящим в пользу подсудимого;

- увеличению вероятности обвинительного вердикта в уголовных делах;

- желанию более строго наказать подсудимого в уголовных делах и выплатить истцу большую компенсацию в гражданских (*Greene, Johns, Smith, 2001*). Например, люди склонны выступать за более серьезное наказание для насильника, если его преступление привело к серьезным последствиям, например, беременности жертвы (*Myers, Greene, 2004*). Кроме того, присяжные ратуют за более серьезные наказания, когда речь идет о преступлении против жизни и здоровья человека по сравнению с преступлениями против собственности (*Payne et al., 2004*).

В основе влияния ущерба, нанесенного потерпевшему, лежит представление о его случайности: чем серьезнее ущерб, тем труднее оценить его и страдания жертвы как случайные, что и порождает более негативное отношение к подсудимому.

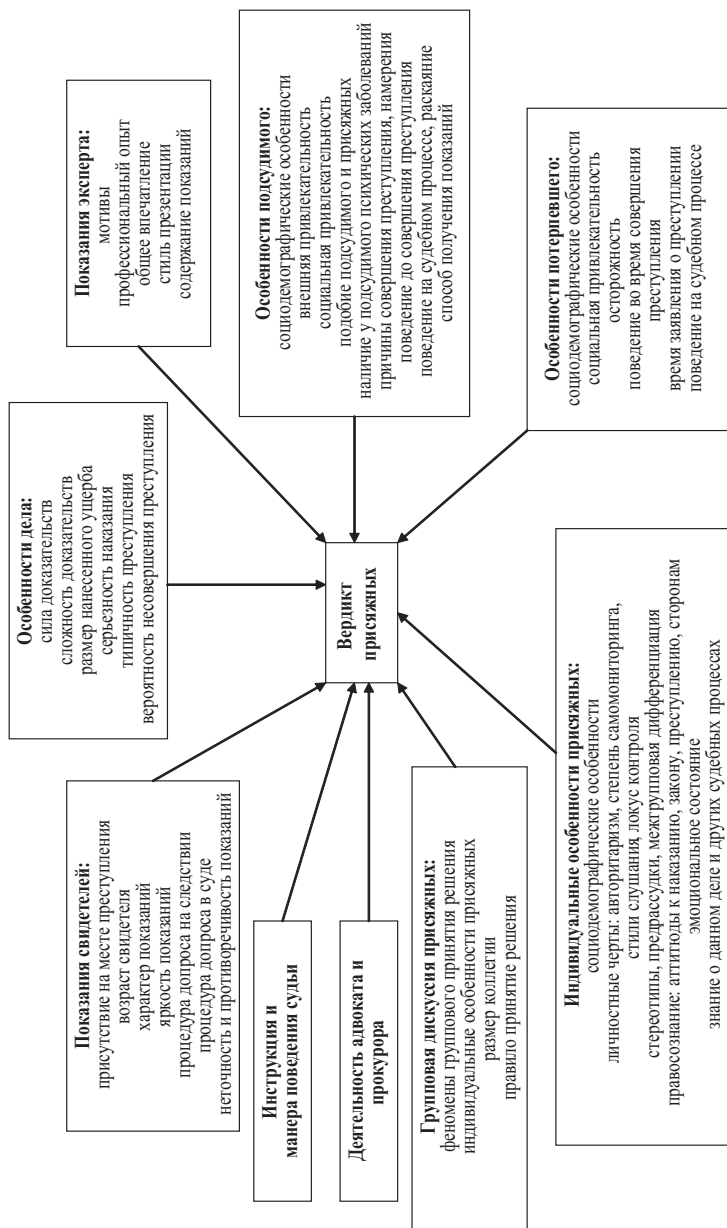

Рисунок 6.1. Факторы, оказывающие влияние на решение присяжных

Одним из способов демонстрации серьезности ущерба является выступление потерпевшего в судебном процессе. В нем потерпевший рассказывает о том, какой ущерб был нанесен ему и его родственникам, о чем он думал, что он чувствовал, как преступление повлияло на его жизнь. Такое выступление приводит к более серьезному наказанию подсудимого и уменьшает различия между наказаниями женщин и мужчин (женщины часто получают менее строгие наказания, чем мужчины), выступающих в роли подсудимых (*Myers, Greene, 2004*). Люди, слышавшие такое выступление, склонны к более серьезному наказанию женщины-подсудимой, что и уменьшает разрыв между ней и подсудимым-мужчиной. Причиной этого является рост оценки опасности женщины-подсудимой в будущем (*Forsterlee, Fox, Forsterlee, 2004*).

1.4. Серьезность наказания за преступление

Решение присяжных зависит от серьезности наказания, которое может понести подсудимый: «игровые» присяжные реже выступают за обвинение подсудимого, если знают, что ему грозит более серьезное (от 25 лет тюремного заключения до смертной казни), чем если менее серьезное (5-20 лет) наказание (*Stoffelmayr, Diamond, 2000*).

1.5. Типичность преступления

Под типичностью преступления понимается его соответствие существующему в обыденном сознании скрипту. Скрипт преступления является одной из составных частей когнитивного компонента аттитудов к преступлению (глава 1). Он включает в себя описание типичной последовательности действий преступника и жертвы в момент совершения преступления, а также перечень их индивидуальных особенностей. Соответствие реального события скрипту приводит к:

- оценке произошедшего как преступления;
- лучшему запоминанию деталей совершенного преступления (*Stalans, 1993; Tuckey, Brewer, 2003*);
- менее интенсивному поиску дополнительной информации о подсудимом (*Jones, Kaplan, 2003*);
- более тщательному анализу доказательств, подтверждающих вину подсудимого (*Jones, Kaplan, 2003*);

- большей вероятности вынесения обвинительного вердикта (*English, Sales, 1997; Jones, Kaplan, 2003*);
- более суровому наказанию подсудимого (*Abwender, Hough, 2001; Gordon et al., 1988*);
- внутренней атрибуции действий подсудимого и большей ответственности (*Jones, Kaplan, 2003*);
- оценке подсудимого как опасного и готового совершать преступления в дальнейшем (*Bodenhausen, Wyer, 1985*).

Вероятность использования скриптов зависит от типа преступления: они чаще задействуются при изнасиловании, чем при ограблении, похищении детей и убийстве (*Olsen-Fulero, Fulero, 1997*).

1.6. Вероятность несовершения преступления

Результаты исследований показывают, что, если при наличии минимального везения для потерпевшего преступление могло бы и не состояться, подсудимый наказывается более строго, чем в том случае, когда такой возможности нет. Этот эффект проявляется в разных областях человеческих отношений, в том числе и на судебных процессах (*Macrae, Milne, Griffiths, 1993*).

2. Влияние на вердикт показаний свидетелей

Показания свидетелей составляют значительную часть доказательств по большинству судебных дел и поэтому являются одним из основных факторов, оказывающих влияние на вердикт присяжных (*Loftus, 1979*).

В зале суда показания могут давать свидетели, знающие что-либо о совершенном преступлении или его основных участниках, подсудимый, потерпевший и эксперт. О влиянии на вердикт особенностей подсудимого и потерпевшего речь пойдет в следующем параграфе, а здесь мы остановимся на показаниях свидетелей и экспертов.

Существуют некоторые факторы, которые определяют **степень влияния показаний свидетелей**. К ним относятся присутствие свидетеля на месте преступления, его возраст, характер и яркость показаний, способ их получения на следствии и в суде, а также их противоречивость.

2.1. Показания свидетелей, непосредственно **присутствующих на месте преступления** и наблюдавших за событиями, оказывают большее влияние, чем так называемые показания, основанные на слухах, в ходе которых один человек пересказывает, что сказал ему другой (*Myers et al., 1999*). Кроме того, люди больше верят показаниям, основанным на слухах, если их дают взрослые люди, чем когда их дают дети. Возможно, что этот эффект связан не только с возрастом свидетелей, но и с высоким статусом дающих показания взрослых людей (учителя, офицеры полиции) (*Myers et al., 1999*).

2.2. **Возраст свидетеля** оказывает неоднозначное влияние на вердикт присяжных. Эта неоднозначность порождается двумя представлениями о ребенке: верой в то, что ребенок может забыть, не заметить или придумать важные детали из-за своей подверженности внушению (причем чем младше ребенок, тем большая внушаемость ему приписывается (*Myers et al., 1999*)), с одной стороны, и убеждение в том, что дети не лгут, с другой.

Поэтому, с одной стороны, присяжные оценивают взрослых людей, как более точных свидетелей, чем детей, даже если точность их показаний одинакова (*Leippe, Manion, Romanczyk, 1992*). Эта закономерность проявляется, например, в доверии присяжных к показаниям, основанным на слухах. Такие ситуации возникают когда, например, ребенок стал жертвой насилия, и взрослый человек пересказывает в суде то, что узнал от ребенка. В этом случае участники исследования оценивают показания детей как менее правдивые и точные, чем те же показания, пересказанные взрослым человеком (*Warren et al., 2002*).

Однако, с другой стороны, анализ реальных судебных процессов показал, что свидетели больше верят свидетелю-ребенку, оценивают его как более правдивого, а его показания как более надежные. В частности, 6-летние дети, рассказывающие о совершенном сексуальном насилии, рассматриваются как заслуживающие большего доверия, чем 14 и 22-летние люди. В этих же условиях подсудимый чаще считается виновным (*Myers et al., 1999*).

Таким образом, окончательное влияние показаний свидетеля-ребенка не всегда можно точно предсказать из-за взаимного влияния этих тенденций (*Nikinova, Oglhoff, 2005*).

Кроме представлений о детях, доверие к показаниям ребенка-свидетеля может определяться тем, насколько его рассказ соответствует структуре истории. Исследования показали, что рассказ детей, подвергшихся сексуальному насилию, соответствует структуре истории. Однако такая структура более четко проявляется в рассказах 7-12-летних детей. Их истории, как правило, последовательные и непротиворечивые. Вместе с тем они страдают неопределенностью и пропуском некоторых деталей. Истории, рассказанные детьми младше 7 лет, менее последовательные и более противоречивые. Однако рассказ определяется не только возрастом детей, но и их индивидуальными особенностями (*Westcott, Kynan, 2004*).

2.3. Одним из важных факторов является **характер показаний** свидетеля. В частности, люди придают большее значение показаниям, из которых следует, что свидетель опознал подсудимого как преступника, чем тем, в которых свидетель заявляет, что не смог этого сделать. Таким образом, негативной информации о подсудимом придается большее значение, чем говорящей в его пользу (*McAllister, Bregman, 1986*).

2.4. Важное значение имеет **«яркость» показаний свидетеля**, наличие в них ярких визуальных деталей: присяжные больше верят тем показаниям, в которых такие детали присутствуют. Такой деталью может быть одежда подозреваемого (голубые теннисные туфли, розовые носки, рубашка с логотипом университета). В основе влияния деталей могут лежать четыре основные причины:

- яркие детали облегчают составление истории;
- свидетель, описывающий такие детали, воспринимается как обладающий более точными представлениями о преступлении;
- показания с яркими деталями привлекают большее внимание и лучше запоминаются;
- яркие детали вызывают сильный эмоциональный отклик у слушателей (*Bell, Loftus, 1985*).

2.5. Процедура допроса на предварительном следствии также может оказать важное влияние на доверие к свидетелю. В частности, свидетели больше верят показаниям взрослого, пересказывающего показания ребенка, то есть основанным на слухах, если имеют возможность посмотреть на процедуру допроса и убедиться, что он велся в непредубежденной манере, что в ходе допроса ребенку задавали нейтральные вопросы, не пытаясь его в чем-либо убедить. Если допрос носил характер внушения, люди отказываются верить взрослому, пересказывающему подобные показания (*Pathak, Thompson, 1999*).

Другим важным обстоятельством является эффект фокусировки видеокamеры на одном из участников допроса (в случае, если при допросе ведется видеозапись). Он заключается в следующем: когда камера направлена на подозреваемого, дающего признательные показания, люди больше верят в то, что он дал их добровольно, чем в том случае, когда камера направлена на следователя (*Lassiter et al., 2002*). Однако выраженность этого эффекта уменьшается в условиях когнитивной нагрузки, связанной с визуальным восприятием (*Ratcliff et al., 2006*).

2.6. Влияние показаний свидетелей зависит от организации процедуры допроса в суде. Если в ходе судебного процесса дают показания сразу несколько свидетелей, то процесс получения показаний может быть организован двумя способами. Во-первых, первый свидетель может рассказать обо всем, что знает (о времени и месте совершения преступления, мотиве, способе совершения и т.д.), после него будет допрошен второй свидетель, который сделает то же самое и т.д. С другой стороны, можно вызывать каждого свидетеля по несколько раз, таким образом, чтобы сначала все свидетели рассказали о мотиве совершения преступления, потом об обстоятельствах совершения, потом о последствиях и т.д. Первый способ допроса более эффективен для выявления предубежденности свидетеля и уменьшения влияния его показаний, чем второй (*Devine, Ostrom, 1985*).

2.7. Неточность и противоречивость показаний свидетелей также оказывает большое влияние на вердикт присяжных.

Люди считают показания свидетелей неточными, если

они обладают следующими особенностями (в порядке убывания важности) (*Berman, Cutler, 1996; Brewer et al., 1999*):

- показания свидетеля противоречат его предыдущим показаниям (противоречие между показаниями, данными на следствии и в суде; внутренние противоречия в показаниях, данных в зале суда; появление в судебных показаниях деталей, о которых свидетель не упоминал на следствии)⁵;

- кажется, что свидетель не слушает вопросы;
- свидетель преувеличивает детали;
- свидетель не смотрит прямо на представителей закона;
- показания этого свидетеля не соответствуют показаниям других свидетелей;
- свидетель не доверяет своим показаниям;
- свидетель ведет себя нервно;
- свидетель описывает события не в хронологическом порядке;
- свидетель неожиданно вспоминает что-то, о чем не упоминал раньше;
- свидетель слишком сильно доверяет своим показаниям.

Таким образом, доверие к свидетелям зависит от целого ряда факторов, связанных с особенностями дела. Однако на вердикт присяжных не оказывают влияние аттитюды к свидетелям в целом (*Narby, Cutler, 1994*).

3. Влияние на вердикт показаний эксперта

Заключение эксперта — одно из наиболее распространенных доказательств на судебном процессе. В одних случаях эксперт, написавший заключение, приходит в зал суда и лично дает показания, в других — экспертное заключение зачитывается прокурором, адвокатом или судьей. Заключение эксперта могут касаться как вещественных доказательств, так и психологических особенностей подсудимого, потерпевшего, свидетелей.

В некоторых странах, например, в США в судебном про-

⁵ Когда показания человека на следствии и в суде противоречат друг другу, показания на следствии вызывают большее доверие (*Myers et al., 1999*).

цессе принимают участие нетрадиционные для России эксперты. К ним относится эксперт по свидетелям. Его роль, как правило, выполняет психолог, долго занимающийся проблемой точности свидетельских показаний и факторов, от которых она зависит. В отличие от судьи, предоставляемая им информация носит рекомендательный характер. Он рассказывает присяжным о результатах проведенных экспериментов. Изложенная им информация дает присяжным возможность сориентироваться в том, насколько точны показания свидетелей, выступающих перед ними в ходе судебного следствия. Показания эксперта по свидетелям оказывают значительное влияние на решение присяжных. В частности, они приводят к (*Devenport, Culter, Penrod, 1997; Kovera et al., 1997; Kovera, Cass, 2002; Leippe, 1995*):

- изменению степени доверия к показаниям свидетеля. Характеристика, данная свидетелю психологом, оказывает влияние на решение присяжных. Когда свидетели любой из сторон получают позитивную характеристику психолога, они воспринимаются респондентами как более достойные доверия, чем в том случае, когда они получают негативную характеристику;

- увеличению времени обсуждения вердикта;

- изменению вероятности вынесения обвинительного вердикта: люди склонны признавать подсудимого виновным, когда свидетель обвинения охарактеризован положительно, а свидетель защиты – отрицательно. В ряде случаев выступление эксперта по свидетелям приводит к уменьшению количества обвинительных вердиктов;

- меньшему доверию присяжных к результатам процедуры опознания подсудимого;

- меньшему влиянию уверенности свидетеля в своих показаниях на оценку точности этих показаний присяжными;

- меньшему доверию присяжных к показаниям человека, ставшего свидетелем преступления, совершенного с применением насилия.

Степень влияния показаний любого эксперта зависит от ряда факторов (рис 6.2)

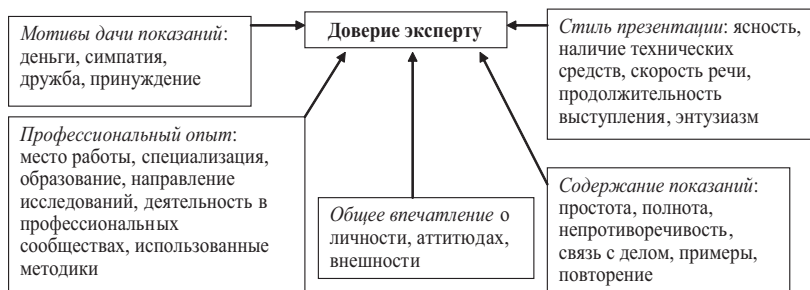

Рисунок 6.2. Факторы, оказывающие влияние на доверие к эксперту (Ivkovik, Hans, 2003)

3.1. Представление о **мотивах эксперта** и, как следствие, его беспристрастности.

3.2. Представление о **профессиональном опыте** эксперта: большее доверие вызывают эксперты с обширным профессиональным опытом в области, соответствующей содержанию экспертизы, то есть имеющие соответствующее образование, специализацию и место работы, ведущие исследования в этой области, известные в профессиональных сообществах.

Кроме того, влияние показаний эксперта определяется теми методиками, которые он использует. В частности, американские присяжные чаще принимают во внимание показания клинического психолога, который при определении риска того, что подсудимый в дальнейшем будет совершать преступления, основывается на клиническом анализе психопатических черт, чем показания эксперта, который использует специальные тесты, позволяющие прогнозировать будущую опасность подсудимого без обращения к психическим нарушениям. Однако источник предсказания не оказывает влияния, когда жертвой преступления стал ребенок (Guy, Edens, 2003; Guy, Edens, 2006).

Иногда для определения профессионального опыта используются косвенные показатели, например, пол эксперта: влияние эксперта, дающего заключение о причине и размере причиненного ущерба, больше, если его пол соответствует типу рассматриваемой в суде проблемы (косметическая про-

мышленность — женщина-эксперт / автомобильная промышленность — мужчина — эксперт) (*McKimmie et al., 2004*);

3.3. Общее впечатление о личности, аттитюдах и внешности: больше доверяют человеку, обладающему социально желательными особенностями и аттитюдами, похожими на аттитюды аудитории.

3.4. Стил ь презентации: большее доверие вызывают ясность содержания, в некоторых случаях использование технических средств для объяснения своей точки зрения, достаточно быстрая речь, не очень длинное выступление и энтузиазм.

Особый интерес вызывает показания эксперта, носящие вероятностный характер. Исследования показывают, что в целом присяжные обращают серьезное внимание на вероятностные доказательства. Например, когда респондентам говорили, что энзимы, оставленные преступником на месте преступления, идентичны энзимам подсудимого и есть у 20% людей, они чаще признавали подсудимого виновным, чем когда было известно, что подобными энзимами обладают 80% людей (*Bornstein, 2004*). Однако это влияние имеет два ограничения.

Первое из них связано с тем, что присяжные не обращают внимания на размер выборки, на основе анализа которой были вынесены вероятностные суждения (*Bornstein, 2004*).

Второе ограничение получило название *эффекта Уэлса*. Он заключается в том, что доверие людей к сведениям, носящим вероятностный характер, зависит от способа их предъявления. Этот эффект был обнаружен в исследовании, участники которого разбирали дело о том, как городской автобус задавил собаку истца. Владелец собаки подал в суд на компанию, которой принадлежал автобус, и хотел получить компенсацию. Было известно, что в городе существуют две компании, занимающиеся автобусными перевозками. Автобусы одной из компаний серые, а другой — голубые. Однако истец признался, что плохо различает цвета и поэтому не может с уверенностью сказать, какого цвета был автобус, задавивший его собаку. В ходе судебного процесса выступал эксперт. Он рассказывал о том, что сравнил следы, оставленные 10 синими и 10 серыми автобусами, и пришел к следующему заключению: существует 80% вероятность

того, что автобус, задавивший собаку, был синего цвета, и 20% вероятность, что он был серый. В исследовании было показано, что хотя участники правильно понимали показания эксперта и верно воспринимали вероятность того, что наезд совершил именно синий автобус, только 20% из них обвинили владельцев этой компании. Однако в последующем исследовании форма показаний эксперта была изменена. Он говорил, что сравнил следы 10 синих и 10 серых автобусов с помощью методики, надежность которой 80%, и считает, что наезд совершил синий автобус. Смысл показаний от этого не изменился, поскольку из них по-прежнему следовало, что существует 80% вероятность того, что наезд совершил синий автобус. Однако решения участников были совсем другие: в этом случае 70% респондентов обвинили владельцев синих автобусов в наезде на собаку.

Основным объяснением этого эффекта является легкость, с которой люди могут представить себе иной вариант развития событий, при котором ответчик (подсудимый) будет невиновен. В первом случае они могли это сделать достаточно легко, поскольку слышали, что о том, что существует всего лишь 80% вероятность того, что наезд совершил голубой автобус. Во втором случае сделать это было сложнее, поскольку сомнению подвергалась не вероятность появления голубого автобуса, а методика. В этом случае эксперт делал однозначное заключение, что наезд совершил голубой автобус, но упоминал, что методика дает верные результаты в 80% случаев. Однозначное заключение о цвете автобуса создавало у респондентов четкий образ того, что произошло на месте преступления, который был устойчив к воздействию. В результате участникам было трудно представить иной вариант развития событий (например, что наезд совершил серый автобус). Это повышало оценку вероятности того, что наезд совершил именно синий автобус. Результатом этого процесса и было решение об ответственности владельцев синих автобусов (*Niedermeier, Kerr, Messe, 1999; Sykes, Johnson, 1999*).

3.5. Содержание показаний: большее доверие и лучшее понимание вызывают показания эксперта, обладающие следующими особенностями.

- Простые показания, без использования специальной терминологии.

- Полные показания, в которых дается ответ на все поставленные вопросы;

- Непротиворечивые показания.

- Показания прямо связанные с делом. Эксперт оказывает большее влияние, если присяжные понимают, какое отношение то, что он рассказывает, имеет к данному судебному процессу (*Brekke, Borgida, 1988; Leippe, 1995*). Однако эффективность таких показаний зависит от особенностей свидетеля. Например, рассказ эксперта о том, какую тревогу чувствуют дети, ставшие жертвами насилия, сопровождающийся конкретными примерами из текущего процесса, более эффективен в том случае, когда дающий показания потерпевший ребенок заранее не подготовлен и поэтому ведет себя нервно. В противном случае более эффективны показания, данные в стандартной форме (*Kovera et al., 1997*).

- Показания, включающие конкретные примеры: показания эксперта оказывают большее влияние на решение присяжных, если включают описание конкретных случаев «из жизни» (*Bornstein, 2004*).

- Повторяющиеся показания. Эффективность показаний можно увеличить, если дать возможность эксперту выступить несколько раз. Например, показания эксперта по свидетелям оказывают большее влияние, если эксперт выступает в начале и в конце судебного процесса (*Forsterlee; Leippe, 1995*).

Значение, которое люди придают показаниям эксперта, и степень их влияния на решение зависят от стадии судебного процесса. С одной стороны, даже в совещательной комнате люди тщательно обсуждают показания эксперта и опираются на них при интерпретации доказательств. С другой стороны, оказывая влияние на решения отдельных присяжных, показания эксперта могут утрачивать свое значение в ходе коллективного обсуждения вердикта (*Spanos, Gwynn, Terrade, 1989*).

4. Зависимость вердикта от особенностей подсудимого

В качестве характеристик подсудимого и потерпевшего, оказывающих влияние на вердикт, рассматриваются их социодемографические, физические и психологические особенности, а также их поведение до, во время и после совершения преступления. В основе их влияния лежит желание присяжных формулировать целостную историю о том, что произошло в момент совершения преступления. Рассматривая индивидуальные особенности подсудимого и потерпевшего, а также их поведение, присяжные решают вопрос о доверии к тем доказательствам, которые предъявляют в ходе судебного следствия адвокат и прокурор.

4.1. Социодемографические характеристики подсудимого действительно оказывают некоторое влияние на вердикт присяжных. Наибольшее внимание исследователей привлекают пол, возраст, социоэкономический статус, расовая и этническая принадлежность, родной язык, вероисповедание и криминальный опыт подсудимого и потерпевшего. Например, ряд зарубежных исследований показывает, что к женщинам, очень молодым и пожилым подсудимым, людям с высоким социоэкономическим статусом, представителям своей этнической или расовой группы, нерелигиозным и без криминального опыта относятся снисходительнее, чем к мужчинам, людям среднего возраста, с низким социоэкономическим статусом, принадлежащим к другой расовой/этнической группе, верующим и с криминальным опытом, соответствующим преступлению, в совершении которого их обвиняют в данный момент. Однако это влияние имеет три серьезных ограничения.

Во-первых, особенности подсудимого оказывают влияние преимущественно в том случае, когда доказательства сложные или противоречивые (*Hymes et al., 1993*).

Во-вторых, их влияние зависит от других обстоятельств дела. Например, криминальный опыт учитывается присяжными при наличии других обстоятельств, таких, как серьезность совершенного преступления, наличие признания подсудимого в его совершении, результаты прохождения детектора лжи, говорящие не в пользу подсудимого.

В-третьих, на вердикт оказывают влияние не столько социодемографические характеристики подсудимого, сколько их соответствие особенностям присяжных. Например, американские присяжные чаще обвиняют в убийстве подсудимого одного с ними пола. Однако они менее склонны к обвинению и серьезному наказанию представителя одной с ними расовой группы, особенно если потерпевший – представитель другой расы. При этом оценивая подсудимого с иной расовой принадлежностью, они обращают большее внимание на дополнительные обстоятельства дела – наличие у него алиби, качество допроса, проведенного прокурором, недопустимые доказательства (*Hodson et al., 2005; Sargent, Bradfield, 2004*). Аналогично присяжные более склонны к обвинению подсудимого, не знающего их родного языка.

4.2. Внешняя привлекательность подсудимого. Существует несколько параметров внешней привлекательности подсудимого, среди которых важное место занимают красивая внешность, детское выражение лица (круглое лицо, удивленно приподнятые брови, большие глаза), аккуратность и цвет одежды.

Красивые подсудимые оцениваются присяжными как менее опасные, чем некрасивые. Присяжные реже выносят в отношении них обвинительные вердикты и предлагают использовать менее строгие наказания (*Downs, Lyons, 1991*). Однако эффект привлекательности подсудимого отсутствует в случае серьезных уголовных преступлений. Кроме того, это качество теряет свое значение, если наблюдатель уверен, что подсудимый – женщина или мужчина использовал свою привлекательность для совершения преступления (*Abwender, Hough, 2001*). И наконец, влияние привлекательности подсудимого частично зависит от привлекательности присяжных. Внешне привлекательные люди чаще обвиняют непривлекательного подсудимого, чем оправдывают его, однако такое различие отсутствует в случае непривлекательных людей. Кроме того, привлекательные люди рекомендуют более строгое наказание некрасивому подсудимому, а непривлекательные – подсудимому со средним уровнем внешней привлекательности (*Darby, Jeffers, 1988*).

Подсудимые с детским выражением лица с меньшей вероятностью обвиняются в совершении умышленных преступлений, но с большей – в совершении преступлений по неосторожности, чем подсудимые, у которых эта особенность отсутствует (*Berry, Zebrowitz-McArthur, 1988*).

Аккуратно одетых подсудимых наказывают менее строго, чем неаккуратных (*Lown, 1977*). Кроме того, некоторое влияние оказывает цвет одежды подсудимого. Каждый цвет вызывает у людей разные ассоциации. Например, черный ассоциируется со злом, агрессией. В результате подозреваемые и подсудимые, одетые в черную одежду, оцениваются как более агрессивные по сравнению с людьми в светлой одежде (*Vrij, 1997*).

4.3. «Социальная привлекательность» подсудимого, под которой понимается наличие у подсудимого индивидуальных особенностей и рода занятий, делающих его привлекательным в глазах окружающих: чем менее социально привлекателен подсудимый, тем более строгое наказание он получает (*Landy, Aronson, 1969*). Однако некоторые исследования показывают, что информация о позитивности подсудимого оказывает слабое влияние на вердикт. Гораздо большее влияние оказывает ее опровержение кем-нибудь из участников процесса в ходе допроса. В основе этого эффекта лежит одна из основных закономерностей социального восприятия: люди придают негативной информации о человеке большее значение, чем позитивной. Таким образом, отсутствие информации о позитивных особенностях подсудимого может привести к более благоприятному решению, чем ее сообщение с последующим опровержением (*Hunt, Budesheim, 2004*).

4.4. Подобие аттитюдов подсудимого и присяжных. Подобие аттитюдов – важный фактор, влияющий на аттракцию – позитивное эмоциональное отношение к человеку. Этот фактор играет некоторую роль и в судебном контексте. В частности, люди чаще признают виновным, рекомендуют более серьезное наказание и оценивают как менее привлекательного того подсудимого, чьи аттитюды не совпадают с их собственными (*Griffitt, Jackson, 1973*).

4.5. Наличие у подсудимого психических заболеваний. Когда, благодаря эксперту, люди узнают о том, что подсудимый страдает каким-то психическим заболеванием (например, психопатией или психозом), они оценивают его как более опасного для общества, то есть считают, что и в будущем он будет совершать насильственные, преступные действия, чем подсудимого, не имеющего такого заболевания. Это происходит даже если, по мнению эксперта, риск совершить последующее преступление у больного подсудимого такой же незначительный, как и у здорового (*Edens, 2004*).

4.6. Причины совершения преступления, намерения подсудимого. Во-первых, на оценку преступника влияет стабильность причин, действию которых приписывается совершение преступления. В частности, осужденный рассматривается людьми как более достойный досрочного освобождения, если причины его преступного поведения оцениваются как нестабильные, чем тогда, когда они признаются стабильными. Кроме того, важную роль играет «социальная желательность» причин. В частности, подсудимый, действия которого объясняются наркотической зависимостью, чаще признается виновным и расценивается как заслуживающий более серьезного наказания, чем тот, чьи действия считаются результатом посттравматического стресса (*Higgins, Heath, Grannemann, 2007*).

Во-вторых, оценивая вероятность того, что подсудимый совершил преступление, люди чаще ориентируются на наличие у него мотива, чем возможности и способности сделать это (*Kaplan, 1989*).

В-третьих, на решение присяжных оказывает влияние их представление о намерениях подсудимого и его раскаянии. В частности, присяжные более позитивно оценивают, приписывают меньшую ответственность за совершение преступления и назначают менее строгое наказание тому подсудимому, который отрицает свое намерение совершить преступление (*Tsoudis, 2000*).

4.7. Поведение подсудимого до совершения преступления. Более негативно оцениваются те подсудимые, которые незадолго до совершения преступления совершали социально

нежелательные поступки. Например, «игровые» присяжные чаще оценивают произошедшее как изнасилование, меньше доверяют подсудимому и чаще обвиняют его, если известно, что незадолго до совершения преступления он употреблял алкоголь, а не безалкогольный газированный напиток (*Schuller, Wall, 1998*).

4.8. Поведение подсудимого на судебном процессе. На решение присяжных некоторое влияние оказывает поведение подсудимого во время судебного процесса: утаивал ли доказательства? насколько сильно выражал свои эмоции?

Во-первых, подсудимый, который во время допроса в зале суда утаивал некоторые сведения, оценивается как более виновный, заслуживающий осуждения и обладающий социально-нежелательными личностными чертами, чем тот, кто полно и откровенно отвечал на вопросы (*Clary, Shaffer, 1980*).

Во-вторых, люди более позитивно оценивают подсудимого, который раскаялся в совершенном преступлении (*Tsoudis, 2000*). Например, если подсудимый, обвиняющийся в убийстве первой степени, сожалеет и раскаивается в содеянном, ему рекомендуют пожизненное заключение, а если скучает — смертную казнь (*Antonio, 2006*).

Однако люди больше верят невербальным показателям раскаяния, например слезам, чем его вербальному выражению (*Devine et al., 2001*). Вследствие этого на оценку подсудимого оказывает влияние эмоциональность его поведения. Когда подсудимый, дающий показания, демонстрирует невербальные признаки напряжения, волнения, он вызывает более позитивное отношение (*Robinson, Smith-Lovin, Tsoudis, 1994*). Влияние эмоциональной вовлеченности преступника на решение о наказании опосредовано представлениями о нем: расстроенный подсудимый оценивается более позитивно, чем равнодушный, а позитивная оценка ведет к менее строгому наказанию (*Tsoudis, 2000*).

Вместе с тем очень сильное выражение эмоций может привести к таким же последствиям, как и полное их отсутствие. Возможно, что причиной этого эффекта является на-

рушение ожиданий: у людей есть определенные представления о том, как ведет себя человек, раскаивающийся в содеянном. Нарушение этих ожиданий порождает негативную оценку (*Salekin et al., 1995*).

В-третьих, люди меньше верят тому подсудимому, который во время дачи показаний часто демонстрирует поведение, ассоциирующееся в обыденном сознании с ложью (притрагивается к голове, лицу, шее, волосам, и другим частям тела руками, запинаясь и делает речевые ошибки, дольше думает над вопросом), чем тому, кто делает это реже. Однако это влияние существует только в случае менее серьезных преступлений и исчезает в случае более серьезных (*Feldman, Chesley, 1984*).

4.9. Способ получения показаний подсудимого на предварительном следствии. Доверие присяжных к показаниям подсудимого зависит от способа их получения. В частности, по мнению американских исследователей, большинство присяжных полагают, что подсудимый мог дать ложные показания под воздействием страха, но не обещания смягчить наказание. Поэтому они не верят тому подсудимому, который говорит, что оклеветал себя из-за того, что ему пообещали свободу (*Frederick, 1998*).

5. Зависимость вердикта от особенностей потерпевшего

На вердикт присяжных оказывают влияние социодемографические особенности потерпевшего, его социальная привлекательность и осторожность, поведение во время преступления, время заявления о его совершении в правоохранительные органы и поведение в зале суда.

5.1. Влияние социодемографических особенностей потерпевшего имеет такие же ограничения, как и воздействие аналогичных особенностей подсудимого. Одной из наиболее важных характеристик является криминальный опыт потерпевшего: вероятность обвинительного вердикта выше, а наказание подсудимого серьезнее, если в результате его действий погибла невинная жертва, а не преступник (*Mazzocco, Alicke, Davis, 2004; Myers, Greene, 2004*).

5.2. **Социальная привлекательность потерпевшего** также оказывает некоторое влияние на вердикт присяжных. Наличие этого влияния хорошо прослеживается на примере судебных процессов, посвященных изнасилованию.

Одним из основных параметров «социальной привлекательности» потерпевшей при изнасиловании является ее сексуальная активность. В частности, тот факт, что ранее она уже вступала в сексуальные отношения с подсудимым или другими людьми, увеличивает вероятность обвинительного вердикта.

5.3. **Осторожность потерпевшего.** Если потерпевшая была невнимательна, например, не заперла дверь перед ограблением, ей приписывается большая ответственность за совершение преступления, что и приводит к меньшей вероятности обвинения и менее строгому наказанию подсудимого. Если потерпевшая приняла все меры предосторожности, ей приписывается меньшая ответственность за происшедшее, результатом чего является обвинение и более строгое наказание подсудимого (*Kerr et al., 1984*).

Ограничение на проявление этого эффекта накладывает привлекательность потерпевшей: непривлекательной потерпевшей приписывается высокая ответственность за совершение преступления даже в том случае, если она приняла все меры предосторожности. Одной из причин этого феномена является отказ респондентов идентифицироваться с некрасивой жертвой и объяснение происшедшего ее личностными особенностями.

5.4. Влияние **поведения потерпевшей** на совершение преступления также хорошо заметно на примере изнасилования:

- «провокационный» *внешний вид* (например, короткая юбка) или *поведение* во время совершения преступления. Насильника с меньшей вероятностью обвиняют в совершении изнасилования и предлагают наказать его менее строго в том случае, когда потерпевшая вела себя провокационно по отношению к подсудимому, например, заигрывала с ним, сама пригласила его в дом и т.д. (*Field, 1979*) или была одета достаточно откровенно (*Whately, 1996*);

- степень соответствия поведения потерпевшего стереотипам во время совершения преступления. Люди относятся к подсудимому-насильнику более лояльно, если потерпевшая нарушила какие-то социальные нормы. Например, одним из элементов скрипта изнасилования является сопротивление потерпевшей. Однако в соответствии с гендерными стереотипами женщинам не свойственен высокий уровень агрессии. Поэтому потерпевшая, которая оказала активное сопротивление насильнику (одновременно кричала и отбивалась), оценивается людьми менее позитивно, чем менее активная женщина (*Branscombe, Weir, 1992*);

5.5. Время заявления о совершении преступления. Вероятность обвинения подсудимого уменьшается, если известно, что потерпевшая не заявила о совершении преступления немедленно (*Austin, 1979*).

5.6. Поведение потерпевшего в зале суда: расстроенный потерпевший оценивается более позитивно, чем равнодушный. Позитивная оценка потерпевшего ведет к негативной оценке подсудимого, которая, в свою очередь, порождает более строгое наказание (*Tsoudis, 2000*). Особенно хорошо это видно, когда потерпевшим является ребенок: он оценивается как более честный, достойный доверия и надежный, если в зале суда, подвергаясь атакам со стороны адвоката, он начинает плакать, чем если ведет себя спокойно. Кроме того, показания плачущего потерпевшего оказывают большее влияние на вердикт присяжных, способствуя обвинению подсудимого (*Regan, Baker, 1998*).

6. Влияние индивидуальных особенностей присяжных на вердикт

Сторонники изучения индивидуальных особенностей присяжных полагают, что характеристики членов коллегии:

- влияют на восприятие и запоминание информации, поступающей к ним в ходе судебного следствия, прений сторон и напутственного слова судьи;

- определяют их представления о «справедливом» и «несправедливом» решении (*Kressel, Kressel, 2002*).

Поиск особенностей присяжных, оказывающих влияние на их вердикт, имеет практическое значение для процедуры мотивированного и безмотивного отвода, описанной в начале главы. Поэтому в начале этого параграфа мы кратко остановимся на психологических основаниях отбора присяжных, а потом обсудим влияние их индивидуальных особенностей.

6.1. Отбор коллегии присяжных. Судебный процесс с участием присяжных заседателей начинается с процедуры отбора коллегии. Основное право отбора присяжных предоставляется адвокату и прокурору, которые обладают возможностью отвести кандидатов в присяжные, изложив свое мнение судье и убедив его в своей правоте (мотивированный отвод), а также не объясняя свое решение (немотивированный отвод). Возможности безмотивного отвода, существующие у российских юристов, сильно ограничены: без дополнительного разрешения судьи каждая из сторон может отвести только по два кандидата в присяжные. Однако американские юристы обладают в данном случае гораздо более широкими возможностями. Их наличие и явилось основной причиной интереса американских специалистов к тому влиянию, которое особенности присяжных оказывают на их вердикт.

Л. Райтсман приводит два утверждения, **лежащих в основе отбора коллегии присяжных.**

Во-первых, коллегия присяжных должна представлять население того региона, в котором проходит данный судебный процесс.

Во-вторых, решение присяжных должно быть основано на доказательствах, предъявленных в зале суда, и не учитывать особенности участников процесса или информацию, почерпнутую из СМК. Таким образом, в состав коллегии должны войти люди, готовые вынести непредубежденное решение. Следовательно, задачей отбора присяжных является поиск таких людей.

Однако этому, по мнению Райтсмана, **препятствуют четыре обстоятельства.**

Во-первых, стороны заинтересованы в том, чтобы отобрать тех присяжных, которые будут хорошо относиться к их клиенту.

Во-вторых, ни один человек не способен полностью отделиться от своего прошлого опыта, отказаться от использования при принятии решения готовых шаблонов и представлений.

В-третьих, в ходе отбора трудно «отсеять» тех людей, которые умышленно скрывают свою предубежденность.

В-четвертых, адвокат и прокурор, используя специальные техники, способствуют возникновению у присяжных предубеждений в пользу их клиентов.

Таким образом, целью отбора становится не столько выбор непредубежденных присяжных, сколько создание коллегии, включающей в себя примерно одинаковое число потенциальных сторонников обвинения и защиты.

6.2. Отбор, производимый юристами. Задачей тех, кто производит отбор присяжных, является определение индивидуальных особенностей, необходимых членам коллегии, и выбор людей, которые ими обладают. До недавнего времени выбор присяжных был прерогативой юристов, которые, отбирая коллегию, основывались на своих представлениях о том, какими аттитюдами обладают разные люди, какова степень их активности в ходе группового обсуждения вердикта, какое решение они примут по рассматриваемому делу. Большинство юристов отбирают присяжных на основе их социодемографических характеристик.

В 50–60-х годах XX в. на Западе популярностью пользовались рекомендации юристов-практиков по отбору присяжных. Они учитывали этническую принадлежность и вероисповедание присяжных. Например, считалось, что для подсудимого более предпочтительны афроамериканцы, ирландцы, евреи, унитаристы, универсалисты, конгрегионалисты и агностики, а для стороны обвинения – скандинавы, лютеране, баптисты и пресвитериане. Существовали также некоторые рекомендации относительно того, на каких людей эмоциональные апелляции действуют в большей степени: считалось, что это ирландцы, евреи, итальянцы, французы, испанцы и славяне. Однако если необходимо было подобрать людей, которые мало чувствительны к подобного

рода воздействию, советовали выбирать англичан, скандинавов и немцев.

Некоторые представления об особенностях присяжных были связаны и с их профессиями. Например, считалось, что фермеры поддерживают позицию государства, и следовательно, обвинения, а официанты и бармены снисходительны к подсудимому; что в гражданских процессах «хороший» присяжный истца должен быть водителем кэба, секретарем, социальным работником, моряком или отставным государственным служащим. В качестве «хороших» присяжных ответчика рассматривались физики, инженеры, архитекторы, администраторы, безработные и страховые агенты. Вместе с тем, некоторые юристы советовали адвокатам избегать служащих, управленцев и низкооплачиваемых белых воротничков. В то же время матросы, артисты и писатели, по их мнению, обладают большим опытом, поэтому их нелегко шокировать преступлением. Клерки, школьные учителя, юристы и жены юристов считались нежелательными присяжными, поскольку они часто обращаются за советом.

Основная проблема использования таких рекомендаций заключалась в их сложности и противоречивости. Например, некоторые юристы советовали адвокатам не брать женщин. Но считалось, что женщины-присяжные предпочтительны, если подсудимый – молодой мужчина. Однако если подсудимая – привлекательная женщина, защитнику рекомендовалось не брать в коллегия представительниц слабого пола. Кроме того, женщин-присяжных советовали выбирать в том случае, если главным свидетелем противоположной стороны также является женщина, поскольку представительницы прекрасного пола не верят друг другу. И наконец, по мнению ряда юристов, женская интуиция может помочь тому, кто не способен выиграть дело, основываясь исключительно на доказательствах.

Причиной осуществления отбора присяжных на основании их социодемографических характеристик является простота выявления последних. Однако такая стратегия отбора

обладает рядом недостатков. Ее использование основано на убеждении в том, что люди, обладающие одинаковыми характеристиками, имеют одинаковый опыт социализации и, следовательно, одинаковые аттитюды по отношению к участникам судебного процесса. Однако психологические исследования показывают, что это не так.

Попытка построить суждения о «хороших» присяжных на большом эмпирическом материале и таким образом сделать эти выводы более достоверными привела к созданию так называемого научного отбора присяжных.

6.3. Научный отбор присяжных. Первая презентация научного отбора присяжных состоялась в 1972 г., когда социолог Дж.Шульман и его коллеги приняли участие в отборе коллегии для судебного процесса, подсудимыми в котором были студенты, замешанные в антивоенной деятельности во времена Вьетнамской войны.

Правительство избрало для проведения судебного процесса район, население которого славилось своей консервативностью — Харрисбург в Пенсильвании. Сначала приглашенные специалисты, попытались определить степень репрезентативности списка кандидатов в присяжные, приглашенных на процесс, по отношению ко всему населению данного района. Они сравнили социодемографические характеристики этих людей с особенностями избирателей и выяснили, что средний кандидат в присяжные был старше, чем средний житель района. На основании проведенного анализа судья создал более репрезентативный список кандидатов.

Затем команда исследователей выяснила, что демографические характеристики присяжных связаны с их аттитюдами по отношению к оправданию и обвинению подсудимых. Они проинтервьюировали 252 жителя Харрисбурга, пытаясь понять, связаны ли такие характеристики, как возраст, пол, уровень образования, религия, с такими аттитюдами, как доверие к правительству или терпимость к взглядам диссидентов. В конце концов специалисты заключили, что идеальная для защиты коллегия присяжных должна включать в себя женщин, демократов, без религиозных предпочтений.

Интересным оказался результат судебного процесса. Коллегия присяжных не пришла к единогласному решению: ее члены проголосовали за оправдание подсудимых десятью голосами против двух. Любопытно, что сторону обвинения приняли двое присяжных, считавшихся «благоприятными» для защиты. Один – пожилой лютеранин, пацифист, который при обсуждении вердикта неожиданно стал выражать свою поддержку войне во Вьетнаме. Другая – пожилая женщина, член пацифистской организации, четверо сыновей которой вели антивоенную пропаганду.

На протяжении 70-х годов научный отбор присяжных проводился в основном в США в рамках судебных процессов, связанных с преступлениями против государства. В настоящее время научный отбор практикуется в этой стране при подготовке гражданских процессов.

В основе научного отбора лежат традиционные методы изучения общественного мнения: массовые опросы, групповые интервью, игровые и теневые коллегии. Эти методы используются для определения связи между демографическими характеристиками присяжных, их attitudes к объектам, важным с точки зрения конкретного судебного процесса, и вероятными вердиктами. В качестве респондентов выступают жители такого региона, в котором проводится судебный процесс. Им задают вопросы об их attitudes к правительству, полиции, расовым проблемам и т.д. Их также спрашивают о том, что они слышали о данном деле, имеют ли они свое мнение относительно виновности подсудимого и если да, то какое и т.д. Кроме того, консультанты анализируют характер освещения судебного процесса и рассматриваемого дела в средствах массовой информации.

По результатам проведенных исследований специалисты дают юристам-заказчикам рекомендации относительно того, как по социодемографическим и психологическим характеристикам присяжных отобрать коллегию, которая вынесет решение, благоприятное для их клиента.

Научный отбор присяжных обладает рядом достоинств и недостатков.

Аргументы, выдвигаемые **сторонниками этой процедуры**, связаны в основном с ее эффективностью.

1. Ряд исследований показывает, что процедура научного отбора позволяет юристам добиваться необходимого им результата.

2. Даже если научный отбор и не дает 100% гарантии «благоприятного» исхода процесса, он более эффективен, чем традиционные техники. При традиционном отборе юристы основываются исключительно на демографических характеристиках, в то время как научный отбор позволяет установить связь между социодемографическими / психологическими особенностями присяжных и предпочитаемым ими вердиктом.

Аргументы, говорящие **«против» научного отбора**, более разнообразны.

Первая группа таких аргументов касается *эффективности данной процедуры*.

1. Некоторые авторы полагают, что процедура научного отбора не так эффективна, как кажется на первый взгляд. Некоторые техники, используемые при отборе присяжных в зале суда, ненадежны. Часто используются открытые вопросы, ответы на которые требуют интерпретации.

2. Успех научного отбора в первых судебных процессах связан не с эффективностью этой процедуры, а с типом рассматриваемых дел – политических заговоров, доказать причастность к которым достаточно сложно. Таким образом, индивидуальные характеристики присяжных оказывают влияние на их решение только в том случае, если сторона обвинения представила слабые или неполные доказательства.

3. Юристы, которые используют процедуру научного отбора, не менее тщательно подготавливают и другие аспекты судебного процесса, что и обеспечивает их победу.

4. Научный отбор не имеет смысла в однородных по составу населения сообществах.

Вторая группа аргументов «против» касается *методологии исследования*.

5. Основные данные, использующиеся в ходе научного отбора, получены в лабораторных исследованиях или в ходе массовых опросов, проведенных вне стен суда. Низкая внеш-

няя валидность подобных исследований затрудняет их использование для отбора присяжных, от решения которых зависит жизнь, свобода или материальное благополучие подсудимого.

6. Поскольку научный отбор является частью подготовки к конкретному судебному процессу, полученные результаты обладают низкой внутренней валидностью, а значит, не имеют научной ценности и не могут быть использованы в других ситуациях.

7. Различие индивидуальных особенностей присяжных не объясняет разнообразие вынесенных ими вердиктов.

В целом некоторые исследователи утверждают, что попытка связать социодемографические характеристики, способности, аттитюды, темперамент и черты личности присяжных с особенностями вердикта имеют ограниченный успех (*Kassin, Wrightsman, 1988*). **Не существует индивидуальных характеристики присяжных, которые оказывают влияние на их решение вне зависимости от рассматриваемого дела и других особенностей судебного процесса.**

Об этом говорят, например, результаты применения для отбора присяжных шкал, позволяющих выявить наличие у кандидатов обвинительного уклона. Одна из таких шкал включает в себя семнадцать утверждений, с которыми респонденты могут согласиться или не согласиться. Среди них «За совершение серьезных преступлений, таких, как убийство, подсудимый должен быть наказан, если существует хотя бы 90% вероятность того, что он виновен», «Причиной вынесения решения в пользу подсудимого является профессионализм его адвоката», «Слишком много невиновных людей отбывают тюремное заключение». Демонстрация присяжными обвинительного уклона при ответах на вопросы этой шкалы не предсказывает их решения даже в том случае, когда доказательства прямо не подтверждают ни версию адвоката, ни точку зрения прокурора (*Kressel, Kressel, 2002*).

Таким образом, большинство психологов сходятся во мнении, что:

- во-первых, индивидуальные характеристики присяжных в некоторых случаях оказывают влияние на их решение, хотя

и играют подчиненную роль по сравнению с предъявленными доказательствами;

- во-вторых, значимость разных особенностей присяжных зависит от дела, рассматриваемого в ходе судебного процесса.

Таким образом, авторы в целом не отвергают идею научного отбора, однако указывают на то, что такой отбор должен проводиться в связи с конкретным судебным процессом профессионально подготовленными консультантами, которые бы имели возможность принимать решения, руководствуясь опытом работы и интуицией (*Kressel, Kressel, 2002*).

6.4. Особенности присяжных, которые оказывают влияние на вердикт. В качестве характеристик, оказывающих влияние на вердикт, рассматриваются социодемографические и психологические особенности присяжных.

Социодемографические характеристики присяжных. Анализ исследований, проведенных на материале разных судебных процессов, позволил сделать следующие заключения о влиянии социодемографических особенностей (пола, возраста, социальноэкономического статуса, политической ориентации, расовой и этнической принадлежности, места жительства, участия в судах присяжных в прошлом) присяжных на вердикт:

- степень и направление влияния социодемографических особенностей зависит от типа рассматриваемого дела, характера доказательств, особенностей подсудимого и потерпевшего;

- некоторые особенности оказывают влияние на вероятность вынесения обвинительного вердикта, а другие - на размер рекомендуемого наказания;

- важную роль при вынесении вердикта играют не только характеристики присяжных, но и степень их подобия другим участникам судебного процесса, особенно подсудимому и потерпевшему, которая определяет возможность идентификации с ними членов коллегии;

- влияние некоторых характеристик зависит от других особенностей, которыми обладают присяжные;

- полученные результаты обладают культурной спецификой (*Гулевич, 2003*).

Таким образом, социодемографические особенности присяжных нельзя рассматривать в качестве надежного средства предсказания вердикта.

Психологические особенности присяжных. На вердикт присяжных оказывают влияние как стабильные индивидуальные особенности (личностные характеристики, правосознание, стереотипы и предрассудки относительно членов определенной социальной группы, ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация), так и ситуативно возникающие состояния (эмоции, дополнительные знания о деле) членов коллегии.

6.4.1. Одной из наиболее часто изучающихся **личностных черт** является **авторитаризм**. В рамках судебного процесса авторитарные люди (*Devine et al., 2001; Shaffer, Wheatman, 2000*):

- склонны к вынесению обвинительного вердикта и суровому наказанию подсудимого. Связь между авторитаризмом и вердиктом сильнее выражена у взрослых людей, чем у студентов, а также в том случае, когда люди знакомятся с видеозаписями судебного процесса по сравнению с аудио- и письменными вариантами. Авторитарные люди обладают низким «порогом обвинения». Это означает, что в условиях неопределенности они нуждаются в относительно небольшом количестве доказательств, чтобы признать подсудимого виновным в совершении преступления;

- лучше относятся и больше доверяют позиции прокурора, представляющего легитимную власть и желающего наказать нарушителя;

- не доверяют подсудимому, имеющему низкий социоэкономический статус или принадлежащему к группе меньшинства;

- доверяют тому подсудимому, который является представителем власти (чиновником, работником полиции) или, обладая равным с ними статусом, соглашается с их взглядами;

- подвержены влиянию материалов уголовного дела, говорящих о характере подсудимого, чаще игнорируют инструкцию судьи о недопустимых доказательствах;

- негативно относятся к потерпевшим в изнасиловании;

- склонны изменять свое мнение под воздействием показаний эксперта;

- когнитивно ригидны, то есть предпочитают пользоваться при принятии решения простыми схемами, избегая серьезного анализа информации.

Характерно, что большее влияние на вердикт оказывает не традиционный, а правовой авторитаризм. Он заключается, прежде всего, в презрении к правам подсудимого (*Narby, Cutler, Moran, 1993*).

Кроме того, с вердиктом связана еще одна разновидность авторитаризма – догматизм. Догматизмом называют авторитаризм, лишенный политического оттенка. Присяжные с высоким уровнем догматизма выступают за более серьезное наказание подсудимому. Они верят в справедливый мир, и поэтому склонны к более серьезному наказанию того подсудимого, который пострадал в процессе совершения преступления, чем того, чьи страдания имеют другую причину. На людей с низким уровнем догматизма страдания подсудимого оказывают иное влияние: они ратуют за более серьезное наказание преступника, чьи страдания не связаны с совершением преступления, поскольку рассматривают ущерб, нанесенный преступнику во время совершения преступления, как способ искупления (*Shaffer, Plummer, Hammock, 1986*).

Другой важной личностной чертой является **степень самомониторинга**. Под самомониторингом понимается степень, в которой люди выносят решение и выбирают способ поведения на основе своих аттитюдов или особенностей ситуации. Высокий уровень самомониторинга означает, что человек ориентируется на ситуативные факторы больше, чем на собственные аттитюды, а низкий – наоборот.

Психологические исследования показывают, что при вынесении судебного решения люди с высокой степенью самомониторинга уделяют доказательствам большее внимание, а своим аттитюдам – меньшее, чем люди с низкой. Это происходит, поскольку доказательства являются одной из особенностей ситуации принятия решения (*Shaffer, Wheatman, 2000*).

На решение присяжных оказывает влияние **локус контроля**: люди с внутренним локусом контроля предлагают наказать подсудимого строже, чем люди с внешним.

Вердикт присяжных зависит от **стиля слушания**. Выделяют четыре стиля слушания: ориентация на людей (повышенное внимание к чувствам людей), ориентация на действия (внимание к информации, связанной с решением; поиск несоответствий в разных сообщениях), ориентация на содержание (внимание к доказательствам, их анализ перед принятием решения), ориентация на время (внимание к коротким сообщениям). Стиль слушания оказывает влияние на решение присяжных, однако направление влияния зависит от особенностей дела (*Worthington, 2001*).

6.4.2. Под **стереотипами** понимается когнитивный компонент аттитудов по отношению к членам целой социальной группы. Стереотип — это индивидуальные особенности, приписываемые всем членам этой группы. Среди таких особенностей могут встречаться как позитивные (добрый, умный), так и негативные (злой, глупый). **Предрассудки** — это негативное эмоциональное отношение к членам группы. Стереотипы и предрассудки, выполняя роль информационного фильтра, могут оказывать влияние на оценку присяжными отдельных доказательств и их вердикт. Такую роль часто выполняют этнические стереотипы и предрассудки. В частности, люди лучше воспринимают, тщательнее обдумывают и лучше запоминают информацию о подсудимом и потерпевшем, которая соответствует этническим стереотипам, с большей вероятностью обвиняют и предлагают более серьезно наказать подсудимого, если он совершил преступление, соответствующее стереотипам. Например, американцы европейского происхождения склонны предлагать более серьезные наказания афроамериканцу по сравнению с белым, при условии, что он совершил преступление, являющееся частью стереотипа относительно негров (например, жестокое убийство или изнасилование). С другой стороны, если афроамериканец совершил преступление, не связанное с расовыми стереотипами (случайно сбил пешехода), американцы европейского происхождения наказывают

его также, как и члена одной с ними расовой группы (*Abwender, Hough, 2001*) (о таком воздействии стереотипов и предрассудков речь уже шла в параграфе, посвященном влиянию типичности преступления на вердикт присяжных).

Существует два представления о том, каким образом стереотипы влияют на оценку доказательств. Согласно гипотезе интерпретации, стереотипы влияют на понимание присяжными доказательств: люди интерпретируют доказательства в русле существующих стереотипов, придают им соответствующее значение. Например, люди могут расценить угрозу со стороны подсудимого как реальное предупреждение и доказательство, говорящее о его виновности, если подсудимый относится к той группе людей, которой приписываются агрессивность, опасность. Жертвами такой интерпретации становятся представители некоторых этнических и расовых групп. Вместе с тем, та же самая угроза может рассматриваться как способ снять эмоциональное напряжение, если подсудимый является членом группы, представление о которой более позитивно.

Согласно гипотезе селекции, люди более тщательно анализируют доказательства, которые соответствуют стереотипам, и пропускают доказательства, которые им не соответствуют. Например, если подсудимый является членом группы, которой приписывается агрессивность, люди могут обратить серьезное внимание на его угрозу, но при этом не будут подвергать серьезному анализу доказательства, говорящие о его миролюбии. В целом, эта гипотеза получает большее подтверждение, чем предыдущая (*Bodenhausen, 1988*).

Стереотипы и предрассудки – это один из показателей межгруппового конфликта. Другим показателем является **межгрупповая дифференциация** (различие в оценках и отношении к членам своей и чужой социальной группы), заключающаяся в **ингрупповом фаворитизме** (предпочтении членов своей группы - ингруппы) и **аутгрупповой дискриминации** (пренебрежении, очернении членов чужой группы - аутгруппы). Уже первые исследования продемонстрировали, что судебные решения – один из способов проявления ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации. Это

особенно хорошо заметно на примере соотношения расовой и этнической принадлежности присяжного, подсудимого и потерпевшего. Например, присяжные менее склонны к обвинению подсудимого, относящегося к одной с ними расовой или этнической группе, особенно если потерпевшая к ней не принадлежит. Аналогично, они более склонны к обвинению подсудимого другой расовой или этнической принадлежности, особенно если потерпевший является членом интруппы (Hymes et al., 1993).

Очевидно, что интрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация возникают в ходе вынесения вердикта, благодаря определенной оценке присяжными доказательств и участников судебного процесса. В частности, люди уделяют большее внимание некоторым аспектам дела, когда подсудимый принадлежит к расовой или этнической аутгруппе. Например, исследования показали, что при оценке обоснованности позиции прокурора и вынесении обвинительно вердикта американцы европейского происхождения обращают большее внимание на наличие у подсудимого алиби, если он афроамериканец, чем если он американец европейского происхождения. Оценка обоснованности позиции адвоката зависит от качества допроса прокурора также при условии, что подсудимый – афроамериканец (Sargent, Bradfield, 2004).

Кроме того, присяжные анализируют доказательства более тщательно и больше опираются на их содержание при совпадении расовой принадлежности подсудимого и потерпевшего, чем при их различии (ForsterLee et al., 2006).

В последнее время в связи с распространением в западных странах идеи о равенстве представителей разных расовых и этнических групп открытое проявление аутгрупповой дискриминации по расовым и этническим признакам постепенно уменьшается. Однако на смену ей приходит так называемый аверсивный расизм. Он заключается в том, что люди демонстрируют аутгрупповую дискриминацию только в том случае, когда имеют возможность оправдать ее обстоятельствами, не связанными с расовой принадлежностью объекта оценки. Например, принимая решение относительно виновности

подсудимого в совершении преступления и заслуженного им наказания, британцы европейского происхождения чаще обвиняют афроамериканца и присуждают ему большее наказание, чем «белому» подсудимому, только при наличии недопустимых доказательств (*Hodson et al., 2005*). Дело в том, что когда все доказательства, представленные игровым присяжным, считаются допустимыми, оправдывая «белого» подсудимого, люди не имеют возможности объяснить обвинительный приговор и серьезное наказание афроамериканца ничем, кроме аутгрупповой дискриминации. Чтобы избежать обвинений в расизме, они выносят одинаковые решения вне зависимости от расовой принадлежности подсудимого. Однако когда существуют доказательства, которые оцениваются как недопустимые, игровые присяжные могут оправдать их наличием любое решение: оправдывая подсудимого европейского происхождения, они ссылаются на недопустимость доказательств, а обвиняя афроамериканца — на их наличие.

Другим проявлением аверсивного расизма в решениях присяжных является тот факт, что когда подсудимый ссылается на свою расовую принадлежность или когда на нее указывает свидетель, присяжные не проявляют предпочтений в отношении представителя какой-либо расовой группы. Однако в противном случае эти предпочтения возникают (*Sommers, Ellsworth, 2001*).

Психологические исследования показали, что **основными причинами** участия человека в межгрупповых конфликтах, то есть возникновения стереотипов, предрассудков и межгрупповой дифференциации, являются:

- состояние фрустрации, вызванное неспособностью человека достичь важной для него цели. Реакцией на фрустрацию может стать поиск «козла отпущения» - человека или группы, которого можно было бы обвинить в своих бедах. Характерно, что этот человек или группа не имеют никакого отношения к фрустрации. Часто эта роль отводится представителям иной этнической группы (гипотеза козла отпущения);

- авторитаризм (теория авторитарной личности);

- ориентация на социальное доминирование — вера в то,

что социальная иерархия, существующая в обществе, при которой члены одних групп занимают высокое, а члены других низкое положение, естественна и оправданна (теория социального доминирования);

- восприятие человеком интересов ин- и аутгруппы как противоречащих друг другу. Члены определенной этнической или расовой группы могут рассматриваться как соперники в экономической, политической или любой другой сфере. Это и является причиной негативного отношения к ним;

- осознание человеком своего подобия членам определенной социальной группы и признание важной роли этой группы в его жизни. Этническая принадлежность может играть в жизни человека важную роль: если он гордится своей этнической группой и считает себя ее типичным представителем, у него повышается самооценка. Желая сохранить свою самооценку, такой человек оценивает членов других социальных групп более негативно, чем членов своей группы (теория социальной идентичности);

- способ восприятия мира. В процессе восприятия человек не просто замечает особенности одушевленных и неодушевленных объектов, но и старается категоризировать их — отнести к определенному типу. В частности, при восприятии людей человек часто обращает внимание на те особенности, которые роднят их с другими людьми, например, язык, на котором они говорят, внешний вид и т.д. Таким образом, человек изначально воспринимает людей как членов определенной социальной группы. Стараясь сделать свое представление о мире более структурированным, человек преувеличивает различия между разными социальными группами. Это и является началом межгруппового конфликта.

6.4.3. Элементами **правосознания**, оказывающими влияние на вердикт присяжных, являются аттитюды к наказанию, закону, преступлению, адвокату и прокурору.

Аттитюды к наказанию, особенно карательная ориентация, оказывают большее влияние на вердикт присяжных, чем их социодемографические особенности (*Devine et al., 2001; McKelvie, 2006; Payne et al., 2004*):

- присяжные, считающие, что человек, совершивший преступление, заслуживает серьезного наказания, а не реабилитации, более склонны к вынесению обвинительного вердикта;

- такие присяжные склонны к более серьезному наказанию подсудимого;

- присяжные, поддерживающие идею применения смертной казни, более склонны к обвинению подсудимого. Одна из причин этого феномена заключается в том, что люди, выступающие за смертную казнь, авторитарны, больше верят в справедливый мир и имеют внутренний локус контроля (*Moran, Comfort, 1986; Butler, Moran, 2007*);

- сторонники смертной казни выше оценивают важность обстоятельств, отягчающих вину подсудимого и ниже – смягчающих ее (*Butler, Moran, 2007*);

- присяжные, поддерживающие идею применения смертной казни, более склонны, чем их оппоненты, предлагать данную меру наказания для преступников, совершивших разные преступления;

- сторонники смертной казни ратуют за более серьезное наказание преступников, чем ее противники;

- сторонники смертной казни более склонны, чем противники ее применения, руководствоваться идеей понижения уровня преступности с помощью введения строгих наказаний, больше доверяют прокурору, уверены в редкости судебных ошибок и правильности вынесенного ими решения. Поэтому члены коллегий, состоящих исключительно из сторонников применения смертной казни, менее тщательно обсуждают доказательства, хуже их вспоминают и менее критично относятся к показаниям свидетелей, чем люди, работающие в составе смешанных коллегий (*Devine et al., 2001*). Кроме того, по американским данным, среди людей, поддерживающих смертную казнь, чаще встречаются мужчины, американцы европейского происхождения, женатые, обеспеченные, политически консервативные люди. Они более активно участвуют в обсуждении вердикта и более убедительны (*Moran, Comfort, 1986*).

Среди **аттитюдов к закону** наибольшее внимание заслужила классификация уровней правового развития Дж.Тапп

и Ф.Левина (глава 2). Присяжные, находящиеся на третьем уровне правового развития, более склонны признавать подсудимого невиновным при условии противоречивости доказательств, чем люди, находящиеся на втором уровне. Вместе с тем люди, находящиеся на втором уровне, больше верят показаниям представителей власти, например работникам правоохранительных органов, чем люди на третьем (*Lupfer et al., 1987*).

Примером **аттитюдов к преступлению** могут служить мифы об изнасиловании. В частности, при решении вопроса о том, было ли совершено изнасилование, люди обращают пристальное внимание на поведение потерпевшей. Степень этого внимания зависит от того, в какой мере присяжные придерживаются мифов об изнасиловании. В частности, люди, поддерживающие мифы об изнасиловании, склонны к оправдательным вердиктам и более мягкому наказанию подсудимого, обвиненного в совершении этого преступления (*Field, 1979; Gray, 2006*).

Люди различаются по **доверию к прокурору и адвокату**. Эта особенность оказывает влияние на индивидуальные суждения присяжных, которые они выносят до коллективного обсуждения, а также на окончательный вердикт, но только в том случае, когда доказательства противоречивы (*De La Fuente, De La Fuente, Garcia, 2003*).

6.4.4. **Эмоциональные состояния** присяжных различаются по валентности (позитивные / негативные) и активности (увеличению или уменьшению физиологического возбуждения). Результаты исследований показывают, что (*Bodenhausen, Kramer, Susser, 1994; Semmler, Brewer, 2002; Myers, Greene, 2004; Krauss, Lieberman, Olson, 2004*):

- присяжные, находящиеся в хорошем настроении, используют эвристический способ анализа поступающей информации (то есть обращают большее внимание на форму сообщения, а не на его содержание, используют при вынесении решения простые правила - эвристики), а люди в плохом – систематический (то есть обращают внимание на содержание сообщения). В частности, присяжные-американцы, находящиеся в хорошем настроении, более активно используют свои

стереотипы о подсудимых-испанцах при принятии судебного решения, чем респонденты в нейтральном состоянии. Кроме того, грустные люди лучше замечают несоответствия в показаниях свидетелей, чем веселые;

- присяжные обращают большее внимание на информацию и выносят суждения, которые соответствуют их настроению. В частности, они оценивают подсудимого более негативно и склонны к более серьезному наказанию, если у них плохое настроение, и более позитивно, когда оно хорошее;

- присяжные в эмоциональном состоянии, характеризующимся понижением физиологического возбуждения (например, грусть), более тщательно анализируют доказательства, чем те, чьи эмоции характеризуются повышением возбуждения (например, злость). Злые люди анализируют доказательства меньше и более предубежденно, чем грустные;

- присяжные в состоянии эмоционального возбуждения придают меньшее значение результатам тестов, созданных для измерения степени опасности подсудимого в будущем, чем те, кто мыслит более рационально;

- присяжные, находящиеся в эмоциональном состоянии, характеризующемся повышением физиологического возбуждения, при восприятии информации чаще используют стереотипы, чем те, кто находится в эмоциональном состоянии, характеризующемся понижением физиологического возбуждения;

- присяжные, находящиеся в эмоциональном состоянии, характеризующемся повышением физиологического возбуждения, склонны к более серьезному наказанию подсудимого, совершившего преступление, соответствующее скрипту, чем те, кто находится в эмоциональном состоянии, характеризующемся понижением физиологического возбуждения.

6.4.5. Дополнительные знания о деле. В странах, где давно существует суд присяжных, люди узнают о наиболее громких преступлениях еще до начала их рассмотрения в суде. Источником такой информации, как правило, являются СМК. Наличие у присяжных непроверенной информации ставит под вопрос основной принцип судебного производства, согласно

которому вердикт должен быть вынесен присяжными на основе доказательств, которые были предъявлены им в зале суда.

Исследования показывают, что ознакомление с сообщением СМК перед началом судебного процесса оказывает влияние на оценку привлекательности подсудимого, отношение к нему, его восприятие в качестве типичного преступника, характер предварительного решения по делу, окончательный вердикт, серьезность наказания.

Например, присяжные, получившие информацию о недопустимых доказательствах (о наличии у подсудимого предыдущих судимостей и его признании, от которого он впоследствии отказался), чаще выносят обвинительные вердикты, чем присяжные, не располагающие подобной информацией (*Hope, Memon, McGeorge, 2004; Padawer-Singer, Barton, 1975*). В основе этого эффекта лежит механизм интерпретации: получив дополнительные, недопустимые сведения о подсудимом, присяжные интерпретируют в их русле допустимые доказательства, о которых они узнают в ходе судебного процесса (*Hope, Memon, McGeorge, 2004*).

Сообщения средств массовой коммуникации оказывают долговременное влияние, переживающее этап отбора присяжных, судебное следствие и прения, напутственное слово судьи и обсуждение вердикта в совещательной комнате (*Ruva, McEvoy, Bryant, 2007; Studenbaker, Penrod, 1997*).

Однако направленность этого влияния зависит от:

- качества информации («за» или «против» одного из участников процесса): чем негативней информация о подсудимом, тем больше вероятность обвинительного вердикта;

- типа сообщения (эмоциональное или фактологическое). Фактологическое сообщение включает в себя информацию о доказательствах стороны обвинения и криминальном опыте подсудимого, а эмоциональное — описание некоторых обстоятельств дела, способных вызвать сильную эмоциональную реакцию, например того факта, что жертвой является ребенок. Эмоциональная публикация увеличивает вероятность обвинительного вердикта вне зависимости от того, когда она была прочитана людьми. Фактологическое сообщение оказывает

влияние в основном в том случае, если респонденты узнают ее содержание прямо перед началом судебного процесса;

- места проведения судебного процесса.

Интересно что, присяжные, обладающие некоторой предварительной информацией, как правило, не осознают своей предубежденности или скрывают ее.

Способами уменьшения влияния дополнительной информации на вердикт являются:

- предъявление доказательств в ходе судебного процесса (*Freedman, Burke, 1996*);

- инструкция судьи, согласно которой присяжные должны рассматривать только доказательства, представленные в ходе судебного следствия, и игнорировать информацию, почерпнутую из сообщений СМИ;

- процедура отбора, целью которой является отсеивание кандидатов, обладающих такой информацией.

6.4.6. Знание о других судебных процессах. На решение присяжных оказывает влияние информация, касающаяся других судебных процессов. В частности, люди, которые читали статью о том, как свидетель опознал в качестве преступника невиновного человека, реже выносили обвинительный вердикт, чем те, кто не получал подобной информации (*Greene, Loftus, 1984*).

В целом можно сказать, что:

- психологические характеристики присяжных оказывают большее влияние на вердикт, чем их социодемографические особенности;

- одни и те же характеристики влияют как на вероятность вынесения обвинительного вердикта, так и на размер рекомендуемого подсудимому наказания;

- причиной влияния психологических характеристик является использование их носителями определенных стратегий анализа информации;

- важную роль при вынесении вердикта играют не только отдельные психологические характеристики присяжных, но и степень их подобия особенностям подсудимого и потерпевшего, которая определяет возможность идентификации с ними членов коллегии;

- различия между вердиктами, вынесенными присяжными в разных судебных процессах, не объясняются психологическими особенностями членов коллегии. Помимо сложности доказательств и особенностей других участников судебного процесса причиной этого является групповой характер вынесения вердикта.

7. Особенности групповой дискуссии присяжных

В соответствии с обыденными представлениями «идеальный присяжный» способен отложить принятие решения до обсуждения вердикта в совещательной комнате и может противостоять давлению большинства. И хотя большинство присяжных принимают первые индивидуальные решения в середине судебного процесса, окончательный вердикт является результатом группового обсуждения. Наличие у присяжных различных точек зрения на происшедшее в момент совершения преступления является необходимой предпосылкой начала групповой дискуссии.

Совместное обсуждение вердикта приводит к ряду серьезных последствий:

- позволяет членам коллегии вспомнить и проанализировать максимальное количество доказательств, предъявленных в зале суда. Так, по данным Р.Хэсти и коллег, во время обсуждения присяжные вспоминают 90% предъявленных доказательств и 80% утверждений, содержащихся в напутственном слове судьи (*Hastie, Penrod, Pennington, 1983*);

- дает возможность присяжным исправить ошибки, скорректировать свое понимание доказательств. Однако они не всегда осознают, что дискуссия дает им эту возможность, и не используют ее для этой цели. Поэтому положительное влияние дискуссии выражено не так сильно, как могло быть. Другой проблемой является тот факт, что в ходе групповой дискуссии свое мнение меняют не те люди, которые плохо помнят доказательства, а те, которые мало доверяют своей памяти (*Pritchard, Keenan, 2002*);

- уменьшает влияние на вердикт недопустимых доказательств, содержание которых стало известно присяжным до

и во время судебного процесса (*London, Nunez, 2000*);

Развитие групповой дискуссии присяжных подчиняется логике модели истории, описанной в начале главы. В соответствии с ней в ходе групповой дискуссии присяжные заседатели решают ряд задач, среди которых составление непротиворечивой истории о том, что произошло на месте преступления, анализ содержания понятий, использованных в вопросном листе, а также соотнесение истории с поставленными перед присяжными вопросами. Несмотря на то, что присяжные должны решить все описанные задачи, коллегии различаются по степени внимания, уделяемого их членами каждой из них, что приводит к возникновению разных **стилей ведения дискуссии в совещательной комнате**.

К настоящему времени эмпирически выделено два подобных стиля: направленный на вынесение вердикта и на анализ доказательств (*Hastie, Penrod, Pennington, 1983*).

Обсуждение, направленное на вынесение вердикта, характеризуется следующими особенностями:

- оно начинается с публичного голосования членов коллегии по каждому из вопросов вопросного листа;
- каждый присяжный во время обсуждения занимает, в основном, одну и ту же позицию относительно вердикта;
- присяжные анализируют, в основном, те доказательства, которые соответствуют их позиции по рассматриваемому делу;
- в ходе обсуждения присяжные делают много утверждений, касающихся предпочитаемого ими вердикта, и часто проводят процедуру голосования.

При использовании подобного стиля присяжные редко формулируют полную историю о происшедшем на месте преступления, предпочитая оценивать надежность отдельных доказательств.

Обсуждение, направленное на анализ доказательств, обладает противоположными особенностями:

- оно начинается с обсуждения доказательств, а первое (иногда единственное) голосование происходит ближе к концу обсуждения;

- присяжные вспоминают все возможные доказательства, даже если они не связаны с определенным решением по делу;
- в ходе обсуждения присяжные редко говорят о предпочитаемом ими вердикте.

При использовании стиля, направленного на анализ доказательств, присяжные сначала формулируют полную и непротиворечивую историю о происшедшем на месте преступления, а потом сопоставляют ее с заданными им вопросами. Обсуждение, проходящее в этом стиле, оценивается присяжными как более серьезное, а давление, осуществляемое большинством членов группы на меньшинство — как более сильное.

Существует ряд факторов, оказывающих влияние на развитие групповой дискуссии в совещательной комнате. Среди них индивидуальные особенности присяжных; размер коллегии; количество голосов, необходимое для принятия вердикта. В основе их влияния лежат социально-психологические закономерности функционирования малой группы.

7.1. Социально-психологические закономерности функционирования малой группы на примере коллегии присяжных

7.1.1. Динамика образования подгрупп и групповая сплоченность. При изучении характера обсуждения, разворачивающегося в ходе вынесения вердикта, большинство исследователей игнорируют специфику этой формы дискуссии. Они исходят из предположения о том, что для групповой дискуссии в совещательной комнате характерна та же динамика, что и для обсуждений, возникающих при принятии решений других типов. Поэтому предметом наблюдения за обсуждением присяжных становятся так называемые эффекты социального влияния (лидерство, влияние большинства и меньшинства, групповая поляризация), а также направления формирования группы (образование подгрупп, возникновение групповой сплоченности, стиль взаимодействия).

За время судебного следствия, которое может длиться неделями, присяжные, ранее не знавшие друг друга, постепенно знакомятся. Постоянное общение, наличие общей цели и воздействие незнакомой, официальной атмосферы суда приводят к возникновению групповой идентичности, росту сплоченности

группы. Относительно небольшой размер коллегии способствует сохранению этой идентичности до конца судебного процесса.

Наблюдение за коллегией присяжных позволяет выделить два направления общения между ее членами: возникающее в ходе обсуждения рассматриваемого дела (деловое общение) и касающееся личных интересов каждого члена группы (межличностное общение). Знакомство присяжных часто начинается с обсуждения проблем, не имеющих отношения к рассматриваемому делу. Таким образом, межличностное общение является основой для возникновения делового. Совпадение взглядов некоторых присяжных по вопросам, не связанным с судебным процессом, является основой для образования подгрупп, сохраняющихся и при обсуждении вердикта.

Например, в одном из исследований, проведенных на материале реальных судебных процессов, коллегия присяжных разделилась на три подгруппы (*Vinson, 1986*). Лидером одной из них стала женщина, которая верила в свободу предпринимательства и регулярно читала «Wall Street Journal». Члены этой подгруппы вели консервативный образ жизни, были уверены в правильности собственного мнения, отводили важную роль в развитии общества образованию, интересовались последними событиями политической жизни страны и считали членов второй подгруппы глупыми и слабо информированными. Члены этой подгруппы приняли сторону одного из участников судебного процесса – компании IBM. Лидером второй подгруппы была религиозная женщина, окончившая среднюю школу и работающая на фабрике. Ее члены поддерживали оппонента IBM – компанию CalComp. В состав третьей подгруппы вошли присяжные, которые заранее не говорили о том, как они собираются голосовать при вынесении вердикта. Ее члены играли роль посредников между первыми двумя подгруппами, способствуя развитию дискуссии и вынесению совместного решения. В ходе судебного следствия члены каждой подгруппы вместе посещали столовую, а в перерывах обсуждали свои интересы, работу, спорт, семьи, политику, соседей и т.д.

7.1.2. **Взаимодействие в коллегиях, пришедших и не пришедших к согласию по поводу вердикта.** Группы, члены которых при вынесении судебного решения смогли прийти к единому мнению, отличаются от коллегий, участники которых не смогли вынести единогласный вердикт. Им присущи следующие особенности:

- в ходе дискуссии чаще встречаются высказывания, выражающие простое согласие («да, я согласен») и реже — простое несогласие («нет, я не согласен»);
- члены группы реже обсуждают посторонние темы, выполняют деятельность, не связанную с вынесением решения;
- члены коллегии чаще пытаются конструктивно разрешить конфликты и внести определенность в позиции других участников (*Vanlear, Mabry, 1999*).

7.1.3. Одним из основных феноменов, возникающих в ходе работы коллегии присяжных, является **лидерство / руководство**. Как правило, в коллегии присяжных неформальный, спонтанно выдвинутый лидер существует одновременно с официально выбранным руководителем (старшиной). Роль старшины подразумевает выполнение ее носителем функции организации группового обсуждения вердикта. В частности, в обязанности старшины входит зачитывание вопросного листа и организация процедуры голосования в совещательной комнате. Старшина может оказывать большое влияние на решение присяжных, затрагивая при обсуждении правовые или организационные вопросы (*Hastie, Penrod, Pennington, 1983*).

Функции неформального лидера более разнообразны. В частности, он:

- является человеком, вокруг которого объединяются другие члены подгруппы или коллегии в целом;
- организует процесс общения членов коллегии вне совещательной комнаты (эмоциональный лидер);
- организует процесс делового общения, активно участвует в обсуждении вердикта (деловой лидер);
- оказывает активное давление на своих оппонентов.

В некоторых случаях один и тот же человек принимает на себя роль старшины и неофициального делового лидера.

В этом случае он активно участвует в дискуссии, отстаивая свою точку зрения и оказывая давление на оппонентов. Однако в других случаях старшина ограничивается выполнением официальных обязанностей, высказывает свою точку зрения последним наравне с остальными участниками.

Существует несколько основных правил, по которым присяжные предпочитают выбирать старшину (в порядке уменьшения предпочтения): выбор добровольца; выбор человека с высоким статусом или иными социально желательными индивидуальными особенностями; выбор человека, который уже принимал участие в суде присяжных (*Sunwolf, Seibold, 1998*).

7.1.4. При обсуждении вердикта давление на оппонентов оказывает не только лидер, но и целые подгруппы, члены которых придерживаются единого мнения относительно произошедшего в момент совершения преступления. Воздействие, осуществляемое членами подгрупп, получило название **влияния большинства и меньшинства**.

Влияние на мнение присяжного других членов коллегии связано с так называемой «фундаментальной ошибкой атрибуции»: приписывая причины поступкам окружающих, человек склонен объяснять эти действия их индивидуальными особенностями в ущерб факторам ситуации. Таким образом, человек недооценивает влияние, которое на поступки людей оказывает ситуация. В коллегии присяжных эта ошибка проявляется в том, что люди (вне зависимости от того, работают ли они в составе коллегии или только наблюдают за тем, как это делают другие), склонны объяснять защиту человеком определенной позиции его собственным мнением, а не какими-либо ситуационными факторами (*Worth, Allison, Messick, 1987*).

Влияние большинства носит преимущественно *нормативный* характер: люди подчиняются большинству, не желая быть отвергнутыми другими членами коллегии. Влияние меньшинства — *информационное*: присяжные используют мнение меньшинства как источник информации и задумываются над новыми альтернативами.

Большинство оказывает большее влияние на неопределившихся членов группы, чем меньшинство. Влияние боль-

шинства в коллегии присяжных увеличивается по мере роста фракции большинства (*Tindale et al., 1990*).

Хотя влияние меньшинства и менее выражено, он также может оказать влияние на вердикт. Вероятность такого влияния повышается, если (*Tindale et al., 1990*):

- размер большинства ненамного превышает размер меньшинства: например, большинство, состоящее из двух человек, сильнее прислушивается к мнению меньшинства - одиночки, чем большинство из трех человек;

- меньшинство состоит больше, чем из одного человека: меньшинство из двух человек гораздо эффективнее сопротивляется большинству, чем меньшинство из одного человека;

- представители большинства знают о случаях, когда меньшинство, защищало свою позицию и оказалось способно убедить большинство в правильности своей точки зрения, в результате чего было вынесено правильное решение (*Clark, 2001*);

- авторами разных аргументов меньшинства являются разные люди, а не один человек (*Clark, 2001*).

В этом параграфе мы не будем специально обсуждать причины возникновения этих эффектов и последствия, к которым они приводят (о них можно узнать, прочитав учебные пособия по социальной психологии, например, Бэрн Р., Керр Н., Миллер Н. Социальная психология группы. СПб: Питер, 2003; Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы. М.: Аспект-Пресс, 2001, Тернер Дж. Социальное влияние. СПб: Питер, 2003). Однако ниже мы рассмотрим зависимость их появления от размера коллегии и количества голосов, необходимых для вынесения вердикта.

7.1.5. Один из наиболее известных эффектов, возникающих в ходе групповой дискуссии, — это **групповая поляризация**. Он заключается в том, что решение, которое принимает группа, более экстремальное по сравнению с индивидуальными решениями ее членов (*Hulbert et al., 1999*).

Она может проявляться тремя способами. Во-первых, коллегия может распадаться на две подгруппы, мнения которых резко отличаются друг от друга. Это означает, что мнение

людей, выступающих на стороне обвинения и защиты, в ходе групповой дискуссии становится все более категоричным, то есть «поляризуется» (*De La Fuente, De La Fuente, Garcia, 2003*).

Во-вторых, может наблюдаться эффект «сдвига-к-рisku». Эффект «сдвига-к-рisku» в судебном контексте заключается в том, что вердикт коллегии, вынесенный после совместного обсуждения, предусматривает обвинение подсудимого по более серьезной статье или более строгое его наказание по сравнению с индивидуальными решениями, принимаемыми присяжными по данному делу (*Hastie, Penrod, Pennington, 1983; Sunstein et al., 2002*).

В-третьих, может возникнуть эффект «сдвига-к-осторожности», который заключается в том, что вердикт коллегии предусматривает обвинение подсудимого по менее серьезной статье (его оправдание) или менее строгое его наказание по сравнению с индивидуальными решениями присяжных. Некоторые авторы полагают, что «сдвиг-к-осторожности» в коллегии присяжных более вероятен, чем «сдвиг-к-рisku». Характерно, что «сдвиг-к-осторожности» встречается чаще, чем «сдвиг-к-рisku» не только в студенческих коллегиях, но и в исследованиях, проведенных с участием взрослых людей (*MacCoun, Kerr, 1988*).

Форма проявления эффекта групповой поляризации в судебном контексте («сдвиг-к-рisku» или «сдвиг-к-осторожности») зависит от ряда факторов, среди которых:

- личностные характеристики членов коллегии. Групповая дискуссия оказывает разное влияние на решение авторитарных и неавторитарных людей, подвигая первых к риску, а вторых – к осторожности;

- характер инструкции судьи. Стандарт оценки доказательств, который содержится в инструкции судьи, может облегчить или усложнить вынесение обвинительного вердикта. В частности, инструкция, в которой говорится о том, что прокурор должен доказать виновность подсудимого «вне разумных сомнений», способствует вынесению оправдательного вердикта, по сравнению с инструкцией, из которой следует, что прокурор должен показать, что доказательств в пользу обвинения

больше, чем в пользу оправдания. Особую важность содержание инструкции судьи приобретает при коллективном обсуждении вердикта, поскольку «коллективная» память коллегии лучше, чем память отдельных присяжных, и, следовательно, инструкция оказывает большее влияние на групповое решение по сравнению с индивидуальным (*MacCoun, Kerr, 1988*);

Все перечисленные эффекты лежат в основе влияния индивидуальных характеристик, размера коллегии и количества голосов, необходимого для вынесения вердикта, на решение присяжных.

7.2. Индивидуальные особенности присяжных. Проведенные исследования показывают, что люди, обладающие разными социодемографическими и психологическими характеристиками, различаются по степени активности при вынесении вердикта (*Devine et al., 2001; Hastie, Penrod, Pennington, 1983; Rotenberg, Hurlbert, 1992; Rotenberg, Hewlett, Siegwart, 1998*).

Пол. В частности, согласно результатам американских исследований, находясь в совещательной комнате, мужчины больше говорят о том социальном статусе, которым они обладают за стенами суда, принимают более активное участие в обсуждении и поэтому выглядят более компетентными, чаще избираются старшинами и оказывают большее влияние на мнение коллег, чем женщины. Кроме того, мужчины делают больше утверждений, касающихся доказательств, норм закона и порядка организации дискуссии, а женщины — утверждений относительно вердикта и замечаний, не относящихся к делу.

Возраст. Наибольшую активность в совещательной комнате проявляют присяжные от 34 до 56 лет. Они чаще, чем их молодые и пожилые коллеги, анализируют доказательства и обсуждают нормы закона. Пожилые присяжные хуже запоминают инструкцию судьи и основные доказательства, но оценивают прошедшее обсуждение как более серьезное.

Образование и профессиональный статус. Люди с высоким уровнем образования принимают более активное участие в дискуссии, делают больше замечаний о процедуре ее проведения и реже изменяют свое мнение под воздействием коллег, чем малообразованные присяжные. Кроме того, они лучше

помнят напутственное слово судьи и основные доказательства по делу. Очевидно, поэтому они чаще выбираются старшинами, а также оцениваются другими присяжными как внесшие серьезный вклад в обсуждение и оказавшие значительное влияние на исход голосования. Аналогичное влияние оказывает и профессиональный статус присяжных.

Расовая и этническая принадлежность присяжных. Американские исследования показывают, что гетерогенные по расовому составу коллегии присяжных, особенно входящие в них американцы европейского происхождения вспоминают большее количество информации, касающейся подсудимого-афроамериканца, перечисляют больше доказательств и делают меньше ошибок, чем коллегии, состоящие исключительно из евроамериканцев (*Sommers, 2006*).

Участие в судах присяжных в прошлом. Присяжные ранее принимавшие участие в других судебных процессах более активно участвуют в дискуссии, обсуждая характер вердикта и процедуру его вынесения.

Уровень морального развития. Присяжные, находящиеся на более высоком уровне морального развития по Колбергу, принимают более активное участие в дискуссии, то есть чаще выступают, обсуждая свою точку зрения на вердикт и нормы закона, чаще доминируют в ней и оказывают большее влияние на вердикт, чем люди с более низким уровнем морального развития.

Уровень правового развития. Присяжные, находящиеся на третьем уровне правового развития, принимают более активное участие в обсуждении вердикта, произносят больше фраз и оказывают большее давление на своих коллег, чем люди, находящиеся на первом и втором уровнях.

Стремление к безопасности / к достижению, признанию. Люди, стремящиеся к признанию, меньше меняют свое мнение под действием большинства, чем те, кто стремится к безопасности.

Экстраверсия. Экстраверты чаще, чем интроверты, выполняют обязанности старшины.

7.3. Размер коллегии. В основной состав коллегии присяжных входит двенадцать человек. Однако несколько десятиле-

тий назад перед американскими исследователями встал вопрос о последствиях, к которым приведет уменьшение размера коллегии до шести присяжных. Исследования, проведенные к настоящему времени, позволяют выделить ряд различий в стиле работы и вердиктах коллегий, состоящих из шести и двенадцати человек. Их результаты говорят о том, что (*Devine et al., 2001; Horowitz, Bordens, 2002; Kerr, MacCoun, 1985*):

- Решения, принимаемые коллегиями из шести человек, менее предсказуемые, чем вердикты больших коллегий. В частности, если несколько небольших коллегий рассматривают одно и то же дело, их вердикты сильнее отличаются друг от друга, чем решения выполняющих такое же задание коллегий из двенадцати человек. Это означает, что решения меньших по размеру коллегий в большей степени определяются индивидуальными особенностями присяжных.

- Члены коллегии, состоящей из двенадцати человек, обладают большей «коллективной памятью», то есть вспоминают в ходе обсуждения большее количество доказательств, анализируют их более тщательно и долго, делают меньше ошибок, чем присяжные из небольших коллегий. Особенно ярко эта закономерность проявляется при рассмотрении сложного дела.

- Благодаря тому, что коллегия, состоящая из шести человек, обладает меньшей «коллективной» памятью, разрешение вести записи по ходу процесса оказывает большее влияние на качество вердиктов, вынесенных ее членами, чем на качество решений, принимаемых коллегиями из двенадцати человек. Этот эффект особенно ярко проявляется при сложных доказательствах.

- Меньшие по размеру коллегии тратят меньше времени на вынесение вердикта.

- Чем больше размер коллегии присяжных, тем менее вероятно, что все ее члены с самого начала будут придерживаться единого мнения, и тем более вероятно, что они не смогут вынести вердикт единогласно.

- Меньшие по размеру коллегии чаще основывают свое решение на суждениях, не являющихся доказательствами, и оценках.

- Меньшие по размеру коллегии выносят больше обвинительных вердиктов в уголовных и гражданских процессах. Первая причина этого феномена кроется в уже описанной выше неспособности членов таких коллегий вспомнить и проанализировать все предъявленные доказательства. Другой причиной является относительная пассивность меньшинства в коллегиях, состоящих из шести человек. В большинстве случаев оправдательный вердикт является результатом активности членов меньшинства, которым удается убедить других присяжных в правильности своей точки зрения. В коллегиях, состоящих из шести человек, меньшинство чаще, чем в коллегиях из двенадцати присяжных, представлено одним человеком, который отказывается от своей точки зрения, не выдержав социального давления.

- Меньшие по размеру коллегии — более сплоченные. Возникновение сплоченности является причиной нежелания членов таких коллегий провоцировать внутригрупповой конфликт и отказа обсуждать разногласия, касающиеся существа дела, в ходе вынесения вердикта.

- Члены коллегии из шести человек более активно участвуют в дискуссии и испытывают большее удовлетворение от проделанной работы, чем присяжные, входящие в состав большей коллегии.

Таким образом, коллегии из двенадцати человек в большей степени отвечают целям введения суда присяжных, поскольку вынесенные ими вердикты основываются на доказательствах и подвергаются более тщательному обсуждению, по сравнению с решениями коллегий, состоящих из шести человек.

7.4. Количество голосов, необходимое для принятия вердикта. Законы разных стран предусматривают разное количество голосов, отданных присяжными за определенное решение, необходимых для того, чтобы вынесенный коллегией вердикт вступил в законную силу. Российский закон предусматривает, что вердикт считается принятым после того, как за него проголосовало больше половины основных членов коллегии. Это означает, что для признания доказанности совершения преступления и виновности в нем подсудимого необходимо, что-

бы в пользу этого решения проголосовало семь из двенадцати присяжных. Соотношение голосов «шесть за обвинение» против «шести за оправдание» трактуется в пользу подсудимого и подразумевает вынесение оправдательного вердикта. Однако в некоторых странах, например в США, вердикт считается вынесенным только в том случае, если за него проголосовали все присяжные. В противном случае коллегия распускается и назначается новый судебный процесс.

Чем отличаются коллегии, работающие по правилу «большинства голосов», от коллегий, работающих по правилу «единогласного вердикта»? Ответы на этот вопрос были получены в исследовании Р.Хэсти и его коллег (*Hastie, Penrod, Pennington, 1983*).

В этом исследовании приняли участие американские граждане, отобранные из списка потенциальных присяжных. Они рассматривали дело об убийстве Кэдвелла, в котором обвинялся его приятель Джонсон. Исследование проходило в рабочие дни в помещении суда. После просмотра фильма респонденты принимали участие в обсуждении вердикта. Обсуждение проходило в совещательной комнате, оборудованной видеокамерами. Время обсуждения специально не ограничивалось, но самая длинная дискуссия заняла четыре дня. Если при принятии решения присяжные заходили в тупик, судья давал им дополнительные разъяснения. После вынесения вердикта респонденты заполняли опросник, в котором:

- оценивали рассмотренное дело по параметрам реалистичности и трудности;
- отмечали справедливость вынесенного вердикта;
- оценивали серьезность анализа доказательств и принятия решения;
- указывали степень влияния, оказанного на других присяжных ими и их коллегами, а также тщательность обсуждения точки зрения каждого участника;
- отмечали, участвовали ли они в реальных судах присяжных;
- указывали наличие у себя ряда социодемографических и психологических характеристик;

- вспоминали разные доказательства и правовые нормы.

Были созданы три экспериментальные группы. Члены первой экспериментальной группы должны были вынести решение восемью голосами из двенадцати, члены второй – десятью из двенадцати, а члены третьей – единогласно. В ходе этого исследования были выявлены существенные различия процедуры обсуждения вердикта в коллегиях разного типа. В частности, количество голосов, необходимое для принятия решения, оказало влияние на характер дискуссии, динамику образования подгрупп, степень участия в обсуждении каждого присяжного и удовлетворенность членов коллегии своей работой.

7.4.1. Характер дискуссии. Количество голосов, необходимое для вынесения вердикта, повлияло на следующие параметры.

- *Длина дискуссии.* Чем больше голосов требовалось для вынесения вердикта, тем больше времени занимало его обсуждение.

- *Тщательность анализа доказательств.* Чем больше голосов требовалось для вынесения вердикта, тем большее внимание уделялось анализу не только основных, но и второстепенных доказательств, и тем меньше времени отводилось на обсуждение особенностей американской правовой системы, обязанностей присяжных, личного опыта и характера проводимого исследования.

- *Точность цитирования доказательств и напутственного слова судьи.* В целом присяжные делали больше ошибок, когда цитировали напутственное слово судьи, чем когда вспоминали предъявленные доказательства. Однако выраженность этой закономерности зависела от количества голосов, необходимых для вынесения вердикта. В частности, в коллегиях, члены которых должны были вынести единогласное решение или решение десятью голосами из двенадцати, ошибки при описании доказательств встречались почти в два раза реже, чем неточности, возникающие при цитировании напутственного слова судьи. Вместе с тем респонденты из третьего экспериментального условия делали одинаковое количество

ошибок обоих типов. Таким образом, увеличение количества голосов, необходимых для принятия вердикта, привело к более точному описанию доказательств.

- *Вероятность исправления допущенных ошибок.* Коррекция ошибок, допущенных некоторыми присяжными при обсуждении доказательств и норм закона, осуществляемая их коллегами, реже всего происходила в коллегиях, члены которых должны были вынести решение десятью голосами из двенадцати.

- *Стиль ведения дискуссии.* Стиль обсуждения, направленный на вынесение вердикта, чаще встречался в коллегиях, принимающих решение большинством голосов, по сравнению с коллегиями, члены которых должны были вынести вердикт единогласно.

- *Вероятность «сдвига-к-рisku».* Эффект «сдвига-к-рisku» чаще наблюдался в коллегиях, принимающих решение большинством голосов, особенно в условии «десять из двенадцати». По мнению авторов исследования, причиной того, что в коллегиях, работающих по правилу большинства голосов, происходит своеобразный сдвиг к более строгому вердикту, может быть феномен распределения ответственности. В коллегиях, принимающих единогласное решение, существуют условия, которые мешают возникновению этого феномена. Анализируя вердикт, вынесенный членами такой коллегии, сторонний наблюдатель понимает, что для принятия единогласного решения необходимо, чтобы все присяжные согласились с его содержанием. Это заставляет членов коллегии, выносящих единогласное решение, тщательнее анализировать доказательства и внимательнее относиться к принятию той или иной позиции. С другой стороны, если коллегия вынесла решение большинством голосов, сторонние наблюдатели не в состоянии точно определить, кто именно являлся инициатором принятия вердикта и кто проголосовал за него. Поэтому члены таких коллегий не склонны к серьезному анализу своей точки зрения и принимают решение на основе наиболее очевидных доказательств.

7.4.2. Динамика образования подгрупп. Число голосов, необходимое для вынесения вердикта, оказывает влияние на скорость образования фракции большинства.

- Чем большее количество голосов необходимо для вынесения вердикта, тем *медленнее образуется большинство*, состоящее из восьми и более человек. Авторы исследования предложили следующее объяснение этого феномена. К концу обсуждения в коллегиях, члены которых должны вынести единогласное решение, участник может занимать одну из трех позиций: чловека, проголосовавшего за единогласное решение; члена большинства, которое не смогло убедить меньшинство в правильности своей позиции, в результате чего решение не было принято, а коллегия распущена; члена меньшинства, которое не смогло склонить на свою сторону остальных членов коллегии, что явилось причиной ее роспуска. Однако в коллегиях, принимающих решение большинством голосов, к этим позициям прибавляется четвертая – позиция члена меньшинства, мнение которого не было учтено при вынесении вердикта. Принятие этой позиции приводит к понижению самооценки присяжного. Поэтому некоторые люди прикладывают специальные усилия, чтобы стать членами большинства. В частности, они могут принять точку зрения его членов, даже если не согласны с ней.

- После образования большинства из восьми человек быстрее всего *обсуждение заканчивается* в коллегиях, которые должны принять решение восемью голосами из двенадцати: оно продолжается всего несколько минут. В коллегиях, члены которых должны вынести вердикт десятью голосами из двенадцати, на долю обсуждения после образования большинства из восьми человек приходится 10% всего времени дискуссии. И наконец, в коллегиях, выносящих единогласное решение, это обсуждение занимает 20% времени. Примечательно, что в таких коллегиях значительные изменения в содержании вердикта могут произойти даже после образования большинства из восьми человек.

7.4.3. Степень участия в обсуждении вердикта каждого члена коллегии также зависит от количества голосов, необходимого для принятия решения:

- коллегии, члены которых должны были вынести единогласное решение, отличались от коллегий двух других типов *высокой активностью большинства участников*. В таких колле-

гиях число присяжных, не принимающих участие в дискуссии, было минимально;

- активность членов таких коллегий достигалась, в основном за счет *активности членов меньшинства*. В коллегиях, где принятие решения происходило большинством голосов (особенно в условиях «восемь из двенадцати»), члены меньшинства были более пассивны.

7.4.4. Удовлетворенность членов коллегии своей работой.

Члены коллегий разного типа отличались друг от друга степенью доверия вынесенному вердикту, оценкой серьезности происходящего, качеством запоминания основных доказательств и отношением к своим коллегам.

Так, члены коллегий, принимающих решение большинством голосов, оценивали происходящее в ходе судебного процесса как менее серьезное, а обсуждение вердикта как менее тщательное, чем присяжные из коллегий, вынесших единогласный вердикт. В таких коллегиях процесс принятия решения оценивался как менее трудоемкий и давление со стороны окружающих как более слабое, чем в коллегиях, работающих по правилу «единогласного решения». Кроме того, члены коллегий, вынесших единогласное решение, более позитивно оценивали своих коллег, чем респонденты из других экспериментальных условий.

Таким образом, групповая дискуссия присяжных оказывает значительное влияние на вынесенный вердикт. Однако на сегодняшний день о специфике обсуждения, разворачивающегося в совещательной комнате, известно гораздо меньше, чем о факторах, оказывающих влияние на индивидуальные решения присяжных. Основная причина этого несоответствия заключается в трудоемкости проведения исследований, целью которых является анализ процесса группового обсуждения вердикта. Такие исследования требуют большого количества респондентов, значительных временных затрат, разработанной процедуры наблюдения за дискуссией и участия нескольких наблюдателей. Все это затрудняет поиск факторов, оказывающих влияние на характер групповой дискуссии в совещательной комнате.

8. Влияние судьи на вердикт присяжных

До сих пор мы обсуждали «непрофессиональных» участников, то есть участников, чья профессиональная деятельность не связана с судебными процессами. Однако в судах присяжных важную роль играют так называемые «профессиональные участники» - судья, прокурор и адвокат. В этом параграфе мы рассмотрим влияние судьи, а следующую главу посвятим психологическим аспектам деятельности прокурора и адвоката.

8.1. Влияние правовых инструкций судьи. Одно из утверждений о деятельности «идеального присяжного» гласит, что при вынесении вердикта он руководствуется правовыми нормами, а не обыденными правилами принятия решения. Основным источником этих норм для присяжных заседателей является судья, хотя адвокат и прокурор также имеют право напоминать им о тех или иных положениях закона. Судья имеет возможность инструктировать присяжных по ходу судебного процесса. Однако основные сведения о правовых нормах присяжные, как правило, черпают из напутственного слова судьи, которое он произносит после окончания судебного следствия, прений сторон и формулирования вопросного листа.

Инструкция судьи оказывает значительное влияние на решение присяжных (*Rector, Bagby, Nicholson, 1993*). Однако степень этого влияния зависит от типа инструкции. Наибольший интерес исследователей вызывают:

- объяснение судьей правовых понятий;
- так называемая норма «обнуления», согласно которой присяжные имеют право игнорировать нормы закона при вынесении решения о виновности подсудимого. Эта норма касается, прежде всего, американского варианта суда присяжных;
- норма недопустимости доказательств;
- «бремя доказывания», согласно которому виновность подсудимого должна быть доказана обвинением, а сам подсудимый не обязан доказывать свою невиновность;
- презумпция невиновности, согласно которой человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не была доказана в суде;

- принцип разумных сомнений, в соответствии с которым присяжные должны вынести вердикт «вне разумных сомнений»;

- краткое описание судьей в напутственном слове доказательств, предъявленных в ходе судебного следствия;

- объяснение судьей правил обсуждения вердикта в совещательной комнате.

В данном случае мы остановимся на двух типах инструкций – объяснении правовых понятий и норме недопустимости доказательств.

Одна из функций судьи заключается в разъяснении присяжным тех *правовых понятий*, с которыми они сталкиваются в ходе судебного процесса. Как правило, эти понятия знакомы присяжным, так как используются ими в обыденной речи. Однако обыденные значения этих терминов отличаются от правовых. Такие понятия можно разделить на две группы: общие, имеющие отношение к широкому классу преступлений (например, умысел, предварительный сговор, виновность) и частные, связанные с конкретными преступлениями (взятка, убийство, изнасилование и т.д.).

Первое часто встречающееся в практике суда присяжных понятие – умысел, намерение. Закон предусматривает разные формы умысла, классификация которых вызывает у присяжных определенные трудности. С такой проблемой сталкиваются американские исследователи. В рамках одного из исследований они выделили четыре типа умысла: намеренное действие с целью получить определенный результат (преступные намерения); знание о том, что совершаемое считается преступлением (преступные знания); знание, но пренебрежение риском (преступное легкомыслие); непонимание рискованности данных действий (преступная небрежность). Его результаты показали, что студенты, принимающие участие в исследовании, анализируя конкретные происшествия, проводили четкое различие между намерением и небрежностью, но испытывали трудности при определении промежуточных форм (*Severance, Goodman, Loftus, 1992*).

Вторым примером понятия с двойным значением (обыденным и правовым) является «взятка». В частности, в одном российском исследовании, проведенном с участием игровых присяжных, стороны и судья в своих речах специально подчеркивали для них следующие характеристики взятки (*Материалы Общества защиты осужденных хозяйственников, 1993*):

- она дается должностному лицу, то есть тому, кто обладает властью;

- является незаконным вознаграждением за совершение в интересах взяткодателя действий, которые могут быть как законными, так и незаконными;

- она может носить характер подкупа (до действий) или благодарности (после них);

- она может вымогаться или даваться добровольно;

- неважно, что практика взяток распространена повсеместно.

Тем не менее сами участники при определении взятки опирались на иные представления. Они обращали внимание на следующие особенности:

- должностное лицо: участники задавали себе вопрос, всегда ли чиновник является должностным лицом, и пытались ответить на него, используя аналогии, например, сравнивая чиновника с врачом, делающим операцию за вознаграждение, работником ГАИ, таксистом или швейцаром, получающим чаевые;

- характер действий получателя: по мнению целого ряда участников взяткой можно считать только то, что было дано за совершение незаконных действий. Кроме того, для некоторых людей было характерно разделение взятки и благодарности.

- наличие договора: значительная часть людей считала взяткой то, о чем договаривались заранее;

- размер и характер: некоторые участники отказывались считать взяткой мизерную, на их взгляд, сумму. При этом важным оказывался вопрос, что именно можно считать взяткой — только деньги или предметы тоже;

- мотивы взяткодателя: был ли он нежадным человеком, хотел отблагодарить и создать задел на будущее, считал ли он

сам это взяткой, являются ли деньги способом человеческой благодарности.

Разъяснение содержания правовых понятий может оказывать значительное влияние на решение присяжных, но при соблюдении условий, о которых речь пойдет ниже.

Вторая функция судьи связана с определением *допустимости доказательств*. Бывают случаи, когда в ходе судебного процесса присяжные узнают о криминальном опыте подсудимого или об иных обстоятельствах его жизни, не имеющих прямого отношения к преступлению. В этом случае судья должен вмешаться и попросить присяжных не принимать эти сведения во внимание. Кроме того, в ходе судебного процесса нередко возникают ситуации, когда одна из сторон просит огласить какой-либо документ, а вторая сторона заявляет протест, указывая на недопустимость этого доказательства. В этом случае судья просит присяжных временно удалиться из зала суда в совещательную комнату, и вопрос о допустимости доказательств решается в их отсутствие. Присяжные не знают, о чем идет речь в документе, однако понимают, что от них что-то скрывают.

Первая ситуация вызывает большой интерес исследователей. Ее изучение привело к противоречивым результатам. Некоторые исследования показывают, что просьба судьи не принимать во внимание недопустимые доказательства оказывает значительное влияние на присяжных, предотвращая использование ими недопустимых доказательств, другие — что такое влияние отсутствует. Инструкция судьи относительно недопустимости какого-либо доказательства может приводить и к обратному эффекту, провоцируя особенное внимание присяжных к нему.

8.2. Факторы, влияющие на эффективность инструкции судьи. Эффективность инструкции судьи определяется степенью, в которой присяжные поняли ее содержание, способны приложить усвоенные принципы и знания к конкретному делу и впоследствии распространить их на другие подобные ситуации (*Smith, 1991*). Для выполнения этих условий инструкция судьи должна иметь определенную форму.

8.2.1. **Упрощение инструкции.** Первая причина невысокой эффективности инструкции судьи заключается в ее непонимании присяжными. Главной причиной этого непонимания является сложность используемых в ней терминов и грамматических конструкций (*Charrow, Charrow, 1979*). Упрощение инструкции не подразумевает уменьшения ее точности и полноты. Оно включает в себя (*English, Sales, 1997; Wegener et al., 2000; Wiener, Pritchard, Weston, 1995*):

- замену редко используемых или устаревших слов часто используемыми или современными;
- исключение многозначных слов;
- уменьшение количества юридических терминов;
- разъяснение содержания юридических понятий с помощью примеров;
- уменьшение длины предложений;
- включение подробного описания каждой фазы вынесения вердикта присяжных;
- разбиение инструкции на несколько частей таким образом, что в каждой части содержалось описание только одной фазы вынесения вердикта. Такая инструкция позволяет объяснить присяжным алгоритм их действий в совещательной комнате;
- учет при формулировании инструкции модели истории. В частности, судья может не только объяснить присяжным содержание нормы допустимости доказательств, но и рассказать историю о том, как опознание подозреваемого, произведенное с нарушением процедуры, привело к серьезной ошибке.

Одной из сложностей модификации инструкции является необходимость осторожного выбора новых слов и предложений. Подробное объяснение какого-либо понятия может привести не только к большему вниманию, уделяемому инструкции, и ее лучшему пониманию, но и к увеличению количества обвинительных или оправдательных вердиктов. Например, одни варианты инструкции о «вынесении решения вне разумных сомнений» («Твердо убеждены... вне разумных сомнений»; «Доказательство, не вызывающее разумных сомнений —

это доказательство, в оценке которого у Вас есть внутренняя уверенность») увеличивают число обвинительных вердиктов по сравнению с другими, особенно если важный свидетель не уверен в своих показаниях.

8.2.2. Объяснение смысла правовых норм и наличия у присяжных свободы выбора. Инструкция судьи оказывает большее влияние, если присяжные понимают смысл обсуждаемой правовой нормы. Поэтому эффективность этой инструкции можно повысить за счет объяснения того, зачем нужна, например, норма допустимости доказательств или презумпция невиновности (*Wegener et al., 2000*).

Однако наличие всех перечисленных способов делает инструкцию эффективной, если одновременно с этим присяжные чувствуют себя компетентными и свободными в принятии решения. Подробное объяснение какой-либо правовой нормы может привести к формированию у присяжных своеобразного чувства неполноценности («Он думает, что мы не понимаем. Он думает, что мы глупые...») и восприятию отсутствия свободы выбора («Он заставляет нас поступать так, как он считает нужным»). Это, в свою очередь, ведет к сопротивлению присяжных, их нежеланию следовать инструкции.

Примером такого эффекта является неэффективность категоричного разъяснения правового представления об определенном преступлении («Не основывайте свое решение на своем представлении об ограблении... Используйте следующее определение ограбления...»). Такое объяснение позволяет присяжным вспомнить обыденные скрипты преступления. Директивная форма объяснения приводит к сопротивлению присяжных и активному использованию обыденных представлений.

Для того чтобы избежать этого эффекта, психологи рекомендуют (*Ellsworth, Reifman, 2000; Wegener et al., 2000*):

- подчеркивать, что инструкция судьи не умаляет свободу выбора присяжных, избегать употребления фраз «Вы обязаны следовать моей инструкции»;

- ввести в инструкцию фразы, способствующие поддержанию высокой самооценки присяжных, например, сделать акцент на том, что ни один человек полностью не свободен

от предубеждений, и суд не ожидает этого от присяжных, но что судья надеется, что они приложат усилия и вспомнят все предъявленные им доказательства;

- позволить разъяснять нормы закона не только судье, но и сторонам.

В целом, более эффективным вариантом разъяснения правового представления о преступлении является следующий вариант: «Многие люди думают, что похищение детей подразумевает (а), (б), (в). Но это не так. Похищение ребенка не всегда требует (а), (б), (в). Оно может также включать (г), (д) и (е)». В этом объяснении судья подчеркивает, что понимает присяжных, однако советует им действовать иначе, чем обычно (*English, Sales, 1997*).

8.2.3. Стадия судебного процесса, на которой судья дает разъяснение. Содержание большинства правил доказывания и оценки доказательств судья разъясняет присяжным в ходе напутственного слова, то есть после окончания судебного следствия. Исключение составляет норма недопустимости доказательств, к которой судья обращается на протяжении всего судебного процесса. Однако некоторые исследователи говорят о необходимости разъяснения вышеупомянутых норм два раза – в начале судебного следствия и после него.

Последствиями двойного разъяснения правовых норм являются (*Greene, Bornstein, 2000; Wissler, Kuehn, Saks, 2000*):

- качественное запоминание доказательств;
- лучшее понимание инструкции судьи, ее использование при оценке доказательств;

- большее внимание к различиям в ущербе, нанесенном разным истцам одним и тем же ответчиков при принятии решения о размере компенсации в гражданских процессах;

- усиление мотивации присяжных. В начале процесса судья может объяснить присяжным, что, хотя целью их деятельности является вынесение вердикта по конкретному судебному делу, своими действиями они способствуют реализации справедливой судебной процедуры, в рамках которых каждая из сторон может высказать свое мнение, а также функционированию правовой системы в целом (*Wegener et al., 2000*);

- большая зависимость решения присяжных от мнения судьи о виновности подсудимого (*Hart, 1995*).

8.2.4. Наличие дополнительных вариантов инструкции. Понимание инструкции судьи облегчает получение присяжными:

- печатного варианта инструкции, в котором процесс принятия решения разбит на несколько шагов;

- аналогичного варианта инструкции, представленного в виде слайдов;

- описания ошибок, которые люди часто совершают, пытаясь следовать инструкции, сопровождающегося просьбой избежать их (*Wiener et al., 2004*).

8.2.5. Тип преступления. Эффективность инструкции судьи зависит от типа рассматриваемого дела, серьезности нанесенного ущерба. По некоторым данным, чем меньший ущерб нанесен потерпевшему, тем чаще присяжные следуют инструкции судьи. Например, инструкция судьи о недопустимых доказательствах используется присяжными в делах о поджоге и вандализме и игнорируется — в делах об убийстве. Однако другие исследования показывают, что вероятность следования инструкции судьи возрастает одновременно с увеличением нанесенного ущерба (*Rind, Jaeger, Strohmets, 1995*).

8.2.6. Когнитивная нагрузка на присяжных. Эффективность инструкции судьи зависит от когнитивной нагрузки, действию которой подвергаются присяжные. Чем больше нагрузка, тем меньше эффективность инструкции (*Gilbert, Tafarodi, Malone, 1993*).

8.2.7. Противоречивость доказательств. Если доказательства против подсудимого противоречивы (однозначно не свидетельствуют «за» или «против» его виновности), дополнительные сведения, предъявленные прокурором и отведенные судьей по правилу недопустимости доказательств, увеличивают вероятность вынесения обвинительного вердикта (*Sue, Smith, Cadwell, 1973*). Это означает, что при наличии двусмысленных доказательств присяжные готовы игнорировать инструкцию судьи ради получения дополнительной информации.

8.2.8. Причины применения инструкции. Эффективность инструкции судьи зависит от способа получения доказательств.

В американском варианте суда присяжных существует несколько причин, по которым судья может отвести доказательства, в частности, из-за того, что они получены с нарушением процедуры или потому, что, по мнению судьи, являются ненадежными. Инструкция судьи о недопустимых доказательствах обладает большим влиянием в тех случаях, когда респонденты думают, что данное доказательство ненадежно (когда телефонный разговор, в котором человек признается в убийстве собственной жены, не обязательно принадлежит подсудимому), чем когда оно получено с нарушением процедуры. Вероятно, это происходит из-за ориентации людей на составление «правдивой» картины происшедшего, где важным оказывается «истинность» знания, которая не зависит от способов его получения (*Kassin, Sommers, 1997*).

8.2.9. Индивидуальные особенности присяжных. Эффективность инструкции судьи зависит от индивидуальных особенностей присяжных: их социодемографических (мужчины лучше понимают инструкции, чем женщины, а молодые люди лучше, чем пожилые) и психологических (люди с высоким уровнем догматизма - когнитивно ригидные, нетерпимые к неопределенности, уважающие власть — больше следуют инструкции, чем люди с низким уровнем догматизма) характеристик (*Lieberman, Sales, 1997*).

8.3. Влияние стиля общения судьи на деятельность присяжных. На присяжных оказывает влияние не только содержание инструкции судьи, но и стиль его поведения. Он позволяет присяжным сделать вывод об отношении судьи к другим участникам процесса, оказывает влияние на качество их работы, вердикт, оценку своей роли и роли судьи.

8.3.1. Определение отношения судьи к другим участникам процесса. Присяжные достаточно точно запоминают невербальное поведение судьи и на его основе делают выводы об отношении судьи к участникам процесса. Особенно хорошо запоминается поведение, говорящее о негативном отношении судьи к участникам — слабая невербальная включенность в общение (поворот и наклон корпуса от подсудимого, скрещенные руки, использование жестов-адапторов, например,

верчение в руках ручки, слабый визуальный контакт) (*Burnett, Badzinski, 2005*).

8.3.2. Качество работы присяжных. Поведение судьи оказывает влияние на запоминание присяжными доказательств и ведение ими записей по ходу судебного процесса. Например, наблюдение за российскими судьями, ведущими процессы с присяжными заседателями, показало, что стиль их общения в зале суда различается по трем параметрам (*Власенко, 2005*):

- активности в использовании вербальных средств установления контакта (вежливые обращения к присяжным, вопросы об их состоянии, шутки);

- активности невербальной коммуникации (контакт глаз и обращенные к присяжным улыбки);

- активности в анализе материалов дела (количество вопросов и повторений слов свидетелей, подсудимого и потерпевшего).

Сопоставление поведения судьи с результатами опроса присяжных показало, что:

- активное вербальное и невербальное установление контакта с присяжными повышают точность запоминания ими доказательств и оценку их важности. К тому же результату, по крайней мере, относительно позиции прокурора, приводит пассивность судей при анализе материалов дела;

- активность судьи в анализе материалов дела приводит к тому, что присяжные более тщательно ведут записи происходящего в зале суда.

8.3.3. Влияние на вердикт присяжных. Невербальное поведение судьи *оказывает влияние на вердикт присяжных*. Например, американские исследователи выделяют четыре стиля невербального поведения судьи (*Blanck, 1993*):

- юридический (судья воспринимается как мудрый, компетентный и честный);

- директивный (судья воспринимается как догматичный и доминантный);

- вызывающий доверие (судья воспринимается как не вызывающий тревоги, невразудебный);

- эмоциональный (судья воспринимается как открытый, эмпатичный, склонный к поддержке участников процесса).

Эти стили складываются из отдельных особенностей невербального поведения судей: контакта глаз, улыбок, жестов, кивков головой.

Наблюдение за судьями в реальных судебных процессах с участием присяжных показало, что ожидания судьи относительно вердикта оказывают влияние на его невербальное поведение, а оно, в свою очередь, на вердикт присяжных.

В частности, чем меньше судья демонстрирует юридический и директивный стиль, и чем больше — эмоциональный, тем чаще присяжные выносят обвинительный вердикт.

В целом невербальное поведение судьи объясняет 6-8% различий в вердиктах, наряду с силой доказательств виновности (16%), оценкой компетентности судей и прокуроров.

8.3.4. Оценка присяжными своей роли и роли судьи. Стиль поведения судьи оказывает влияние на оценку присяжными его и своей роли в судебном процессе (*Власенко, 2005*):

- редкое использование судьями улыбок и шуток для установления контакта с присяжными, а также пассивность при анализе материалов дела повышает оценку присяжными важности своей миссии;

- активность судей в использовании вербальных и невербальных средств в установлении контакта с присяжными способствует приписыванию им функции «помощника», а активность в анализе материалов дела — функции «человека, осуществляющего контроль за судебным процессом».

Таким образом, профессиональный судья оказывает большое влияние на деятельность присяжных.

VI. Изменение процедуры суда присяжных

На протяжении всей главы мы сталкивались с неполным соответствием реальных присяжных заседателей «идеальному присяжному».

В частности, в соответствии с моделью истории, входя в зал суда, присяжные не «оставляют за дверью» свои аттитюды, ценности и жизненный опыт, а используют эти сведения при оценке доказательств.

Доказательства действительно являются основным фактором, оказывающим влияние на решение присяжных, однако в спорных случаях они используют и другие сведения, касающиеся участников судебного процесса.

В своей деятельности присяжные действительно руководствуются нормами закона, но в основном тогда, когда они изложены с учетом психологических особенностей, свойственных людям.

Присяжные не откладывают вынесение первых суждений до момента групповой дискуссии в совещательной комнате, а их индивидуальные решения могут изменяться под воздействием группы.

Наличие перечисленных эффектов стало причиной интереса американских исследователей к **процедуре суда присяжных и направлениям ее возможного изменения**. Они выделили пять таких направлений (*Ellsworth, Reifman, 2000*).

1. Реформы, связанные с проведением специальных мероприятий перед началом судебного заседания. К таким мерам относятся, например:

- короткие вступительные слова адвоката и прокурора, произносимые перед вступительным словом судьи;
- просмотр присяжными специальных материалов, содержащих объяснение цели их работы и основных правовых норм.

2. Изменение процедуры общения судьи с присяжными. В качестве таких мер выделяют:

- обязательность инструкции судьи с объяснением правовых норм не только в конце, но и в начале судебного процесса;
- объяснение присяжным правовых норм по ходу процесса;
- объяснение судьями оснований введения тех или иных правовых норм (недопустимых доказательств, презумпции невиновности и т.д.);

- специальная работа с имеющимися у присяжных представлениями о преступлениях и правовых нормах при условии, что они не соответствуют действующему законодательству;

- наличие у судьи права комментировать и суммировать доказательства, предъявленные в ходе судебного процесса.

3. Модификация норм, регулирующих поведение присяжных в ходе судебного процесса. Среди них:

- обеспечение присяжных материалами, содержащими список свидетелей, словарь используемых технических терминов и т.д.;

- разрешение вести записи и задавать вопросы разным участникам судебного процесса;

- разрешение присяжным обсуждать доказательства не только в конце, но и по ходу судебного процесса;

- разрешение сторонам кратко описывать свои позиции не только во вступительных речах, прениях, но и в другие моменты судебного заседания;

4. Реформы, связанные со стадией обсуждения вердикта. К ним относятся, например:

- наличие у судьи права разъяснить присяжным процедуру проведения дискуссии;

- обеспечение присяжных письменной копией инструкции судьи, созданной для конкретного дела;

- предоставление инструкции судьи не после, а перед прениями сторон;

- разрешение присяжным задавать вопросы судье во время обсуждения вердикта.

5. Упрощение языка инструкции судьи.

Из всех перечисленных мер наибольшее внимание исследователей привлекло разрешение задавать вопросы и вести записи.

Л. Райтсман приводит несколько «за» и «против» разрешения присяжным вести записи.

Аргументы «против» сводятся к следующему:

- присяжные, которые тщательно ведут записи, выглядят более информированными по сравнению со своими коллегами, и, таким образом, оказывают на них большее влияние во время обсуждения;

- записывая происходящее, присяжные упускают тривиальные подробности и поэтому упускают важные факты. Кроме того, такие присяжные не в состоянии следить за поведением свидетелей;

- присяжные тщательно фиксируют аргументы и доказательства только одной из сторон (адвоката или прокурора);

- присяжные переоценивают значимость записанной информации по сравнению с незаписанной.

Вместе с тем, аргументы «за» гласят, что:

- присяжные, ведущие записи, не оказывают на своих коллег более сильного влияния, чем те, кто не ведет их;

- ведение записей способствует воспроизведению присяжными большего числа доказательств и уменьшению значения оценочных суждений;

- присяжные одинаково тщательно записывают аргументы обеих сторон;

- присяжные не переоценивают значение записанной информации;

- ведение записей снижает влияние когнитивной нагрузки (большого количества доказательств), хотя этот эффект чаще проявляется в маленьких игровых коллегиях, состоящих из шести человек (*Horowitz, Bordens, 2002*);

- присяжные полагают, что ведение записей помогает им в работе, хотя и не увеличивает их удовлетворенность своим участием в судебном процессе, вынесенным вердиктом или деятельностью судьи (*Penrod, Heuer, 1997*).

Таким образом, аргументы «против» разрешения присяжным вести записи уравниваются аргументами в пользу этой меры.

Благодаря второй из упомянутых процедур, присяжные могут задавать через судью вопросы свидетелям, экспертам, подсудимым и потерпевшим. При этом стороны могут протестовать против постановки определенного вопроса. По мнению Л. Райтсмана, наличие у присяжных возможности задавать вопросы улучшает понимание ими происходящего. Как показывают многие исследования, постановка вопросов как

одна из форм двухсторонней коммуникации способствует лучшему пониманию информации.

Вопреки утверждению противников этой меры, присяжные не делают неправильных выводов из отказа участников процесса давать ответы на некоторые вопросы, а также не переоценивают важность ответов на свои вопросы по сравнению с другими доказательствами (*Penrod, Heuer, 1997*).

Однако, хотя возможность задавать вопросы способствует лучшему пониманию присяжными доказательств и правовых понятий, она не увеличивает их удовлетворенность судебным процессом, вынесенным вердиктом и деятельностью судьи (*Penrod, Heuer, 1997*).

Таким образом, существуют разные способы добиться того, чтобы присяжные лучше понимали доказательства и использовали их при вынесении вердикта. Немаловажную роль в этом процессе играет деятельность сторон — прокурора и адвоката, речь о которой пойдет в следующей главе.

Глава 7. Психологические основы деятельности адвоката и прокурора в судебном процессе

1. Эффективность и этичность использования коммуникативных техник в зале суда

Адвокат и прокурор являются важными участниками судебного процесса. Задача прокурора состоит в том, чтобы доказать обвинение, выдвинутое против подсудимого, а задачей адвоката является демонстрация его несостоятельности. Важность задач, выполняемых адвокатом и прокурором, следует из принципа состязательности сторон (статья 15 УПК РФ), согласно которому:

«1. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон.

2. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

3. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

4. Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом».

Таким образом, адвокат и прокурор должны обладать навыками эффективной коммуникации, которые позволят им изложить свою точку зрения на произошедшее в момент совершения преступления понятным и убедительным для судьи

и присяжных заседателей образом.

В данной главе мы рассмотрим психологические задачи, которые встают перед адвокатом и прокурором на разных стадиях судебного процесса, а также способы решения этих задач. Коммуникативные техники, о которых пойдет речь, могут использоваться не только в судебном контексте, и не только сторонами, но и другими участниками судебного процесса – судьей, подсудимым, потерпевшим, свидетелями. Однако в рамках этой главы мы сконцентрируемся на том, какую роль они играют в работе сторон – адвоката и прокурора, поскольку именно они определяют стратегию и тактику предоставления доказательств в ходе судебного следствия. Кроме того, при обсуждении психологических задач сторон и коммуникативных техник мы будем ориентироваться на реальность суда присяжных: в этом типе судебного процесса стороны выполняют ряд задач, которые не стоят перед ними в судебных процессах с одним или тремя профессиональными судьями.

Когда речь заходит о психологических аспектах судебной коммуникации, часто возникают два вопроса: насколько эффективно применение коммуникативных техник? и насколько этично их использование при решении судьбы подсудимого и потерпевшего?

Эффективность использования коммуникативных техник. Широко распространено мнение о том, что человек, обладающий определенными коммуникативными навыками, может убедить кого угодно в чем угодно, вне зависимости от того, насколько обоснована его точка зрения. Это представление не соответствует действительности. Эффективность применения коммуникативных техник в зале суда ограничена наличием доказательств: никакие коммуникативные техники не позволят осудить подсудимого, если у стороны обвинения отсутствуют доказательства того, что именно он совершил преступление. Коммуникативные техники выполняют вспомогательную роль: они позволяют сделать имеющиеся доказательства более понятными и заслуживающими доверия.

Этичность применения коммуникативных техник. Обсуждение этого вопроса связано с тремя основными представлениями.

- Вера в абсолютную эффективность коммуникативных техник, о несостоятельности которой речь шла в предыдущем абзаце.

- Представление о существовании формы общения без применения коммуникативных техник, которая и является наиболее справедливой. Однако это представление тоже не соответствует действительности. Характерной особенностью человеческой коммуникации является ее нацеленность на изменение мнения или поведения собеседника. Например, когда человек рассказывает своему знакомому об Индонезии, он ожидает, что эта тема заинтересует его, расширит его кругозор и в этом смысле изменит его представление о мире. Желая заинтересовать знакомого, он сначала упоминает о достоинствах этой страны, ее необычности и только потом — о негативных аспектах пребывания или жизни в ней, преуменьшая их важность. Такая последовательность аргументации и является одной из коммуникативных техник. Поскольку большинство таких приемов люди осваивают спонтанно, без специально организованного обучения, они часто не осознают, что используют их. Это и порождает мифы о возможности общения без использования коммуникативных техник.

- Деление общения в зале суда на «честную» и «нечестную» игру. «Честная игра» подразумевает, что коммуникатор не делает утверждений, правомерность которых он не может доказать, и не нарушает закон. Наличие недоказанных утверждений и нарушение закона являются основными признаками «нечестной игры». Например, закон запрещает знакомить присяжных с информацией, касающейся прошлого криминального опыта подсудимого. В основе этого запрещения лежит идея, согласно которой присяжные должны принять решение о том, совершил ли подсудимый данное преступление, а не о том, мог ли он это сделать. Информация о наличии криминального опыта определяет, скорее, возможность того, что человек может нарушить закон, а не то, совершил ли он данное преступление. Таким образом, упоминание прокурора о криминальном опыте подсудимого является примером «нечестной игры». Другой ее пример — указание на нечестность свидетеля, не подкрепленное доказательствами, с целью заронить сомнение в его показаниях.

Неприятие коммуникативных техник определяется их оценкой как способа ведения «нечестной игры». Эта точка зрения так же мало соответствует действительности, как и миф о «стерильной» коммуникации, не подразумевающей использования никаких коммуникативных приемов. «Честность» или «нечестность» игры определяется, прежде всего, ее целями, а не структурой сообщения. Один и тот же прием может быть использован адвокатом или прокурором как для демонстрации собственной компетентности, так и для обоснованной или необоснованной дискредитации своего оппонента. В случае обоснованной дискредитации адвокат, например, может указать на то, что свидетель, вызванный прокурором, близорук (существует справка из поликлиники) и поэтому вряд ли может точно рассказать о том, что происходило на месте преступления. В случае необоснованной дискредитации адвокат может упомянуть, что свидетель прокурора был невнимателен, не подкрепив это заявление никакими доказательствами. Характерно, что в обоих описанных случаях адвокат использовал один и тот же прием — указание на некомпетентность свидетеля. Таким образом, приемы убеждающей коммуникации однозначно не связаны с «честной» или с «нечестной игрой». «Честность» игры определяется намерениями коммуникатора, а не наличием у него коммуникативных навыков.

II. Психологические задачи сторон в судебном процессе с участием присяжных заседателей

В ходе судебного процесса с участием присяжных прокурор и адвокат решают несколько психологических задач. Некоторые возникают на нескольких стадиях судебного процесса, другие — только на одной из них. К первому типу относятся:

1. отбор и представление доказательств, разъяснение их содержания и значения (1-4-я стадии);
2. ознакомление присяжных с правовыми нормами (1-4-я стадии);

3. создание эмоционального настроения (2-я и 4-я стадии);
4. установление и поддержание психологического контакта с присяжными (1-4-я стадии).

Однако эти задачи обладают спецификой на разных стадиях судебного процесса (см.рис.7.1).

1. Отбор и представление доказательств. В частности, прокурор и адвокат на протяжении всего судебного процесса обращаются к доказательствам. Однако цели этого обращения различаются в зависимости от стадии. Например, на *стадии отбора и вступительных слов* перед сторонами стоит задача создать «рамку» для восприятия присяжными дальнейшей информации, определив свою точку зрения относительно виновника и причины совершения преступления, и указав на основные подтверждающие ее доказательства. Необходимость такого вступления связана с избирательностью человеческого восприятия, с интерпретацией поступающей информации в соответствии с аттитудами.

Решение этой задачи происходит с использованием «якорей» — ключевых тем, вокруг которых будет строиться обсуждение рассматриваемого дела. Первый тип «якорей» — это доказательства, которые будут представлены в ходе судебного следствия. Поскольку в начале судебного процесса присяжные еще внимательно относятся к происходящему и воспринимают максимальное количество информации, обращение их внимания на те или иные доказательства будет способствовать их более легкому усвоению в дальнейшем. «Якоря» второго типа подразумевают включение рассматриваемого дела в более широкий социальный контекст, оценку преступления и принимаемого судебного решения как общественных явлений. В качестве таких якорей могут выступать темы, связанные с безопасностью, семьей, смертью, патриотизмом и т.д. Включение в обсуждение подобных тем позволит присяжным соотнести конкретное судебное дело со своими ценностями и убеждениями, приведет к возникновению у них определенного эмоционального настроения (*Vinson, 1986*).

На *стадии судебного следствия* в задачу сторон входит максимально понятное и полное представление тех доказательств,

которые соответствуют их позиции. Важность задачи отбора доказательств и разъяснения их смысла связана со сложностью языка, который используется юристами и экспертами, с наличием в их речи специальных терминов, которые затрудняют понимание, а также с необходимостью сохранять внимание присяжных на протяжении всего судебного процесса. Кроме того, на стадии судебного следствия перед сторонами стоит задача допросить свидетелей, продемонстрировав их компетентность или некомпетентность.

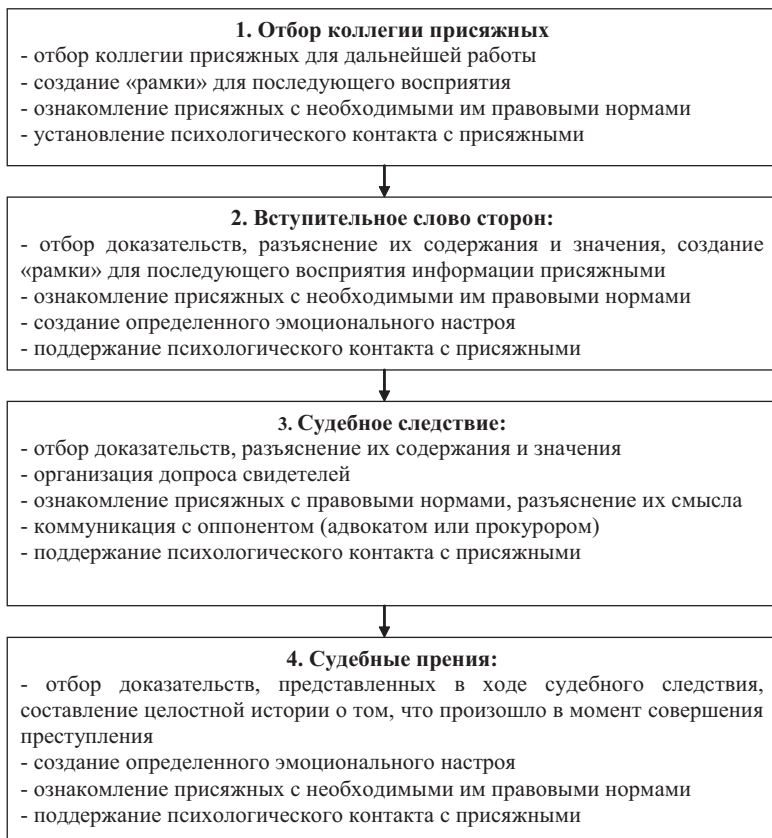

Рисунок. 7.1. Психологические задачи прокурора и адвоката в ходе судебного процесса с участием присяжных заседателей

И наконец, в ходе прений стороны формулируют для слушателей свою версию произошедшего в момент совершения преступления, подкрепляя ее доказательствами. Эти версии позволят присяжным построить свою «историю», необходимую для вынесения вердикта.

Интервью, проведенные с профессиональными юристами, выступающими в суде, показали, что большинство из них рассматривают прения как один из основных моментов судебного процесса, от которого в большой степени зависит принятое решение. Важность заключительных выступлений сторон, по их мнению, определяется возможностью достижения с помощью них следующих целей:

- убеждение присяжных в своей правоте;
- разъяснение юристом своей версии произошедшего на месте преступления;
- обращение внимания присяжных на наиболее важные моменты дела;
- выделение юристом тех аспектов дела, которые соответствуют его интересам;
- объединение произошедшего во время судебного процесса в единое целое (*Walter, 1988*).

Результаты опросов присяжных, проведенных в конце судебного процесса, позволяют сделать вывод о поддержке ими точки зрения юристов на важность прений. В частности, присяжные считают, что важность заключительных речей определяется их возможностями по:

- напоминанию содержания предоставленных в ходе судебного следствия доказательств;
- прояснению неясных моментов, возникающих в ходе судебного следствия;
- краткому описанию произошедшего в момент совершения преступления, формулированию истории (*Walter, 1988*).

2. Ознакомление с правовыми нормами, которые должны быть положены в основу вердикта. На стадии *отбора присяжных* эта задача может быть решена только косвенно, с помощью использования определенной формы вопросов. В ходе последующей работы стороны имеют возможность прямо ука-

зывать на важность тех или иных правовых норм. В частности, указания на презумпцию невиновности могут содержаться уже во *вступительных речах* сторон, задавая тем самым «рамку» для последующего восприятия информации. В ходе *судебного следствия* адвокат и прокурор также могут объяснить присяжным содержание и смысл нормы недопустимости доказательств. Однако особенно часты обращения к этим нормам и авторитету судьи, который упоминает их в своем напутственном слове, в ходе *прений*. Например, наблюдение за работой американских юристов, выступающих в суде, показало, что в своих заключительных речах они апеллируют к ряду правовых норм, таких, как принятие решения вне разумных сомнений, использование при принятии вердикта здравого смысла, презумпция невиновности (*Walter, 1988*).

3. Создание эмоционального настроя присяжных. Эмоциональное состояние людей оказывает влияние на то, как они воспринимают информацию. Таким образом, способствуя созданию определенной эмоциональной атмосферы судебного процесса, стороны могут облегчить усвоение присяжными определенной информации.

4. Установление и поддержание психологического контакта с присяжными. Стороны имеют возможность привлечь внимание присяжных к определенным доказательствам. Кроме того, представление доказательств и разъяснение правовых норм будет более эффективным, если присяжные будут доверять сторонам. Для этого прокурору и адвокату необходимо поддерживать психологический контакт с присяжными.

Кроме четырех перечисленных, адвокат и прокурор решают еще две задачи, возникающие только на одной стадии судебного процесса:

1. отбор коллегии присяжных (1-я стадия);
2. коммуникация с другими участниками процесса (с оппонентом, судьей, свидетелями, экспертом) (3-я стадия).

На рисунке 7.2. представлены психологические задачи прокурора и адвоката и знания, необходимые для их выполнения. Некоторые темы уже были рассмотрены в предыдущих главах. В этой главе речь пойдет о формулировке вопросов для

отбора присяжных, закономерностях вербальной и невербальной коммуникации, каузальной атрибуции.

Рисунок 7.2. Психологические знания, необходимые для решения прокурором и адвокатом психологических задач

III. Вопросы, использующиеся для отбора присяжных

Первая задача, с которой сталкиваются адвокат и прокурор в судебном процессе с участием присяжных заседателей, — отбор коллегии присяжных. Конечно, в задачу каждой из сторон входит отбор присяжных, которые бы не имели предубеж-

дений против ее клиента и даже были бы склонны принять ее точку зрения, посмотреть на происходящее ее глазами, прислушаться к ее аргументам. Однако, поскольку правом выбирать присяжных обладают как адвокат, так и прокурор, результатом процедуры отбора становится «нейтральная» коллегия.

В ходе отбора представители сторон задают кандидатам в присяжные ряд вопросов и, анализируя ответы на них, решают, кто из кандидатов не должен попасть в коллегию. Вопросы задаются судьей и сторонами публично, однако тех кандидатов, которые дают на них положительный ответ, просят подойти к столу судьи. Там, в присутствии только судьи, сторон и секретаря, кандидаты в присяжные могут разъяснить свою позицию, а также ответить на ряд дополнительных вопросов.

По мнению североамериканских консультантов, занимающихся психологическим сопровождением судебных процессов, эти вопросы могут выполнять четыре функции: собственно отбор присяжных, их убеждение в правильности точки зрения одной из сторон, ознакомление с основными правовыми нормами и формирование отношения к сторонам.

1. Первая функция вопросов – отбор присяжных связана с тем, что ответы на поставленные вопросы позволяют юристам получить информацию об особенностях потенциальных присяжных – их личностных чертах, эмоциональном состоянии, аттитюдах, возможной заинтересованности в исходе дела - оказывающих влияние на их индивидуальное решение, а также на их активность во время обсуждения вердикта в совещательной комнате (см. главу 6).

В США – родине научного отбора присяжных – вопросы могут формулироваться на основании результатов предварительных исследований, проведенных на материале данного дела. В этом случае перед началом судебного процесса проводится опрос потенциальных присяжных, а также игровые коллегии, члены которых оценивают обоснованность и убедительность предположительных выступлений сторон. Результаты опросов позволяют выявить существующее в обществе отношение к будущему судебному процессу, а также основные социодемографические особенности присяжных, имеющих

определенные аттитюды. Однако когда предварительные исследования не проводятся, стороны имеют возможность опереться на результаты психологических исследований, проведенных независимо от конкретного судебного процесса.

В целом, при отборе имеет смысл задавать кандидатам в присяжные вопросы, касающиеся:

- наличия юридического образования или опыта работы в рамках правовой системы;
- опыта взаимодействия с представителями правовой системы (особенно в качестве подсудимого и потерпевшего);
- знакомства с участниками данного судебного процесса или другими кандидатами в присяжные;
- наличия дополнительных знаний о данном деле;
- аттитюдов (например, отношения к социальным группам, представители которых фигурируют в данном деле, закону и наказанию, другим проблемам, косвенно связанным с делом), а также личностных особенностей;
- иных характеристик, которые способствуют идентификации присяжных с одним из участников процесса.

Большинство вопросов, задающихся при отборе, являются *прямыми*. При их использовании кандидата в присяжные прямо спрашивают о том, что хотят выяснить. Такие вопросы эффективны, когда касаются социодемографических особенностей кандидатов, о которых они спокойно могут рассказать.

Вопросы, касающиеся психологических особенностей кандидатов, могут вызывать сопротивление с их стороны или нежелание отвечать правдиво. На некоторые вопросы, которые могут быть заданы при отборе, существуют социально желательные ответы («После того, что Вы видели и слышали о рассматриваемом деле, как Вы думаете, сможете ли Вы вынести справедливое и непредубежденное решение?», «Чувствуете ли Вы, что сможете отложить вынесение решения по делу до того, как будут предъявлены доказательства?» и т.д.).

Для *предотвращения* этого эффекта используются три способа.

Во-первых, человек, задающий вопрос, может *объяснить присяжным его смысл*. Например, спрашивая о религиозных

убеждениях кандидатов, судья или стороны могут объяснить, что они встречались с людьми, которые по своим религиозным убеждениям не считают возможным судить кого-либо, и поэтому не могут участвовать в судебном процессе. А, задавая вопрос о прошлых судимостях, возможной заинтересованности кандидатов в исходе дела, их отношении к тем или иным правовым нормам, спрашивающий может подчеркнуть, что в коллегии присяжных должны войти люди, которые способны беспристрастно оценить доказательства. Пример такой постановки вопроса содержится в одном учебном фильме, посвященном суду присяжных. В нем адвокат начинает задавать вопросы со следующего вступления: «Вы решаете судьбу моего подзащитного, а я Вас практически не знаю. Извините, если некоторые вопросы покажутся Вам нетактичными...». Таким образом, человек, задающий вопрос, демонстрирует уважение к кандидатам и помогает им понять происходящее, тем самым снимая эмоциональное напряжение.

Во-вторых, используют *косвенные вопросы*. С их помощью пытаются определить психологические особенности кандидата – личностные черты, правосознание, стереотипы и предубеждения, возможность идентификации, знания о деле и отношении к нему (см. главу 6). Приведем некоторые примеры.

- Авторитаризм. Авторитарные люди склонны к обвинению и серьезному наказанию подсудимого, за исключением случаев, когда он является представителем власти или нарушил закон, выполняя приказ. Степень авторитаризма зависит от условий развития и жизни человека. Авторитарные люди чаще встречаются среди мужчин; членов религиозных сект или сотрудников организаций с жесткой иерархической структурой; людей с низким уровнем образования и низким социально-экономическим статусом; тех, кто живет в зонах конфликтов или в регионах, где происходят социальные изменения. Соответственно для определения степени авторитаризма могут быть использованы вопросы о социально-демографических характеристиках кандидатов в присяжные.

- Правосознание. Некоторое влияние на вердикт присяжных оказывает их отношение к наказанию. К обвинению бо-

лее склонны люди с карательной ориентацией и позитивным отношением к смертной казни. Для выявления этих аттитюдов могут использоваться вопросы о возможности реабилитации преступников и отношении к смертной казни.

- Негативные стереотипы и предрассудки. На вердикт может оказать влияние негативное отношение присяжных к группе, членами которой являются подсудимый или потерпевший. Для выявления негативных стереотипов и предрассудков можно задавать вопросы о частоте и характере общения кандидатов в присяжные с представителями этих групп. Эти вопросы основаны на гипотезе контакта, согласно которой непосредственное общение между членами разных групп улучшает их отношение друг к другу. Однако это общение должно отвечать ряду условий:

- происходить часто и регулярно, на протяжении длительного времени;
- давать подлинную возможность для знакомства;
- способствовать возникновению дружбы;
- происходить в разных местах, ситуациях и включать в себя разных участников;
- не вызывать тревогу или другие негативные эмоции;
- носить характер кооперации, а не конкуренции;
- задавать равные статусы участников;
- иметь позитивный исход;
- вызывать одобрение окружающих.

Таким образом, вопросы могут затрагивать интенсивность и характер общения кандидатов в присяжные с представителями аутгруппы за стенами суда. Кроме того, возможны вопросы, связанные с причинами, порождающими негативные стереотипы и предрассудки.

- Идентификация. Присяжные более склонны становиться на позицию того участника судебного процесса, который похож на них, с которым они могут идентифицироваться. Для определения степени возможной идентификации подходят вопросы о социодемографических характеристиках кандидатов или об их жизненном опыте, аттитюдах. Например, если подсудимым является пожилой военный, то присяжные ана-

логичного возраста и профессии могут идентифицироваться с ним, посмотреть на произошедшее его глазами. Вместе с тем, на позицию потерпевшего-инвалида может стать человек, имеющий больных родственников и работающий с ним, конечно, при условии, что он относится к ним достаточно хорошо.

- Знание о деле и отношение к его участникам. На вердикт присяжных может оказать влияние информация, которую они получили до начала судебного процесса. Это происходит, когда о судебном процессе становится известно задолго до его начала, и большинство кандидатов в присяжные уже успевают сформировать определенное мнение, в основном благодаря СМК. Однако на прямой вопрос о своей предубежденности кандидаты, как правило, дают социально-желательный отрицательный ответ.

Для выявления таких кандидатов можно, во-первых, спрашивать их о том, какие средства массовой коммуникации они предпочитают. Этот вопрос имеет смысл, если мы располагаем сведениями о характере освещения дела в разных источниках. Во-вторых, можно спрашивать кандидатов об отношении к определенным участникам процесса, однако в данном случае велика вероятность того, что кандидат даст социально желательный ответ.

В-третьих, в вопросах, использующихся для отбора присяжных, можно указать на *наличие другой точки зрения*, отличающейся от социально желательной. При такой формулировке вопроса кандидату дают понять, что не существует общепринятого правильного ответа: разные люди думают по-разному. Например, если традиционный вопрос звучит «От подсудимого не требуется, чтобы он выступал и давал показания в суде, и отсутствие его выступления не может быть принято как доказательство виновности или свидетельствовать против подсудимого. Согласны ли Вы с этой нормой закона?», то модифицированный вариант выглядит «От подсудимого не требуется, чтобы он выступал и давал показания в суде, и отсутствие его выступления не может быть принято как доказательство виновности или свидетельствовать против подсудимого. Некоторым кандидатам в присяжные труд-

но согласиться с этой идеей. Как Вы будете реагировать на то, что подсудимый не выступит и не даст показания в свое оправдание?». Люди, которым задают модифицированный вопрос, чаще выражают несогласие с правовыми нормами и оцениваются независимыми наблюдателями как более открытые и честные (*Middendorf, Luginbuhl, 1995*).

3.2. Вторая функция вопросов, задаваемых кандидатам в присяжные в ходе отбора — **создание «рамки» для восприятия последующей информации, предупреждение о готовящемся на них воздействии.**

Возможность убеждения в правильности определенной точки зрения связана, во-первых, с тем, что во время отбора кандидат в присяжные имеет возможность сыграть *новую для себя роль*, встав на позицию подсудимого или потерпевшего, рассмотреть происходящее в соответствии с их интересами. Результаты ряда психологических исследований, проведенных к настоящему времени, показали, что принятие человеком новой для себя роли оказывает серьезное влияние на его мнение. Так, встав на место одного из участников процесса и сформировав определенную точку зрения на произошедшее в момент совершения преступления, присяжный в дальнейшем доверяет этому мнению больше, чем, если бы он услышал его от постороннего человека (прокурора, адвоката, свидетелей).

В ходе отбора адвокат и прокурор, сформулировав вопрос, имеют возможность поставить кандидатов в присяжные на место своего клиента, дать им возможность сыграть соответствующую роль. Например, Д.Винсон приводит пример адвоката, защищающего в суде интересы большой компании, в отношении которой был подан иск, и задавшего кандидатам в присяжные следующий вопрос: «Поставьте себя на место тех людей, которые работают в компании X, пытаются добиться того, чтобы их продукция соответствовала высоким стандартам качества, и затем обнаруживают, что нанесли ущерб людям. Как Вы думаете, если кто-то понес ущерб, используя какую-либо продукцию, говорит ли это о низком качестве самой продукции?» (*Vinson, 1986*).

Вторым механизмом формирования мнения присяжных в ходе отбора является процесс, описанный в *теории самовосприятия* Д.Бема, согласно которой, когда люди не уверены в содержании своей точки зрения, они определяют ее, наблюдая за своим поведением. Соответственно, если в ходе отбора кандидаты в присяжные публично сформулируют свою точку зрения по какому-либо вопросу, связанному с рассматриваемым делом, велика вероятность того, что в дальнейшем они также будут придерживаться ее. Существует достаточно много примеров использования таких вопросов американскими юристами, например (*Vinson, 1986*):

- адвокат ответчика хочет продемонстрировать кандидатам в присяжные, что водитель, подавший иск против компании, производящей автомобили, лично является причиной произошедшей аварии и несет за нее полную ответственность. Он задает кандидатам серию вопросов, среди которых: «Как много среди Вас водителей?» (все кандидаты в присяжные поднимают руки); «Как много среди Вас тех, у кого когда-либо была плохо надута шина?» (все кандидаты в присяжные поднимают руки); «У кого из Вас в этом случае она лопалась?» (все кандидаты в присяжные поднимают руки); «Кто из Вас терял контроль над своей машиной в подобной ситуации?» (никто из кандидатов не поднимает рук);

- адвокат, защищающий интересы компании, производящей самолеты и обвиненной в поставке на рынок некачественной продукции, хочет не допустить изменения позитивного отношения к ней кандидатов в присяжные. Он задает присяжным следующий вопрос: «Некоторые люди думают, что государственные учреждения бюрократичны и неэффективны, но есть ли здесь кто-нибудь, кто не верит, что FAA (компания-ответчик) не проверяла свои самолеты перед тем, как поставить их на рынок? Есть ли кто-нибудь, кто не верит, что FAA не озабочена сохранением жизни путешественников?».

И наконец, третий способ формирования мнения в ходе отбора — это так называемая *«прививка»*, которая подразумевает предупреждение кандидатов в присяжные о готовящемся

на них воздействию: «Мой оппонент собирается убедить вас в том, что... Чувствуете ли Вы себя в состоянии оценить данный случай объективно и определить то, что произошло на самом деле?» (*Vinson, 1986*).

Опасность описанных выше вопросов заключается в их наводящем характере, в результате чего они могут быть сняты судьей.

3.3. Третья функция вопросов, задаваемых кандидатам в присяжные в ходе процедуры отбора, это их **ознакомление с правовыми нормами**. Форма вопросов, задаваемых кандидатам в присяжные при отборе, не только оказывает влияние на возникновение или ослабление у них некоторых аттитюдов, но и приводит к усвоению ими правовых норм.

Эту функцию лучше всего выполняют упомянутые выше вопросы, подразумевающие альтернативные ответы. В частности, результаты описанного выше исследования показали, что люди, которым задавали такие вопросы, позже в большей степени были согласны с процессуальными гарантиями подсудимому, чем их коллеги из другого экспериментального условия (*Middendorf, Luginbuhl, 1995*).

Другим возможным приемом постановки таких вопросов является помощь кандидату в формулировке ответа, соответствующего нормам закона. Пример этого приема содержится в российском учебном фильме, снятом для судей, начинающих вести процессы с участием присяжных. В нем женщина-адвокат спрашивает кандидата в присяжные: «А что Вы считаете основанием для обвинения?», на что кандидат отвечает: «Что он совершил преступление». Адвокат заканчивает его реплику, немного переформулировав ее: «То есть доказательства, что он совершил преступление?»

3.4. Четвертая функция вопросов заключается в **формировании отношения к сторонам**. Например, по североамериканским данным, стороны, которые не задают вопросов, оцениваются более негативно, чем те, кто делает это (*Reinard, Arsenault, 2000*).

Таким образом, коммуникативная компетентность адвоката и прокурора проявляется уже на стадии отбора присяж-

ных. Однако последующие стадии судебного процесса требуют от сторон не меньших коммуникативных навыков. Поэтому в следующих параграфах этой главы речь пойдет о факторах, которые оказывают влияние на эффективность коммуникации во время судебного следствия и прений.

IV. Элементы коммуникативной ситуации, механизм и стадии убеждения

Убеждение – процесс изменения аттитудов и поведения человека. Чтобы понять, каким образом оно происходит, необходимо проанализировать **структуру коммуникативной ситуации** (рис.7.3).

Любая ситуации коммуникации включает в себя семь основных элементов:

1. *Коммуникатор* – автор сообщения. В зале суда коммуникаторами являются стороны, судья, подсудимый, потерпевший, свидетели и эксперты. Общение начинается с того, что коммуникатор продумывает смысл своего сообщения, которое, как он надеется, окажет влияние на аудиторию. Например, прокурор в прениях хочет убедить присяжных, что подсудимый – социально опасен и должен быть заключен в тюрьму на длительный срок, повлияв таким образом на их вердикт. Для этого он произносит свою речь.

2. *Сообщение*, которое коммуникатор посылает аудитории. Коммуникация является эффективной в том случае, когда коммуникатор смог так составить сообщение, чтобы аудитория его поняла и согласилась с его содержанием.

Рисунок 7.3. Структура коммуникативной ситуации

3. *Канал.* Сообщение передается вербальным (словесным) и невербальным (несловесным) путем. Кроме того, коммуникатор может использовать дополнительные визуальные средства, например, планы помещения, где произошло преступление, видеозаписи процедуры обыска и допроса.

4. *Реципиент или аудитория.* В зале суда эта роль в основном отводится присяжным заседателям. Они анализируют вербальное сообщение и невербальное поведение коммуникатора, и на основе этого анализа выносят свое суждение. Однако в зависимости от ситуации роль реципиента исполняют судья, стороны, свидетели, подсудимый и потерпевший.

5. *Коммуникативное поле* – это ситуация, в которой происходит коммуникация. Коммуникативное поле включает в себя как особенности окружающей среды (например, акустика, температура и расположение столов в зале суда), так и нормы общения, принятые в судебных процессах.

6. *Коммуникативные барьеры* – любые препятствия на пути точной передачи сообщения от коммуникатора к реципиенту. Аудитория не всегда получает то сообщение, которое было направлено коммуникатором. Поэтому и его влияние

может быть неожиданным для автора. Источником барьеров может быть коммуникативное поле, особенности коммуникатора, реципиента и канала передачи информации. Можно выделить пять основных типов коммуникативных барьеров:

- *технические барьеры* – физические препятствия, возникающие на пути передачи информации, например, плохая слышимость в зале суда, шум, доносящийся с улицы, низкая температура, мешающая присяжным сосредоточиться и т.д.;

- *фонетические барьеры* – особенности речи коммуникатора и слуха аудитории, например, плохая дикция или плохой слух;

- *психологические барьеры*, в основе которых лежат психологические особенности коммуникатора и реципиента: личностные черты (авторитаризм), эмоциональное (раздражение, страх) и физиологическое (усталость) состояние, аттитюды (негативное отношение к презумпции невиновности), неадекватное представление о коммуникаторе (например, недоверие к нему, приписывание ему целей, которые он не преследует) или реципиенте;

- *семантические барьеры* – несовпадение языка, на котором говорят коммуникатор и реципиент: использование коммуникатором терминов, имеющих несколько значений или неизвестных реципиенту;

- *социальные барьеры* – негативное отношение к коммуникатору или реципиенту из-за его групповой принадлежности. Роль таких барьеров выполняют этнические стереотипы и предрассудки.

Например, когда прокурор или адвокат выступают в прениях, их речи могут оказать слабое влияние на присяжных, поскольку в зале суда плохая слышимость, они говорят слишком быстро, используют непонятные выражения, а присяжные устали или с недоверием относятся к их словам. Для того, чтобы сделать сообщение более эффективным, надо устранить коммуникативные барьеры.

7. *Обратная связь* – это реакция аудитории, позволяющая коммуникатору оценить эффективность сообщения. Возможности обратной связи в зале суда сильно ограничены. Она представлена в основном невербальным поведением присяж-

ных и вопросами, которые они задают участникам процесса в письменном виде через судью.

Процесс убеждения делится на **четыре стадии**.

1. Внимание. Эффективность хорошо аргументированного сообщения повышается путем специального привлечения внимания к его содержанию. Привлечение внимания может достигаться за счет использования как специальных фраз («Обратите внимание на...», «Это важно, вспомните», «Задайте себе вопрос», «Подумайте», «Давайте проанализируем», «Интересная деталь»), так и невербальных показателей (указующих жестов, пауз). Кроме того, в наиболее важных местах речи коммуникатор может повышать голос, использовать подчеркивающие жесты. Результаты наблюдения за деятельностью американских юристов, выступающих в суде, показывают, что они часто используют такие сигнальные фразы («Обратите внимание...», «В заключение, господа присяжные...») (*Walter, 1988*). Привлечение внимания к плохо аргументированному сообщению делает его менее эффективным.

2. Понимание. Важность понимания сообщения уже была продемонстрирована нами на примере инструкции судьи, наличие в которой сложных грамматических конструкций и большого количества юридических терминов приводит к отказу присяжных следовать установленным в ней правилам. То же самое касается использования адвокатом и прокурором юридических терминов, не сопровождающееся объяснением их смысла и содержания. Однако использование специальных терминов — не единственная причина непонимания присяжными сути происходящего. Зачастую слишком длинные сообщения, не имеющие четкой структуры, мешают присяжным понять, что же хотели сказать им адвокат и прокурор. Таким образом, эффективность судебной коммуникации определяется ясностью изложения сторонами своих позиций.

3. Принятие. Стадия принятия сообщения — согласие слушателей с позицией коммуникатора — всегда вызывала наибольший интерес исследователей. Тот факт, что слушатель обратил внимание на сообщение и понял его содержание, не гарантирует его согласия с услышанной точкой зрения. Поэтому

большинство факторов, речь о которых пойдет ниже, связано именно с этой стадией.

4. Запоминание. Запоминание сообщения – это последний этап процесса убеждения. Он рассчитан на то, чтобы, запомнив содержание сообщения, реципиенты смогли принять то решение, которого ждет от них коммуникатор. Проблема запоминания информации присяжными является одной из основных, стоящих перед адвокатом и прокурором, поскольку длительность судебного процесса, постепенное снижение интереса и внимания аудитории к происходящему в зале суда приводит к потере ее представителями части информации. Поэтому в задачу прокурора и адвоката входит не только составление сообщения, которое способно убедить слушателей в правильности точки зрения его автора, но постоянное напоминание о его содержании.

Основным механизмом убеждения является контраргументация. Когда реципиент получает сообщение, не соответствующее его мнению, он начинает подбирать аргументы в защиту собственной позиции и, сравнивая их с аргументацией коммуникатора, выносит решение об обоснованности своей и его точек зрения. Таким образом, процесс контраргументации – это внутренний спор, в ходе которого реципиент пытается отстоять свою позицию, доказав себе ее состоятельность. Исход этого внутреннего спора определяет степень, в которой убеждающее сообщение произведет впечатление на аудиторию.

Одно и то же сообщение может оказывать разное влияние в зависимости от того, как реципиент анализирует его содержание. Выделяют **две стратегии анализа сообщения** – эвристическую и систематическую. *Систематическая* стратегия заключается в глубоком анализе аргументов, которые коммуникатор приводит в поддержку своей позиции. Он серьезно оценивает их содержание, и у него появляются новые идеи, которые не были учтены в сообщении. Таким образом, систематическая стратегия требует серьезных сознательных усилий со стороны реципиента. Если сообщение было хорошо обоснованным, именно эта стратегия анализа информации приводит к долго-

временным изменениям аттитудов реципиента. При *эвристической стратегии* реципиент обращает меньшее внимание на содержание сообщения и большее – на его оформление. Он доверяет сообщению, поскольку ему понравилась его форма или коммуникатор. Эта стратегия не требует значительных сознательных усилий и не приводит к появлению у реципиента новых идей. Эвристический анализ может привести к изменению аттитудов, но оно будет недолгим и хрупким. Ниже мы рассмотрим условия, провоцирующие использование определенной стратегии.

V. Невербальная коммуникация в зале суда

Невербальная коммуникация – это общение без помощи слов. Основными системами невербальной коммуникации, использующимися в зале суда, являются:

- *кинесика* (позы, жесты, мимика, походка);
- *паралингвистика*: громкость речи и ее изменение, скорость и ритмичность речи, тембр, звучность, напряженность, мелодика голоса, ясность артикуляции, правильность произношения слов;
- *экстралингвистика*: неречевые вкрапления в речь - стон, смех, плач, вздох, пауза;
- *окулесика*: визуальное поведение людей во время общения – направление взгляда, движение и величина глаз, длительность визуального контакта, размер зрачков;
- *проксемика*: дистанция до партнера, ориентация (лицом, спиной или боком в нему), временная организация ситуации.

В зале суда невербальная коммуникация выполняет следующие функции.

1. *Разъяснение вербального сообщения.* Одно из средств разъяснения вербального сообщения – это пауза. Паузы являются средством смыслового и эмоционального выделения слова или словосочетания. В зависимости от функции выделяются паузы логические и психологические. Логические паузы, от-

деляющие одну часть предложения или сообщения от другой, позволяют сделать высказывание более понятным, выделить в нем наиболее важные моменты, сфокусировав на них внимание аудитории. Психологические паузы создают определенный эмоциональный настрой, усиливают психологическое воздействие речи (*Ивакина, 2002*).

2. *Привлечение внимания к сказанному.* В частности, люди лучше запоминают информацию, если ее содержание соответствует интонации коммуникатора. Кроме того, резкая смена громкости голоса или интенсивная жестикуляция могут привлечь дополнительное внимание к его словам.

3. *Эмоциональное заражение.* Смех или угрожающая интонация, радостное или грустное выражение лица коммуникатора способствуют формированию такого же эмоционального состояния у аудитории.

4. *Саморепрезентация.* С помощью невербальной коммуникации человек может продемонстрировать свои особенности, сформировать определенное впечатление о себе. Основными характеристиками человека, которые он может выразить невербально, являются:

- свое отношение к партнеру по общению. Человек, которому нравится партнер, поворачивается в его сторону; подходит достаточно близко к нему; принимает открытую позу, при которой руки и ноги двигаются свободно, не перекрещиваются; смотрит на партнера, пытается поймать его взгляд; кивает и улыбается партнеру. Именно поэтому визуальный контакт и сокращение дистанции между прокурором/адвокатом и присяжными способствует увеличению взаимного доверия между ними. Профессиональные американские юристы, выступающие в суде, отмечают важность передвижения по залу суда и установления визуального контакта с присяжными в ходе прений (*Walter, 1988*);

- свой статус. Человек с высоким статусом чаще жестикулирует; принимает более расслабленные позы, чаще меняет их; меньше улыбается; чаще смотрит на собеседника, когда говорит, но реже, когда слушает; говорит медленнее; чаще «нависает» над партнером;

- свою активность. Впечатление активных производят те люди, которые много двигаются, активно жестикулируют, изменяют позы и выражения лица, говорят достаточно быстро.

5. *Повышение убедительности сообщения.* Как более компетентные и убедительные оцениваются те коммуникаторы, которые говорят достаточно громко, ближе подходят к аудитории, устанавливают с ними визуальный контакт. Кроме того, важную роль играет скорость речи. В частности, психологические исследования показывают, что увеличение скорости речи до определенного предела повышает эффективность сообщения. С одной стороны, быстрый темп затрудняет понимание присяжными содержания сообщения, но с другой – не оставляет им времени на оспаривание описанной в нем точки зрения. Кроме того, высокая скорость речи создает ощущение компетентности коммуникатора («он знает, о чем говорит»). Таким образом, наибольшее влияние оказывает сообщение, произносимое настолько быстро, что аудитория понимает его содержание, но не успевает оспорить его основные положения. Это означает, что изложение разных аспектов дела требует разного темпа (*Ивакина, 2002*).

VI. Вербальная коммуникация: факторы, оказывающие влияние на эффективность сообщения

Многочисленные психологические исследования, проводящиеся с конца 40-х годов, позволили выделить ряд факторов, оказывающих влияние на эффективность сообщения. Эти факторы можно условно разделить на три группы: особенности сообщения, коммуникатора и аудитории. Они могут быть учтены в сообщениях сторон, свидетелей, подсудимых и потерпевших.

1. **Особенности сообщения.** К этой группе относятся коммуникативные приемы, позволяющие сделать сообщение более понятным и запоминающимся.

1.1. Последовательность выступлений (эффект первичности / вторичности)

Если перед аудиторией выступает не один, а несколько коммуникаторов, защищающих противоположные позиции, как это происходит в суде, остро встает вопрос о том, какое из сообщений – первое или последнее будет оказывать большее влияние на аудиторию. Результаты изучения убеждающей коммуникации позволяют дать ответ на этот вопрос: если два сообщения предъявляются друг за другом, то большее влияние оказывает первое из них, но если между ними проходит значительное время, то более эффективным оказывается второе (*Saks, Hastie, 1978*). Это происходит потому, что при отсутствии интервала между сообщениями к моменту начала второго выступления аудитория устает или теряет интерес к происходящему, что затрудняет понимание ими второго сообщения. При наличии интервала между ними к моменту произнесения второго сообщения первое уже подверглось контр-аргументации и поэтому его влияние ослабело. В зале суда этот эффект может проявиться в ходе прений: если выступление адвоката следует сразу за выступлением прокурора, оно оказывает меньшее влияние, чем если между ними был сделан перерыв.

Однако описанный эффект имеет место только в том случае, если первое сообщение было плохо аргументировано; присяжные используют эвристическую стратегию анализа сообщения; решение по делу принимается сразу после второго выступления.

1.2. Длительность сообщения

Одной из основных трудностей для начинающих коммуникаторов является неумение планировать время своего выступления. Зачастую такие коммуникаторы говорят очень долго, постепенно теряя внимание аудитории. Важность планирования времени своего сообщения осознается как профессиональными юристами, так и присяжными. В частности, большинство американских юристов, выступающих в суде, полагают, что оптимальное время для произнесения речей в прениях составляет 30 минут – 1,5 часа, а к основным комму-

никативным умениям, необходимым юристу, относят умение планировать время своего выступления. Кроме того, присяжные отмечают, что им меньше понравилась речь того юриста, которую они сочли более длинной (*Walter, 1988*).

1.3. Структура сообщения

Структура сообщения включает в себя несколько параметров.

1.3.1. Основные части сообщения. Результаты изучения памяти показывают, что, сталкиваясь с относительно длинным сообщением, люди лучше всего запоминают его начало и конец, но не середину. Таким образом, эффективность сообщения повышается, если оно состоит из трех частей.

- Вступление, содержащее краткий пересказ того, что именно коммуникатор собирается рассказать в дальнейшем, а также оценку совершенного подсудимым. Анализ российских судебных процессов с участием присяжных показал, что во вступительной части своих речей стороны используют такие фразы как: «Я расскажу Вам», «Я докажу Вам», «Вы услышите доказательства и увидите, что подсудимый не совершал преступления», «А сейчас Вы слушаете то, что говорит о том, что он получил деньги за содействие в оформлении документов», «В дальнейшем Я Вам представлю доказательства», «Я должен Вам доказать, был ли у них долг на самом деле», «Перед Вами разгорится спор, была ли взятка, и за что она была дана» (*Гулевич, 2005*).

- Основная часть, в которой перечислены аргументы коммуникатора. Для того чтобы сообщение сохраняло свою целостность, специалисты по коммуникации советуют использовать специальные средства связи, указывающие на последовательность развития мысли (вначале, прежде всего, во-первых, затем, далее, в заключение скажем, подводя итоги), на причинно-следственные (как уже было сказано, поэтому, благодаря этому, следовательно, кроме того) или противоречивые (с другой стороны, невзирая на, в то время как) отношения между частями сообщения, на переход от одной мысли к другой (обратимся к, рассмотрим) (*Ивакина, 2002*).

- Лаконичное заключение с указанием на то, что именно коммуникатор показал в своей речи, какого решения он ждет

от присяжных или судьи, каков смысл этого решения и уроки, которые могут быть извлечены из него. Часто в заключении повторяется мысль, уже произнесенная во вступлении. Например, наблюдение за деятельностью американских и российских юристов, выступающих в суде, продемонстрировало наличие в их речах ряда грамматических конструкций, касающихся предпочитаемого ими вердикта: утверждений («Я думаю, что наиболее правильный вердикт в данном случае — «невиновен», «Его имя Джон и он невиновен»), требований («Вы рассмотрите все факты, и двенадцать из Вас — все двенадцать, скажут — не виновен», «Признайте невиновность моего клиента!»), просьб («Я прошу Вас вынести решение о виновности мистера Джонсона в убийстве первой степени» (*Walter, 1988*); «Я считаю, что суд правильно отнесется к показаниям моего подзащитного», «Я, уважаемые судьи, надеюсь, что Вы, безусловно, учтете мнение...» (*Ивакина, 2002*)).

Наличие в сообщении вариантов решения повышает его эффективность. Например, чем большую компенсацию просят юристы потерпевшего, тем большая компенсация фигурирует в решении присяжных (*Malouff, Schutte, 1989; Sunstein et al., 2002*). Исключение составляют случаи, когда присяжные очень хорошо разбираются в рассматриваемой проблеме, или когда вывод, повторяясь несколько раз, навязывается слушателю, что увеличивает сопротивление со стороны последнего (*Saks, Hastie, 1978*). В этих случаях присяжные не только лучше понимают точку зрения коммуникатора-юриста, но и начинают сопротивляться ей, придумывая контраргументы.

При трехчастной структуре реципиенты, использующие систематическую стратегию анализа, проанализируют все сообщение, особенно его основную часть. Вместе с тем, люди, использующие эвристическую стратегию, смогут ориентироваться на вступление и заключение. Очевидно, этим объясняется влияние обещаний, данных сторонами в начале процесса, на вердикт присяжных. В частности, результаты некоторых исследований показывают, что, если прокурор в ходе своей вступительной речи пообещал доказать ряд положений, но потом не доказал одно из них, а адвокат не

отметил это в своем выступлении, присяжные выносят свой вердикт таким образом, как будто это положение действительно было доказано.

В судебном процессе без участия присяжных выступления в прениях состоят из пяти основных частей: (а) вступительная часть, (б) анализ фактических обстоятельств дела, (в) анализ юридической стороны предъявленного обвинения, (г) характеристика личности подсудимого, анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления, (д) заключительная часть. Однако в суде присяжных третья и четвертая части присутствуют в сжатом виде или отсутствуют совсем, поскольку присяжные не решают вопросы юридической квалификации и не получают информацию, касающейся личности подсудимого. Таким образом, сохраняется трехчленная структура сообщения.

1.3.2. Последовательность информации. Интересная, противоречивая или ценностно важная информация воспринимается лучше, если она представлена в начале сообщения, тогда как информацию противоположного типа лучше оставлять на конец (*Saks, Hastie, 1978*).

1.3.3. Модель истории. Эффективность сообщений, сделанных в зале суда, во многом определяется тем, насколько коммуникатору удалось изложить доказательства в форме истории. Этот фактор оказывает влияние во время вступительных речей, судебного следствия и прений.

Так, вступительные речи сторон более эффективны, если в них кратко сформулированы их позиции, позволяющие присяжным представить, что произошло на месте преступления. Причем это особенно важно для прокурора, задача которого — не прочитать обвинительное заключение полностью, а кратко пересказать его содержание.

Во время судебного следствия доказательства могут быть расположены таким образом, чтобы помочь присяжным сформулировать связную историю о том, что произошло на месте преступления: сначала доказательства, касающиеся последствий совершения преступления и действий участников, затем — их целей и мотивов. В целом структура судебного след-

ствия наиболее эффективна, если доказательства позволяют присяжным последовательно ответить на четыре основных вопроса: во-первых, доказано ли, что преступление вообще было совершено, во-вторых, доказано ли, что его совершил подсудимый и виновен ли он в этом и, в-третьих, заслуживает ли он снисхождения. При этом имеет смысл чередовать устные показания свидетелей и эксперта с чтением письменных материалов дела. Например, сначала могут дать показания потерпевшие и свидетели того, как совершалось преступление, затем присяжным могут быть предъявлены протоколы осмотра места происшествия и т.д.

Последовательность изложения доказательств определяет эффективность и выступлений сторон в прениях. Речь, построенная в форме истории, т.е. представляющая собой хронологическое описание событий, произошедших до, во время и сразу после совершения преступления, подкрепленное доказательствами, оказывает большее влияние на решение присяжных о доказанности того, что деяние совершено подсудимым, его виновности, заслуженности снисхождения, чем речь, построенная в форме простого перечисления доказательств (*Светельщук, 2005*).

1.4. Вопросы

Использование коммуникатором вопросительных конструкций позволяет ему указать на наличие проблемы, подчеркнуть важные элементы своего сообщения, передать новую информацию, сформировать у слушателей эмоциональное отношение к происходящему. Существует несколько видов вопросов (*Ивакина, 2002*):

- проблемный вопрос, формулирует цель коммуникатора в конкретном судебном процессе («Как наказать несовершеннолетнего?»);

- логический вопрос является стимулом для выдачи информации, концентрирует внимание слушателей на важных аспектах дела («Что он выдвигает в защиту тех доводов, которые он выдвинул? Чем подтверждается правильность этих доводов?»);

- авторский вопрос позволяет выделить в речи то главное, что хочет сказать коммуникатор («Что мне хочется сказать?»);

- интригующий вопрос делает повествование динамичнее и интереснее («Что же произошло дальше?»);

- полемический вопрос выражает эмоциональную реакцию коммуникатора («Но так ли это, уважаемые судьи? и заслуживает ли сочувствия Иванова?»);

- контактоустанавливающий вопрос, позволяющий установить контакт с реципиентами («Господа присяжные, а Копин разве плохо характеризуется?»).

Если присяжные невнимательно слушают коммуникатора, то вопросы полезны для привлечения внимания, однако когда они внимательны, вопросительные конструкции могут оказать и обратное влияние. Кроме того, когда доказательства, которые юрист кладет в основу своей точки зрения, слабы или противоречивы, вопросы лишь привлекают внимание к их слабости. Однако если слабыми доказательствами пользуется оппонент, то вопросы могут привлечь внимание к слабости его позиции (*Vinson, 1986*).

1.5. Повторения

Существует три варианта использования этого приема в зале суда (*Гулевич, 2005*):

- повторение последних слов говорящего, обычно свидетеля, подсудимого или потерпевшего;

- повторение одного и того же вопроса, обращенного к разным свидетелям, при условии, что они будут давать примерно одинаковые ответы;

- повторение идеи в ходе вступительных заявлений или прений.

Акцентирование внимания аудитории на наиболее важных аргументах путем их многократного повторения увеличивает эффективность убеждающего воздействия в том случае, если один и тот же аргумент формулируется разным образом. Постоянное повторение одной и той же фразы хотя и способствует запоминанию сообщения, может вызвать негативизм со стороны аудитории, полагающей, что коммуникатор считает их глупыми. Использование повторений особенно актуально в рамках судебных процессов, длящихся на протяжении нескольких недель и даже месяцев.

1.6. Интерпретация

При использовании этого приема коммуникатор не просто повторяет выражения другого участника, но, заменяя отдельные слова или ударения, изменяет смысл сообщения в целом. Существует две формы интерпретации (Гулевич, 2005):

- изменение отдельных слов или последней фразы говорящего. Такая интерпретация дается сразу после того, как исходная фраза была произнесена, и сопровождается словами «то есть», «насколько я Вас поняла», «вы говорите, что...» и т.д.;
- интерпретация идеи в ходе вступительных заявлений или прений.

Использование интерпретаций способствует выделению в сообщении отдельных элементов, важных для коммуникатора.

1.7. Оценка доказательств

В ходе судебного процесса встречаются следующие способы оценки доказательств (Гулевич, 2005):

- *ссылки на серьезность доказательств*: «Это доказательства, документы. С ними нельзя спорить. Они есть», «Эти показания признаны допустимыми», «Так техника сказала», «На фото видно четко»;
- *ссылки на несерьезность доказательств* «Я считаю это несущественным», «Экспертиза носит вероятностный характер», «Свидетели ничего не пояснили», «Это рассыпается как мыльный пузырь», «Не говоря по существу, приводил лишь статистические данные», «Это не доказательство. Это — голословное заявление»;
- *ссылки на бесспорность сделанного на их основе заключения*: «Это факт. Передача денег была совершена», «Это почти аксиома. Мы видим это, и они дали не стали на это возражать», «Ни у кого не вызывает сомнения, что...», «Вы не найдете другого ответа», «Вы не сможете это сделать», «Я уверена, что докажу (доказала) Вам».

Оценка доказательств способствует преимущественному использованию при вынесении решения доказательств, которыми стороны придают наибольшее значение.

1.8. Двухсторонние и односторонние сообщения (аргументы)

Односторонние сообщения содержат в себе только ту аргументацию, которая говорит в пользу точки зрения коммуникатора. Под двухсторонними понимаются сообщения, в которых наряду с аргументами в защиту представляемой коммуникатором позиции содержатся и аргументы, противоречащие ей. Существует несколько разновидностей двухсторонних сообщений.

Первая из них подразумевает анализ коммуникатором аргументов, сформулированных его оппонентом, и их прямое опровержение: «Господин прокурор утверждает, что показания свидетеля не вызывают сомнений. Но давайте проанализируем их поподробнее. Так, свидетель говорит, что он ясно видел подсудимого. Однако на улице было темно, а фонари не горели». Такие высказывания, как правило, имеют форму «да-но»: «Вам может показаться странным, но...», «Я полагаю, что мнение о виновности уже сложилось, но...», «Это он так понимает. А государство определяет как правонарушение...» (Гулевич, 2005).

Другим вариантом двухсторонней аргументации является так называемое сведение к абсурду, при котором коммуникатор условно допускает истинность выдвинутого оппонентом положения и анализирует его следствия: «Допустим, что оппонент прав – его тезис является истинным, но в этом случае из него следует...». Если окажется, что это следствие противоречит уже проверенным данным, то его признают несостоятельным (Ивакина, 2002).

И наконец, двухстороннее сообщение может иметь форму «прививки», при котором коммуникатор предупреждает аудиторию о готовящемся на нее воздействии («Мой оппонент вам скажет, но на самом деле...»): «Я представляю, какие сказки о любви будет рассказывать защита», «Они будут утверждать...», «Адвокаты наверное жалеют, что подсудимые не сказали, что на них брызгали кровью» (Гулевич, 2005). Этот вариант двухсторонней аргументации требует осторожного использования, поскольку коммуникатор может не угадать, что именно собирается сказать его оппонент, и тем самым продемонстрирует несостоятельность своей точки зрения.

Эффективность двухсторонних сообщений связана с их способностью усиливать процесс контр-аргументации. В частности, когда прокурор формулирует свою позицию, отталкиваясь от точки зрения адвоката, он объясняет присяжным, почему она несостоятельна, тем самым облегчая поиск аргументов против нее. Поэтому двухсторонние сообщения более эффективны, чем односторонние, в том случае, когда аудитория использует систематическую стратегию анализа сообщения, знает (или в будущем обязательно узнает) мнение оппонентов данного коммуникатора или заведомо не согласна с его позицией (*Vinson, 1986; Walter, 1988*). В последнем случае, показывая свое знание позиции аудитории, коммуникатор демонстрирует, что он похож на своих слушателей (*Vinson, 1986*).

Вместе с тем, если реципиенты используют эвристическую стратегию, введение в сообщение большого количества аргументов противоположной стороны затруднит ими понимание позиции самого коммуникатора (*Vinson, 1986*).

1.9. Примеры, сравнения, поговорки, цитаты

Использование в сообщениях конкретных примеров (особенно при объяснении сложных юридических терминов), метафор, сравнений, цитат из художественных произведений («Как говорил Бендер – лед тронулся», «Ищите женщину»), поговорок («Ищи ветра в поле», «Бешеной собаке семь верст не крюк», «Чем дальше в лес, тем больше дров»), расхожих выражений («Инициатива наказуема», «Армейский принцип – от забора до обеда»), исторических примеров способствует привлечению внимания к сообщению, лучшему его пониманию и запоминанию (*Vinson, 1986*), а также восприятию коммуникатора как более убедительного, компетентного и заслуживающего доверия (*Светельщук, 2005*). Характерно, что образы, метафоры и сравнения являются также средствами создания у слушателей определенного настроения. Эффективность этих приемов подчеркивается практикующими американскими юристами, которые используют их в заключительных речах для пояснения своей точки зрения (*Walter, 1988*).

Однако использование метафор, поговорок, афоризмов и т.д. более эффективно для реципиентов, которые используют эвристическую стратегию анализа сообщения (Vinson, 1986).

1.10. Термины для указания на подсудимого и описания его действий

На оценку серьезности преступления и причины, с помощью которых объясняются действия подсудимого, оказывает влияние то, как называют подсудимого и какие глаголы используют при описании его действий. В частности, преступление оценивается как более серьезное, а причины совершения им преступления как внутренние (связанные с его индивидуальными особенностями), контролируемые и стабильные, если подсудимого не называют по имени, а при описании его действий используют глаголы, имеющие негативный эмоциональный оттенок (Casey, 2003).

1.11. Визуальная информация

Если сообщение сложно для восприятия, его эффективность можно увеличить с помощью использования схем, графиков, видеозаписей (Saks, Hastie, 1978). Особенно большое влияние визуальное предъявление оказывает на людей, использующих систематическую стратегию анализа, желающих понять содержание сообщения (Vinson, 1986). Судебные юристы осознают важность этого фактора. В частности, в интервью они говорят, что всегда или время от времени используют доску, диаграммы, проектор в ходе прений, хотя часть замечает, что это только отвлекает внимание присяжных от содержания сообщения (Walter, 1988).

Кроме того, вероятность обвинительного вердикта повышается, когда присяжным показываются фотографии с места преступления, что очевидно связано со страхом, который они вызывают (Cramer, 1999).

2. Особенности коммуникатора. Факторы, относящиеся к этой группе, увеличивают доверие к коммуникатору. Они оказывают большее влияние на людей, использующих эвристическую стратегию анализа сообщения, которые ориентируются на его форму.

2.1. Компетентность коммуникатора

Коммуникатор оказывает большее влияние, если аудитория считает его специалистом в тех вопросах, которые он затрагивает в своем сообщении. В рамках судебного процесса фактор компетентности проявляется в основном при восприятии речей судьи, сторон, свидетелей, экспертов. Этот фактор может быть использован адвокатом и прокурором двумя способами: указанием на свою компетентность или компетентность своего свидетеля/эксперта/клиента, с одной стороны, и демонстрацией некомпетентности оппонента или его свидетелей/экспертов/клиентов – с другой. Этот прием используют в своей коммуникации и судьи.

Существуют следующие варианты демонстрации **компетентности** участников судебного процесса в зале суда (Гулевич, 2005; Vinson, 1986).

- *Наличие возможности видеть и слышать происходящее на месте преступления* («Вы были на месте преступления, Вы видели...», «Вы охранник – все машины знаете» (про свидетелей), а также *способностей*, повышающих точность показаний (внимательности, хорошей памяти, долгого общения с потерпевшим и подсудимым - «Вы помните», «Вы же взрослый человек, можете сориентироваться»).

- *Наличие специального образования, знаний и опыта* («Это уже не первое дело такого рода, в котором я принимаю участие», «Я не первый год работаю», «Я давно рассматриваю...», «Я знаю больше, чем Вы» (стороны про себя), «Образование у Вас юридическое», «Вы – эксперт с 15-летним стажем» (про свидетеля и эксперта), «Обвинение и защита – суперпрофессионалы» (судья про стороны).

- *Тщательность работы в зале суда* («Прокурор все выяснит. После него мне нечего делать будет» (судья про прокурора), «Адвокат меня поддел, где я видел кровь. Я крови не видел, я просто внимательно слушал показания», «Я хорошо читаю», «Я внимательно за процессом слежу», «Я подъехал, чтобы не срывать процесс» (стороны про себя).

- *Тщательность работы за пределами зала суда* («Я всю ночь тренировалась, читала эти протоколы», «Я хорошо озна-

комилась с материалами дела», «Я долго думала над этим делом» (стороны про себя).

- *Социальный статус, например, занимаемый пост* («Вы командуете следствием» (судья про свидетеля).

- *Ссылка в подтверждение сказанного на мнение большинства или авторитетного человека* («Судья Вам уже объяснил, что...» (ссылка сторон на подобие своего мнения мнению судьи).

- *Общая позитивная оценка* («Могу выразить свое восхищение Вашей работой», «Вы меня заинтересовали. Это важно» (судья о сторонах и свидетелях).

- *Примеры из других судебных процессов.* К этой категории относятся рассказы про то, какие компетентные прокуроры, адвокаты, эксперты и свидетели выступали в прошлых судебных процессах. В этом случае уважение к участниками прошлых процессов переносится на участников текущего. Другой вариант — сравнение участников прошлых процессов с участниками текущего в пользу последних, например, «Нам сегодня очень повезло со сторонами. Не всегда так везет» (судья про стороны).

- *Стиль одежды, подчеркивающий солидность коммуникатора.*

- *Определенный стиль речи.* Выделяют «сильный» и «слабый» стили речи (Lakoff, 1975). Для «слабого» стиля характерно:

- наличие ограничительных выражений типа «я думаю», «это кажется похожим», «если я не ошибаюсь», «возможно»;

- подъем интонации в утвердительных предложениях. Например, если вопрос касается скорости машины, то говорящий отвечает «двадцать, двадцать пять?» с повышением интонации, как если бы он искал одобрения своему ответу;

- повторение индикаторов неуверенности, например «я не уверен»;

- наличие интенсификаций, например «очень близкие друзья» вместо «близкие друзья» или просто «друзья»;

- использование большого количества цитат.

В «сильном» стиле речи эти особенности отсутствуют. Юристы и свидетели, использующие «сильный» стиль речи, оцениваются присяжными как более компетентные, привле-

кательные, достойные доверия и убедительные, чем те, кто использует «слабый» (Culter, Penrod, Stuve, 1988; Erickson et al., 1978; O'Barr, Conley, 1976; Saks, Hastie, 1978). Этот эффект распространяется на представителей обоих полов.

- *Определенный стиль допроса*, используемый юристом. В частности, свидетель, отвечающий на общие вопросы («Расскажите, что Вы видели?»), оценивается присяжными, как более компетентный, чем тот, кто отвечает на множество конкретных вопросов («Назовите точное время. Было темно? Сколько человек Вы увидели?»). Поэтому консультанты советуют юристам при допросе своего свидетеля использовать общие вопросы, позволяя ему отвечать долго и обстоятельно, не перебивая его выступление, демонстрируя таким образом высокий уровень его интеллекта (Saks, Hastie, 1978).

Для подчеркивания **некомпетентности** участников процесса используются следующие указания (Гулевич, 2005; Vinson, 1986; Saks, Hastie, 1978; Walter, 1988).

- *Отсутствие возможности видеть и слышать происходящее на месте преступления* («Их отношения были натянуты, но тогда, как он мог знать...», «Если Вы спали, как Вы могли видеть?», «Вы уверены, что это было? Вы во времени хорошо ориентируетесь?», «Он сам не видел», «Вам что-нибудь известно о взятке? а чего ж вы вообще сюда пришли?» (стороны про свидетелей), «Он не помнит – вот такая амнезия» (стороны про подсудимого).

- *Отсутствие специальных знаний и опыта* («У Вас нет опыта в суде присяжных», «Вы не знаете...», «Не надо объяснять того, что Вы не знаете», «Писать не умеете – крестик поставьте», «Если Вы не бухгалтер, зачем заниматься чужими обязанностями?», «Вы врач, чтобы диагностировать свое состояние?», «Но Вы не больше года работаете» (стороны и судья про свидетелей), «Основной ошибкой обвинения...» (стороны по отношению друг к другу).

- *Низкое качество работы в зале суда* («Вы соберитесь, а то из Вас песок сыплется», «Вы как всегда витиевато», «Доводы гос.обвинителя звучат несолидно», «Надо было внимательно слушать», «Так не задаются вопросы», «Я не так поверхностен,

как адвокат», «Несколько раз прокурор обещал перейти к документам, но потом его позиция тонула в потоке слов», «Он у нас преподаватель. Импровизировать не может. Сейчас не 1982 год, чтобы по бумажке читать», «Это же риторический вопрос! (к присяжным) Он меня понял буквально» (стороны и судья по отношению к сторонам).

- *Низкое качество работы за пределами зала суда* («Что мешало гос.обвинителю узнать про регистрацию?», «Обвинение не приняло мер, чтобы доставить свидетеля») (стороны про оппонентов).

- *Предупреждение о готовящемся воздействии* («Не верьте полицейскому просто потому, что он полицейский»);

- *Общая негативная оценка* («Если Вы считаете это существом дела, я не считаю», «Если Вы что-то не помните, скажите нам. Предположения нам не нужны») (судья по отношению к свидетелю).

- *Примеры из других судебных процессов*, например, рассказы о некомпетентности их участников. В этом случае негативное отношение к участниками прошлых процессов переносится на участников текущего.

Кроме того, впечатление некомпетентности участника вызывают:

- *определенный стиль допроса*. Использование при допросе свидетеля большого количества конкретных вопросов, требующих односложных ответов, рассчитано на демонстрацию его низкого интеллектуального уровня, проявляющегося в неумении отвечать на более сложные вопросы.

- *речевые и содержательные ошибки коммуникатора*.

Попытки компрометировать других участников процесса могут быть неэффективными, поскольку нарушают одну из основных норм процедурной справедливости — норму вежливости. Соответственно, эффективность критики зависит от ряда условий:

- доверия к коммуникатору: критика оппонента более эффективна, когда аудитория доверяет коммуникатору;

- способ компрометации: критика юристом эксперта противоположной стороны уменьшает влияние его показаний,

если сомнению подвергается содержание экспертизы, а не его компетентность (*Krauss, Sales, 2001*).

Профессиональные юристы хорошо осознают важность фактора компетентности при создании собственного имиджа. В частности, большинство опрошенных американских юристов:

- обращают внимание на то, как они одеты;
- готовятся к выступлению в суде заранее, но, произнося речи, не делают записей и не заглядывают в «шпаргалку»;
- обращают внимание на правильность своей речи и стараются импровизировать в прениях;
- считают необходимым при разъяснении норм закона использовать те же фразы, что и судья, сослаться на его мнение («Слушайте внимательно, что Вам говорит судья») (*Walter, 1988*).

Следствием восприятия компетентности коммуникатора является «спящий эффект», который проявляется в ситуации, когда реципиент должен вынести решение через некоторое время после получения сообщения, а не сразу после него. Он заключается в том, что сообщение, исходящее от достойного доверия коммуникатора, через некоторое время начинает оказывать меньшее влияние, чем вначале, а исходящее от коммуникатора, не достойного доверия, — большее влияние. Примером последнего является постепенное увеличение доверия к показаниям дискредитированного свидетеля (*Leippe, 1995*).

Причина этого эффекта кроется в забывании аудиторией источника сообщения и, следовательно, в уменьшении влияния доверия к коммуникатору на эффективность его воздействия. Зал суда является благоприятным местом для проявления этого эффекта: длительность судебного процесса варьируется от нескольких дней до нескольких месяцев, что приводит к забыванию присяжными источника информации, полученной ими вначале. Поэтому, если присяжные доверяют коммуникатору, эффективным является напоминание о том, кто именно рассказал присяжным о тех или иных событиях.

2.2. Искренность коммуникатора

Коммуникатор оказывает большее влияние, когда аудиторией воспринимается его как говорящего искренне, не имеющего

намерения убедить ее в правильности своей точки зрения, не желающего решить за счет аудитории свои собственные проблемы (*Saks, Hastie, 1978; Vinson, 1986*).

Фактор искренности оказывает влияние на оценку профессиональных участников процесса (адвоката, прокурора, судьи) и свидетелей / экспертов. В частности, высокая степень доверия присяжных к судье связана с восприятием его незаинтересованности в исходе дела. Кроме того, присяжные в большей степени верят тому эксперту, который вызван не сторонами, а судом (*Leippe, 1995*).

Российские юристы используют следующие указания, чтобы подчеркнуть **искренность** участников процесса (*Гулевич, 2005*).

- *Честность, незаинтересованность в исходе дела* («Я не буду вводить Вас в заблуждение», «Я не хочу наводящие вопросы Вам задавать», «Я приму любой вердикт», «Я правду говорю» (стороны про себя), «Нет оснований не доверять этому свидетелю» (стороны про свидетеля), «Прокурор сказал, что не может никого отвести. Все нравятся» (судья про стороны), «Практика показывает: первые показания – самые достоверные», «Ничего не скрывал», «Мог соврать, но не соврал», «Ни о какой предвзятости не может быть и речи» (стороны про подсудимого).

- *Желание давать показания.*

- *Ответственность за нечестность* («Прокурор несет ответственность за поддержание незаконного обвинения» (прокурор про себя)).

- *Отказ от убеждения* («Я не буду пытаться убедить Вас...») (стороны про себя).

- *Выполнение долга* («Все защитники выполняют свой долг») (судья про стороны).

- *Полный анализ доказательств, в том числе признание фактов, противоречащих своей позиции* («Адвокат и прокурор основывают свою позицию на всех доказательствах» (судья про стороны), «Я согласна с защитой – это не доказательства, а мои умозаключения», «Я благодарна, что защита задала эти вопросы», «Каждый прокурор, показывая доказательства, идет на риск», «Не в моих правилах не замечать элементы, которые

не выгодны для защиты», «Мне безразлично. Я могу опустить эти моменты, но...», «Я стал бы возражать, но версия, которую выдвинул подсудимый, требует проверки. Поэтому я не возражаю», «Я не буду возражать, хотя не считаю это доказательством», «Нет, это доказательства по делу. Какие есть основания возражать» (стороны про себя), «По нашей просьбе было проведено обследование на полиграфе (адвокат про себя и подсудимого).

- *Отказ выяснять личные отношения с участниками* («Вы выслушали, какие плохие адвокаты. Но я не буду выяснять отношения» (адвокат про себя).

- *Примеры из других судебных процессов.*

Восприятию **неискренности** участников процесса способствуют следующие указания (Гулевич, 2005).

- *Нечестность, заинтересованность в исходе дела* («Прокурор обязан поддержать обвинение и убедить вас в виновности подсудимого», «Защита связана с позицией подсудимого», «Она человек государственный. Ее отказ от обвинения перечеркивает многомесячную работу работников милиции», «Не буду перевирать, как защита», «Защита лукавит», «Адвокаты пытаются ввести присяжных в заблуждение», «Обвинение было предвзятым», «То, что обвинение говорило о защите — это необъективно», «Мой коллега старается ввести Вас в заблуждение. Все ясно, если не погружаться в эту словесную чепуху», «Это нечестный прием», «Прокурор сказал, что Ф. был задержан, но это не так», «Вы события излагаете неправильно», «Умышленно запутывал», «Вы лжете», «Надо порядочность иметь» (стороны друг про друга и судья про стороны); «Правдивые показания», «Это его (подсудимого) версия...» (стороны и судья про свидетелей), «якобы», «Глядя в глаза лгут», «Не вводите присяжных в заблуждение», «Это свидетельствует, что подсудимый сказал очередную ложь», «Это он Вам говорил, или Вы сейчас придумываете?», «Вы верите подсудимому? Я не верю», «Есть причина для оговора», «Пытается создать образ положительного героя», «Можно объяснить желанием выйти сухим из воды», «Хочет выпутаться, переложить вину на другого» (стороны и судья про подсудимого).

- *Расчет на глупость, наивность слушателей* («Они выбрали присяжных. Присяжные — люди разных профессий. Где-то чего-то не знают. Могут оправдать его. На это весь расчет», «Он наивно полагает, что Вы не разберетесь» (стороны про оппонентов), «Было сказано в расчете на Вас», «Расчет на некомпетентность свидетеля» (стороны про подсудимого).

- *Нежелание давать показания* («Чего ж мы из Вас как из партизана вытаскиваем?», «Что ж мы из Вас как клещами вытаскиваем?» (стороны и судья про свидетелей).

- *Желание убедить* («Нас пытаются убедить в...», «Ну и чего тут интересного. Вы просто обращаете внимание присяжных», «Под видом специалиста хотите навязать свое мнение» (стороны друг про друга и судья про стороны), «Это с целью Вас запутать», «Пытается навязать мысль», «Как Вы пытаетесь убедить присяжных» (стороны про подсудимого).

- *Частичный анализ доказательств, в том числе сокрытие фактов, противоречащих своей позиции* («Адвокат почему-то огласил документ не до конца», «Адвокат сказал а, но не хочет говорить б», «Зачем защите оглашать лишние эпизоды?», «Обвинение про это ничего не сказало», «Свидетель говорит тихо, а прокурор сейчас переводил или интерпретировал», «Я хотел бы попросить господина прокурора, чтобы он точно цитировал», «Я прошу Вас никаких исправлений не делать», «Прокурор умалчивает об этом. Этих свидетелей не допрашивали на следствии. Уклонились от допроса. А то тяжело было бы», «Великолепно все это прокурор в отличие от остального прочел» (стороны друг про друга и судья про стороны), «Вы за меня додумали», «Нигде не хочет отвечать, препятствует установлению всех обстоятельств по делу» (стороны про подсудимого).

- *Невнимательное отношение к позиции оппонента* («Защитник изложил версии обвинения, даже не выслушав их» (стороны друг про друга).

- *Примеры из других судебных процессов.*

Указания на неискренность других участников процесса могут быть неэффективными, поскольку нарушают норму

вежливости. Поэтому они оказывают влияние, только если аудитория доверяет коммуникатору.

2.3. Надежность коммуникатора

Коммуникатор оказывает большее влияние, когда реципиенты думают, что его прогнозы уже сбывались ранее, что он является источником достоверной информации (Vinson, 1986; Saks, Hastie, 1978). В рамках судебного процесса использование этого фактора возможно в основном по отношению к свидетелям. Российские юристы используют следующие способы демонстрации **надежности** (Гулевич, 2005).

- *Соответствие слов обыденным представлениям, здравому смыслу* («Неразбериха, как везде у нас», «Он зацепляет покупателя. Все это естественно, реально. Это похоже на истину», «Это была зима. А зимой большинство владельцев держат машины в гараже», «Какой автовладелец будет ставить дорогую машину под удар?», «Она, как любая женщина, плохо разбирается в оружии», «Женщины, я к Вам обращаюсь: как куртку за два часа можно выстирать и высушить?» (стороны про слова свидетелей и подсудимого).

- *Соответствие сказанного другим доказательствам* («Это подтверждено объективными записями. Это не опровергнуть», «Его слова соответствуют и другим доказательствам:...») (стороны про свидетелей и подсудимого).

- *Последовательность в показаниях и утверждениях* («Он давал такие же показания и на следствии») (стороны про свидетелей и подсудимого).

Вместе с тем, для демонстрации **ненадежности** используются следующие указания.

- *Несоответствие слов обыденным представлениям, здравому смыслу* («Кто же расписку за взятку дает?», «Мы тоже становимся злые. Это не значит, что у меня поехала крыша», «Меня поразил довод защиты о невиновности: в убийстве четырех человек признаться тяжело, а трех – нет», «Для того, чтобы покончить жизнь самоубийством, надо убить кого-нибудь?». «А кто же без денег работает?», «Даже школьник знает, что все расчеты между гос.учреждениями осуществляются через

сберкассе», «Пятьдесят тысяч долларов за содействие. Мы что, в сумасшедшем доме?» (стороны про свидетелей), «На первый взгляд версия правдоподобная, пока не станешь задавать вопросы», «Противоречит здравому смыслу», «Но если человек агрессивный, он драться полезет, а не топиться», «То есть имея приятеля «не в себе», Вы с ним встречались?», «Стал бы К., у которого деревянная бита, бить бутылкой?», «Они дают слишком одинаковые показания», «Почему он молчит, если он – жертва?», «Это странно, когда покупатель не оставляет своего номера телефона», «Если человек лжет в одном месте, то лжет и в другом», «Если человек не лжет – что ему скрывать?», «У нас что, такси только по просьбе знакомых останавливается?», «Вы можете предположить, что нормальный парень пошел убивать коллегу отца?» (стороны про подсудимых).

- *Несоответствие сказанного другим доказательствам* («Тут нам свидетели разное время называли», «Но эта версия не нашла подтверждения», «Есть документы, которые опровергают...» (стороны про свидетелей), «Позиция прокурора противоречит доказательствам» (стороны друг про друга).

- *Непоследовательность в показаниях, утверждениях* («То есть в тот день, когда их спрашивали по существу, они отказались давать показания», «Вы определитесь, а то сами себе противоречите», «Почему раньше не давал показаний?», «А версию они выдвинули только в судебном заседании» (стороны про свидетелей и подсудимого).

2.4. Законность действий

Ссылки на законность и незаконность действий во время совершения преступления и в зале суда используются по отношению ко всем участникам судебного процесса, за исключением присяжных: законность их действий, как правило, не подвергается сомнению. Российские юристы используют две основные формы указания на **законность** действий:

- непосредственное указание на законность («Закон обязывает меня...», «Я человек государственный – действую по закону и по совести», «По закону..», «Закон запрещает мне...», «Да, я пытаюсь посеять сомнения. Но не на мне по закону ле-

жит обязанность устанавливать все обстоятельства дела» (стороны и судья по отношению друг к другу);

- ссылка на определенные статьи уголовного и уголовно-процессуального кодексов, названия преступлений («Это не взятка, а финансовое нарушение», «В соответствии со статьей... (стороны по отношению к подсудимому).

Указание на **незаконность** действий осуществляется аналогичным образом:

- непосредственное указание на незаконность действий («Вы не имели право брать деньги», «Вам запрещено было», «Кто Вам дал право?», «Вы нарушили постановление главы района» (стороны по отношению к подсудимому);

- ссылка на определенные статьи уголовного и уголовно-процессуального кодексов, названия преступлений («Это по закону называется взяткой», «В соответствии со статьей...», «Вы что, признаетесь перед всеми, что дали взятку?», «Вы отдавали себе отчет, что совершаете финансовое нарушение?»).

2.5. Сходство коммуникатора и аудитории (присяжных заседателей)

Большее влияние оказывает коммуникатор, который кажется реципиенту похожим на него. Указание на подобие между коммуникатором и присяжными осуществляется с помощью слов и фраз «мы с вами», «для меня и для Вас», «я ответа не вижу, и Вы тоже» «уважаемые коллеги», «нам ничего не слышно», «я такой же обыватель. Как и Вы» и т.д.

Частным случаем сходства является сходство позиций. Позиции адвоката и прокурора могут в разной степени отличаться от точки зрения присяжных. Если позиция коммуникатора по какому-либо вопросу похожа на точку зрения аудитории, то имеет место *эффект ассимиляции*, при котором позиция коммуникатора рассматривается аудиторией как полностью совпадающая с их точкой зрения. Например, если прокурор считает точными показания всех четырех представленных свидетелей, а присяжные склоняются к такому же выводу по отношению к показаниям трех из них, они могут не заметить различия между своей позицией и позицией проку-

рора. Вместе с тем, при изначально большом различии между позициями возникает *эффект контраста*, суть которого сводится к преувеличению существующих различий, восприятию аудиторией полной противоположности своей позиции мнению коммуникатора. Этот эффект проявится, если в рассматриваемом примере присяжные считают точными показания только одного свидетеля из четырех, что приводит к восприятию ими своей точки зрения и мнения прокурора как диаметрально противоположных.

Соответственно, существует два способа влияния на мнение аудитории (*Saks, Hastie, 1978*).

- Коммуникатор постепенно изменяет свою позицию в сторону большего расхождения с позицией аудитории, медленно изменяя ее мнение. Этот способ дает ему возможность подчеркнуть свое подобие с аудиторией, что повышает эффективность его сообщения. Однако в этом случае может возникнуть эффект ассимиляции, и аудитория откажется менять свою позицию, не видя разницы между ней и точкой зрения коммуникатора. Этот способ более эффективен, когда реципиенты не доверяют коммуникатору или придают большое значение своей точке зрения.

- Коммуникатор сразу подчеркивает кардинальное отличие своей точки зрения от мнения реципиентов. Этот способ дает возможность подчеркнуть различие между позициями, однако может привести к восприятию принципиального отличия коммуникатора и его интересов от интересов аудитории, что понизит эффективность сообщения. Этот способ более эффективен, если аудитория доверяет коммуникатору или собственная точка зрения не важна для реципиентов.

Кроме того, эффекты ассимиляции и контраста взаимодействуют с эффектом подобия коммуникатора (свидетеля, адвоката, прокурора) присяжным: эффекты ассимиляции и контраста проявляются по отношению к информации, прямо касающейся рассматриваемого дела, а эффект подобия — в отношении к происходящему за стенами суда, тем или иным социальным процессам (*Vinson, 1986*).

2.6. Внешняя привлекательность коммуникатора

Внешне привлекательный коммуникатор оказывает большее влияние на мнение аудитории, чем внешне непривлекательный. Важность внешней привлекательности прекрасно осознается профессиональными юристами. В частности, большинство американских юристов, выступающих в суде, считают, что существует связь между их привлекательностью и доверием к ним присяжных, и говорят, что пытаются понравиться коллегии (*Walter, 1988*). Фактор внешней привлекательности (красивая внешность, аккуратность одежды) оказывает влияние не только на доверие юристу, но и на восприятие свидетелей, подсудимого, потерпевшего.

2.7. Личная привлекательность

Во время судебного процесса и особенно, в прениях, стороны ссылаются на индивидуальные характеристики и намерения свидетелей, подсудимого, потерпевшего, а в некоторых случаях и на свои особенности, которые, не имея непосредственного отношения к факту преступления, делают портреты участников более живыми, понятными и привлекательными. Особенно часто этот прием используется при характеристике подсудимого и потерпевшего. Такие ссылки осуществляются в форме указаний на следующие особенности (*Гулевич, 2005*).

- *Личностные черты, ценности, хобби* («пользуется Интернетом, разбирается в этом», «мягкий, добрый», «неагрессивный», «благородный», «мужественный», «религиозен», «хотел послать деньги родителям», «заслуживает уважения», «может исправиться» (стороны про подсудимого), «беспомощный» (стороны про потерпевшего).

- *Возраст* («юный возраст», «малолетний» (стороны про подсудимого и потерпевшего).

- *Семейное положение* («женат, имеет детей» (стороны про подсудимого и потерпевшего).

- *Привлекательная профессия, образование* («Вы занимаетесь важной работой», «Ваше дело благородное» (стороны про свидетелей), «с высшим образованием», «на высоких должностях» (стороны про потерпевшего и подсудимого).

- *Психологическое состояние, мысли во время процесса причины тех или иных действий во время судебного процесса* («Никогда этого не делал, но придется из-за недавнего опыта», «Чтобы избежать кривотолков...», «Возникает путаница, приходится лишние вопросы задавать», «Коль скоро прокурор спорит», «У нас, к сожалению, нет устройства, чтобы показать на экране, а не передавать дело» (стороны про себя).

- *Позитивное отношение окружающих* («К нему все хорошо относились» (стороны про потерпевшего).

Другой тип указаний касается исключительно подсудимого и связан с его ролью во время совершения преступления и поведением после него. Эти сведения ничего не говорят о том, действительно ли подсудимый совершил преступление, однако они также способствуют восприятию подсудимого, как хорошего человека, достойного снисхождения. Среди них встречаются следующие указания (Гулевич, 2005).

- *Внешние причины совершения преступления* («Жестокие фильмы, воспитание без отца», «Все дело в том, что в стране беспорядок. А прокурор игнорирует это. Апеллирует к тому, как должно быть», «Неразбериха, как везде у нас», «Сложившаяся практика расчета между предприятиями», «Для газификации денег не хватало» (стороны про подсудимого).

- *Ненамеренность совершения преступления, подчиненная роль во время совершения преступления, отсутствие свободы выбора.*

- *Отсутствие причин для совершения преступления* («У него не было причин совершать преступление», «Не хотел получить материальную выгоду» (стороны про подсудимого).

- *Оказание потерпевшему помощи после совершения преступления.*

- *Раскаяние, возмещение ущерба.*

Аналогичные ссылки используются и для формирования **непривлекательного** облика свидетеля / подсудимого / потерпевшего.

- *Личностные черты, ценности, хобби* («конфликтность», «эмоциональная неустойчивость», «агрессивность», «жесто-

кость», «хвастливость», «Вот его подсудимого черта. У него ложь входит в норму», «Влезает к потерпевшему в доверие. Вы видите, как его обдирают» (стороны про подсудимого).

- *Непрофессионализм* («Находясь у власти с 1992 года он не сделал ничего по газификации за десять лет», «Он пришел к власти не ради народа, а ради личного обогащения» (стороны про подсудимого) или «*плохая* профессия» («Крутой бизнесмен, не работяга. Вон у нас как футбольные команды покупают» (стороны про потерпевшего).

- *Алкоголизм, наркомания* («были пьяны», «пьют постоянно», «Я конечно понимаю, что у Вас каждый день от бутылки до бутылки» (стороны и судья про подсудимого и потерпевшего).

- *Криминальный опыт* (но не по отношению к подсудимому).

- *Поведение во время судебного процесса* («Виновны в задержке процесса», «У нас двое подсудимых пожелали суд присяжных, поэтому мучаемся в таком составе» (стороны и судья про подсудимых).

- *Негативное отношение окружающих* («Все люди как раз против него. У меня есть подписи», «И женщину Вашу мы увидим. Правда мы ей повестку послали, а она не пришла» (стороны и судья про подсудимого).

- *Внутренние причины совершения преступления* («Он опасается, что может пролететь, не получит с этого барыш», «ради наживы, личного обогащения», «понравилось убивать», «помочь убрать свидетеля» (стороны про подсудимого).

- *Намеренность совершения преступления, главенствующая роль при его совершении.*

- *Неоказание потерпевшему помощи после совершения преступления.*

- *Отсутствие раскаяния и возмещения ущерба.*

Несмотря на то, что процедура суда присяжных не предусматривает анализа индивидуальных особенностей подсудимого (за исключением мотива совершения преступления и намеренности его действий), ссылки на них периодически звучат в зале суда.

2.8. Количество коммуникаторов

Несколько коммуникаторов, придерживающихся одной точки зрения, оказывают большее влияние, чем один, в том случае, когда они приводят в защиту своей точки зрения разные аргументы. В этом случае реципиент видит, что одна и та же точка зрения поддерживается разными людьми, что говорит, во-первых, о ее распространенности, а во-вторых, о ее обоснованности. Ему кажется, что, поскольку данная точка зрения поддерживается людьми, обладающими разными характеристиками и интересами, она правильна. Таким образом, для повышения доверия к показаниям адвокат или прокурор могут указать на идентичность их содержания у свидетелей разного пола, возраста, социального положения и т.д.

3. Особенности аудитории. Особенности аудитории, оказывающие влияние на эффективность сообщений, можно разделить на пять групп.

К **интеллектуальным особенностям** относятся уровень интеллекта, наличие специальных знаний, когнитивных ресурсов, а также однозначность установок и вера в возможность вынести правильное решение. Эти особенности оказывают влияние на стратегию анализа информации, которую выберет реципиент. Так, систематическую стратегию чаще используют люди с высоким уровнем интеллекта, имеющие специальные знания по рассматриваемой проблеме, не занятые посторонней деятельностью или мыслями, не уверенные в своей точке зрения, но верящие в то, что они способны вынести правильное решение.

Кроме того, интеллектуальные особенности определяют эффективность формы сообщения. К ним относятся когнитивные стили, в том числе *полезависимость/ полenezависимость*. Представители *полезависимого* стиля больше доверяют наглядным зрительным впечатлениям при оценке происходящего и с трудом преодолевают видимое поле при необходимости детализации и структурирования ситуации. Представители *понезависимого* стиля больше полагаются на внутренний опыт и легко отстраиваются от влияния поля, быстро и точно выделяя деталь из целостной пространственной ситуации. Речь в прениях, име-

ющая форму истории, оказывает большее влияние на полнезависимых, чем на полнезависимых людей (Светельщук, 2005). Полнезависимые люди примерно одинаково воспринимают заключительные речи, сформулированные в форме истории и в виде перечисления доказательств.

К мотивационным особенностям относятся мотивация, личная заинтересованность в разрешении обсуждаемого вопроса и самооценка. Эти характеристики также определяют выбор человеком систематической или эвристической стратегии анализа сообщения. В частности, систематическую стратегию анализа чаще выбирают люди с высокой самооценкой, которые считают проблему важной и хотят вынести точное решение. Российские юристы используют несколько способов формирования этих условий (Гулевич, 2005)⁶.

- *Прямое указание на ответственность и важность миссии присяжных* («У нас присяжные тоже судьи», «Это присяжные будут оценивать», «Точку ставить Вам», «Ваше слово завершит дело», «Только Вы можете вынести решение», «Только от Вас зависит...», «Будьте бдительны и ответственны», «Судьба подсудимого в Ваших руках», «Вы положите положить конец беспределу, который творится с Женей», «В Ваших руках находится жизнь человека», «Ваше решение- решение народа. Оно может

⁶ В то же время в интервью российские судьи, прокуроры и адвокаты, работающие в суде присяжных, выделяют следующие способы дополнительной мотивации присяжных:

- демонстрация уважения к присяжным (в том числе невербальная, например, вставание в момент их входа);
- выполнение обещаний по отношению к присяжным;
- оказание им помощи при разрешении конфликтов с начальниками, связанными с их участием в работе коллегии присяжных;
- создание комфортных условий при работе в суде (например, чайник в совещательной комнате);
- отсутствие спешки при рассмотрении дела;
- проверка того, насколько присяжные понимают происходящее (вопросы и дополнительные разъяснения);
- доброжелательный тон, взгляд в глаза при разъяснениях.

Судьи отмечают, что установление контакта с присяжными начинается уже во время процедуры отбора.

вернуть человека к жизни, а может сломать ее. Иногда незаслуженно», «Ваш вердикт обязателен для судьбы», «Общество по достоинству оценит исполнение Вами гражданского долга»).

- *Косвенное указание на ответственность и важность миссии присяжных*, например, судья просит присутствующих встать в тот момент, когда входят присяжные.

- *Указание на компетентность и объективность присяжных* («Вы напряженно работали», «Вы как взрослые люди», «Как Вы хорошо помните», «Никто не разобрался в деле лучше Вас», «Вы можете с должным вниманием и критикой отнестись», «Вы имеете способность анализировать доказательства как каждый порядочный человек», «И Вы прекрасно эту позицию понимаете», «Вы обладаете жизненным опытом», «У Вас хватит здравого смысла и опыта на принятие справедливого решения», «Я думаю, Вы будете руководствоваться умом и здравым смыслом, а не как на выборах», «В Вас не было равнодушия», «Вы терпеливо...», «Вы вынесите единственно правильный вердикт», «Я всматриваюсь в Ваши лица и понимаю, что Вы вынесите объективный вердикт»).

- *Указание на сложность задачи присяжных* («Перед Вами стоит трудная задача»).

- *Указание на независимость присяжных* («Присяжные — люди независимые»).

- *Указание на справедливость и совесть присяжных, законность их действий* («Вы не допустите, чтобы виновный избежал наказания, но и чтобы виновный был наказан», «У Вас хватит здравого смысла и опыта на принятие справедливого решения», «Коллегия присяжных была призвана защитой, так как подсудимый считал, что в его положении надо прибегнуть к справедливости людей, которые еще не очерствели душой»).

- *Апелляция к значимым для присяжных ценностям*, например, ценности человеческой жизни. Божьему суду и т.д. В частности, наблюдение за работой американских юристов показало, что они используют в своих заключительных речах указания на уникальность и величие американской правовой системы и ту роль, которую играют в ней присяжные, апеллируют к патриотизму («Все американцы однажды выполня-

ют роль присяжного», «Большинство американцев – хорошие люди») (Walter, 1988). Вместе с тем, российские адвокаты, выступавшие в суде присяжных до революции, часто апеллировали к чувству справедливости (Ивакина, 2002).

- *Выражение теплых чувств по отношению к присяжным* («Я всех присяжных помню и люблю», «Я преклоняюсь перед уважаемыми присяжными»).

Кроме того, к росту самооценки присяжных приводит забота о них (Гулевич, 2005).

- *Прямая забота* (обсуждение с присяжными графика работы; интерес к тому, есть ли у присяжных вопросы, а также фразы «Чтобы Вам было удобно», «Чтобы Вам было понятно», «Вам слышно?», «Господа присяжные, я вижу, Вы устали?», «Если перерыв нужен – не стесняйтесь», «Здоровье присяжных – это важно», «Начнем (демонстрацию документов) с запасных (присяжных), а то в прошлый раз их обошли», «Присяжные просят напомнить результаты экспертизы», «Отдыхайте», «Можете в свою комнату пройти или там душно? Ну Вам еще повезло», «Если нет вопросов, то мы свидетелей отпустим, и будет перерыв», «Продолжим ли мы сегодня слушание дела?», «Объявим перерыв, чтобы Вы успели спокойно пойти покушать»).

- *Косвенная забота* («Я должен ориентироваться на уважаемую коллегия», «Поясните, пожалуйста, присяжным», «Уточните фамилию... Присяжные заседатели слушают... На слух трудно воспринимать, может произойти путаница», «Вы туда встаньте, Вас присяжные слушают. Вы не мне отвечаете (судья свидетелю), «Давайте на обед прервемся, а то у нас присяжные без обеда. Полчаса хватит?» (судья сторонам).

- *Понимание чувств и мыслей присяжных* («Я понимаю, как Вам сложно», «Я понимаю, что все это тяжело»).

К аффективным характеристикам относится эмоциональное состояние аудитории. Оно определяет выбор реципиентом стратегии анализа информации:

- эмоционально возбужденные люди чаще используют эвристическую стратегию и реже систематическую, чем люди спокойные или подавленные;

- к использованию эвристической стратегии склонны

люди в хорошем настроении, а к использованию систематической — в плохом;

- люди уделяют большее внимание информации, соответствующей их настроению. Так, испуганные или злые люди обращают большее внимание на информацию, говорящую против подсудимого и поэтому чаще обвиняют его в совершенном преступлении, чем веселые.

В судебных процессах негативные эмоции - *страх или злость* могут быть результатом (Гулевич, 2005):

- указания на серьезный физический и материальный ущерб, нанесенный потерпевшему и его семье; описания нанесенных ранений, крови, использованного оружия);

- демонстрации фотографий убитой или тяжело раненой жертвы, сделанных на месте преступления (Vinson, 1986);

- описания ущерба, нанесенного обществу в целом;

- апелляций к возможным негативным последствиям, которые могут наступить, если аудитория не примет точку зрения коммуникатора («Если Вы скажете, что подсудимый невиновен, он выйдет из тюрьмы и совершит еще одно убийство»);

- включения в сообщения негативно эмоционально нагруженных слов, таких, как «преступность».

Включение в сообщение «запугивания» делает его более эффективными в том случае, если:

- аудитория еще не озабочена возможностью наступления негативных последствий или «запугивание» не очень интенсивно. В противном случае из-за высокой степени возбуждения реципиенты либо не поймут содержание сообщения, либо откажутся его обсуждать, не желая еще раз испытать возникшие чувства;

- из сообщения следует, что возможная опасность серьезна и приведет к большим потерям со стороны аудитории и значимых для них людей; вероятность наступления таких последствий велика; при игнорировании рекомендаций коммуникатора вероятность наступления таких последствий повышается; при использовании рекомендаций коммуникатора реципиенты могут избежать опасности.

Чувство жалости, возникающее у присяжных по отношению к потерпевшему или подсудимому, способно повлиять на

оценку намеренности их действий и на выбор меры наказания последнего. Способом формирования жалости является указание на ущерб, понесенный потерпевшим или подсудимым до, во время или после совершения преступления («Мистер Джонс был хорошим человеком, который не заслужил смерть») (Walter, 1988): оно способно улучшить отношение присяжных, если только ущерб не считается справедливым.

Способом формирования у аудитории *хорошего настроения* является юмор, а также включение в сообщение позитивно эмоционально нагруженных слов, таких, как «семья», «дружба», «надежда» и т.д. В ходе судебного процесса российские юристы используют два типа шуток (Гулевич, 2005):

- шутки, не связанные с содержанием рассматриваемого дела, которые используются, чтобы уменьшить страх, жалость и ненависть, владеющие присяжными, уменьшить влияние негативных эмоций на принятое решение («Я уже подумал – какой процесс популярный. Присяжные со стороны приходят». «Несмотря на происки железных дорог, мы сегодня собрались», «Буфет в суде – не Метрополь, но случаев отравления не было»);

- ирония по отношению к одному из участников процесса, приводящая к улучшению настроения аудитории на счет дискредитации одного из участников («Может она себе сама гематому на голове поставила?», «Вы и ее начали пугать битой по голове?», «Может быть у Вас были ссоры? Может машинку в детстве не поделили?»).

Таким образом, эффективность использования разных приемов убеждающей коммуникации во многом определяется особенностями аудитории.

VII. Каузальная атрибуция в судебных речах

Под каузальной атрибуцией понимается процесс приписывания причин поведению человека. Каузальная атрибуция возникает тогда, когда один человек, наблюдая за поведением другого, заинтересован в понимании причин, которые движут

последним. Он пытается угадать эти причины, основываясь на неполной информации о происходящем. Тенденция приписывать причины ярко проявляется, когда поведение человека необычно и социально нежелательно, а также когда наблюдатель придает ему большое значение.

Судебный процесс является местом, где приписывание причин происходит наиболее интенсивно. Совершение преступления, особенно связанного с покушением на жизнь человека, является для присяжных социально нежелательным и необычным поступком. Осознание присяжными личной значимости преступления достигается усилиями адвоката и прокурора, которые подчеркивают связь происшедшего с их личным опытом, безопасностью, восстановлением справедливости и т.д. Кроме того, присяжные, выступающие в роли наблюдателей, заинтересованы в понимании причин, которые привели к совершению преступления. Они пытаются понять эти причины, часто обладая при этом отрывочной или противоречивой информацией.

Когда речь заходит о каузальной атрибуции в зале суда, психологи, как правило, обращаются к двум моделям: «корреспондентного выведения» Э.Джонса и К.Девиса и анализа вариаций Г.Келли. Центральное понятие первой теории – **корреспондентное выведение** – касается суждений наблюдателя о чертах деятеля, которые лежат в основе его поведения. Этот процесс состоит из двух стадий: атрибуции намерений и атрибуции диспозиций (рис.7.4).

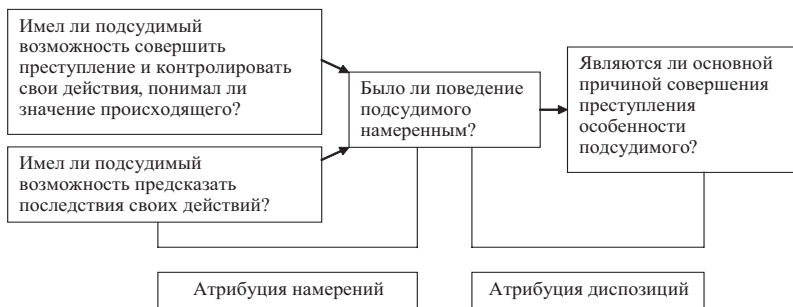

Рисунок 7.4. Модель корреспондентного выведения

Атрибуция намерений. Согласно этой модели, первая стадия каузальной атрибуции — это вынесение суждения о намеренности поведения подсудимого. Для решения о том, что подсудимый действовал намеренно, присяжный должен прийти к заключению, что он знал о последствиях своих действий, и у него было достаточно способностей для их совершения. Оценка намеренности поведения снижается и в том случае, если, по мнению присяжных, подсудимый не имел возможности совершить поступок или предсказать последствия своих действий.

Атрибуция диспозиций. После вынесения суждения о намеренности присяжный принимает решение о личностных особенностях подсудимого, спровоцировавших его на совершение преступления. Вынесение им решения о намеренности поведения подсудимого приводит к приписыванию ему соответствующей негативной личностной черты (злости, корысти и т.д.) Таким образом, то, с какой вероятностью личностные особенности подсудимого рассматриваются присяжными как основная причина совершения преступления, во многом определяется тем, в какой степени ему приписываются сознательные намерения. Поэтому для того, чтобы присяжные посчитали поведение подсудимого намеренным и производным от его негативных личностных черт, юрист может предоставить им соответствующую информацию, например, описание социально неодобряемых намерений подсудимого (напр., желание получить деньги, не прилагая для этого усилий). Вместе с тем, для вынесения решения о ненамеренности и отсутствии негативных личностных черт присяжные должны знать о социально одобряемых намерениях подсудимого, о его нежелании совершить преступление («Мой клиент не скрылся с места преступления, а побежал за помощью») (*Saks, Hastie, 1978*).

Таким образом, в рамках этой модели описывается, при каких условиях присяжные объясняют совершение преступления наличием у подсудимого определенных личностных особенностей.

Однако приписывание совершения преступления личностным особенностям подсудимого — не единственное возможное направление каузальной атрибуции. Присяжные также могут объяснять его совершение с помощью характеристик потерпевшего и других сопутствующих обстоятельств, что учтено во второй из указанных теорий — **модели анализа вариаций**, автором которой является Г.Келли.

Вынесение суждения в соответствии с **моделью анализа вариаций** требует от присяжных хорошего знания того, каким образом подсудимый вел себя в прошлом и отличается ли его поведение от поведения других людей. Эта информация может быть получена ими, например, из показаний свидетелей.

Вынося суждение о причинах совершения преступления, люди отвечают на три вопроса. Применительно к судебному процессу они звучат следующим образом:

- подсудимый совершил преступление в отношении только данного потерпевшего или он совершал преступление и раньше?

- как поступили бы на месте подсудимого другие люди?

- совершал ли подсудимый в других ситуациях иные поступки, нарушающие моральные нормы или закон?

Характер ответов на эти вопросы определяет причину, которую присяжные приписывают поведению подсудимого. Келли выделял три типа возможных причин: личностные (особенности подсудимого), объектные (характеристики потерпевшего) и обстоятельственные (условия развития подсудимого и обстоятельства, сопутствующие совершению преступления).

Знание о закономерностях каузальной атрибуции позволяет адвокату и прокурору составить свое выступление таким образом, чтобы присяжные смогли получить всю информацию, необходимую им для определенного вывода относительно причины совершения преступления. В частности, Д.Винсон приводит пример того, каким образом, благодаря усилиям сторон, эта информация попадает к присяжным (Vinson, 1986). Этот пример связан с уголовным делом, обвиняемой в котором выступала молодая девушка из хорошей

семьи, похищенная членами молодежной террористической группировки и неожиданно для всех принявшая участие в организованном ими ограблении банка.

Ее адвокат в своем выступлении на суде продемонстрировал, что она:

- совершила ограбление только этого банка (она никогда не грабила банки до этого момента, никогда не совершала серьезных краж);

- вела себя так, как повели бы себя в ее положении большинство людей (каждый бы принял участие в совершении преступления под дулом пистолета);

- в прошлом была законопослушным, приятным человеком (была воспитанной, обязательной и законопослушной молодой женщиной).

Цель такой информации – вызвать обстоятельную или объектную атрибуцию.

С другой стороны, прокурор рассказал, что эта девушка:

- совершала кражи в других местах (в возрасте 17 лет совершила кражу из магазина);

- вела себя не так, как поступило бы в ее положении большинство нормальных людей (нормальный человек не стал бы направлять оружие на кассира ни при каких обстоятельствах);

- в прошлом являлась источником проблем для окружающих (доставляла массу неприятностей своим родителям и учителям, в возрасте 18 лет попала в полицию за распитие спиртных напитков в Вашингтонском парке и однажды посетила митинг, где выступал один из захвативших ее позднее террористов).

Цель такой информации – вызвать личностную атрибуцию.

Важность знания и применения закономерностей каузальной атрибуции в судебном контексте связана с существованием так называемой «фундаментальной ошибки атрибуции», которая заключается в систематической переоценке наблюдателем степени влияния на поведение особенностей деятеля и недооценке ситуационных факторов. Это означает,

что люди спонтанно склонны приписывать причину поведения подсудимого его личным особенностям, а не характеристикам потерпевшего или ситуации. Получение присяжными полной информации о прошлом подсудимого и его намерениях, а также о поведении потерпевшего может способствовать устранению этой «ошибки».

VIII. Проблемы изучения убеждающей коммуникации в зале суда

Изучение убеждающей коммуникации в суде наталкивается на ряд проблем.

Первая из них связана со способом изучения судебной коммуникации. Большинство закономерностей, учитывающихся при психологической подготовке юристов для участия в судебном процессе, было выявлено вне судебного контекста. В основе их использования в зале суда лежит предположение о принципиальной подобии судебной коммуникации другим ее формам. Несмотря на разумность этого предположения, его принятие закрывает возможность изучения коммуникативных техник, специфичных для судебного контекста. Ряд авторов указывают на диалогичность судебной коммуникации. В качестве участников такого диалога выделяются как профессиональные (адвокат, прокурор, судья), так и непрофессиональные участники судебного процесса (присяжные, свидетели, эксперты, подсудимый, потерпевший). Одним из ярких проявлений диалогичности судебной речи является возникновение в ходе судебного процесса особых ситуаций взаимодействия между прокурором, адвокатом и судьей. Эти ситуации характеризуются устойчивым направлением коммуникации между участниками. В одной из них основной диалог идет между прокурором, судьей и присяжными, а адвокат фактически игнорируется. Целями изучения таких ситуаций могут стать влияние, которое они оказывают на решение присяжных и на их отношение к каждому из участников, а также эффективные способы выхода из них.

Вторая проблема изучения коммуникации в суде связана с особым представлением об аудитории. Большинство исследований, посвященных убеждающей коммуникации, было проведено с участием «наивных» испытуемых, чей род занятий не связан с содержанием сообщения. В качестве типичных примеров экспериментальных сообщений, как правило, выступают рекламные описания продукции, предвыборные речи политиков, сообщения о готовящихся реформах образования при условии, что роль аудитории отводится студентам. Применение полученных таким образом закономерностей в суде присяжных частично оправдано тем, что члены коллегии в некотором смысле идентичны «наивным» испытуемым: среди них редко попадаются люди, работающие в правовой системе. Однако объектом судебной коммуникации, осуществляемой адвокатом и прокурором, являются не только они, но и профессиональные судьи. Поэтому дальнейшим направлением изучения судебной коммуникации может стать выявление различий между присяжными и судьями в подверженности воздействию, осуществляемому сторонами.

Третья проблема связана с использованием результатов изучения убеждающей коммуникации в рамках судебного процесса. В этой главе мы говорили о том, что одним из условий эффективной коммуникации является наличие обратной связи, которая дает коммуникатору возможность оценить степень, в которой его сообщение было понято и принято слушателями. Каналами обратной связи в зале суда являются вопросы, которые присяжные задают разным участникам судебного процесса, а также их невербальное поведение. Однако вопросы относительно редки, а невербальное поведение часто маловыразительно и трудно поддается интерпретации. Кроме того, анализ невербального поведения позволяет сделать предположение, скорее, о степени внимательности аудитории, а не о понимании ими содержания выступления или согласия с ним. Еще труднее определить, какой способ анализа сообщения используют присяжные. А ведь именно он определяет эффективность целого ряда коммуникативных техник. Таким

образом, дальнейшим направлением изучения судебной коммуникации может стать создание системы анализа обратной связи, получаемой от присяжных.

Четвертая проблема исследований коммуникации в зале суда заключается в отсутствии интереса к тому, как оценивают эффективность описанных выше психологических приемов профессиональные юристы, работающие в суде присяжных. Немногочисленные исследования показывают, что, они достаточно хорошо осведомлены о важности некоторых факторов. Например, интервью, проведенные в 2005 г., показали, что судьи, прокуроры и адвокаты указывают на эффективность следующих приемов.

- Для разъяснения доказательств и правовых норм:

- поэпизодное предъявление доказательств (в случае, если подсудимому инкриминируется несколько эпизодов преступлений);
- вызов в суд «живых» свидетелей и экспертов;
- упрощение языка объяснений, исключение из них специальных терминов;
- демонстрация присяжным схем, фототаблиц, вещественных доказательств, кроме фотографий трупа;
- повтор информации;
- примеры, особенно связанные с личным опытом присяжных за пределами суда;
- шутки, улучшающие настроение присяжных;
- изменение громкости речи и интонации, насмешливый взгляд в сторону оппонента или его свидетеля.

- Для самопрезентации сторон:

- хорошее знание материалов дела;
- спокойная манера поведения, избегание конфликтов, особенно с судьей;
- аккуратная одежда, отсутствие дорогих вещей.

- Для презентации подсудимых, потерпевших, свидетелей:

- ознакомление свидетелей перед допросом в зале суда с их показаниями в ходе предварительного следствия для того, чтобы сделать их выступление более уверенным;
- указание на незаинтересованность выступающего, соот-

ветствие его показаний другим материалам дела, его компетентность, например, стаж работы;

- постановка вопросов, цель которых выявить несоответствие в показаниях свидетеля, подсудимого, потерпевшего;
- прямое указание на то, что свидетель, подсудимый, потерпевший лжет или на несоответствие его показаний другим материалам дела;
- косвенное указание на неискренность выступающего (обращение внимания присяжных на дергающиеся руки, неуверенность свидетеля, подсудимого, потерпевшего, или наоборот на его слишком гладкие и четкие показания, его нежелание прийти в суд);
- косвенное указание на наличие у подсудимого криминального опыта;
- предварительная работа с манерой поведения подсудимых (обучение бесконфликтному стилю общения с участниками процесса), потерпевших (обучение публичному выражению негативных эмоций), свидетелей (уменьшение эмоционального возбуждения перед допросом);
- предварительная работа с внешним видом подсудимого, потерпевшего, свидетелей (аккуратная и недорогая одежда, трезвое состояние).

В заключение необходимо отметить, что влияние сторон на вердикт присяжных не настолько сильно, как принято считать, и имеет некоторые ограничения. Их наличие было продемонстрировано в одном игровых судебных процессов, где проводилось наблюдение за вердиктом присяжных (*Diamond et al., 1996*). Его результаты показали, что:

- в ходе обсуждения вердикта люди действительно вспоминают об адвокате и прокуроре. Однако чаще всего они обсуждают мнение сторон по поводу определенных доказательств, дела в целом, а также свое мнение о юристах, не принимающих участие в данном судебном процессе. Вместе с тем, индивидуальные особенности и уровень оплаты юристов обсуждаются гораздо реже;

- вступительные речи адвоката и прокурора оказывают влияние на мнение присяжных. Однако оно постоянно изме-

няется по ходу судебного процесса под действием показаний свидетелей, экспертов и других доказательств;

- оценка адвоката и прокурора зависит от того, насколько активно они ведут перекрестный допрос. Однако стиль допроса не оказывает влияния на вердикт.

Эти результаты еще раз подчеркивают, что основа вердикта присяжных — это доказательства, которыми располагают участники судебного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аминов И.И.* Занимательная психология для юристов. — М., 2001.
- Анциферова Л.И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. №3. С.5-17.
- Баранов П.П.* Профессиональное правосознание работников ОВД. — М., 1991.
- Баранов П.П.* Теория систем и системный анализ правосознания личного состава ОВД. — Ростов-на-Дону, 1997.
- Беличева С.А.* Основы превентивной психологии. — М., 1993.
- Белобородов А.Г.* Особенности образа права в структуре правового сознания преступников // Актуальные проблемы правосознания в современной России. Сборник научных трудов/Под ред. Ефремовой Г.Х. — М., 2005. Часть 2. С. 21-33.
- Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 2000.
- Валицкас Г., Юстицкис В.* Соответствие поведения судей требованиям процедурной справедливости (на примере литовского судопроизводства) // Психологический журнал. 2006. №4. С. 95-105.
- Васильева Ю.А.* Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психологический журнал. 1997. Т. 18. №2. С.58-78.
- Верстова М.В.* Правовые представления личности с различной установкой к участию в суде присяжных. Автореферат на соискание ученой степени кандидата психологических наук. — Краснодар, 2007.
- Виноградова Л.В.* Интеллектуальный контроль как способ интерпретации эмоционально-трудных жизненных ситуаций // Психологический журнал. 2004. № 6. С. 21-28.
- Власенко Е.* Влияние стиля поведения судьи на решение присяжных. Дипломная работа. ИП РГГУ, 2005.
- Воловикова М.И.* Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. 2004. №5. С. 16-24.
- Волькенштейн Н.М., Коган-Ясный В.В.* (составители). Отношение к проблеме смертной казни: исследование, проведенное фирмой «Validata

Yanklovich» по заказу общества против смертной казни и пыток «Право на жизнь». — М., 1994.

Гайнер М.Л. Правосознание подростков. — М., 1998.

Гольничик Е.О. Атрибуция присяжными заседателями ответственности за преступление // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2002. №1. С.16-24.

Грошев А.В. Уголовный закон и правосознание. — Екатеринбург, 1994.

Гулевич О.А. Влияние типа преступления на оценку степени ответственности и вины преступника и жертвы // Сборник трудов Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ. 2001. Вып. 1. С. 233-248.

Гулевич О.А. Господа присяжные заседатели: размышления психолога // Общественные науки и современность. 1996. №5. С. 101-106.

Гулевич О.А. Обыденные представления о справедливости: бизнес, политика, юриспруденция. — М.: Аспект Пресс, 2008.

Гулевич О.А. Поведение в правовой сфере и социальные установки (на примере участия в работе коллегии присяжных) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. №3. С.129-136.

Гулевич О.А. Правосознание и правовая социализация. — М., 2003.

Гулевич О.А. Представления людей об убийстве и работников правовых институтов как результат правовой социализации // Журнал психологического общества им. Л.С. Выготского. 2000. №1. С.64-73.

Гулевич О.А. Социальные представления о преступлениях в межличностной и массовой коммуникации // Вопросы психологии. 2001. №4. С.53-67.

Гулевич О.А. Теоретический анализ и опыт эмпирического исследования правосознания как совокупности социальных представлений о праве // Мир психологии. 1999. №3. С.120-131.

Гулевич О.А. Убеждающая коммуникация в судебном процессе // Культурно-исторический подход и исследование процессов социализации. — М., 2005. С. 24-46.

Гулевич О.А. Атрибуция ответственности и вины преступника и жертвы // Психологический журнал. 2006. №3. С. 68-77.

Гулевич О.А., Гольничик Е.О. Взаимосвязь представлений о справедливости с поведением в правовой сфере // Правовед, вып. 5. С. 6-17. — Великий Новгород, 2004.

Гулевич О.А., Гольничик Е.О. Обыденные представления о справедливости правовых решений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. №2. С. 119-125.

Гулевич О.А., Дьяконов Т.Ю. Стереотипы маргинальных групп в средствах массовой информации (по материалам статей в российских газетах 1999-2001 годов) // Воображение и творчество в образовании и профессиональной деятельности. – М., 2004. С. 28-50.

Долгова А.И. Изучение правового сознания несовершеннолетних // Правовая культура и вопросы правового воспитания/Под ред. А.Д. Бойкова, В.И. Каминской, А.Р. Ратинова, В.В. Степанова, А.С. Шляпочникова. – М., 1974. С. 197–206.

Ефремова Г.Х. Правовые установки и ориентации молодых правонарушителей // Правовая культура и вопросы правового воспитания/Под ред. А.Д. Бойкова, В.И. Каминской, А.Р. Ратинова, В.В. Степанова, А.С. Шляпочникова. – М., 1974. С. 121–136.

Ефремова Г.Х., Кроз М.В., Ратинов А.Р., Симонов А.К. Средства массовой информации и судебная власть в России. – М., 1998.

Знаков В.В. Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психологический журнал. 2004. №1. С. 41-51

Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). – М., 2002.

Каминская В.И., Константинова Н.Я., Носкова Н.А., Ратинов А.Р. Характеристика правосознания различных групп населения // Правовая культура и вопросы правового воспитания/Под ред. А.Д. Бойкова, В.И. Каминской, А.Р. Ратинова, В.В. Степанова, А.С. Шляпочникова. – М., 1974. С. 85–107.

Каминская В.И., Михайловская И.Б. Общественное мнение о правосудии по уголовным делам // Под ред. А.Д. Бойкова, В.И. Каминской, А.Р. Ратинова, В.В. Степанова, А.С. Шляпочникова. – М., 1974. С. 215-222.

Карнозова Л.М. Возрожденный суд присяжных: замысел и проблемы становления. – М., 2000.

Кассин С.М., Хихель К.Л. Социальная психология лжепризнаний: согласие, интернализация и конфабуляция // Солсо Р, Маклин К. Эксперимент: планирование, контроль, проведение, анализ. – СПб. – М., 2003.

Кудрявцев И.А., Морозова Г.Б., Потнин А.С., Корзякова А.Д., Семенова О.Ф. Психологический анализ смыслообразующих факторов делинквентного поведения подростков // Психологический журнал. 1996. Т. 17. №5. С.76-89.

Кудрявцев И.Ф., Семенова О.Ф. Смысловая сфера несовершеннолетних с психическими расстройствами, совершивших насильственные преступления // Психологический журнал. 2002. №3. С. 54-62.

Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. – М., 2000. С. 112-131.

Кузьминский Е.Ф., Мазаев Ю.Н., Михайловская И.Б. Преступность: что мы знаем о ней. Милиция: что мы думаем о ней. – М., 1994.

Купленский А.А. Физическое насилие в деятельности работников уголовного розыска: реальность и самооценка // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием/Под ред. А.В. Ивашенко. – Омск, 1996. С. 114–124.

Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М. Образы права в России и Франции. – М., 1996.

Масагутов Р.М., Ениколопов С.Н. Показатели агрессивности у заключенных юношей с различным статусом в неформальной иерархии воспитательной колонии // Психологический журнал. 2004. №1. С.119–124.

Материалы Общества защиты осужденных хозяйственников. Стенограммы игровых коллегий присяжных. – М., 1993. (рукопись).

Меграбян А. Психодиагностика невербального поведения. – СПб., 2001.

Мельникова Э.Б., Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция – охранительная и восстановительная. – М., 2002.

Московичи С. (ред.) Социальная психология. – СПб.: Питер, 2007.

Муздыбаев К. Завистливость личности // Психологический журнал. 2002. №6. С. 38–50.

Муздыбаев К. Эгоизм личности // Психологический журнал. 2000. №2. С. 27–39.

Николаева О.П. Правовая и моральная зрелость личности // Субъект и социальная компетентность личности. – М., 1995. С. 109–137.

Николаева О.П. Сравнительный анализ развития правового сознания (в условиях различных государств) // Психология личности в условиях социальных изменений. – М., 1993.

Новоселова А.С. Психолого-педагогические основы взаимодействия убеждения и внушения как условие ресоциализации личности осужденных: теория и технология. – М., 2001.

Нуркова В.В., Василевская К.Н. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации: новые феномены // Вопросы психологии. 2003. №5. С. 93–102.

Петрова Е.А. Психологические детерминанты обвинительной установки и эффективность судопроизводства. Автореферат на соискание ученой степени кандидата психологических наук. – М., 2003.

Пирожков В.Ф. Криминальная психология. Книга первая: психология подростковой преступности. – М., 1998.

Пирожков В.Ф. Криминальная психология. Книга вторая: Подросток в условиях социальной изоляции. – М., 1998.

Пристанская О.В., Юцкова Е.М. Методика криминологического изучения правосознания и общественного мнения о преступности. – М., 1990.

Рашинов А.Р. Структура и функции правового сознания // Правовая культура и вопросы правового воспитания/Под ред. А.Д. Бойкова, В.И. Каминской, А.Р. Рашинова, В.В. Степанова, А.С. Шляпочникова. – М., 1974. С. 178-187.

Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – Питер, 2002.

Светельщук А.В. Влияние психологической структуры прений на решение о доказанности преступления и виновности подсудимого. Дипломная работа, ИП РГГУ, 2005.

Семенова О.Ф. Особенности смысловой сферы несовершеннолетних с психическими расстройствами, совершивших насильственные правонарушения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. – М., 2001.

Серебрякова В.А. Отношение граждан к различным видам преступлений // Криминологические проблемы правосознания и общественное мнение о преступности/Под ред. И.И. Карпец, И. Незкусила. – М.; Прага, 1986. С. 141-149.

Славская А.Н. Личностная интерпретация правовых отношений в контексте российского менталитета // Психологический журнал. 2004. №6. С. 12-20.

Соколов Н.Я. Профессиональное правосознание юристов. – М., 1988.

Солдатенков А.Н. Образ сотрудника ОВД у различных социальных групп. Диплом, защищенный на кафедре социальной психологии МГУ, 2000.

Сорокотягин И.Н. Юридическая психология. – Свердловск, 1988.

Степанова А.С. Связь родительского отношения с моральным развитием подростков. Курсовая работа. ИП РГГУ, 2004.

Степанова А.С. Связь эмоционального интеллекта, типов межличностного отношения и социально-психологической адаптации: сравнительный анализ заключенных и законопослушных подростков. Дипломная работа. ИП РГГУ, 2005.

Сугавара И., Хо Ю.Д. Разрешение споров в Японии: межкультурное исследование модели чистоты процедуры // Солсо Р., Маклин К. Эксперимент: планирование, контроль, проведение, анализ. – СПб.-М., 2003.

Трушков И.Н. Социокультурные особенности отношения к закону. – СПб., 1995.

Фарбер И. Правосознание как форма общественного сознания. – М., 1963.

Хомякова Е.С. Влияние образа жертвы на готовность совершить преступление. Дипломная работа. ИП РГГУ, 2005.

Чернецкая О.В. Методические проблемы изучения представлений об изнасиловании. Диплом, защищенный на кафедре социальной психологии МГУ, 2000.

Шушунова Т.В. Преступность несовершеннолетних и превентивные стратегии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. №4. С. 112-128.

Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. – М., 1998.

Щегорцев В.А. Социология правосознания. – М., 1981.

Экман П. Психология лжи. – СПб., 1999. С. 134-169.

Abbey A., Clinton-Sherrod A.M., McUslan P., Zawacki T., Buck P.O. The relationship between the quantity of alcohol consumed and the severity of sexual assaults committed by college men // Journal of Interpersonal Violence. 2003. Vol.18. P.813-833.

Abeles P., Morton J. Avoiding misinformation: reinstating target modality // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1999. Vol.52. P.581-592.

Abwender D.A., Hough K. Interactive effects of characteristics of defendant and mock juror on U.S. participants' judgment and sentencing recommendations // The Journal of Social Psychology. 2001. Vol.141. P.603-615.

Akers R.L. Deviant behavior. A social learning approach. Belmont (Cal.), Wadsworth, 1973.

Akers R.L., Krohn M.D., Lanza-Kaduce L., Radosevich M. Social learning and deviant behavior: a specific test of a general theory // American Sociological Review. 1979. Vol.44. P.636-655.

Akers R.L., La Greca A.J., Sellers C., Cochran J. Fear of crime and victimization among the elderly in different types of communities // Criminology. 1987. Vol.25. P.487-505.

Al-Ansari E.M. Effects of gender and education on the moral reasoning of Kuwait university students // Social Behavior and Personality. 2002. Vol.30. P.75-82.

Albonetti C.A. The integration of theories to explain judicial discretion // Social Problems. 1991. Vol.38. P.247-266.

Alicke M.D. Culpable control and the psychology of blame // Psychological Bulletin. 2000. Vol.126. P.556-574.

Alison L., Keibell M., Lewis P. Considerations for experts in assessing the credibility of recovered memories of child sexual abuse. The importance of maintaining a case-specific focus // Psychology, Public Policy, and Law. 2006. Vol.12. P.419-441.

Allwood C.M., Knutsson J., Granha G.P.A. Eyewitnesses under influence: how feedback affects the realism in confidence judgements // *Psychology, Crime & Law*. 2006. Vol.12. P.25-38.

Amerio P., Roccato M. A predictive model for psychological reactions to crime in Italy: an analysis of fear of crime and concern about crime as a social problem // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2005. Vol.15. P.17-28.

Amerio P., Roccato M. Psychological reactions to crime in Italy // *Journal of Community Psychology*. 2007. Vol.35. P.91–102.

Anastasi J.S., Rhodes M.G. Evidence for an own-age bias in face recognition // *North American Journal of Psychology*. 2006. Vol.8. P.237-252.

Anderson R.A., Otto A.L. Perceptions of fairness in the justice system: a cross-cultural comparison // *Social Behavior and Personality*. 2003. Vol.31. P.557-564.

Andsager J.L., Austin E.W., Pinkleton B.E. Questioning the value of realism: young adults' processing of messages in alcohol-related public service announcements and advertising // *Journal of Communication*. 2001. Vol.51. P.121-142.

Antonio M.E. Arbitrariness and the death penalty: how the defendant's appearance during trial influences capital jurors' punishment decision // *Behavioral Sciences and the Law*. 2006. Vol.24. P.215-234.

Armour M.P. Journey of family members of homicide victims: a qualitative study of their posthomicide experience // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2002. Vol.72. P.372–382.

Armstrong T.A. The effect of environment on the behavior of youthful offenders. A randomized experiment // *Journal of Criminal Justice*. 2002. Vol.30. P.19– 28.

Arnold M.L. Stage, sequence, and sequels: changing conceptions of morality, post-Kohlberg // *Educational Psychology Review*. 2000. Vol.12. No.4. P.365-383.

Aromaki A. S., Haebich K. Lindman R.E. Age as a modifier of sexually aggressive attitudes in men // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2002. Vol.43. P.419-423.

Aschermann E., Mantwill M., Kohnken G. An independent replication of the effectiveness of the cognitive interview // *Applied Cognitive Psychology*. 1991. Vol.5. P.489-495

Austin W. Justice, freedom and self-interest in intergroup conflict // *The social psychology of intergroup relations/Ed.by W.G. Austin, S.Worchel*. Monterey, California, 1979. P.121–143.

Babinski L.M., Hartsough C.S., Lambert N.M. Childhood conduct problems, hyperactivity-impulsivity, and inattention as predictors of adult criminal activity // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 1999. Vol.40. P.347-355.

Baek H.J. A comparative study of moral development of Korean and British children // *Journal of Moral Education*. 2002. Vol.31. No.4. P.373-391.

Bain S.A., Baxter J.S., Fellowes V. Interacting influences on interrogative suggestibility // *Legal and Criminological Psychology*. 2004. Vol.9. P.239–252.

Baldwin J., McConville M. Does the composition of an English jury affect its verdict? // *Judicature*. 1980. Vol.64. P.133-139.

Barber N. Single parenthood as a predictor of cross-national variation in violent crime // *Cross-Cultural Research*. 2004. Vol.38. P.343-358.

Bartlett J.C., Leslie J.E. Aging and memory for faces versus single views of faces // *Memory and Cognition*. 1986. Vol.14. P.371-381.

Barnett M.A., Quackenbush S.W., Sinisi C.S. The role of critical experiences in moral development: implications for justice and care orientations // *Basic and Social Psychology*. 1995. Vol.77. P.137-152.

Baron S.W., Forde D.R. Street youth crime: a test of control balance theory // *Justice Quarterly*. 2007. Vol.24. P.335-355.

Bartolomey D. Cross-racial identification testimony and what not to do about it. A comment on the cross-racial jury charge and cross-racial expert identification testimony // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2001. Vol.7. P.247-252.

Banks T., Dabbs J.M. Salivary testosterone and cortisol in a delinquent and violent urban subculture // *The Journal of Social Psychology*. 1996. Vol.136. P.49-56.

Beelmann A., Bliesener T., Losel F. Dimensions of impulsivity and their relation to antisocial behavior in male adolescents // *Forensic Psychology and Law: Traditional Questions and New Ideas*. Edited by A. Czerederecka, T. Jaskiewicz-Obydzinska, Cikiewicz J.W. Krakow, 2000. P.49-57.

Begany J.J., Milburn M.A. Psychological predictors of sexual harassment: authoritarianism, hostile sexism, and rape myths // *Psychology of Men & Masculinity*. 2002. Vol.3. P.119–126.

Bell B.E., Loftus E.F. Vivid persuasion in the courtroom // *Journal of Personality Assessment*. 1985. Vol.49. P.659-664.

Benton T.R., Ross D.F., Bradshaw E., Thomas W.N., Bradshaw G.S. Eyewitness memory is still not common sense: comparing jurors, judges and law enforcement to eyewitness experts // *Applied Cognitive Psychology*. 2006. Vol.20. P.115-129.

Berger J.D., Herringer L.G. Individual differences in eyewitness recall accuracy // *The Journal of Social Psychology.* 1991. Vol.131. P.807-813.

Berman G.L., Cutler B.L. Effects of inconsistencies in eyewitness testimony on mock-juror decision making // *Journal of Applied Psychology.* 1996. Vol.81. P.170-177.

Berndsen M., Manstead A.S.R. On the relationship between responsibility and guilt: antecedent appraisal or elaborated appraisal? // *European Journal of Social Psychology.* 2007. Vol.37. P.774-792.

Berry D.S., Zebrowitz & McArthur L. What's in a face? Facial maturity and the attribution of legal responsibility // *Personality and Social Psychology Bulletin.* 1988. Vol.14. P.23-33.

Bersoff D.M., Miller J.G. Culture, context, and the development of moral accountability judgments // *Developmental Psychology.* 1993. Vol.29. P.664-676.

Bishop G., Tuchfarber A., Oldendick R. Opinions on fictitious issues: the pressure to answer survey questions // *Public Opinion Quarterly.* 1986. Vol.50. P.240-250.

Bjorklund F. Differences in the justification of choices in moral dilemmas: effects of gender, time pressure and dilemma seriousness // *Scandinavian Journal of Psychology.* 2003. Vol.44. P.459-466.

Bjorklund D.F., Casse W.S., Bjorklund B.R., Brown H.D., Park C.L., Ernst K., Owen F.A. Social demand characteristics in children's and adults' eyewitness memory and suggestibility: the effect of different interviewers on free recall and recognition // *Applied Cognitive Psychology.* 2000. Vol.14. P.421-433.

Bjorkqvist K., Osterman K., Kaukiainen A. Social intelligence-empathy aggression? // *Aggression and Violent Behavior.* 2000. Vol.5. P.191-200.

Blaauw E., Winkel F.W., Vermunt R. Justice in the criminal justice and their antecedents and consequences in a jail population // *Forensic psychology and law: traditional questions and new ideas/Ed. by A.Czerederecka, T. Jaskiewicz-Obydzinska, J.W.Cikiewicz.* Krakow, 2000. P.287-296.

Blackwell B.S., Piquero A.R. On the relationships between gender, power control, self-control, and crime // *Journal of Criminal Justice.* 2005. Vol.33. P.1-17.

Blake P.J., Heesacker M., Marks L.I. Judgments regarding rape: a comparison of rape counselors, police, hospital staff and citizens // *Journal of Social and Clinical Psychology.* 1993. Vol.12. P.248-261.

Blanck P.D. Calibrating and scales of justice: studying judges' behavior in bench trials // *Indiana Law Journal.* 1993. Vol.68. P.1119-1198.

Blechman E.A., Vryan K.D. Prosocial family therapy: a manualized preventive intervention for juvenile offenders // *Aggression and Violent Behavior.* 2000. Vol.5. P.343-378.

Block G. The moral reasoning of believers in animal rights // *Society & Animals*. 2003. Vol.11. P.167-180.

Bock E.W., Frazier C.E. The combined effects of offense and demeanor on bond decisions: basis of official typifications // *The Journal of Social Psychology*. 1984. Vol.123. P.231-244.

Bodenhausen G.V. Stereotypic biases in social decision making and memory: testing process models of stereotype use // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol.55. P.726-737.

Bodenhausen G.V., Kramer G.P., Susser K Happiness and stereotypic thinking in social judgment // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol.66. P.621-632.

Bodenhausen G.V., Wyer R.S.Jr. Effects of stereotypes on decision-making and information-processing strategies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. Vol.48. P.267-282.

Bohm R.M., Vogel B.L. More than ten years after: The long-term stability of informed death penalty opinions // *Journal of Criminal Justice*. 2004. Vol.32. P.307– 327.

Bohner G., Jarvis C.I., Eyssel F., Siebler F. The causal impact of rape myth acceptance on men's rape proclivity: comparing sexually coercive and noncoercive men // *European Journal of Social Psychology*. 2005. Vol.35. P.819-828.

Bohner G., Lampridis E. Expecting to meet a rape victim affects women's self-esteem: the moderating role of rape myth acceptance // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2004. Vol.7. P.77–87.

Bohner G., Siebler F., Raaijmakers Y. Salience of rape, affects self-esteem: individual versus collective self-aspects // *Group Processes and Intergroup Relations*. 1999. Vol.2. P.191–199.

Bond Jr. C.F., Thomas B.J., Paulson R.M. Maintaining lies: the multiple-audience problem // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2004. Vol.40. P.29–40.

Boon J.C.W., Baxter J.S. Minimizing extraneous, interviewer-based interrogative suggestibility // *Legal and Criminological Psychology*. 2004. Vol.9. P.229–238.

Bordel S., Guingouain G., Somat A. Objective and subjective responsibility in a judicial context // *Swiss Journal of Psychology*. 2006. Vol.65. P.227-235.

Bore M., Munro D., Kerridge I., Powis D. Libertarian and communitarian moral orientations and Schwartz's individual and collective value types // *Australian Journal of Psychology*. Supplement. 2003. P.35.

Bornstein B.H. The Impact of different types of expert scientific testimony on mock jurors' liability verdicts // *Psychology, Crime & Law*. 2004. Vol.10. P.429-446.

Bornstein B.H., Miller M.K., Nemeth R.J., Page G.L., Musil S. Juror reactions to jury duty: perceptions of the system and potential stressors // Behavioral Sciences and the Law. 2005. Vol.23. P.321–346.

Bouffard J.A. The influence of emotion on rational decision making in sexual aggression // Journal of Criminal Justice. 2002. Vol.30. P.121–134.

Brannen D.N., Zapf P.A., Salekin R.T., Jay J., Salekin K.L., Kubak F.A., DeCoster J. Transfer to adult court. A national study of how juvenile court judges weigh pertinent Kent criteria // Psychology, Public Policy, and Law. 2006. Vol.12. P.332-355.

Branscombe N.L., Weir A. Resistance as stereotype consistency: consequences for judgements of rape victims // Journal of Social and Clinical Psychology. 1992. Vol.11. P.80-102.

Brekke N., Borgida E. Expert psychological testimony in rape trials: a social-cognitive analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. Vol.55. P.372-386.

Brems C., Wagner P. Blame of victim and perpetrator in rape versus theft // The Journal of Social Psychology. 1994. Vol.134. P.363–374.

Brewer N. Uses and abuses of eyewitness identification confidence // Legal and Criminological Psychology. 2006. Vol.11. P.3-23.

Brewer N., Potter R., Fischer R.P., Bond N., Luszcz M.A. Beliefs and data on the relationship between consistency and accuracy of eyewitness testimony // Applied Cognitive Psychology. 1999. Vol.13. P.297-313.

Brewer N., Wells G.L. The confidence-accuracy relationship in eyewitness identification: effects of lineup instructions, foil similarity, and target-absent base rates // Journal of Experimental Psychology: Applied. 2006. Vol.12. P.11-30.

Bridges G.S., Steen S. Racial disparities in official assessments of juvenile offenders: attributional stereotypes as a mediating mechanism // American Sociological Review. 1998. Vol.63. P.554–570.

Brigham J.C., Berkowitz P. Do they all look alike? The effect of race, sex, experience and attitudes on the ability to recognize faces // Journal of Applied Psychology. 1978. Vol.8. P.306-318.

Brigham J.C., Malpass R.S. The role of experience and contact in the recognition of faces of own- and other-race persons // Journal of Social Issues. 1985. Vol. 41. P.139-155.

Brockner J., Ackerman G., Greenberg J., Gelfand M.J., Francesco A.M., Chen Z.X., Leung K., Bierbrauer G., Gomez C., Kirkman B.L., Shapiro D. Culture and procedural justice: the influence of power distance on reaction to voice // Journal of Experimental Social Psychology. 2001. Vol.37. P.300–315.

Brodsky S.L., O'Neal Smitherman H. Handbook of scales for research in crime and delinquency. N.Y., L., 1983.

Brown D.A., Pipe M.-E., Lewis C., Lamb .E., Orbach Y. Supportive or suggestive: do human figure drawings help 5- to 7-year-old children to report touch? // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2007. Vol.75. P.33–42.

Brown J.M. Eyewitness memory for arousing events: putting things into context // Applied Cognitive Psychology. 2003. Vol.17. P.93–106.

Brugman D., Aleva A.E. Developmental delay or regression in moral reasoning by juvenile delinquents? // Journal of Moral Education. 2004. Vol.33. P.321-338.

Bryant R.A. Cognitive behavioral therapy of violence-related posttraumatic stress disorder // Aggression and Violent Behavior. 2000. Vol.5. P.79–97.

Bullock C.F., Cubert J. Coverage of domestic violence fatalities by newspapers in Washington State // Journal of Interpersonal Violence. 2002. Vol.17. P.475-499.

Bunch W.H. Changing moral judgement in divinity students // Journal of Moral Education. 2005. Vol.34. P.363–370.

Burgoon J.K., Buller D.B., Floyd K. Does participation affect deception success? // Human Communication Research. 2001. Vol.27. P.503-534.

Burgoon J.K., Buller D.B., White C.H., Aileen W., Buslig A.L.S. The role of conversational involvement in deceptive interpersonal interactions // Personality and Social Psychology Bulletin. 1999. Vol.25. P.669-686.

Burke D.M. Empathy in sexually offending and nonoffending adolescent males // Journal of Interpersonal Violence. 2001. Vol.16. P.222-233.

Burnett A., Badzinski D.M. Judge nonverbal communication on trial: do mock trial jurors notice? // Journal of Communication. 2005. June. P.209-224.

Burt M.R. Cultural myths and supports for rape // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. Vol.38. P.217–230.

Butler B., Moran G. The impact of death qualification, belief in a just world, legal authoritarianism, and locus of control on venire persons' evaluations of aggravating and mitigating circumstances in capital trials // Behavioral Sciences and the Law. 2007. Vol.25. P.57-68.

Butler M.A., Pallone N.J. Accuracy of recall among “eyewitnesses” to a simulated robbery: intrapersonal and stimulus determinants // Current Psychology: Developmental, Learning, Personality, Social. 2002. Vol.21. P.253–264.

Buttall F.P. Exploring the relevance of moral development as a treatment issue in batterer intervention // Social Work Research. 2003. Vol.27. P.232-241.

Campis L.K., Prentice'Dunn S., Lyman R.D. Coping appraisal and parents's intentions to inform their children about sexual abuse: a protection motivation theory analysis // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1989. Vol.8. P.304-316.

Capaldi D.M., Chamberlain P., Patterson G.R. Ineffective discipline and conduct problems in males: association, late adolescent outcomes, and prevention // *Aggression and Violent Behavior*. 1997. Vol.2. P.343-353.

Capowich G.E., Mazerolle P., Piquero A. General strain theory, situational anger, and social networks. An assessment of conditioning influences // *Journal of Criminal Justice*. 2001. Vol.29. P.445– 461.

Carli L.L. Cognitive reconstruction, hindsight, and reactions to victims and perpetrators // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol.25. P.966-979.

Carli L.L., Leonard J.B. The effect of hindsight on victim derogation // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1989. Vol.8. P.331-343.

Carlson K.A., Russo J.E. Biased interpretation of evidence by mock jurors // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2001. Vol.7. P.91-103.

Carmichael S., Langton L., Pendell G., Reitzel J.D., Piquero A.R. Do the experiential and deterrent effect operate differently across gender? // *Journal of Criminal Justice*. 2005. Vol.33. P.267– 276.

Carmody D.C., Washington L.M. Rape myth acceptance among college women. The impact of race and prior victimization // *Journal of Interpersonal Violence*. 2001. Vol.16. P.424-436.

Caron S.L., Carter D.B. The relationships among sex role orientation, egalitarianism, attitudes toward sexuality, and attitudes toward violence against women // *The Journal of Social Psychology*. 1997. Vol.75. P.568-587.

Carroll M., Mazzoni G., Andrews S., Pocock P. Monitoring the future: object and source memory for real and imagined events // *Applied Cognitive Psychology*. 1999. Vol.13. P.373-390.

Casey S. Linguistic devices and judgments of and attributions for crime // *Australian Journal of Psychology*. 2003. Supplement. P.37

Casper J.D., Benedict K., Kelly J.R. Cognitions, attitudes, and decision-making in search and seizure cases // *Journal of Applied Social Psychology*. 1988. Vol.18. P.93-113.

Catellani P., Alberici A.I., Milesi P. Counterfactual thinking and stereotypes: the nonconformity effect // *European Journal of Social Psychology*. 2004. Vol.34. P.421-436.

Castello J., Coomer C., Stillwell J., Gate K.L. The attribution of responsibility in acquaintance rape involving ecstasy // *North American Journal of Psychology*. 2006. Vol.8. P.411-420.

Cecil H., Matson S.C. Differences in psychological health and family dysfunction by sexual victimization type in a clinical sample of African American adolescent women // *The Journal of Sex Research*. 2005. Vol.42. P.203-214.

Cervenka K.A., Dembo R., Brown C.H. A family empowerment intervention for families of juvenile offenders // *Aggression and Violent Behavior*. 1996. Vol.1. P.205-216.

Chandler H.M., Alexander C.N., Heaton D.P. The transcendental meditation program and postconventional self-development: a 10-year longitudinal study // *Journal of Social Behavior and Personality*. 2005. Vol.17. P.93-121.

Charrow R.P., Charrow V.R. Making legal language understandable // *Columbia Law Review*. N.Y., 1979. Vol.79. P.1306-1372.

Check J.V.P., Malamuth N.M. Sex-role stereotyping and reactions to depictions of stranger versus acquaintance rape // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. Vol.45. P.344-356.

Christianson S.-A., Hubinette B. Hands up! A study of witnesses' emotional reactions and memories associated with bank robberies // *Applied Cognitive Psychology*. 1993. Vol.7. P.365-379.

Clark III R.D. Effects of majority defection and multiple minority sources on minority influence // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. 2001. Vol.5. P.57-62.

Clary E.G., Shaffer D.R. Effects of evidence with holding and a defendants prior record on juridic decisions // *The Journal of Social Psychology*. 1980. Vol.112. P.237-245.

Clifasefi S.L., Takarangi M.K.T., Bergman J.S. Blind drunk: the effects of alcohol on inattentional blindness // *Applied Cognitive Psychology*. 2006. Vol.20. P.697-704.

Cohn E.G., Rotton J. Even criminals take a holiday: Instrumental and expressive crimes on major and minor holidays // *Journal of Criminal Justice*. 2003. Vol.31. P.351- 360.

Cohn E.S., Modecki K.L. Gender differences in predicting delinquent behavior: do individual differences matter? // *Social Behavior and Personality*. 2007. Vol.35. P.359-374.

Cohn E.S., White S.O. Legal socialization: a study of norms and rules. N.Y., 1990.

Collings S.J. The impact of contextual ambiguity on the interpretation and recall of child sexual abuse media reports // *Journal of Interpersonal Violence*. 2002. Vol.17. P.1063-1074.

Colwell K., Hiscock C.K., Memon A. Interviewing techniques and the assessment of statement credibility // *Applied Cognitive Psychology*. 2002. Vol.16. P.287–300.

Conlon D.E., Lind E.A., Lissak R.I. Nonlinear and nonmonotonic effects of outcome on procedural and distributive fairness judgments. Unpublished manuscript, University of Illinois, 1987.

Covell K., Howe R.B. Public attitudes and juvenile justice in Canada // *International Journal of Children's Rights*. 1996. Vol.4. P.345–355.

Covell C.N., Scalora M.J. Empathic deficits in sexual offenders. An integration of affective, social, and cognitive constructs // *Aggression and Violent Behavior*. 2002. Vol.7. P.251–270.

Craig L.A., Browne K.D., Beech A., Stringer I. Personality characteristics associated with reconviction in sexual and violent offenders // *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. 2004. Vol.15. P.532–551.

Cramer E.P. Variables that predict verdicts in domestic violence cases // *Journal of Interpersonal Violence*. 1999. Vol.14. P.1137-1150.

Crawford C., Chiricos T., Kleck G. Race, racial threat and sentencing of habitual offenders // *Criminology*. 1998. Vol.36. P.481-507.

Crawford M.T., McCrea S.M. When mutations meet motivations: attitude biases in counterfactual thought // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2004. Vol.40. P.65–74.

Culter B.L., Penrod S.D., Stuve T.E. Juror decision making in eyewitness identification cases // *Law and Human Behavior*. 1988. Vol.12. P.41-55.

Darby B.W., Jeffers D. The effects of defendant and juror attractiveness on simulated courtroom trial decisions // *Social Behavior and Personality*. 1988. Vol.16. P.39-50.

Davies M., Pollard P., Archer J. Effects of perpetrator gender and victim sexuality on blame toward male victims of sexual assault // *The Journal of Social Psychology*. 2006. Vol.146. P.275-291.

Davis J.A. Attitudes toward free speech in six countries in the mid – 1980s: Australia, Austria, Great Britain, Italy, The United States and West Germany // *European Sociological Review*. 1990. Vol.6. P.1–14.

Davis M., McCartney S. Effects of gender and sexuality on judgements of victim blame and rape myth acceptance in a depicted male rape // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2003. Vol.13. P.391–398.

Davis D.W., Silver B.D. Civil liberties vs. security: public opinion in the context of the terrorist attacks on America // *American Journal of Political Science*. 2004. Vol.48. P.28-46.

De La Fuente L., De La Fuente E.I., Garcia J. Effects of pretrial juror bias, strength of evidence and deliberation process on juror decision: new validity evidence of the juror bias scale scores psychology // *Crime & Law*. 2003. Vol.9. P.197-209.

De Vries B., Walker L.J. Moral reasoning and attitudes toward capital punishment // *Developmental Psychology*. 1986. Vol.22. P.509-513.

Deffenbacher K.A. A maturing of research on the behaviour of eyewitnesses // *Applied Cognitive Psychology*. 1991. Vol.5. P.377-402.

Dekle D.J. Viewing composite sketches: lineups and show ups compared // *Applied Cognitive Psychology*. 2006. Vol.20. P.383-395.

Dekle D.J., Beal C.R., Elliott R., Huneycutt D. Children as witnesses: a comparison of lineup versus show up identification methods // *Applied Cognitive Psychology*. 1996. Vol.10. P.1-12.

Delahanty D.L., Herberman H.B., Craig K.J., Hayward M.C., Fullerton C.S., Ursano R.J., Baum A. Acute and chronic distress and posttraumatic stress disorder as a function of responsibility for serious motor vehicle accidents // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1997. Vol.65. P.560-567.

Derryberry W.P., Thoma S.J. Functional differences: comparing moral judgement developmental phases of consolidation and transition // *Journal of Moral Education*. 2005. Vol.34. P.89-106.

Devenport J.L., Stinson V., Cutler B.L., Kravitz D.A. How effective are the cross-examination and expert testimony safeguards? Jurors' perceptions of the suggestiveness and fairness of biased lineup procedures // *Journal of Applied Psychology*. 2002. Vol.87. P.1042-1054.

Devenport J.L., Culter B.L., Penrod S.D. Eyewitness identification evidence: Evaluating commonsense evaluation // *Psychology, Public Policy and Law*. 1997. Vol.3. P.338-361.

Devine D.J., Clayton L.D., Dunford B.B., Seying R., Pryce J. Jury decision making: 45 years of empirical research on deliberating groups // *Psychology, Public Policy and Law*. 2001. Vol.7. P.622-727.

Devine P.G., Ostrom T.M. Cognitive mediation of inconsistency discounting // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. Vol.49. P.5-21.

Diamond S.S., Casper J.D., Heiert C.L., Marshall A.M. Juror reactions to attorney at trial // *The Journal of Criminal Law & Criminology*. 1996. Vol. 87. P.17-47.

Donnerstein E., Linz D. Sexual violence in mass media // *Violence and the law*/Ed.by M.Costanzo, S.Oskamp. Sage publications, 1994. P.9-36.

Doosje B., Branscombe N.R. Attributions for the negative historical actions of a group // *European Journal of Social Psychology*. 2003. Vol.33. P.235-248.

Doran B.J., Lees B.G. Investigating the spatiotemporal links between disorder, crime, and the fear of crime // *The Professional Geographer*. 2005. Vol.57. P.1-12.

Douglas K.S., Dutton D.G. Assessing the link between stalking and domestic violence // *Aggression and Violent Behavior*. 2001. Vol.6. P.519–546.

Downs A.C., Lyons P.M. Natural observations of the links between attractiveness and initial legal judgements // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1991. Vol.17. P.541-547.

Dunning D., Stern U.B. Examining the generality of eyewitness hypermnnesia: a close look at time delay and question type // *Applied Cognitive Psychology*. 1992. Vol.6. P.643-657.

Durand R.M., Bearden W.O., Ashworth G.E., Gustafson A.W. Attitudinal and normative beliefs underlying individual perceptions of juror service // *The Journal of Social Psychology*. 1978. Vol.106. P.207-213.

Eakin D.K., Schreiber T.A., Sergeant-Marshall S. Misinformation effects in eyewitness memory: the presence and absence of memory impairment as a function of warning and misinformation accessibility // *Journal of Experimental Psychology*. 2003. Vol.29. P.813-825.

Ebbesen E.B., Konecni V.J. An analysis of the bail system // *The criminal justice system: a social-psychological analysis*/Ed.by V.J.Konecni, E.B.Ebbesen. S.F., 1982. P.191-229.

Eberwine K. Hindsight bias and the subsequent remedial measures rule: fixing the feasibility exception // *Case Western Reserve Law Review*. 2005. Vol.55. P.633-666.

Echterhoff C., Groll S., Wirst W. Tainted truth: overcorrection for misinformation influence on eyewitness memory // *Social Cognition*. 2007. Vol. 25. P.367-409.

Edens J.F., Desforges D.M., Fernandez K., Palac C.A. Effect of psychopathy and violence risk testimony on mock juror perceptions on dangerousness in a capital murder trial // *Psychology, Crime & Law*. 2004. Vol.10. P.393-412.

Eisen M.L., Goodman G.S., Qin J., Davis S., Crayton J. Maltreated children's memory: accuracy, suggestibility, and psychopathology // *Developmental Psychology*. 2007. Vol.43. P.1275–1294.

Eisenberg N., Cumberland A., Guthrie I.K., Murphy B.C., Shepard S.A. Age changes in prosocial responding and moral reasoning in adolescence and early adulthood // *Journal of Research on Adolescence*. 2005. Vol.15. P.235–260.

Eisenberg N., Zhou O., Koller S. Brazilian adolescents' prosocial moral judgment and behavior: relations to sympathy, perspective taking, gender-role

orientation, and demographic characteristics // *Child Development*. 2001. Vol.72. P.518-534.

Eitle D.J. Exploring a source of deviance-producing strain for females: Perceived discrimination and general strain theory // *Journal of Criminal Justice*. 2002. Vol.30. P.429– 442.

Elcheroth G. Individual-level and community-level effects of war trauma on social representations related to humanitarian law // *European Journal of Social Psychology*. 2006. Vol.36. P.907-930.

Elkins I.J., Iacono W.G., Doyle A.E., McGue M. Characteristics associated with the persistence of antisocial behavior: results from recent longitudinal research // *Aggression and Violent Behavior*. 1997. Vol.2. P.101-124.

Ellsworth P.C., Reifman A. Juror comprehension and public policy: perceived problem and proposed solutions // *Psychology, Public Policy and Law*. 2000. Vol.6. P.788-821.

Emler N. Morality and political orientations: an analysis of their relationship // *European Review of Social Psychology*. 2002. Vol.13. P.259-291.

English P.W., Sales B.D. A ceiling or consistency effect for the comprehension of jury instructions // *Psychology, Public Policy and Law*. 1997. Vol.3. P.381-401.

Epps K.J., Haworth R., Swaffer T. Attitudes toward women and rape among male adolescents convicted of sexual versus nonsexual crimes // *The Journal of Psychology*. 1993. Vol.127. P.501-506.

Erickson B., Lind E.A., Johnson B.C., O'Barr W.M. Speech style and impression formation in a court setting: the effects of «power» and «powerless» speech // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1978. Vol.14. P.266-279.

Ernst T. The necessity for cooperation between philosophical and empirical research in the clarification of the meaning of the moral «ought» // *The moral domain: Essays in the ongoing discussion between philosophy and the social sciences. Studies in contemporary German social thought/Ed. by T.E. Wren. Cambridge, 1990. P.3–14.*

Eschholz S., Blackwell B.S., Gertz M., Chiricos T. Race and attitudes toward the police: Assessing the effects of watching «reality» police programs // *Journal of Criminal Justice*. 2002. Vol.30. P.327– 341.

Evans C., Ehlers A., Mezey G., Clark D.M. Intrusive memories and ruminations related to violent crime among young offenders: phenomenological characteristics // *Journal of Traumatic Stress*. 2007. Vol.20. P.183–196.

Evans C., Ehlers A., Mezey G., Clark D.M. Intrusive memories in perpetrators of violent crime: emotions and cognitions // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2007. Vol.75. P.134–144.

Evans T.D., Cullen F.T., Burton Jr. V.S., Dunaway R.G., Benson M.L. The social consequences of self-control: testing the general theory of crime // *Criminology*. 1997. Vol.35. P.475-503.

Everson M.D., Boat B.W. Anatomical dolls in child sexual abuse assessments: a call for forensically relevant research // *Applied Cognitive Psychology*. 1997. Vol.11. P.55-74.

Eyssel F., Bohner G., Siebler F. Perceived rape myth acceptance of others predicts rape proclivity: social norm or judgmental anchoring? // *Swiss Journal of Psychology*. 2006. Vol.65. P.93-99.

Fang G., Fang F., Keller M., Edelstein W., Kehlet.J., Bray M.A. Social moral reasoning in Chinese children: a developmental study // *Psychology in the Schools*. 2003. Vol.40. P.125-138.

Farrington D.P. Childhood origins of antisocial behavior // *Clinical Psychology and Psychotherapy*. 2005. Vol.12. P.177-190.

Feather N.T. Reactions to penalties for an offense in relation to authoritarianism, values, perceived responsibility, perceived seriousness, and deservingness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol.71. P.571-587.

Feather N.T. Reactions to penalties for offenses committed by the police and public citizens: testing a social-cognitive process model of retributive justice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol.75. P.528-544.

Feather N.T., Boeckmann R.J., McKee I.R. Reactions to an offence in relation to authoritarianism, knowledge about risk and freedom of action // *European Journal of Social Psychology*. 2001. Vol.31. P.109-126.

Feldman R.S., Chesley R.B. Who is lying, who is not: an attributional analysis of the effects of nonverbal behavior on judgements of defendant believability // *Behavioral Science & the Law*. 1984. Vol.2. P.451-461.

Fernquist R.M. An aggregate analysis of professional sports, suicide, and homicide rates: 30 U.S. Metropolitan areas, 1971-1990 // *Aggression and Violent Behavior*. 2000. Vol.5. P.329-341.

Ferraro K.F. Women's fear of victimization: shadow of sexual assault? // *Social Forces*. 1996. Vol.75. P.667-690.

Field H.S. Rape trials and jurors decisions: a psychological analysis of the effects of victim, defendant and case characteristics // *Law and Human Behavior*. 1979. Vol.3. P.261-284.

Finkel N.J. But it's not fair! Commonsense notions of unfairness // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2000. Vol.6. P.898-952.

Fishes S., Allan A., Allan M.M. Exploratory study to examine the impact of television reports of prison escapes on fear of crime, operationalised as state

anxiety // Australian Journal of Psychology. 2004. Vol.56. P.181–190.

Fishman J.M. The populace and the police: models of social control in reality-based crime television // Critical Studies in Mass Communication. 1999. Vol.16. P.268-288.

Fishman G., Rattner A., Weimann G. The effect of ethnicity on crime attribution // Criminology. 1987. Vol.25. P.507–524.

Flouri E., Buchanan A. Father involvement in childhood and trouble with the police in adolescence. Findings from the 1958 British cohort // Journal of Interpersonal Violence. 2002. Vol.17. P.689-701.

Follingstad D.R., Hrlff C.M., Binford R.V., Runge M.M., White J.D. Lay persons' versus psychologists' judgments of psychologically aggressive actions by a husband and wife // Journal of Interpersonal Violence. 2004. Vol.19. P.916-942.

Ford M.R., Lowery C.R. Gender differences in moral reasoning: a comparison of the use of justice and care orientations // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol.50. P.777-783.

Forrest J.A., Feldman R.S. Detecting deception and judge's involvement: lower task involvement leads to better lie detection // Personality and Social Psychology Bulletin. 2000. Vol.26. P.118-125.

ForsterLee R., ForsterLee L., Horowitz I.A., King E. The effects of defendant race, victim race, and juror gender on evidence processing in a murder trial // Behavioral Sciences and the Law. 2006. Vol.24. P.179-198.

Forsterlee L.F., Fox G.B., Forsterlee R.F., H. R. The effects of a victim impact statement and gender on juror information processing in a criminal trial: Does the punishment at the crime? // Australian Psychologist. 2004. Vol.39. P.57 – 67.

Forsterlee L., Horowitz I.A. Enhancing juror competence in a complex trial // Applied Cognitive Psychology. 1997. Vol.11. P.305-319.

Foubert J.D. The longitudinal effects of a rape-prevention program on fraternity men's attitudes, behavioral intent, and behavior // Journal of American College Health. 2000. Vol.48. P.158-163.

Frederick J.T. The psychology of the American jury. Lexis law publishing, 1998.

Freedman J.L., Burke T.M. The effect of pretrial publicity: the Bernardo case // Canadian Journal of Criminology. 1996. P.253-270.

Freeman R.M. Social distance and discretionary rule enforcement in a women's prison // The Prison Journal. 2003. Vol.83. P.191-205.

Frese B., Moya M., Megias J.L. Social perception of rape. How rape myth acceptance modulates the influence of situational factors // Journal of Interpersonal Violence. 2004. Vol.19. P.143-161.

Friedman R., Liu W., Chen C.C., Chi S.-C.S. Causal attribution for interfirm

contract violation: a comparative study of Chinese and American commercial arbitrators // *Journal of Applied Psychology*. 2007. Vol.92. P.856–864.

Gallatin J. Legal guarantees individual freedom: a cross-national study of the development of political thought // *Social Issues*. 1971. Vol.27. P.93–108.

Gamper C.M. Perceived social competence and rape myth endorsement // *Deviant Behavior*. 2004. Vol.25. P.133–150.

Garfinkel H. *Studies ethnomethodology*. Prentice-Hall, 1967.

Gavazzi S.M., Wasserman D., Partridge C., Sheridan S. The growing up fast diversion program: an example of juvenile justice program development for outcome evaluation // *Aggression and Violent Behavior*. 2000. Vol.5. P.159–175.

Geer J.H., Estupinan L.A., Manguno-Mire G.M. Empathy, social skills, and other relevant cognitive processes in rapists and child molesters // *Aggression and Violent Behavior*. 2000. Vol.5. P.99–126.

Gerrffi M.P., Belcher L.E., Garry M. 'Mind the gap': false memories for missing aspects of an event // *Applied Cognitive Psychology*. 2006. Vol.20. P.689–696.

Gibson J.L. Truth, justice, and reconciliation: judging the fairness of amnesty in South Africa // *American Journal of Political Science*. 2002. Vol.46. P.540–556.

Gilbert D.T., Tafarodi R.W., Malone P.S. You can't not believe everything you read // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol.65. P.221–233.

Gilligan C. *In a different voice: psychological theory and women's development*. Cambridge, 1982.

Golberg J.H., Lerner J.S., Tetlock P.E. Rage and reason: the psychology of the intuitive prosecutor // *European Journal of Social Psychology*. 1999. Vol.29. P.781–795.

Gold G.J., Weiner B. Remorse, confession, group identity, and expectancies about repeating a transgression // *Basic and Applied Social Psychology*. 2000. Vol.22. P.291–300.

Goodman G.S., Melinder A. Child witness research and forensic interviews of young children: a review // *Legal and Criminological Psychology*. 2007. Vol.12. P.1–19.

Goodman G.S., Schaaf J.M. Over a decade of research on children's eyewitness testimony: what have we learned? Where do we go from here? // *Applied Cognitive Psychology*. 1997. Vol.11. P.5–20.

Gordon B.N., Baker-Ward L., Ornstein P.A. Children's testimony: a review of research on memory for past experiences // *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2001. Vol.4. P.157–181.

Gordon R.A., Baxter J.C., Rozelle R.M., Druckman D. Expectations of honest, evasive, and deceptive nonverbal behavior // *Journal of Social Psychology*. 1987. Vol.127. P.231–233.

Gordon R.A., Bindrim T.A., McNicholas M.L., Walden T.L. Perceptions of blue-collar and white-collar crime: the effect of defendant race on simulated juror decisions // *The Journal of Social Psychology*. 1988. Vol.128. P.191-197.

Gore-Felton C., Gill M., Koopman C., Spiegel D. A review of acute stress reactions among victims of violence: implications for early intervention // *Aggression and Violent Behavior*. 1999. Vol.4. P.293-306.

Granhag P.A., Andersson L.O., Strömwall L.A., Hartwig M. Imprisoned knowledge: criminals' beliefs about deception // *Legal and Criminological Psychology*. 2004. Vol.9. P.103-119.

Granhag P.A., Stromwall L.A., Landstrom S. Children recalling an event repeatedly: Effects on RM and CBCA scores // *Legal and Criminological Psychology*. 2006. Vol.11. P.81-98.

Gray J.M. Rape myth beliefs and prejudiced instructions: effects on decisions of guilt in a case of date rape // *Legal and Criminological Psychology*. 2006. Vol.11. P.75-80.

Greendlinger V., Byrne D. Coercive sexual fantasies of college men as predictors of self-reported likelihood to rape and overt sexual aggression // *The Journal of Sex Research*. 1987. Vol.23. P.1-11.

Greene E., Bornstein B. Precious little guidance: jury instruction on damage awards // *Psychology, Public Policy and Law*. 2000. Vol.6. P.743-768.

Greene E., Johns M., Smith A. The effects of defendant conduct on jury damage awards // *Journal of Applied Psychology*. 2001. Vol.86. P.228-237.

Greene E., Loftus E.F. What's new in the news? The influence of well-publicized news events on psychological research and courtroom trials // *Basic and Applied Social Psychology*. 1984. Vol.5. P.211-221.

Greenstock J., Pipe M.-E. Are two heads better than one? Peer support and children's eyewitness reports // *Applied Cognitive Psychology*. 1997. Vol.11. P.461-483.

Greitemeyer T., Weiner B. Asymmetrical attributions for approach versus avoidance behaviour // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol.29. P.1371-1382.

Griffitt W., Jackson D. Simulated jury decisions: the influence of jury-defendant attitude similarity-dissimilarity // *Social Behavior and Personality: An International Journal*. 1973. Vol.1. P.1-7.

Guy L.S., Edens J.F. Gender differences in attitudes toward psychopathic sexual offenders // *Behavioral Sciences and the Law*. 2006. Vol.24. P.65-85.

Guy L.S., Edens J.F. Juror decision-making in a mock sexually violent predator trial: gender differences in the impact of divergent types of expert testimony // *Behavioral Sciences and the Law*. 2003. Vol.21. P.215-237.

Hafstad G.S., Memon A., Logie R. Post-identification feedback, confidence and recollections of witnessing conditions in child witnesses // *Applied Cognitive Psychology*. 2004. Vol.18. P.901–912.

Hammond L., Wagstaff G.F., Cole J. Facilitating eyewitness memory in adults and children with context reinstatement and focused meditation // *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*. 2006. Vol.3. P.117-130.

Haney C. Commonsense justice and capital punishment: problematizing the “will of the people” // *Psychology, Public Policy and Law*. 1997. Vol.3. P.303-337.

Hansel M. Citizen crime stereotypes – normative consensus revisited // *Criminology*. 1987. Vol.25. P.455–485.

Hansen K.L., Schaefer E.G., Lawless J.J. Temporal patterns of normative, informational, and procedural-legal discussion in jury deliberations // *Basic and Applied Social Psychology*. 1993. Vol.14. P.33-46.

Harley E.M. Hindsight bias in legal decision making // *Social Cognition*. 2007. Vol.25. P.48-63.

Harrison L.A., Esqueda C.W. Myths and stereotypes of actors involved in domestic violence: implications for domestic violence culpability attributions // *Aggression and Violent Behavior*. 1999. Vol.4. P.129–138.

Hart A.J. Naturally occurring expectation effects // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol.68. P.109-115.

Hartwig M., Granhag P.A., Stromwall L.A., Andersson L.O. Suspicious minds: criminals’ ability to detect deception // *Psychology, Crime & Law*. 2004. Vol.10. P.83-95.

Hastie R., Penrod S., Pennington N. Inside the jury. Cambridge & L., 1983.

Haviv S., Leman P.J. Moral decision-making in real life: factors affecting moral orientation and behaviour justification // *Journal of Moral Education*. 2002. Vol.31. No.2. P.121-140.

Heaven P.C.L., Connors J., Pretorius A. Victim characteristics and attribution of rape blame in Australia and South Africa // *The Journal of Social Psychology*. 1998. Vol.138. P.131-133.

Henry L.A., Gudjonsson G.H. Individual and developmental differences in eyewitness recall and suggestibility in children with intellectual disabilities // *Applied Cognitive Psychology*. 2007. Vol.21. P.361-381.

Heppner M.J., Humphrey C.F., Hillenbrand-Gunn T.L., DeBord K.A. The differential effects of rape prevention programming on attitudes, behavior, and knowledge // *Journal of Counseling Psychology*. 1995. Vol.42. P.508-518.

Herbert A. Mode of trial and the influence of local justice // *The Howard Journal*. 2004. Vol.43. P.65–78.

Herek G.M., Gillis J.R., Cogan J.C. Psychological sequelae of hate-crime

victimization among lesbian, gay, and bisexual adults // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1999. Vol.67. P.945-951.

Herzog S. Does the ethnicity of offenders in crime scenarios affect public perceptions of crime seriousness? A randomized survey experiment in Israel // *Social Forces*. 2003. Vol.82. P.757-781.

Herzog S. The effect of motive on public perceptions on the seriousness of murder in Israel // *British Journal of Criminology*. 2004. Vol.44. P.771-782.

Herzog S. The relationship between public perceptions of crime seriousness and support for plea-bargaining practices in Israel: a factorial-survey approach // *The Journal of Criminal Law and Criminology*. 2003. Vol.94. P.103-131.

Hess U., Kleck R.E. The cues decoders use in attempting to differentiate emotion-elicited and posed facial expressions // *European Journal of Social Psychology*. 1994. Vol.24. P.367-381.

Higgins P.L., Heath W.P., Grannemann B.D. How type of excuse defense, mock juror age, and defendant age affect mock jurors' decisions // *The Journal of Social Psychology*. 2007. Vol.147. P.371-392.

Hirokawa K., Matsuno E., Mori K., Ukita J. Relationship between masculinity-femininity and concession in an experimental collaborative eyewitness testimony // *Asian Journal of Social Psychology*. 2006. Vol.9. P.132-139.

Hirschberger G. Terror management and attributions of blame to innocent victims: reconciling compassionate and defensive responses // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol.91. P.832-844.

Hunter L.M., Krannich R.S., Smith M.D. Rural migration, rapid growth, and fear of crime // *Rural Sociology*. 2002. Vol.67. P.71-89.

Hodson G., Hooper H., Dovidio J.F., Gaertner S.L. Aversive racism in Britain: the use of inadmissible evidence in legal decisions // *European Journal of Social Psychology*. 2005. Vol.35. P.437-448.

Holt M.K., Espelage D.L. Social support as a moderator between dating violence victimization and depression/anxiety among African American and Caucasian adolescents // *School Psychology Review*. 2005. Vol.34. P.309-328.

Honess T.M., Levi M., Charman E.A. Juror competence in processing complex information: implications from a simulation of the Maxwell trial // *The Criminal Law Review*. 1998. P.763-773.

Hope L., Memon A., McGeorge P. Understanding pretrial publicity: predecisional distortion of evidence by mock jurors // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2004. Vol.10. P.111-119.

Horgan T.G., Mast M.S., Hall J.A., Carter J.D. Gender differences in memory for the appearance of others // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. Vol.30. P.185-196.

Horowitz I.A., Bordens K.S. The consolidation of plaintiffs: the effects of number of plaintiffs on jurors' liability decisions. Damage awards and cognitive processing of evidence // *Journal of Applied Psychology*. 2000. Vol.6. P.909-918.

Horowitz I.A., Bordens K.S. The effects of jury size, evidence complexity, and note taking on jury process and performance in a civil trial // *Journal of Applied Psychology*. 2002. Vol.87. P.121-130.

Horowitz I.A., Lee L.F., Brolly I. Effects of trial complexity on decision making // *Journal of Applied Psychology*. 1996. Vol.81. P.757-768.

Howells K., Day A., Wright S. Affect, emotions and sex offending // *Psychology, Crime & Law*. 2004. Vol.10. P.179-195.

Howells G.N., Flanagan K.A., Hagan V. Does reviewing a televised execution affect attitudes toward capital punishment // *Criminal Justice and Behavior*. 1995. Vol.22. P.411-424.

Huerta M., Cortina L.M., Pang J.S., Torges C.M., Magley V.J. Sex and power in the academy: modeling sexual harassment in the lives of college women // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. Vol.32. P.616-628.

Huey M.P., McNulty T.L. Institutional conditions and prison suicide: conditional effects of deprivation and overcrowding // *The Prison Journal*. 2005. Vol.85. P.490-514.

Huggins D.W., Capeheart L., Newman E. Deviants or scapegoats. An examination of pseudo-family groups and dyads in two Texas prisons // *The Prison Journal*. 2006. Vol.86. P.114-139.

Hulbert L.G., Parks C.D., Chen X., Nam K., Davis J.H. The plaintiff bias in mock civil jury decision making: consensus requirements, information format and amount of consensus // *Group Processes and Intergroup Relations*. 1999. Vol.2. P.59-77.

Hulse L.M., Memon A. Fatal impact? The effects of emotional arousal and weapon presence on police officers' memories for a simulated crime // *Legal and Criminological Psychology*. 2006. Vol.11. P.313-325.

Hunt J.S., Budesheim T.L. How jurors use and misuse character evidence // *Journal of Applied Psychology*. 2004. Vol.89. P.347-361.

Hunter L.M., Krannich R.S., Smith M.D. Rural migration, rapid growth, and fear of crime // *Rural Sociology*. 2002. Vol.67. P.71-89.

Hymes R.M., Leinart M., Rowe S., Rogers W. Acquaintance rape: the effect of race of defendant and race of victim on white juror decision // *The Journal of Social Psychology*. 1993. Vol.133. P.627-634.

Idisis Y., Ben-David S., Ben-Nachum E. Attribution of blame to rape victims among therapists and non-therapists // *Behavioral Sciences & the Law*. 2007. Vol.25. P.103-120.

Itaru I. Contextual effects of personal network on individuals' tendency to blame the victims of sexual harassment // *Asian Journal of Social Psychology*. 2003. Vol.6. P.201-214.

Ivkovik S.K., Hans V.P. Jurors' evaluations of expert testimony: judging the messenger and the message // *Law and Social Inquiry*. 2003. P.441-482.

Jackson J.S., Joyner D.J. The effects of sexually violent rock music on males' acceptance of violence against women // *Psychology of Women Quarterly*. 1991. Vol.15. P.49-63.

Jackson S., Fondacaro M. Procedural justice in resolving family conflict: implications for youth violence prevention // *Law & Policy*. 1999. Vol.21. P.101-127.

Jaffee S., Hyde J.S. Gender differences in moral orientation: a meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 2000. Vol.126. P.703-726.

James A., Jenks C. Public perceptions of childhood criminality // *The British Journal of Sociology*. 1996. Vol.47. P.315-331.

Janoff-Bulman R. Characterological versus behavioral self-blame: inquires into depression and rape // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. Vol.37. P.1798-1809.

Jaschinski U., Wentura D. Misleading postevent information and working memory capacity: an individual differences approach to eyewitness memory // *Applied Cognitive Psychology*. 2002. Vol.16. P.223-231.

Jiang S., Fisches-Giorlando M. Inmate misconduct: a test of the deprivation, importation, and situational models // *The Prison Journal*. 2002. Vol.82. P.335-358.

Jiang S., Winfree Jr. L.T. Social support, gender, and inmate adjustment to prison life. Insights from a national sample // *The Prison Journal*. 2006. Vol.86. P.32-55.

Jimenez J.A., Abreu J.M. Race and sex effects on attitudinal perceptions of acquaintance rape // *Journal of Counseling Psychology*. 2003. Vol.50. P.252-256.

Johansson-Love J., Geer J.H. Investigation of attitude change in a rape prevention program // *Journal of Interpersonal Violence*. 2003. Vol.18. P.84-99.

Johnson D.M., Palmieri P.A., Jackson A.P., Hobfoll S.E. Emotional numbing weakens abused inner-city women's resiliency resources // *Journal of Traumatic Stress*. 2007. Vol.20. P.197-206.

Johnson J.T., Drobny J. Proximity biases in the attribution of civil liability // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. Vol.48. P.283-296.

Jolliffe D., Farrington D.P. Empathy and offending: A systematic review and meta-analysis // *Aggression and Violent Behavior*. 2004. Vol.9. P.441-476.

Jones C.S., Kaplan M.F. The effects of racially stereotypical crimes on juror decision-making and information-processing strategies // *Basic and Applied Social Psychology*. 2003. Vol.25. P.1-13.

Jonson-Reid M., Way I. Adolescent sexual offenders: incidence of childhood maltreatment, serious emotional disturbance, and prior offenses // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2001. Vol.71. P.120-130.

Judge T.A., Scott B.A., Hies R. Hostility, job attitudes, and workplace deviance: test of a multilevel model // *Journal of Applied Psychology*. 2006. Vol.91. P.126-138.

Kalven H.Jr., Zeisel H. *The American jury*. Boston, 1966.

Kaplan M.F. Judgments of murder mysteries as a means of studying juror cognition // *Basic and Applied Social Psychology*. 1989. Vol.10. P.299-310.

Kassin S.M., Ellsworth P.C., Smith V.L. The «general acceptance» of psychological research on eyewitness testimony // *American Psychologist*. 1989. Vol.44. P. 1089-1098.

Kassin S.M., Gudjonsson G.H. The psychology of confessions. A review of the literature and issues // *Psychological Science in the Public Interest*. 2004. Vol.5. P.33-67.

Kassin S.M., Rigby S., Castillo S.R. The accuracy-confidence correlation in eyewitness testimony: limits and extensions of the retrospective self-awareness effect // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol.61. P.698-707.

Kassin M.S., Sommers S.R. Inadmissible testimony, instructions to disregard and the jury substantive versus procedural consideration // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997. Vol.23. P.1046-1057.

Kassin S.M., Wrightsman L.S. *The American jury on trial: psychological perspectives*. N.Y., 1988.

Kassing L.R., Beesley D., Frey L.L. Gender role conflict, homophobia, age, and education as predictors of male rape myth acceptance // *Journal of Mental Health Counseling*. 2005. Vol.27. P.311–328.

Kassing L.R., Prieto L.R. The rape myth and blame-based beliefs of counselors-in-training toward male victims of rape // *Journal of Counseling and Development*. 2003. Vol.81. P.455-461.

Katz C.M., Webb V.J., Armstrong T.A. Fear of gangs: a test of alternative theoretical models // *Justice Quarterly*. 2003. Vol.20. P.95-130.

Kebbell M.K., Hurren E.Y.J., Roberts S. Mock-suspects' decisions to confess: the accuracy of eyewitness evidence is critical // *Applied Cognitive Psychology*. 2006. Vol.20. P.477-486.

Kebbell M.R., Milne R. Police officers' perceptions of eyewitness performance in forensic investigations // *The Journal of Social Psychology*. 1998. Vol.138. P. 323-330.

Kellar M., Wang H.-M. Inmate assaults in Texas county jails // *The Prison Journal*. 2005. Vol.85. P.515-534.

Keltner D., Ellsworth P., Edwards K. Beyond simple pessimism: effects of sadness and anger on social perception // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol.64. P.740–752.

Kerr N.L. Trial participants' behavior and jury verdicts: an exploratory field study // *The criminal justice system: a social-psychological analysis*/Ed. by V.J.Konecni, E.B.Ebbesen. S.F., 1982. P.261-290.

Kerr N.L., Bull R.H.C., MacCoun R.J., Rathborn H. Effects of victim attractiveness, care and disfigurement on the judgements of American and British mock jurors // *British Journal of Social Psychology*. 1984.

Kerr N.L., McCuin R.J. The effects of jury size and polling method on the process and product of jury deliberation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. Vol.48. P.349-363.

Kerstholt J.H., Jansen N.J.M., Van Amelsvoort A.G., Broeders A.P.A. Earwitnesses: effects of accent, retention and telephone // *Applied Cognitive Psychology*. 2006. Vol.20. P.187-197.

King P.M., Mayhew M.J. Moral judgement development in higher education: insights from the Defining Issues Test // *Journal of Moral Education*. 2002. Vol.31. No.3.

Kleinke C.L., Meyer C. Evaluation of rape victim by men and women with high and low belief in a just world // *Psychology of Women Quarterly*. 1990. Vol.14. P.343–353.

Kleinke C.L., Walls R., Stalder K. Evaluation of a rapist as a function of expressed intent and remorse // *The Journal of Social Psychology*. 1994. Vol.134. P.525-537.

Kohlberg L. *Essays on moral development*. N.Y., Toronto, 1984.

Kohnken G., Brockmann C. Unspecific postevent information, attribution of responsibility, and eyewitness performance // *Applied Cognitive Psychology*. 1987. Vol.1. P.197-207.

Konecni V.J., Ebbesen E.B. An analysis of the sentencing system // *The criminal justice system: a social-psychological analysis*/Ed.by V.J.Konecni, E.B.Ebbesen. S.F., 1982. P.293-332.

Koss M.P., Heise L., Russo N.F. The global health burden of rape // *Psychology of Women Quarterly*. 1994. Vol.18. P.509-537.

Kovera M.B., Borgida E., Greshman A.W., Gray E., Regan P.C. Does expert psychological testimony inform or influence juror decision making? A social cognitive analysis // *Journal of Applied Psychology*. 1997. Vol.82. P.178-191.

Kovera M.B., Cass S.A. Compelled mental health examinations, liability decisions, and damage awards in sexual harassment cases // *Psychology, Public Policy and Law*. 2002. Vol.8. P.96-114.

Krahe B. Social psychological issues in the study of rape // *European Review of Social Psychology*. 1991. Vol.2. P.279–309.

Krauss D.A., Lieberman J.D., Olson J. The effects of rational and experiential information processing of expert testimony in death penalty cases // *Behavioral Sciences and the Law*. 2004. Vol.22. P.801–822.

Krauss D.A., Sales B.D. The effects of clinical and scientific expert testimony on juror decision making in capital sentencing // *Psychology, Public Policy and Law*. 2001. Vol.7. P.267–310.

Krcmar M., Curtis S. Mental models: understanding the impact of fantasy violence on children's moral reasoning // *Journal of Communication*. 2003. P.460–478.

Krcmar M., Valkenburg P.M. A scale to assess children's moral interpretations of justified and unjustified violence and its relationship to television viewing // *Communication Research*. 1999. Vol.26. P.608–634.

Krebs D.L., Denton K. Explanatory limitations of cognitive-developmental approaches to morality // *Psychological Review*. 2006. Vol.113. P.672–675.

Kressel N.J., Kressel D.F. Stack and sway: the new science of jury consulting. Westview Press, 2002.

Krulewitz J.E., Nash J.E. Effects of rape victim resistance, assault outcome and sex of observer on attributions about rape // *Journal of Personality*. 1979. Vol.47. P.557–574.

Kumagai Y., Bliss J.C., Daniels S.E., Carroll M.S. Research on causal attribution of wildfire: an exploratory multiple-methods approach // *Society and Natural Resources*. 2004. Vol.17. P.113–127.

Kwan Y.K., Chiu L.L., Cheong I W., Kwan P. Perceived crime seriousness: Consensus and disparity // *Journal of Criminal Justice*. 2002. Vol.30. P.623– 632.

LaFree G.D., Reskin B.F., Visher C.A. Jurors «responses to victims» behavior and legal issues in sex assault trials // *Social Problems*. 1985. Vol.32. P.389–407.

Lakoff R. Language and woman's place. N.Y., 1975.

Lambert A., Burroughs T., Nguyen T. Perceptions of risk and the buffering hypothesis: the role of just world beliefs and right-wing authoritarianism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol.25. P.643–656.

Landy D., Aronson E. The influence of the character of the criminal and his victim on the decisions of simulated jurors // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1969. Vol.5. P.141–152.

Lane S.M. Dividing attention during a witnessed event increases eyewitness suggestibility // *Applied Cognitive Psychology*. 2006. Vol.20. P.199–212.

Lane S.M., Roussel C.C., Villa D., Morita S.K. Features and feedback: enhancing meta-mnemonic knowledge at retrieval reduces source-monitoring

errors // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2007. Vol.33. P.1131–1142.

Larsson A.S., Granhag P.A., Spjut E. Children's recall and the cognitive interview: do the positive effects hold over time? // *Applied Cognitive Psychology*. 2003. Vol.17. P.203–214.

Lassiter G.D., Munhall P.J., Geers A.L., Handley I.M., Weiland P.E. Criminal confessions on videotape: does camera perspective bias their perceived veracity? // *Current Research in Social Psychology*. 2002. Vol.7. №1.

LaTour S. Determinants of participant and observer satisfaction with adversary and inquisitorial modes of adjudication // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1978. Vol.36. P.1531–1545.

Laub J.H., Sampson R.J. Unravelling families and delinquency: a reanalysis of the Gluecks' data // *Criminology*. 1988. Vol.26. P.355–380.

Leander L., Christianson S.A., Svedin C.G., Granhag P.A. Judges', lay judges', and police officers' beliefs about factors affecting children's testimony about sexual abuse // *The Journal of Psychology*. 2007. Vol.141. P.341–357.

Lee B.K. Audience-oriented approach to crisis communication: a study of Hong Kong consumers' evaluation of an organizational crisis // *Communication Research*. 2004. Vol.31. P.600–618.

Lee S.S., Hinshaw S.P. Severity of adolescent delinquency among boys with and without attention deficit hyperactivity disorder: predictions from early antisocial behavior and peer status // *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*. 2004. Vol.33. P.705–716.

Leenders I., Brugman D. Moral/non-moral domain shift in young adolescents in relation to delinquent behaviour // *British Journal of Developmental Psychology*. 2005. Vol.23. P.65–79.

Leippe M.R. The case for expert testimony about eyewitness memory // *Psychology, public policy and law*. 1995. Vol.1. P.909–959.

Leippe M.R., Manion A.P., Romanczyk A. Eyewitness persuasion: how and how well do fact finders judge the accuracy of adults' and children's Memory reports? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 63. P.181–197.

Leman P.J., Duveen G. Representations of authority and children's moral reasoning // *European Journal of Social Psychology*. 1999. Vol.29. P. 557–577.

Lemerise E.A., Dodge K.A. The development of anger and hostile interactions // *Handbook of emotions*/Ed.by M.Lewis, J.M.Haviland. N.Y., 1993. P.537–546.

Lerner J.S., Goldberg J., Tetlock P. Sober second thought: the effects of accountability, anger and authoritarianism on attributions of responsibility // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1998. Vol.24. P.563–574.

Lesieur H., Lehman P. Remeasurement delinquency: a replication and a critique // *British Journal of Criminology*. 1975. Vol.15. P.69–80.

LeUnes A., Bourgeois A., Grajales R. The effects of two types of exposure on attitudes toward aspects of juvenile delinquency // *The Journal of Social Psychology*. 1996. Vol.136. P.699-708.

Lev-Wiesel R., Besser A. Male definitions of sexual assault: the role of the perpetrator's gender // *Individual Differences Research*. 2006. Vol.4. .46-50.

Levy K.S.C. Multifactorial self-concept and delinquency in Australian adolescents // *The Journal of Social Psychology*. 1997. Vol.37. P.277-283.

Lewis R. Making justice work // *British Journal of Criminology*. 2004. Vol.44. P.204-224.

Lieberman J.D., Sales B.D. What social science teaches us about the jury instruction process // *Psychology, Public Policy, and Law*. 1997. Vol.3. P.589-644.

Lind E.A., Erickson B.E., Friedland N., Dickenberger M. Reactions to procedural models for adjudicative conflict resolution // *Journal of Conflict Resolution*. 1978. Vol.22. P.318–341.

Lind E.A., Kurtz S., Musante L., Walker L., Thibaut J.W. Procedure and outcome effects on reactions to adjudicated resolution of conflicts of interests // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. Vol.39. P.643–653.

Lind E.A., Lissak R.I. Apparent impropriety and procedural fairness judgments // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1985. Vol.21. P.19–29.

Lind E.A., Taylor T.R. The social psychology of procedural justice. N.Y., 1988.

Lindholm T., Anson S.A. C. Intergroup biases and eyewitness testimony // *The Journal of Social Psychology*. 1998. Vol.138. P.710-723.

Lindsey R.E., Carlozzi A.F., Eeells G.T. Differences in the dispositional empathy of juvenile sex offenders, non-sex-offending delinquent juveniles, and nondelinquent juveniles // *Journal of Interpersonal Violence*. 2001. Vol.16. P.510-522.

Ling J., Blades M. Incidental recall of colour information by children and adults // *Applied Cognitive Psychology*. 1996. Vol.10. P.141-150.

Linhorst D.M., Knight K., Johnston J.S., Trickey M. Situational influences on the implementation of a prison-based therapeutic community // *The Prison Journal*. 2001. Vol.81. P.436-453.

List J. Age and schematic differences in the reliability of eyewitness testimony // *Developmental Psychology*. 1986. Vol.22. P.50-57.

Locke B.D., Mahalik J.R. Examining masculinity norms, problem drinking, and athletic involvement as predictors of sexual aggression in college men // *Journal of Counseling Psychology*. 2005. Vol.52. P.279–283.

- Loftus E.F.* Eyewitness testimony. 1979.
- Loiselle M., Fuqua W.R.* Alcohol's effects on women's risk detection in a date-rape vignette // *Journal of American College Health*. 2007. Vol.55. P.261-266.
- London K., Nunez N.* The effect of jury deliberations on jurors' propensity to disregard inadmissible evidence // *Journal of Applied Psychology*. 2000. Vol.85. P.932-939.
- Lonsway K.A., Fitzgerald L.F.* Attitudinal antecedents of rape myth acceptance: a theoretical and empirical reexamination // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol.68. P.704-711.
- Lonsway K.A., Fitzgerald L.F.* Rape myths // *Psychology of Women Quarterly*. 1994. Vol.18. P.133-164.
- Lown C.* Legal approaches to juror stereotyping by physical characteristics // *Law and Human Behavior*. 1977. Vol.1. P.87-100.
- Lu H., Miethel T.D.* Legal representation and criminal processing in China // *British Journal of Criminology*. 2002. Vol.42. P.267-280.
- Lupfer M.B., Cohen R., Bernard L.J., Brown C.M.* The Influence of level of moral reasoning on the decisions of jurors // *The Journal of Social Psychology*. 1987. Vol.127. P.653-667.
- MacCoun R.J., Kerr N.L.* Asymmetric influence in mock jury deliberation: jurors' bias of leniency // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol.54. P.21-33.
- MacLin O.H., MacLin M.K.* The effect of criminality on face attractiveness, typicality, memorability and recognition // *North American Journal of Psychology*. 2004. Vol.6. P.145-154.
- Macrae C.N., Milne A.B., Griffiths R.J.* Counterfactual thinking and the perception of criminal behavior // *British Journal of Psychology*. 1993. Vol.24. P.221-236.
- Maercker A., Mehr A.* What if victims read a newspaper report about their victimization? A study on the relationship to PTSD symptoms in crime victims // *European Psychologist*. 2006. Vol.11. P.137-142.
- Magsud M.* The influence of social heterogeneity and sentimental credibility on moral judgments of Nigerian Muslim adolescents // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1977. Vol.8. P.113-121.
- Mahoney A.M., Daniel C.A.* Bridging the power gap. Narrative therapy with incarcerated women // *The Prison Journal*. 2006. Vol.86. P.75-88.
- Mak A.S., Heaven P.C.L., Rummery A.* The role of group identity and personality domains as indicators of self-reported delinquency // *Psychology, Crime & Law*. 2003. Vol.9. P.9-18.

Malamuth N.M., Check J.V.P. Debriefing effectiveness following exposure to pornographic rape depictions // *The Journal of Sex Research*. 1984. Vol.20. P.1-13.

Malouff J., Schutte N.S. Shaping juror attitudes: effects of requesting different damage amounts in personal injury trials // *The Journal of Social Psychology*. 1989. Vol.129. P.491-497.

Marshall W.L. Current status of North American assessment and treatment programs for sexual offenders // *Journal of Interpersonal Violence*. 1999. Vol.14. P.221-239.

Marshall W.L., Cripps E., Anderson D., Cortoni F.A. Self-esteem and coping strategies in child molesters // *Journal of Interpersonal Violence*. 1999. Vol.14. P.955-962.

Marshall L.L., Smith A. The effects of demand characteristics, evaluation anxiety, and expectancy on juror honesty during Voir Dire // *The Journal of Psychology*. 1980. Vol.120. P.205-217.

Maruna S., Mann R.E. A fundamental attribution error? Rethinking cognitive distortions // *Legal and Criminological Psychology*. 2006. Vol.11. P.155-177.

Marziano V., Ward T., Beech A.R., Pattison P. Identification of five fundamental implicit theories underlying cognitive distortions in child abusers: a preliminary study // *Psychology, Crime & Law*, January. 2006. Vol.12. P.97-105.

Masho S.W., Ahmed G. Age at sexual assault and posttraumatic stress disorder among women: prevalence, correlates, and implications for prevention // *Journal of Women's Health*. 2007. Vol.16. P.262-271.

Mason G.E., Riger S., Foley L.A. The impact of past sexual experiences on attributions of responsibility for rape // *Journal of Interpersonal Violence*. 2004. Vol.19. P.1157-1171.

Matthews B., Hubbard D.J., Latessa E. Making the next step: using evaluability assessment to improve correctional programming // *The Prison Journal*. 2001. Vol.81. P.454-472.

May D.C., Vartanian L.R., Virgo K. The impact of parental attachment and supervision on fear of crime among adolescent males // *Adolescence*. 2002. Vol.37. P.267-287.

Mazzocco P.J., Alicke M.D., Davis T.L. On the robustness of outcome bias: no constraint by prior culpability outcome bias // *Basic and Applied Social Psychology*. 2004. Vol.26. P.131-146.

McAllister H.A., Bregman N.J. Juror underutilization of eyewitness nonidentifications: theoretical and practical implications // *Journal of Applied Psychology*. 1986. Vol.71. P.168-170.

McAllister H.A., Blair M.J., Cerone L.G., Laurent M.J. Multimedia mug books: how multi should the media be? // *Applied Cognitive Psychology*. 2000. Vol.14. P.277-291.

McAllister H.A., Dale R.H.I., Keay C.E. Effects of lineup modality on witness credibility // *The Journal of Social Psychology*. 1993. Vol.133. P.365-376.

McConahay J.B. Pornography: the symbolic politic of fantasy // *Law and Contemporary Problems*. 1988. Vol.51. P.31-69.

McEwan S.L., De Man A.F., Simpson-Housley P. Acquaintance rape, ego-identity achievement, and locus of control // *Social Behavior and Personality*. 2005. Vol.33. P.587-592.

McFarland S., Mathews M. Do Americans care about human rights? // *Journal of Human Rights*. 2005. Vol.4. P.305-319.

McGraw K.M. Guilt following transgression: an attribution of responsibility approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol.83. P.247-256.

McKelvie S.J. Attitude toward capital punishment is related to capital and non-capital sentencing // *North American Journal of Psychology*. 2006. Vol.3. P.567-590.

McKimmie B.M., Newton C.J., Terry D.J., Schuller R.A. Jurors' responses to expert witness testimony: the effects of gender stereotypes // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2004. Vol.7. P.131-143.

McQuiston-Surrett D., Malpass R.S., Tredoux C.G. Sequential vs. simultaneous lineups. A review of methods, data, and theory // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2006. Vol.12. P.137-169.

Melnyk L., Bruck M. Timing moderates the effects of repeated suggestive interviewing on children's eyewitness memory // *Applied Cognitive Psychology*. 2004. Vol.18. P.613-631.

Memon A., Holley A., Milne R., Koehnken G., Bull R. Towards understanding the effects of interviewer training in evaluating the cognitive interview // *Applied Cognitive Psychology*. 1994. Vol.8. P.641-659.

Memon A., Vartoukian R. The effects of repeated questioning on young children's eyewitness testimony // *British Journal of Psychology*. 1996. Vol.87. P.403-415.

Memon A., Wark L., Holley A., Bull R., Koehnken G. Eyewitness performance in cognitive and structured interviews // *Memory*. 1997. Vol.5. P.639-656.

Middendorf K., Luginbuhl J. The value of a nondirective voir dire style in jury selection // *Criminal Justice and Behavior*. 1995. Vol.22. P.129-151.

Miguelles M., Garcia-Bajos E. Recall, recognition, and confidence patterns in eyewitness testimony // *Applied Cognitive Psychology*. 1999. Vol.13. P.257-268.

Mikula G. On the experience of injustice // *European Review of Social Psychology*. 1993. Vol.4. P.223–244.

Miles J.A., Naumann S.E. The effects of group affiliation on third parties' justice perceptions // *Current Research in Social Psychology*. 2003. Vol.8. №12.

Miller J.G., Bersoff D.M. Culture and moral judgment: how are conflicts between justice and interpersonal responsibilities resolved? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol.62. P.541-554.

Miller J.G., Bersoff D.M. The role of liking in perceptions of the moral responsibility to help: a cultural perspective // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1998. Vol.34. P.443–469.

Miller J.G., Bersoff D.M., Harwood R.L. Perceptions of social responsibilities in India and the United States: Moral imperatives or personal decisions? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 58. P.33–47.

Miller J., Bukva K. Intimate violence perceptions. Young adults' judgments of abuse escalating from verbal arguments // *Journal of Interpersonal Violence*. 2001. Vol.16. P.133-150.

Miller J.G., Gibson C., Ventura H.E., Schreck C.J. Reaffirming the significance of context: The Charlotte School Safety Program // *Journal of Criminal Justice*. 2005. Vol.33. P.477– 485.

Miller A.G., McHoskey J.W., Bane C.M., Dowd T.G. The attitude polarization phenomenon: role of response measure, attitude extremity, and behavioral consequences of reported attitude change // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol.64. P.561-574.

Mohr A. Family variables associated with peer victimization: does family violence enhance the probability of being victimized by peers? // *Swiss Journal of Psychology*. 2006. Vol.65. P.107-116.

Moran G., Comfort J.C. Neither «tentative» nor «fragmentary»: verdict preference of impaneled felony jurors as a function of attitude toward capital punishment // *Journal of Applied Psychology*. 1986. Vol.71. P.146-155.

Moretti M.M., Obsuth I., Odgers C.L., Reebye P. Exposure to maternal vs. paternal partner violence, PTSD, and aggression in adolescent girls and boys // *Aggressive Behavior*. 2006. Vol.32. P.385-395.

Morgan S.E., Palmgreen P., Stephenson M.T., Hoyle R.H., Lorch E.P. Association between message features and subjective evaluations of the sensation value of anti-drug public service announcements // *Journal of Communication*. 2003. P.512-526.

Morry M.M., Winkler E. Student acceptance and expectation of sexual assault // *Canadian Journal of Behavioral Science*. 2001. Vol.33.

Moston S., Stephenson G.M. The changing face of police interrogation //

Journal of Community & Applied Social Psychology. 1993. Vol.3. P.101-115.

Muir G., Lonsway K.A., Payne D.L. Rape myth acceptance among Scottish and American students // The Journal of Social Psychology. 1996. Vol.136. P.261-262.

Myers B., Greene E. The prejudicial nature of victim impact statements. Implications for capital sentencing policy // Psychology, Public Policy, and Law. 2004. Vol.10. P.492–515.

Myers J.E.B., Redlich A.D., Goodman G.S., Prizmich L.P., Imwinkelried E. Jurors' perceptions of hearsay in child sexual abuse cases // Psychology, Public Policy, and Law. 1999. Vol.5. P.388-419.

Myers M.A. Social background and the sentencing behavior of judges // Criminology. 1988. Vol.26. P.649-675.

Myrsky L., Helkama K. Moral reasoning and the use of procedural justice rules in hypothetical and real-life dilemmas // Social Justice Research. 2002. Vol.15. P.373-391.

Na E.Y., Loftus E.F. Conservative authoritarianism, attribution and internal-external locus of control // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1998. Vol.29. P.595–615.

Nagin D.S., Paternoster R. Personal capital and social control: the deterrence implications of a theory of individual differences in criminal offending // Criminology. 1994. Vol.32. P.581-604.

Narby D.J., Cutler B.L. Effectiveness of voir dire as a safeguard in eyewitness cases // Journal of Applied Psychology. 1994. Vol.79. P.724-729.

Narby D.J., Cutler B.L., Moran G. A meta-analysis of the association between authoritarianism and jurors' perceptions of defendant culpability // Journal of Applied Psychology. 1993. Vol.78. P.34-42.

Nee C., Ellis T. Treating offending children: what works? // Legal and Criminological Psychology. 2005. Vol.10. P.133–148.

Neuschatz J.S., Preston E.L., Burkett A.D., Toglia M.P., Lampinen J.M., Neuschatz J.S., Fairless A.H., Lawson D.S., Powers C.A., Goodsell C.A. The effects of post-identification feedback and age on retrospective eyewitness memory // Applied Cognitive Psychology. 2005. Vol.19. P.435–453.

Neuwirth K., Frederick E. Peer and social influence on opinion expression: combining the theories of planned behavior and the spiral of silence // Communication Research. 2004. Vol.31. P.669-703.

Niedermeier K.E., Kerr N.L., Messe L.A. Jurors' use of naked statistical evidence: exploring bases and implications of the Wells effect // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol.76. P.533-542.

Nielsen T.A., Stenstrom P., Levin R. Nightmare frequency as a function of

age, gender, and September 11, 2001: findings from an Internet questionnaire // *Dreaming*. 2006. Vol.16. P.145-158.

Nier J.A., Mottola G.R., Gaertner S.L. The O. J. Simpson criminal verdict as a racially symbolic event: a longitudinal analysis of racial attitude change // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. Vol.26. P.507-516.

Nikinova O., Ogloff J.R.P. Mock jurors' perceptions of child witnesses: the impact of judicial warning // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 2005. Vol.37. P.1-19.

Nolan J., Markham R. The accuracy-confidence relationship in an eyewitness task: anxiety as a modifier // *Applied Cognitive Psychology*. 1998. Vol.12. P.43-54.

Nurius P.S. Risk perception for acquaintance sexual aggression: a social-cognitive perspective // *Aggression and Violent Behavior*. 2000. Vol.5. P.63-78.

O'Barr W.M., Conley J.M. When juror watches a lawyer // *Barrister*. 1976. Vol.3. P.8-11.

O'Connell D.J. Investigating latent trait and life course theories as predictors of recidivism among an offender sample // *Journal of Criminal Justice*. 2003. Vol.31. P.455-467.

Oliver M.B. Caucasian viewers' memory of black and white criminal suspects in the news // *Journal of Communication*. 1999. Vol.49. P.46-60.

Olsen-Fulero L., Fulero S.M. Commonsense rape judgments: an empathy – complexity theory of rape juror // *Psychology, Public Policy and Law*. 1997. Vol.3. P.402-427.

Ortet-Fabregat G., Perez J., Lewis R. Measuring attitudes toward prisoners // *Criminal Justice and Behavior*. 1993. Vol.20. P.190-198.

Oser C.B. The criminal offending self-esteem nexus. Which version of the self-esteem theory is supported? // *The Prison Journal*. 2006. Vol.86. P.344-363.

O'Sullivan M. The fundamental attribution error in detecting deception: the boy-who-cried-wolf effect // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol.29. P.1316-1327.

Ostrowsky M.K., Messner S.F. Explaining crime for a young adult population: An application of general strain theory // *Journal of Criminal Justice*. 2005. Vol.33. P.463-476.

Padawer-Singer A., Barton A. The impact of pretrial publicity // *The jury system in America*/Ed. by R.J.Simon. Beverly-Hills, 1975.

Palmer E.J., Hollin C.R. Sociomoral reasoning perceptions of parenting and self-reported delinquency in adolescents // *Applied Cognitive Psychology*. 2001. Vol.15. P.85-100.

Palmiotto M.J., Unnithan N.P. The impact of citizen police academies on

participants. An exploratory study // *Journal of Criminal Justice*. 2002. Vol.30. P.101– 106.

Paschall M.J., Fishbein D.H. Executive cognitive functioning and aggression: a public health perspective // *Aggression and Violent Behavior*. 2002. Vol.7. P.215–235.

Patenaude J., Niyonsenga T., Fafard D. Changes in the components of moral reasoning during students' medical education: a pilot study // *Medical Education*. 2003. Vol.37. P.822–829.

Pathak M.K., Thompson W.C. From child to witness to jury. Effects of suggestion on the transmission and evaluation of hearsay // *Psychology, Public Policy, and Law*. 1999. Vol.5. P.372-387.

Payne B.K., Gaine R.R., Triplett R.A., Danner M.J.E. What drives punitive beliefs?: Demographic characteristics and justifications for sentencing // *Journal of Criminal Justice*. 2004. Vol.32. P.195– 206.

Payne B.K., Time V., Gaine R.R. Police chiefs' and students' attitudes about the Miranda warnings // *Journal of Criminal Justice*. 2006. Vol.34. P.653-660.

Pennington N. Causal reasoning and decision-making: the case of juror decisions Doctoral dissertation, Harvard University, 1981.

Pennington N., Hastie R. Evidence evaluation in complex decision making // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol.51. P.242-258.

Pennington N., Hastie R. Explaining the evidence: tests of the story model for juror decision making // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol.62. P.189-206.

Penrod S.D., Heuer L. Tweaking commonsense: assessing aids to jury decision-making // *Psychology, Public Policy and Law*. 1997. Vol.3. P.259-284.

Perfect T.J. The role of self-rated ability in the accuracy of confidence judgements in eyewitness memory and general knowledge // *Applied Cognitive Psychology*. 2004. Vol.18. P.157–168.

Perfect T.J., Hollins T.S., Hunt A.L.R. Practice and feedback effects on the confidence-accuracy relation in eyewitness memory // *Memory*. 2000. Vol.8. P.235–244.

Petee T.A. Recommended for release on recognizance: factors affecting pretrial release recommendations // *The Journal of Social Psychology*. 1994. Vol.134. P.375-382.

Peters D.P. The influence of stress and arousal on the child witness // *Suggestibility of children's recollections*. Washington: American Psychological Association, 1991. P.60-76.

Peters M.J.V., Jelacic M., Merkelbach H. When stereotypes backfire: trying

to suppress stereotypes produces false recollections of a crime // *Legal and Criminological Psychology*. 2006. Vol.11. P.327-336.

Peterson Z.D., Muehlenhard C.L. Was it rape? The function of women's rape myth acceptance and definitions of sex in labeling their own experiences // *Sex Roles*. 2004. Vol.51. P.129-144.

Peterson C., Whalen N. Five years later: children's memory for medical emergencies // *Applied Cognitive Psychology*. 2001. Vol.15. P.7-24.

Pfeifer J.E., Ogloff J.R.P. Mock juror rating of guilt in Canada: modern racism and ethnic heritage // *Social Behavior and Personality*. 2003. Vol.31. P.301-312.

Phillippon A.C., Cherryman J., Bull R., Vrij A. Lay people's and police officers' attitudes towards the usefulness of perpetrator voice identification // *Applied Cognitive Psychology*. 2007. Vol.21. P.103-115.

Pickel K.L. Distinguishing eyewitness descriptions of perceived objects from descriptions of imagined objects // *Applied Cognitive Psychology*. 1999. Vol.13. P.399-413.

Piquero A.R., White N.A. On the relationship between cognitive abilities and life course-persistent offending among a sample of African Americans: A longitudinal test of Moffitt's hypothesis // *Journal of Criminal Justice*. 2003. Vol.31. P.399-409.

Pithers W.D. Empathy. Definition, enhancement, and relevance to the treatment of sexual abusers // *Journal of Interpersonal Violence*. 1999. Vol.14. P.257-284.

Plaud J.J., Bigwood S.J. Supportive attitudes, sexual fantasy, social desirability and physiological arousal to sexually coercive stimuli // *Journal of General Psychology*. 1997. Vol.53. P.935-942.

Polaschek D.L.L., Ward T. The implicit theories of potential rapists. What our questionnaires tell us // *Aggression and Violent Behavior*. 2002. Vol.7. P.385-406.

Poole D.A., White L.X. Effects of question repetition on the eyewitness testimony of children and adults // *Developmental Psychology*. 1991. Vol.27. P.975-986.

Powell M.B., Ceci S., Hembrooke H. The effect of repeated experience on children's suggestibility // *Forensic psychology and law: traditional questions and new ideas*/Ed.by A.Czerederecka, T.Jaskiewicz-Obydzinska, J.Wojcikiewicz. Krakow, 2000. P.240-245.

Powell M.B., Thompson D.M. Contrasting memory for temporal-source and memory for content in children's discrimination of repeated events // *Applied Cognitive Psychology*. 1997. Vol.11. P.339-360.

Pozzulo J.D., Balfour J. Children's and adults' eyewitness identification accuracy when a culprit changes his appearance: comparing simultaneous and elimination lineup procedures // *Legal and Criminological Psychology*. 2006. Vol.11. P.25-34.

Pratt T.C., Godsey T.W. Social support and homicide: a cross-national test of an emerging criminological theory // *Journal of Criminal Justice*. 2002. Vol.30. P.589–601.

Prezza M., Pacilli M.G. Current fear of crime, sense of community, and loneliness in Italian adolescents: the role of autonomous mobility and play during childhood // *Journal of Community Psychology*. 2007. Vol.35. P.151–170.

Pritchard D., Hughes K.D. Patterns of deviance in crime news // *Journal of Communication*. 1997. Vol.47. P.49-67.

Pritchard M.E., Keenan J.M. Memory monitoring in mock jurors // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 1999. Vol.5. P.152-168.

Quackenbush R.L. A comparison of androgynous, masculine sex-typed and undifferentiated males on dimensions of attitudes toward rape // *Journal of Research in Personality*. 1989. Vol.23.

Quackenbush S.W., Barnett M.A. Recollection and evaluation of critical experiences in moral development: a cross-sectional examination // *Basic and Applied Social Psychology*. 2001. Vol.23. P.55–64

Quas J.A., Goodman G.S., Jones D.P.H. Predictors of attributions of self-blame and internalizing behavior problems in sexually abused children // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2003. Vol.44. P.723–736.

Quigley B., Tedeschi J. Mediating effects of blame attributions on feelings of anger // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol.22. P.1280–1288.

Raaijmakers Q.A.W., Engels C.M.E., Van Hoof A. Delinquency and moral reasoning in adolescence and young adulthood // *International Journal of Behavioral Development*. 2005. Vol.29. P.247–258.

Rainis N. Semantic contexts and face recognition // *Applied Cognitive Psychology*. 2001. Vol.15. P.173-186.

Ralph A., Sanders M. The 'Teen Triple P' Positive Parenting Program a preliminary evaluation // *Youth Studies Australia*. 2006. Vol.25. P.41-48.

Rankin J.H., Kern R. Parental attachments and delinquency // *Criminology*. 1994. Vol.32. P.495-515.

Ratcliff J.J., Lassiter G.D., Schmidt H.C., Snyder C.J. Camera perspective bias in videotaped confessions: experimental evidence of its perceptual basis // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2006. Vol.12. P.197-206.

Rattner A., Yagil D., Sherman-Segal C. The sense of entitlement to violate the law: legal disobedience as a public versus a private reaction // *Social Behavior and Personality*. 2003. P.545-556.

Rayburn N.R., Mendoza M., Davison G.C. Bystanders' perceptions of perpetrators and victims of hate crime. An investigation using the person perception paradigm // *Journal of Interpersonal Violence*. 2003. Vol.18. P.1055-1074.

Read J.D., Tollestrup P., Hammersley R., McFadzen E., Christensen A. The unconscious transference effect: are innocent bystanders ever misidentified? // *Applied Cognitive Psychology*. 1990. Vol.4. P.3-31.

Rector N.A., Bagby R.M. Minority juridical decision making // *British Journal of Social Psychology*. 1997. Vol.36. P.69-81.

Rector N.A., Bagby R.M., Nicholson R. The effect of prejudice and judicial ambiguity on defendant guilt ratings // *The Journal of Social Psychology*. 1993. Vol.133. P.651-659.

Regan P.C., Baker S.J. The impact of child witness demeanor on perceived credibility and trial outcome in sexual abuse cases // *Journal of Family Violence*. 1998. Vol.13. P.187-195.

Reiman A.J., Peace D.S. Promoting teachers' moral reasoning and collaborative inquiry performance: a developmental role-taking and guided inquiry study // *Journal of Moral Education*. 2002. Vol.31. P.51-66.

Reinard J.C., Arsenault J. The impact of forms of strategic and non-strategic Voir Dire questions on jury verdicts // *Communication Monographs*. 2000. Vol.67. P.158-177.

Ren L., Cao L., Lovrich N., Gaffney M. Linking confidence in the police with the performance of the police: Community policing can make a difference // *Journal of Criminal Justice*. 2005. Vol.33. P.55– 66.

Rest J.R., Narvaez D., Thoma S.J., Bebeau M.J. A Neo-Kohlbergian approach to morality research // *Journal of Moral Education*. 2000. Vol.29. P.381-395.

Reynolds S.J. Moral awareness and ethical predispositions: investigating the role of individual differences in the recognition of moral issues // *Journal of Applied Psychology*. 2006. Vol.91. P.233-243.

Rind B., Jaeger M., Strohmets D.B. Effect of crime seriousness on simulated jurors' use of inadmissible evidence // *The Journal of Social Psychology*. 1995. Vol.135. P.417-424.

Robbers M. Tough-mindedness and fair play. Personality traits as predictors of attitudes toward the death penalty – an exploratory gendered study // *Punishment & Society*. 2005. Vol.8. P.203-222.

Roberts K.P., Blades M. The effects of interacting in repeated events on children's eyewitness memory and source monitoring // *Applied Cognitive Psychology*. 1998. Vol.12. P.489-503.

Robinson D.T., Smith-Lovin L., Tsoudis O. Heinous crime or unfortunate accident? The effects of remorse on responses to mock criminal confessions // *Social Forces*. 1994. Vol.73. P.175-90.

Rock D., Greenberg D.M., Hallmayer J. Cyclical changes of homicide rates. A reanalysis of Brearley's 1932 data // *Journal of Interpersonal Violence*. 2003. Vol.18. P.942-955.

Roebers C.M., Schneider W. Individual differences in children's eyewitness recall: the influence of intelligence and shyness // *Applied Developmental Science*. 2001. Vol.5. P.9-20.

Roebers C.M., Schneider W. The impact of misleading questions on eyewitness memory in children and adults // *Applied Cognitive Psychology*. 2000. Vol.14. P.509-526.

Roediger III H.L., Geraci L. Aging and the misinformation effect: a neuropsychological analysis // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2007. Vol.33. P.321-334.

Romi S., Marom D. Differences in intelligence between nondelinquent and dropout delinquent adolescents // *Adolescence*. 2007. Vol.42. P.325-336.

Rosenthal E.H., Heesacker M., Neimeyer G.J. Changing the rape-supportive attitudes of traditional and nontraditional male and female college students // *Journal of Counseling Psychology*. 1995. Vol.42. P.171-177.

Rotenberg K.J., Hewlett M.G., Siegwart C.M. Principled moral reasoning and self-monitoring as predictors of jury functioning // *Basic and Applied Social Psychology*. 1998. Vol.20. P.167-173.

Rotenberg K.J., Hurlbert M.J. Legal reasoning and jury deliberations // *The Journal of Social Psychology*. 1992. Vol.132. P.543-544.

Rountree P.W., Land K.C. Perceived risk versus fear of crime: empirical evidence of conceptually distinct reactions in survey data // *Social Forces*. 1996. Vol.74. P.1353-1376.

Rudman L.A., Borgida E., Robertson B.A. Suffering in silence: procedural justice versus gender socialization issues in university sexual harassment grievance procedures // *Basic and Applied Social Psychology*. 1995. Vol.17. P.519-541.

Ruva C., McEvoy C., Bryant J.B. Effects of pre-trial publicity and jury deliberation on juror bias and source memory errors // *Applied Cognitive Psychology*. 2007. Vol.21. P.45-67.

Ryan K.M. Further evidence for a cognitive component of rape // *Aggression and Violent Behavior*. 2004. Vol.9. P.579-604.

Ryan M.K., David B., Reynolds K.J. Who cares? The effect of gender and context on the self and moral reasoning // *Psychology of Women Quarterly*. 2004. Vol.28. P.246–255.

Saks M.J., Hastie R. Social psychology in court. 1978.

Salekin R.T., Ogloff J.R.P., McFarland C., Rogers R. Influencing jurors' perceptions of guilt: expression of emotionality during testimony // *Behavioral Sciences and the Law*. 1995. Vol.13. P.293-305.

Salzinger S., Feldman R.S., Stockhammer T., Hood J. An ecological framework for understanding risk for exposure to community violence and the effects of exposure on children and adolescents // *Aggression and Violent Behavior*. 2002. Vol.7. P.423–451.

Sargent M.J., Bradfield A.L. Race and information processing in criminal trials: does the defendant's race affect how the facts are evaluated? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. Vol.30. P.995-1008.

Schissel B. A. Sociolegal analysis of Canadian youth justice: the impact of offender's race on judicial decisions // *Journal of Criminal Justice*. 1993. Vol. 21. P. 533-552.

Schlenker B.R., Britt T.W., Pennington J., Murphy R., Doherty K. The triangle model of responsibility // *Psychological Review*. 1994. Vol.101. P.632-652.

Schuller R.A., Wall A.-M. The effects of defendant and complainant intoxication on mock jurors' judgments of sexual assault // *Psychology of Woman Quarterly*. 1998. Vol.22. P.555-573.

Schwartz B.L., Fisher D.P., Hebert K.S. The Relation of output order and commission errors in free recall and eyewitness accounts // *Memory*. 1998. Vol.6. P.257-275.

Semmler C., Brewer N. Effects of mood and emotion on juror processing and judgments // *Behavioral Sciences and the Law*. 2002. Vol.20. P.423–436.

Severance T.A. “You know who you can go to”: cooperation and exchange between incarcerated women // *The Prison Journal*. 2005. Vol.85. P.343-367.

Severance L.J., Goodman J., Loftus E.F. Inferring the criminal mind: toward a bridge between legal doctrine and psychological understanding // *Journal of Criminal Justice*. 1992. Vol.20. P.107-120.

Shaffer D.R., Plummer D., Hammock G. Hath he suffered enough? Effects of jury dogmatism, defendant similarity, and defendant's pretrial suffering on juridic decisions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol.50. P.1059-1067.

Shaffer D.R., Wheatman S.R. Does personality influence reactions to judicial instructions? Some preliminary findings and possible implications // *Psychology Public Policy and Law*. 2000. Vol.6. P.655-676.

Shapiro L.R., Blackford C., Chen C.-F. Eyewitness memory for a simulated misdemeanor crime: the role of age and temperament in suggestibility // *Applied Cognitive Psychology*. 2005. Vol.19. P.267–289.

Shaver K.G., Drown D. On causality, responsibility, and self-blame: a theoretical note // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol.50. P.697-702.

Shaw J.I., Skolnick P. Sex differences, weapon focus, and eyewitness reliability // *The Journal of Social Psychology*. 1994. Vol.134. P.413-420.

Sheppard B.H. Justice is no simple matter: case for elaborating our model of procedural fairness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. Vol.49. P.953-962.

Shoham S.G., Rahav G., Markowski R, Chard F, Neuman F., Ben-Hail M., Baruch L., Esformes Y., Schwarzman Z., Rubin R., Mednick S., Buickhuisen W. Family parameters of violent prisoners // *The Journal of Social Psychology*. 1987. Vol.127. P.83-91.

Shotland R.L., Goodstein L. Sexual precedence reduces the perceived legitimacy of sexual refusal: an examination of attributions concerning date rape and consensual sex // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1992. Vol.18. P.756-764.

Sigurdsson J.F., Gudjonsson G.H., Peersen M. Differences in the cognitive ability and personality of desisters and re-offenders: a prospective study among young offenders // *Psychology, Crime & Law*. 2001. Vol.7. P.33-43.

Simbayi L.C., Kalichman S.C., Jooste S., Mathiti V., Cain D., Cherry C. HIV/AIDS risks among South African men who report sexually assaulting women // *American Journal Health Behavior*. 2006. Vol.30. P.158-166.

Simons R.L., Wu C.-I., Conger R.B., Lorenz F.O. Two routes to delinquency: differences between early and late starters in the impact of parenting and deviant peers // *Criminology*. 1994. Vol.32. P.247-272.

Sinclair H.C., Bourne L.E. Cycle of blame of just world. Effects of legal verdicts on gender patterns in rape-myth acceptance and victim empathy // *Psychology of Women Quarterly*. 1998. Vol.22. P.575-588.

Skoe E.E.A., Eisenberg N., Cumberland A. The role of reported emotion in real-life and hypothetical moral dilemmas // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol.28. P.962–973.

Slone A.E., Brigham J.C., Meissner C.A. Social and cognitive factors affecting the own-race bias in Whites // *Basic and Applied Social Psychology*. 2000. Vol.22. P.71–84.

Smith C., Thornberry T.P. The relationship between childhood maltreatment and adolescent involvement in delinquency // *Criminology*. 1995. Vol.33. P.451-479.

Smith S.M., Stinson V., Prosser M.A. Do they all look alike? An exploration of decision-making strategies in cross-race facial identifications // Canadian Journal of Behavioural Science. 2004. Vol.36. P.146-154.

Smith S.M., Vela E. Environmental context-dependent eyewitness recognition // Applied Cognitive Psychology. 1992. Vol.6. P.125-139.

Smith V.L. Prototypes in the courtroom: lay representations of legal concepts // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. Vol.61. P.857-872.

Snarey J.R. Cross-cultural universality of social-moral development: a critical review of Kohlbergian research // Personality Bulletin. 1985. Vol.97. P.202–232.

Sommers S.R. On racial diversity and group decision making: identifying multiple effects of racial composition on jury deliberations // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. P.597-612

Sommers S.R., Ellsworth P.C. White juror bias. An investigation of prejudice against Black defendants in the American courtroom // Psychology, Public Policy, and Law. 2001. Vol.7. P.201-229.

Sotirovic M. Affective and cognitive processes as mediators of media influences on crime-policy preferences // Mass Communication & Society. 2001. Vol.4. P.311–329.

Spano R., Nagy S. Social guardianship and social isolation: an application and extension of lifestyle/routine activities theory to rural adolescents // Rural Sociology. 2005. Vol.70. P.414–437.

Spanos N.P. Hypnosis, age regression, and memory // Multiple identities & false memories: A sociocognitive perspective. Washington: American Psychological Association, 1996. P.91-104.

Spanos N.P., Gwynn M.I., Terrade K. Effects on mock jurors of experts favorable and unfavorable toward hypnotically elicited eyewitness testimony // Journal of Applied Psychology. 1989. Vol.74. P.922-926.

Spence J.T., Losoff M., Robbins A. Sexually aggressive tactics in dating relationships: personality and attitudinal correlates // Journal of Social and Clinical Psychology. 1991. Vol.10. P.289–304.

Spini D., Doise W. Organizing principles of involvement in Human rights and their social anchoring in value priorities // European Journal of Social Psychology. 1998. Vol.28. P.603–622.

Sporer S.L. Recognizing faces of other ethnic groups. An integration of theories // Psychology Public Policy and Law. 2001. Vol.7. P.36-97.

Sporer L., Bursch E.E., Schreiber N., Weiss P.E., Hoefler E., Sievers K., Kohnken G. Detection deception with the Aberdeen report judgment scales:

inter-rater reliability // *Forensic psychology and law: traditional questions and new ideas*/Ed.by A.Czerederecka, T.Jaskiewicz-Obydzinska, J.Wojcikiewicz. Krakow, 2000. P.197-204.

Sporer S.L., Schwandt B. Moderators of nonverbal indicators of deception. A meta-analytic synthesis // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2007. Vol.13. P.1–34.

Stalans L.J. Citizens' crime stereotypes, biased recall and punishment preferences in abstract cases: the educative role of interpersonal sources // *Law and Human Behavior*. 1993. Vol.17. P.451-470.

Starzyk K.B., Marshall W.L. Childhood family and personological risk factors for sexual offending // *Aggression and Violent Behavior*. 2003. Vol.8. P.93–105.

Steffensmeier D., Kramer J., Streifel C. Gender and imprisonment decision // *Criminology*. 1993. Vol.31. P.411-445.

Stillwell A.M., Baumeister R.F. The construction of victim and perpetrator memories: accuracy and distortion in role-based accounts // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997. Vol.23. P.1157–1172.

Stoffelmayr E., Diamond S.S. The conflict between precision and flexibility in explaining “beyond a reasonable doubt” // *Psychology, Public Policy and Law*. 2000. Vol.6. P.769-787.

Stroessner S.J., Heuer L.B. Cognitive bias in procedural justice: formation and implications of illusory correlations in perceived intergroup fairness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol.71. P.717-728.

Studenbaker C.A., Penrod S.D. Pretrial publicity: the media, the law and common sense // *Psychology, Public Policy and Law*. 1997. Vol.3. P.428-460.

Stylianou S. Measuring crime seriousness perceptions: What have we learned and what else do we want to know // *Journal of Criminal Justice*. 2003. Vol.31. P.37– 56.

Sue S., Smith R.E., Cadwell C. Effects of inadmissible evidence on the decisions of simulated jurors: a moral dilemma // *Journal of Applied Social Psychology*. 1973. Vol.3. P.345-353.

Stein C.R., Hastie R., Payne J.W., Schkade D.A., Viscusi W.K. Punitive damages: how juries decide. Chicago, London., 2002.

Sunwolf, Seibold D.R. Jurors' intuitive rules for deliberation: a structural approach to communication injury decision making // *Communication Monographs*. 1998. Vol.65. P.282-307.

Sykes D.L., Johnson J.T. Probabilistic evidence versus the representation of an event: the curious case of Mrs. Prob's Dog // *Basic and Applied Social Psychology*. 1999. Vol.21. P.199–212.

Tabone C., Pardine P., Salzano J. Why do women accept the rape myth? Poster presented at the annual meeting of the Eastern psychological association. Boston, 1992.

Tan C., Murrell S. Respondent characteristics in citizen evaluation of municipal services // *Social Indicators Research*. 1984. Vol.14. P.29–52.

Tang C. S-K., Cheung F. M-C., Chen R., Sun X. Definition of violence against women. A comparative study in Chinese societies of Hong Kong, Taiwan, and the People's Republic of China // *Journal of Interpersonal Violence*. 2002. Vol.17. P.671-688.

Tapp J.L., Kohlberg L. Developing senses of law and legal justice // *The Journal of Social Issues*. 1971. Vol.27. P.65–92.

Tapp J.L., Levine F.J. (Eds). Law, justice and the individual in society: psychological and legal issues. N.Y., 1977.

Tarolla S.M., Wagner E.F., Rabinowitz J., Tubman J.G. Understanding and treating juvenile offenders: A review of current knowledge and future directions // *Aggression and Violent Behavior*. 2002. Vol.7. P.125–143.

Tartaro C. The impact of density on jail violence // *Journal of Criminal Justice*. 2002. Vol.30. P.499– 510.

Taylor J.G., Baker S.B. Psychosocial and moral development of PTSD-diagnosed combat veterans // *Journal of Counseling & Development*. 2007. Vol.85. P.364-369.

Taylor T.J., Turner K.B., Esbensen F-A., Winfree Jr. L.T. Coppin' an attitude. Attitudinal differences among juveniles toward police // *Journal of Criminal Justice*. 2001. Vol.29. P.295-305.

Tedeschi J.T., Felston R.B. Criminological theories // *Violence, aggression, and coercive actions*. Washington: American Psychological Association, 1994. P.127-152.

Terry R.L. Effects of facial transformations on accuracy of recognition // *The Journal of Social Psychology*. 1994. Vol.134. P.483-492.

Thierry K.L., Spence M.J. A real-life event enhances the accuracy of preschoolers' recall // *Applied Cognitive Psychology*. 2004. Vol.18. P.297–309.

Tindale R.S., Vollrath D.A., Davis J.H., Nagao D.H., Hinsz V.B. Asymmetrical social influence in freely interacting groups: a test of three models // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol.58. P.438-149.

Tomes J.L., Katz A.N. Habitual susceptibility to misinformation and individual differences in eyewitness memory // *Applied Cognitive Psychology*. 1997. Vol.11. P.233-251.

Tonry M.H. Malign neglect: race, crime and punishment in America. N.Y., 1995.

Tostain M., Lebreuilly J. Rational model and justification model in 'outcome bias' // *European Journal of Social Psychology*. 2008. Vol.38. P.272-279.

Tredoux C., Parker J.F., Nunez D. Predicting eyewitness identification accuracy with mock witness measures of lineup fairness: quality of encoding interacts with lineup format // *South African Journal of Psychology*. 2007. Vol.37. P.207–222.

Treuer T., Koperdak M., Rozsa S., Furedi J. The impact of physical and sexual abuse on body image in eating disorders // *European Eating Disorders Review*. 2005. Vol.13. P.106–111.

Tsoudis O. Relation of affect control theory to the sentencing of criminals // *The Journal of Social Psychology*. 2000. Vol.140. P.473-485.

Tsoudis O. The likelihood of victim restitution in mock cases: are the 'rules of the game' different from prison and probation? // *Social Behavior and Personality*. 2000. Vol.28. P.481-498

Tuckey M.R., Brewer N. How schemas affect eyewitness memory over repeated retrieval attempts // *Applied Cognitive Psychology*. 2003. Vol.17. P.785–800.

Turner M.G., Piquero A.R., Pratt T.C. The school context as a source of self-control // *Journal of Criminal Justice*. 2005. Vol.33. P.327– 339.

Tyler T.R. The psychology of procedural justice: a test of the group-value model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol.57. P.830-838.

Tyler T.R. The role of perceived injustice in defendant's evaluation of their courtroom experience // *Law and Society Review*. 1984. Vol.18. P.51–74.

Tyler T.R. Why citizens follow the law: procedural justice, legitimacy and compliance. Unpublished manuscript, Northwestern University, 1987.

Tyler T.R., Devinitz V. Self-serving bias in the attribution of responsibility: cognitive versus motivational explanation // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1981. Vol.17. P.408–416.

Tyler T.R., Folger R. Distributional and procedural aspects of satisfaction with citizen-police encounters // *Basic and Applied Social Psychology*. 1980. Vol.1. P.281-292.

Valentine T., Heaton P. An evaluation of the fairness of police line-ups and video identifications // *Applied Cognitive Psychology*. 1999. Vol.13. P.59-72.

Valkenburg P.M., Beentjes J.W.J. Children's creative imagination in response to radio and television stories // *Journal of Communication*. 1997. Vol.87. P.21-38.

Van Der Wurff A., Stringer P. Measuring fear of crime in residential environments // *Environmental Social Psychology*/Ed. by D. Canter, J.C. Jesuino, L. Soczka, G.M. Stephenson. Dordrecht, 1988. P.135–148.

Van Der Wurff A., Van Staalduinen L., Stringer P. Fear of crime in residential environments: testing a social psychological model // *The Journal of Social Psychology.* 1989. Vol.129. P.141–60.

Van Zomeren M., Lodewijkx H.F.M. Motivated responses to 'senseless' violence: Explaining emotional and behavioural responses through person and position identification // *European Journal of Social Psychology.* 2005. Vol.35. P.755-766.

Vanlear C.A., Mabry E.A. Testing contrasting interaction models for discriminating between consensual and dissentient decision-making groups // *Small Group Research.* 1999. Vol.30. P.29-58.

Varelas N., Foley L.A. Blacks' and Whites' perceptions of interracial and intraracial date rape // *The Journal of social Psychology.* 1998. Vol.138. P.392–400.

Viki G.T., Culmer M., Eller A., Abrams D. Race and willingness to cooperate with the police: the roles of quality of contact, attitudes towards the behaviour and subjective norms // *British Journal of Social Psychology.* 2006. Vol.45. P.285-302.

Vinson D.E. The jury trials: the psychology of winning strategy. Charlottesville, 1986.

Vrij A. Credibility judgments of detectives: the impact of nonverbal behavior, social skills, and physical characteristics on impression formation // *The Journal of Social Psychology.* 1993. Vol.133. P.601-610.

Vrij A. Wearing black clothes: the impact of offenders' and suspects' clothing on impression formation // *Applied Cognitive Psychology.* 1997. Vol.11. P.47-53.

Vrij A., Akehurst L., Soukara S., Bull R. Detecting deceit via analyses of verbal and nonverbal behavior in children and adults // *Human Communication Research.* 2004. Vol. 30. P.8-41.

Vrij A., Edward K., Bull R. Stereotypical verbal and nonverbal responses while deceiving others // *Personality and Social Psychology Bulletin.* 2001. Vol.27. P.899-909.

Vrij A., Mann S., Edward K. I think it was a green scarf but I am not sure. Raising doubts about one's own testimony during lying and truth telling // *Forensic psychology and law: traditional questions and new ideas/Ed.by A.Czerederecka, T.Jaskiewicz& Obydzinska, J.Wojcikiewicz.* Krakow, 2000. P.205-207.

Walker L., LaTour S., Lind E.A., Thibaut J. Reactions of participants and observers to modes of adjudication // *Journal of Applied Social Psychology.* 1974. Vol.4. P.295–310.

Walker L., Lind E.A., Thibaut J. The relation between procedural and distributive justice // *Virginia Law Review.* 1979. Vol.65. P.1001–1420.

Walker W.D., Rowe R.C., Quinsey V.L. Authoritarianism and sexual aggression // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol.65. P.1036–1045.

Wallace L.H., May D.C. The impact of parental attachment and feelings of isolation on adolescent fear of crime at school // Adolescence. 2005. Vol.40. P.457-474.

Walster E. Assignment of responsibility for accident // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol.3. P.73–79.

Walter B. The jury summation as speech genre. Amsterdam/Philadelphia, 1988.

Walters G.D. Predictors of early termination in a prison-based program of psychoeducation Federal Correctional Institution // The Prison Journal. 2004. Vol.84. P.171-183.

Wandrei M.L., Rupert P.A. Professional psychologist' conceptualizations of intimate partner violence // Psychotherapy. 2000. Vol.37. P.270-283.

Wang D., Anderson N.H. Excuse-making and blaming as a function of internal-external locus of control // European Journal of Social Psychology. 1994. Vol.24. P.295–302.

Ward T. Sexual offenders' cognitive distortions as implicit theories // Aggression and Violent Behavior. 2000. Vol.5. P.491–507.

Ward T., Keenan T., Hudson S.M. Understanding cognitive, affective, and intimacy deficit in sexual offenders: a developmental perspective // Aggression and Violent Behavior. 2000. Vol.5. P.41–62.

Ward R.A., Loftus E.F. Eyewitness performance in different psychological types // The Journal of General Psychology. 1985. Vol.112. P.191-200.

Wark G.R., Krebs D.L. Gender and dilemma differences in real-life moral judgment // Developmental Psychology. 1996. Vol.32. P.220-230.

Warr M. Altruistic fear of victimization in households // Social Science Quarterly. 1992. Vol.73. P.723–736.

Warren A.R., Nunez N., Keeney J.M., Buck J.A., Smith B. The believability of children and their interviewers' hearsay testimony: when less is more // Journal of Applied Psychology. 2002. Vol.87. P.846–857.

Weatcott H.L., Kynan S., Few C. Improving the quality of investigative interviews for suspected child abuse: a case study // Psychology, Crime & Law, January 2006. Vol.12. P.77-96.

Weber N., Brewer N. Positive versus negative face recognition decisions: confidence, accuracy, and response latency // Applied Cognitive Psychology. 2006. Vol.20. P.17-31.

Wegener D.T., Fleming M.A., Kerr N.L., Petty R.E. Flexible correction of juror judgements: implications for jury instructions // Psychology, Public Policy

and Law. 2000. Vol.6. P.629-654.

Weigold A., Wentura D. Who's the one in trouble? Experimental evidence for a 'psychic state' bias in lineups // *European Journal of Social Psychology*. 2004. Vol.34. P.121-133.

Weitzer R., Kubrin C.E. Breaking news: how local TV news and real world conditions affect fear of crime // *Justice Quarterly*. 2004. Vol.21. P.497-520.

Wells G.L., Bradfield A.L. Distortions in eyewitnesses' recollection: can the postidentification-feedback effect be moderated? // *Psychological Science*. 1999. Vol.10. P.138-144.

Wendorf C.A., Alexander S., Firestone I.J. Social justice and moral reasoning: an empirical integration of two paradigms in psychological research // *Social Justice Research*. 2002. Vol.15. №1.

Westcott H.L., Kynan S. The application of a 'story-telling' framework to investigative interviews for suspected child sexual abuse // *Legal and Criminological Psychology*. 2004. Vol.9. P.37-56.

Whitley M.A. Victim characteristics influencing attributions of responsibility to rape victims: a meta-analysis // *Aggression and Violent Behavior*. 1996. Vol.1. P.81-95.

White B.H., Kurpius S.E.R. Attitudes toward rape victims. Effects of gender and professional status // *Journal of Interpersonal Violence*. 1999. Vol.14. P.989-995.

White J., Manolis C. Individual differences in ethical reasoning among law students // *Social Behavior and Personality*. 1997. Vol.25. P.19-48.

White T.L., Leichtman M.D., Ceci S.J. The good, the bad, and the ugly: accuracy, inaccuracy, and elaboration in preschoolers' reports about a past event // *Applied Cognitive Psychology*. 1997. Vol.11. P.37-54.

Wickham L.H.V., Swift H. Articulatory suppression attenuates the verbal overshadowing effect: a role for verbal encoding in face identification // *Applied Cognitive Psychology*. 2006. Vol.20. P.157-169.

Wiegand B., Bennett R. The will to win: determinants of public support for the drug war in Belize // *Crime, Law and Social Change*. 1993. Vol.19. P.203-220.

Wiener R.L., Gaborit M., Pritchard C.C., McDonough E.M., Staebler C.R., Wiley D.C., Goldkamp K.S. Counterfactual thinking in mock juror assessments of negligence: a preliminary investigation // *Behavioral Sciences and the Law*. 1994. Vol.12. P.89-102.

Wiener R.L., Pritchard C.C., Weston M. Comprehensibility of approved jury instructions in capital murder cases // *Journal of Applied Psychology*. 1995. Vol.80. P.455-467.

Wiener R.L., Richmond T.L., Seib H.M., Rauch S.M., Hackney A.A. The psychology of telling murder stories: do we think in scripts, exemplars, or prototypes? // Behavioral Sciences and the Law. 2002. Vol.20. P.119–139.

Wiener R.L., Rogers M., Winter R., Hurt L., Hackney A., Kadela K., Seib H., Rauch S., Warren L., Morasco B. Guided jury discretion in capital murder cases. The role of declarative and procedural knowledge // Psychology, Public Policy, and Law. 2004. Vol.10. P.516–576.

Wilhelmy R., Bull R., Vrij A. Pictures of the mind: does drawing lead to more errors in children's recollection of an argumentative event // Forensic psychology and law: traditional questions and new ideas/Ed.by A.Czerederecka, T.Jaskiewicz-Obydzinska, J.Wojcikiewicz. Krakow, 2000. P.208-214.

Winkel F.W., Vrij A. Facilitating problem- and emotion-focused coping in victims of burglary: evaluating a police crisis intervention program // Journal of Community Psychology. 1993. Vol.21. P.97-112.

Winningham R.G., Weaver III C.A. The effects of pressure to report more details on memories of an eyewitness event // European Journal of Cognitive Psychology. 2000. Vol.12. P.271-282.

Wissler R.L., Kuehn P.F., Saks M.J. Instructing jurors on general damages in personal injury cases. Problems and possibilities // Psychology, Public Policy, and Law. 2000. Vol.6. P.712-742.

Witte T.H., Schroeder D.A., Lohr J.M. Blame for intimate partner violence: an attributional analysis // Journal of Social and Clinical Psychology. 2006. Vol.25. P.647-667.

Wolf Y. Modularity in everyday life judgments of aggression and violent behavior // Aggression and Violent Behavior. 2001. Vol.6. P.1-34.

Worth L.T., Allison S.T., Messick D.M. Impact of a group decision on perception of one's own and others' attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol.83. P.675-682.

Worthington D.L. Exploring juror's listening processes: the effect of listening style preference on juror decision making // International Journal of Listening. 2001. Vol.15. P.20-37.

Worthington D.L., Stallard M.J., Price J.M., Goss P.J. Hindsight bias, Daubert, and the silicone breast implant litigation. Making the case for court-appointed experts in complex medical and scientific litigation // Psychology, Public Policy, and Law. 2002. Vol.8. P.154–179.

Wright D.B., Loftus E.F., Hall M. Now you see it: now you don't: inhibiting recall and recognition of scenes // Applied Cognitive Psychology. 2001. Vol.15. P.471-482.

Wright D.B., Self G., Justice C. Memory conformity: exploring misinformation effects when presented by another person // *British Journal of Psychology*. 2000. Vol.91. P.189-202.

Wright D.B., Wareham G. Mixing sound and vision: the interaction of auditory and visual information for eyewitnesses of a crime scene // *Legal and Criminological Psychology*. 2005. Vol.10. P.103–108.

Wu B., McCaghy C.H. Attitudinal determinants of public opinion toward legalized pornography // *Journal of Criminal Justice*. 1993. Vol.21. P.13–27.

Xenos S., Smith D. Perceptions of rape and sexual assault among Australian adolescents and young adults // *Journal of Interpersonal Violence*. 2001. Vol.16. P.1103-1119.

Yamawaki N., Darby R., Queiroz A. The moderating role of ambivalent sexism: the influence of power status on perception of rape victim and rapist // *The Journal of Social Psychology*. 2007. Vol.147. P.41-56.

Yarmey A.D., Yarmey A.L., Yarmey M.J. Face and voice identifications in show ups and lineups // *Applied Cognitive Psychology*. 1994. Vol.8. P.451-464.

Yost M.R., Zurbriggen E.L. Gender differences in the enactment of sociosexuality: an examination of implicit social motives, sexual fantasies, coercive sexual attitudes, and aggressive sbexual behavior // *The Journal of Sex Research*. 2006. Vol.43. P.163-173.

Zarinpoush F., Cooper M., Moylan S. The effects of happiness and sadness on moral reasoning // *Journal of Moral Education*. 2000. Vol.29. P.397-412.

Zellerer E. Culturally competent programs: the first family violence program for Aboriginal men in prison // *The Prison Journal*. 2003. Vol.83. P.171-190.

Zurbriggen E.L., Yost M.R. Power, desire, and pleasure in sexual fantasies // *The Journal of Sex Research*. 2004. Vol.41. P.288-300.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ОСНОВА ПОВЕДЕНИЯ В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ	24
I. Определение и традиционные направления изучения правосознания	24
1. Определение правосознания	24
2. Виды правосознания	27
3. Функции правосознания	28
4. Основные свойства правосознания	32
5. Подходы к изучению правосознания	41
6. Содержание обыденного правосознания на примере аттитюдов к преступлениям и преступникам	44
7. Основные проблемы изучения правосознания	65
II. Атрибуция ответственности и вины как составляющая правосознания	68
1. Определение атрибуции ответственности и вины ...	68
2. Модели атрибуции ответственности и вины	72
3. Факторы, оказывающие влияние на атрибуцию ответственности и вины	75
4. Проблемы изучения атрибуции ответственности и вины за преступление	86
III. Обыденные представления о справедливости как составляющая правосознания	90

1. Виды справедливости	90
2. Последствия соблюдения справедливости в правовой сфере.....	92
ГЛАВА 2. ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ.....	95
I. Определение и виды правовой социализации	95
II. Модели правовой социализации	96
1. Модель морального развития Ж.Пиаже	96
2. Модель морального развития Л.Колберга.....	99
3. Модель морального развития К.Гиллиган.....	111
4. Модель морального развития Дж.Тапп и Ф.Левина	116
5. Модель правового развития Р.Акерса.....	122
6. Сравнение когнитивной и бихевиоральной моделей правовой социализации.....	123
III. Институты правовой социализации	127
1. Роль семьи в правовой социализации	127
2. Роль образовательных учреждений в правовой социализации.....	129
3. Средства массовой коммуникации и правовая социализация	132
4. Правовая социализация в рамках правоохранительной и судебной системы	144
5. Культура как контекст правовой социализации	146
6. Проблемы изучения правовой социализации	149
ГЛАВА 3. ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ.....	152
I. Психологическая структура преступного акта.....	152
II. Психологические механизмы совершения преступления	155

III. Подходы к объяснению преступного поведения	163
1. Индивидуальный подход.....	164
2. Роль малых групп в формировании преступника...	175
3. Влияние общества на уровень преступности	188
4. Влияние ситуации на совершение преступлений...	189
IV. Профилактика преступности	198
1. Эффективность уголовного наказания	199
2. Стратегии профилактики преступности	206

ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ

I. Точность показаний свидетелей: «добросовестное заблуждение»	225
1. Особенности преступления.....	227
2. Особенности процедуры допроса и опознания	230
3. Характеристики свидетелей	243
4. Эксперт по свидетелям как участник судебного процесса.....	258
II. Психологические аспекты ложных показаний.....	261
1. Точность опознания лжи	261
2. Роль невербального поведения коммуникатора	263
3. Особенности речи лгущего человека	264
4. Детектор лжи	267
5. Влияние стиля допроса на признание подозреваемого	269

ГЛАВА 5. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СУДЬИ

I. Факторы, влияющие на решение относительно положения обвиняемого до суда	275
--	-----

II. Факторы, оказывающие влияние на решение о виновности	278
III. Факторы, оказывающие влияние на решение о наказании	279
ГЛАВА 6. ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ КАК УЧАСТНИКИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА	285
I. Основные идеи и процедура суда присяжных.....	285
II. Соответствие вердиктов присяжных решениям профессиональных судей.....	296
III. Стратегии анализа информации, полученной в ходе судебного процесса.....	297
IV. Анализ процесса вынесения вердикта	298
1. Правила вынесения вердикта по Г.Гарфинкелю	299
2. Модель истории Р.Хэсти, С.Пенрода и Н.Пеннингтон.....	300
V. Факторы, оказывающие влияние на вердикт присяжных	311
1. Зависимость вердикта от особенностей рассматриваемого дела	312
2. Влияние на вердикт показаний свидетеля	316
3. Влияние на вердикт показаний эксперта	320
4. Зависимость вердикта от особенностей подсудимого	325
5. Зависимость вердикта от особенностей потерпевшего	331
6. Влияние индивидуальных особенностей присяжных на вердикт	333
7. Особенности групповой дискуссии присяжных	354
8. Влияние судьи на вердикт присяжных	371
VI. Изменение процедуры суда присяжных.....	381

ГЛАВА 7. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА И ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ	386
I. Эффективность и этичность использования коммуникативных техник в зале суда	386
II. Психологические задачи сторон в судебном процессе с участием присяжных заседателей	389
III. Вопросы, использующиеся для отбора присяжных	394
IV. Элементы коммуникативной ситуации, механизм и стадии убеждения	403
V. Невербальная коммуникация в зале суда.....	408
VI. Вербальная коммуникация: факторы, оказывающие влияние на эффективность сообщения	410
VII. Каузальная атрибуция в судебных речах.....	441
VIII. Проблемы изучения убеждающей коммуникации в зале суда.....	446
Список литературы	451

ИЗДАТЕЛЬСТВО НОУ ВПО МОСКОВСКОГО ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Издательство создано в 1995 году при Московском психолого-социальном институте. Институт готовит специалистов в области психологии, специальной психологии и социальной педагогики, логопедии, а также в области права и экономики, социально-культурного сервиса и туризма, лингвистики.

Авторами учебников и учебных пособий для высшей школы, издаваемых институтом, являются известные ученые и преподаватели, виднейшие специалисты в различных областях гуманитарных наук, научная и преподавательская деятельность которых широко известна не только в России и странах СНГ, но и далеко за их пределами.

Для обеспечения учебного процесса Московским психолого-социальным институтом издается в год более 200 наименований научной, учебной и учебно-методической литературы, разработанной на основе нового поколения государственных образовательных стандартов и грифовой РИСО Российской академии образования. Учебная литература Московского психолого-социального института востребована студентами и преподавателями вузов. Издаваемая литература выходит в сериях: «Библиотека педагога-практика», «Библиотека социального работника», «Библиотека социального педагога», «Библиотека школьного психолога», «Преподавание психологии в школе», «Библиотека психолога», «Библиотека логопеда», «Библиотека студента», «Библиотека юриста», «Библиотека экономиста», «Библиотека менеджера» и пр. Завершено издание 70-ти томов уникальной серии «Психологии Отечества», не имеющей аналогов в мире. В 2004 г. вышли в свет первые издания новой серии «Психологи России», в которой представлены работы ведущих психологов России XX века.

Ознакомиться с полным ассортиментом изданий и сделать заказ можно по адресу: 115191, г. Москва, 4-й Рощинский проезд, д. 9а.

E-mail: publish@col.ru или ipppk@yandex.ru

Справки о наличии книг, контейнерная отправка заказов, заключение договоров на поставку литературы по тел./факс: (495) 234-43-15 или тел. 958-19-00 (доб. 111).

Лицензия на издательскую деятельность ИДЛ № 06106 от 23.10.01.

Министерство образования и науки Российской Федерации

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский психолого-социальный институт»
(НОУ ВПО «МПСИ»)

Лицензия на право образовательной деятельности
Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки
Серия А № 268558 от 07.06.2007. Регистрационный № 8919
Свидетельство о государственной аккредитации Серия АА
№ 000705 от 07.06.2007. Регистрационный № 0683

Год основания МПСИ — 1995

Обучение в Московском психолого-социальном институте даст Вам
классическое высшее образование по специальностям:

- Бухгалтерский учет, анализ и аудит
- Государственное и муниципальное управление
- Дошкольная педагогика и психология
- Информационные технологии (по областям)
- Логопедия
- Менеджмент организации
- Психология
- Социальная работа
- Социально-культурный сервис и туризм
- Теория и методика преподавания иностранных языков и культур
- Финансы и кредит
- Юриспруденция

Формы обучения — очная, очно-заочная (вечерняя), заочная (стандартная и группы выходного дня).

Второе высшее образование.

Сокращенные сроки обучения на базе среднего специального образования.

Обучение в институте платное.

Студентам очного отделения на время обучения предоставляется отсрочка от службы в Вооруженных силах РФ.

Иногородние студенты заочной формы обучения на время сдачи экзаменов обеспечиваются общежитием.

По окончании обучения выдается Государственный диплом.

На базе 10–11 классов работают подготовительные курсы.

Аспирантура: обучение по специальностям «педагогика», «психология», «экономика и управление», «юриспруденция».

Обучение в аспирантуре — платное.

При МПСИ работает **диссертационный совет К 521.027.01** по защите кандидатских диссертаций по специальностям 19.00.01 — педагогическая психология; 13.00.01 — общая педагогика, история педагогики и образования.

Адрес института: 115191, Москва, 4-й Рошинский проезд, дом 9а

Проезд: метро «Шаболовская», далее трамв. 26 до ост. «3-я Рошинская улица»

Приемная комиссия: тел. (495) 232-10-70; 958-19-00 доб. 133

Подготовительные курсы: тел. (495) 958-19-00 доб. 101

Управление по работе с филиалами: тел. (495) 954-31-62

Аспирантура: (495) 958-19-00 доб. 129

http: www.mpsinst.ru, E-mail: mpsi@col.ru

Учреждение Российской Академии образования

«Институт профессиональной подготовки и переподготовки научно-педагогических кадров» (ИПППК РАО)

Лицензия на право ведения образовательной деятельности в сфере профессионального образования №24П-0248 от 12.07.2002 г.

Институт профессиональной подготовки и переподготовки научно-педагогических кадров Российской академии образования проводит прием слушателей на курсы профессиональной переподготовки и повышения квалификации по следующим направлениям:

Профессиональная переподготовка:

- Специальная психология
- Социальная педагогика
- Логопедия
- Менеджмент организации
- Государственное и муниципальное управление
- Педагогика и психология
- Клиническая психология
- Педагогика
- Психология
- Юриспруденция
- Финансы и кредит
- Лингвистика и межкультурная коммуникация
- Социально-культурный сервис и туризм

Повышение квалификации:

- Социальная педагогика
- Государственное и муниципальное управление
- Педагогика и психология
- Клиническая психология
- Логопедия
- Психология
- Менеджмент организации
- Специальная психология
- Педагогика
- Юриспруденция
- Финансы и кредит
- Лингвистика и межкультурная коммуникация
- Социально-культурный сервис и туризм

По окончании института выдаются документы государственного образца: диплом о профессиональной переподготовке; свидетельство о повышении квалификации; удостоверение о краткосрочном повышении квалификации.

Адрес института: 119121, г. Москва, ул. Погодинская, 8, комн. 220.

Телефон: (495) 245-66-71 Мясникова Марина Александровна.

(495) 232-10-69 Шарендо Людмила Михайловна

О.А. Гулевич

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Учебное пособие

Издательство

**НОУ ВПО Московского психолого-социального института
115191, г. Москва, 4-й Рощинский проезд, д. 9а
Тел./факс: (495) 234-43-15; тел.: (495) 958-19-00, доб. 111, 117
E-mail: publish@col.ru**

Подписано в печать

Сдано в печать

Отпечатано ООО «Гамма цвета»

Формат 60 x 90/16

Усл. печ. л. 32

Печать офсетная

Зак. №

Тираж 3000